

NORDIC AND BALTIC STUDIES REVIEW

2019
Issue 4

**Междисциплинарный научно-образовательный центр FENNICA
Петрозаводского государственного университета**

Interdisciplinary Research and Educational Centre for Baltic and Finnish Studies “FENNICA”
Petrozavodsk State University

**Междисциплинарный научно-образовательный центр NORDICA
Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН**

Interdisciplinary Research and Educational Centre for Northern European Studies “NORDICA”
Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre,
Russian Academy of Sciences

**АЛЬМАНАХ СЕВЕРОЕВРОПЕЙСКИХ И БАЛТИЙСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ
NORDIC AND BAL TIC STUDIES REVIEW**

Вып. 4 / Issue 4

**Петрозаводск
Издательство ПетрГУ
2019**

УДК 94(48)+94(474)+94(47)

ББК 63.3(4)+63.3(2)

А

Международный научный электронный журнал <http://nbsr.petrSU.ru>

Главный редактор — И. Р. Такала
Ответственный секретарь — А. В. Толстикова

Редакционный совет

Богатырёв Сергей, Великобритания
Валге Яак, Эстония
Валцак Войцех, Польша
Вишавайнен Тимо, Финляндия
Гиеровская-Каллаур Иоанна, Польша
Ерусалимский К. Ю., Россия
Карелин В. А., Россия
Котлярчук Андрей, Швеция
Кюнгт Энн, Эстония
Линдквист Уле, Исландия
Муллонен И. И., Россия
Нымм Елена, Эстония
Пересветов-Мурат Александр, Швеция
Селин А. А., Россия
Суни А. В., Россия
Таннберг Тыну, Эстония
Янке Карстен, Дания

Редакционная коллегия

Брюггеман Карстен, Эстония
Голубев Алексей, Канада
Джаксон Т. Н., Россия
Илюха О. П., Россия
Котт Мэтью, Швеция
Кривоноженко А. Ф., Россия
Мюклебуст Кари Ага, Норвегия
Рупасов А. И., Россия
Ряйхя Антти, Финляндия
Соломещ И. М., Россия

Разработка и техническая поддержка РЦНИТ ПетрГУ

Адрес редакции: 185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33, каб. 413

E-mail: nbs-ed@petrsu.ru

ISSN 2541-8165

© МНОЦ FENNICA ПетрГУ, 2019

© МНОЦ NORDICA ИЯЛИ КарНЦ РАН, 2019

© Авторы, 2019

© Техническая поддержка — РЦНИТ ПетрГУ, 2019

International academic journal <http://nbsr.petsu.ru>

Editor-in-Chief — Irina Takala
Editorial Secretary — Aleksandr Tolstikov

Editorial Council

Sergei Bogatyrev, UK
Konstantin Erusalimskiy, Russia
Joanna Gierowska-Kallaur, Poland
Carsten Jahnke, Denmark
Vladimir Karelin, Russia
Andrej Kotljarchuk, Sweden
Enn Küng, Estonia
Ole Lindquist, Iceland
Irma Mullonen, Russia
Jelena Nõmm, Estonia
Alexander Pereswetoff-Morath, Sweden
Adrian Selin, Russia
Leo Suni, Russia
Tõnu Tannberg, Estonia
Jaak Valge, Estonia
Timo Vihavainen, Finland
Wojciech Walczak, Poland

Editorial Board

Karsten Brüggeman, Estonia
Alexey Golubev, Canada
Olga Ilyukha, Russia
Tatjana Jackson, Russia
Matthew Kott, Sweden
Kari Aga Myklebost, Norway
Alexander Rupasov, Russia
Antti Räihä, Finland

Technical support — PetrSU, RCNIT

Address of the editorial office: room 413, 33, Lenin Str., 185910, Petrozavodsk, Republic of Karelia, Russia

E-mail: nbs-ed@petsu.ru

© PetrSU, Interdisciplinary Research and Educational Centre for Baltic and Finnish Studies “FENNICA”, 2019

© Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences, Interdisciplinary Research and Educational Centre for Northern European Studies “NORDICA”, 2019

© Authors, 2019

© Technical support — PetrSU, RCNIT, 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРОВ	8
EDITORS' FOREWORD	9

СТАТЬИ/ ARTICLES

Екатерина Носова, Дмитрий Вебер, Елена Шепилова, Юлия Баскакова, Григорий Кузнецов, Роман Кузнецов / Ekaterina Nosova, Dmitrii Veber, Elena Shepilova, Iulia Baskakova, Grigoriï Kužnetsov, Roman Kužnetsov

МАЛАЯ ЛИТОВСКАЯ ПЕЧАТЬ СИГИЗМУНДА СТАРОГО ИЗ АРХИВА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ИНСТИТУТА ИСТОРИИ РАН: ВНЕШНЯЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ / THE SMALL LITHUANIAN SEAL OF SIGISMUND THE OLD FROM THE ARCHIVES OF THE SAINT PETERSBURG INSTITUTE OF HISTORY (RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES): EXTERNAL CHARACTERISTICS AND TECHNOLOGICAL ANALYSIS	11
---	----

Юрий Шикалов / Yuri Shikalov

ОТ «МИЛОСТИ БОЖЕСКОЙ» — К ВОЛЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ. РЕГУЛИРОВАНИЕ РОЖДАЕМОСТИ В РОССИИ И В БЕЛОМОРСКОЙ КАРЕЛИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX СТОЛЕТИЯ / FROM THE “GRACE OF GOD” TO THE WILL OF MAN. BIRTH CONTROL IN RUSSIA AND IN THE WHITE SEA KARELIA IN THE LATE 19th — EARLY 20th CENTURY	28
--	----

Светлана Яловицына / Svetlana Ialovitsyna

РЕЛИГИОЗНЫЙ ДИСКУРС В БИОГРАФИЧЕСКИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ-МУСУЛЬМАН В РЕСПУБЛИКЕ КАРЕЛИЯ НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВВ. / RELIGIOUS DISCOURSE IN THE BIOGRAPHIC INTERPRETATIONS OF MUSLIM MOVERS IN THE REPUBLIC OF KARELIA ON THE TURN OF THE 20th–21st CENTURIES	44
--	----

Ольга Бурдакова, Елена Нымм / Olga Burdakova, Jelena Nõtt

НАРВСКИЕ «СВАДЕБНЫЕ ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТИ» КАК КОМПОНЕНТЫ ЛОКАЛЬНОГО ТЕКСТА / NARVA “WEDDING SIGHTS” AS COMPONENTS OF THE LOCAL TEXT	64
---	----

Елена Марковская / Elena Markovskaia

КЛАССИФИКАЦИЯ ЖАНРОВ ФОЛЬКЛОРА РУССКОГО И ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ В БАЗЕ ДАННЫХ ФОЛЬКЛОРНОГО АРХИВА ИЯЛИ КарНЦ РАН / CLASSIFICATION OF RUSSIAN AND FINNO-UGRIAN FOLKLORE GENRES IN THE DATA BASE OF THE FOLKLORE ARCHIVE OF THE ILLH (KarRC, RAS)	96
---	----

**АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН В ЛИТЕРАТУРЕ СЕВЕРНОЙ
ЕВРОПЫ. К 220-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПОЭТА / ALEXANDER
PUSHKIN IN NORDIC LITERATURE. DEDICATED TO THE 220th
ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF THE POET**

Елена Дорофеева / Elena Dorofeeva

**ПУШКИН В МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ / PUSHKIN IN WORLD
LITERATURE 110**

Елена Дорофеева / Elena Dorofeeva

ПУШКИН И ШВЕЦИЯ / PUSHKIN AND SWEDEN 118

Ольга Маркелова / Olga Markelova

ПУШКИН В ДАНИИ / PUSHKIN IN DENMARK 136

Ольга Маркелова / Olga Markelova

**ТВОРЧЕСТВО ПУШКИНА НА ФАРЕРСКОМ ЯЗЫКЕ: ПОЭТ НА БРЕГЕ /
THE WORKS OF PUSHKIN IN FAROESE: THE POET ON THE SHORE..... 146**

Ольга Ермакова / Olga Ermakova

**А. С. ПУШКИН В НОРВЕЖСКИХ ПЕРЕВОДАХ / ALEXANDER PUSHKIN IN
NORWEGIAN TRANSLATIONS 149**

Ребекка Трауиндоттир / Rebekka Bráinsdóttir

**А. С. ПУШКИН В ИСЛАНДСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ. ПЕРВЫЙ
И ПОСЛЕДНИЙ / ALEXANDER PUSHKIN IN ICELANDIC LITERATURE.
THE FIRST AND THE LAST..... 158**

Ярослава Новикова / Yaroslava Novikova

**ПУШКИН В ФИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ / PUSHKIN IN FINNISH
LITERATURE 179**

**МАТЕРИАЛЫ НАУЧНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ / PAPERS
OF THE ACADEMIC CONFERENCES**

**ПЕРВЫЙ РОССИЙСКО-ФИНЛЯНДСКИЙ СЕМИНАР МОЛОДЫХ
ИСТОРИКОВ (9 ОКТЯБРЯ 2019 Г., МОСКВА) / THE FIRST RUSSIAN-
FINNISH SEMINAR OF YOUNG HISTORIANS (OCTOBER 9, 2019, MOSCOW)**

Игорь Лиман / Igor Liman

**ISOVIINA В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ФИНЛЯНДИИ / ISOVIINA
IN THE HISTORICAL MEMORY OF FINLAND 206**

Олеся Глех / Olesia Plekh

**ЧИСЛЕННОСТЬ СЛУЖАЩИХ ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВОЙ
ПОЛОВИНЕ XIX в. / THE NUMBER OF EMPLOYEES IN OLONETS PROVINCE
IN THE FIRST HALF OF THE 19th CENTURY 218**

Денис Хоменко / Denis Khomenko

ФИНСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ ВЕРХНИЙ СУЭТУК ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА: КРАТКИЙ ОБЗОР / THE FINNISH SETTLEMENT OF VERKHNI SUETUK IN THE SECOND HALF OF THE 19th — EARLY 20th CENTURY: A BRIEF OVERVIEW231

Никита Николаев / Nikita Nikolaev

ПЕРЕГОВОРЫ О ПЕРЕМИРИИ В РАЯЙОКИ — ПРЕЛЮДИЯ К ТАРТУСКОЙ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ / THE TRUCE TALKS IN RAJAJOKI — A PRELUDE TO THE TARTU PEACE CONFERENCE 242

РЕЦЕНЗИИ/ REVIEWS

Jacob Bell / Джейкоб Белл

REVIEW OF / РЕЦ. НА КН.: Simon Franklin, *The Russian Graphosphere, 1450–1850* (Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2019), 414 p. **258**

Александр Кривоноженко / Aleksandr Krivonozhenko

РЕЦ. НА КН. / REVIEW OF: Инна П. К. В краю калевальских песен: тропой Лённрота по Беломорской Карелии, очерк о земле Беломорской Карелии. Петрозаводск: Периодика; Кухмо: Юминкеко, 2019. 464 с. **262**

Елена Дубровская / Elena Dubrovskaja

РЕЦ. НА КН. / REVIEW OF: Roselius A., Silvenmoinen O. Villi itä: Suomen heimosodat ja Itä-Euroopan murros 1918–1921. Helsinki: Tammi, 2019. 366 s. **276**

Алекси Майнио / Aleksi Mainio

РЕЦ. НА КН. / REVIEW OF: Volanen R. Nuori Suomi sodan ja rauhan Euroopassa 1918–1922. Helsinki: Otava, 2019. 448 s. **282**

Antti Kujala / Антти Куяла

SANDARMOKH — FACTS INSTEAD OF POLITICKING. REVIEW OF / САНДАРМОХ — ФАКТЫ ВМЕСТО ПОЛИТИЧЕСКИХ ИГР. РЕЦ. НА КН.: Sergei Verigin and Armas Mashin, *Sandarmohin arvoitus*, vol. I, *Hiekkakankaiden salatut vainajat*, (S. l.: Johan Bäckman Publications, 2019), 94 p. **286**

Мария Ламм / Maria Lamm

РЕЦ. НА КН. / REVIEW OF: Антология современной исландской поэзии / Сост. и пер. О. А. Маркеловой. М.: ИПО «У Никитских ворот», 2018. 156 с. **291**

БИБЛИОГРАФИЯ / BIBLIOGRAPHY

Наталья Чикина / Natalia Chikina

ЛЕТОПИСЬ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ КАРЕЛИИ 2003 / CHRONICLES OF THE LITERARY LIFE OF KARELIA 2003 304

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ / ACADEMIC LIFE

<i>Илья Соломещ / Ilya Solomesbcb</i>	
АНТТИ ЛАЙНЕ — 70 ЛЕТ / JUBILEE OF ANTTI LAINE	338
<i>Илья Соломещ / Ilya Solomesbcb</i>	
ПРЕДСТАВЛЯЕМ НОВУЮ КНИГУ / NEW BOOK	340
<i>Ээва-Кайса Линна, Пекка Ваара, Эйла Степанова / Eeva-Kaisa Linna, Pekka Vaara, Eila Stepanova</i>	
ЕСТЬ МНОГО РАЗНЫХ КАРЕЛИЙ — ON MONTA ERI KARJALAA — THERE ARE MANY DIFFERENT KARELIAS	342

IN MEMORIAM

<i>Тимо Вихавайнен / Timo Vihavainen</i>	
ПАМЯТИ ОСМО ЮССИЛЫ (14.3.1938–15.3.2019) / TO THE MEMORY OF OSMO JUSSILA (14/03/1938–15/03/2019)	349

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРОВ

В предыдущих выпусках нашего Альманаха преобладали статьи по истории региона. Материалы четвертого выпуска более разнообразны, в них представлены статьи по социальной истории, городской антропологии, фольклористике, сфрагистике.

Особого внимания заслуживает раздел посвященный 220-летию со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина. Мы благодарны нашим авторам, филологам из Москвы, Санкт-Петербурга и Рейкьявика, приславшим интереснейшие материалы о переводах Пушкина в странах Северной Европы. Отдельная благодарность известной московской художнице Евгении Двоскиной за разрешение проиллюстрировать эту подборку её замечательными рисунками из серии «Пушкин с нами».

Традицию публикации материалов значимых конференций года мы продолжили, публикуя четыре доклада российских участников первого российско-финляндского семинара молодых историков. Семинар был проведен 9 октября 2019 г. в Москве в рамках VII Международной научно-практической школы-конференции молодых ученых, организаторы – Институт российской истории РАН и Посольство Финляндии. С докладами, посвященными различным аспектам истории российско-финляндских отношений XVIII-XXI вв., выступили начинающие исследователи из Москвы, Санкт-Петербурга, Петрозаводска, Красноярска, Хельсинки, Ювяскюля и Тампере. Первый опыт показался вполне успешным, и организаторы намерены продолжить это начинание.

Существенно расширился раздел рецензий. В рубрике «Библиография» публикуется научно-библиографический обзор периодики Карелии на национальных языках за 2003 г. В рубрике «Научная жизнь» представлен интересный материал по стартовавшему российско-финляндскому научно-просветительскому проекту «Есть много разных Карелий — *On monta eri Karjalaa*».

Альманах набирает силу, становится всё более известным в научном мире. В июне 2019 г. он включён в Европейский индекс цитирования по гуманитарным и социальным наукам ([ERIH PLUS](https://erihplus.eu)).

Надеемся, что и этот выпуск «Альманаха североευропейских и балтийских исследований / *Nordic and Baltic Studies Review*» будет интересен и полезен нашим читателям.

Ирина Такала
Александр Толстик
Александр Кривоноженко
Петрозаводск, 18 декабря 2019 г.

EDITORS' FOREWORD

The previous issues of *The Nordic and Baltic Studies Review* have mainly featured articles dealing with the history of Northern Europe. The current fourth issue is more diverse and presents articles in such field as social history, urban anthropology, folklore studies, and sigillography.

The current issue features a special section prepared on the occasion of Alexander Pushkin's 220th anniversary. We are grateful to our authors from Moscow, St. Petersburg and Reykjavik who submitted extremely interesting materials on translations of Pushkin's works in Northern Europe. We express a special gratitude to a prominent Moscow artist, Evgeniya Dvoskina, for her permission to reproduce several of her wonderful artwork from the series *Pushkin with us*.

We continue our tradition to present materials from important conferences. This issue includes four papers presented by the Russian participants of the First Russian-Finnish Seminar of Young Historians. The seminar took place on October 9, 2019, as part of the Seventh International Research and Applied Conference of Young Scholars organized by the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences and the Embassy of Finland in Russia. The participants of the seminar included young scholars from Moscow, St. Petersburg, Petrozavodsk, Krasnoyarsk, Helsinki, Jyväskylä, and Tampere who presented papers on a broad range of questions in the history of Russian-Finnish relations from the eighteenth to the twenty-first century. The first experience proved successful and the organizers plan to make the seminar recurrent.

We have significantly expanded the reviews section. The bibliography section presents a bibliography of periodicals published in the Republic of Karelia in the Finno-Ugric languages during 2003. The section *Academic Life* presents interesting materials on the recently launched Russian-Finnish research and outreach project *There Are Many Different Karelias* ("Есть много разных Карелий — On monta eri Karjalaa").

The Nordic and Baltic Studies Review is becoming an increasingly authoritative periodical in its field, and in June 2019 it was included in the European Reference Index for the Humanities ([ERIH PLUS](#)). We hope that our readers will find this issue of *The Nordic and Baltic Studies Review* both interesting and useful.

Irina Takala

Aleksandr Tolstikov

Aleksandr Krivonozhenko

Petrozavodsk, December 18, 2019

СТАТЬИ
ARTICLES

НОСОВА Екатерина Игоревна / NOSOVA Ekaterina

Санкт-Петербургский институт истории РАН / Saint Petersburg Institute of History,
Russian Academy of Sciences

Россия, Санкт-Петербург / Russia, Saint Petersburg

katerinanossova@gmail.com.

ВЕБЕР Дмитрий Иванович / VEBER Dmitrii

Санкт-Петербургский государственный университет / Saint Petersburg State University

Россия, Санкт-Петербург / Russia, Saint Petersburg

d.veber@spbu.ru.

ШЕПИЛОВА Елена Михайловна / SHEPILOVA Elena

Санкт-Петербургский институт истории РАН / Saint Petersburg Institute of History,
Russian Academy of Sciences

Россия, Санкт-Петербург / Russia, Saint Petersburg

yelena_sch@mail.ru.

БАСКАКОВА Юлия Павловна / BASKAKOVA Iulia

Санкт-Петербургский институт истории РАН / Saint Petersburg Institute of History,
Russian Academy of Sciences

Россия, Санкт-Петербург / Russia, Saint Petersburg

yulsja@gmail.com.

КУЗНЕЦОВ Григорий Борисович / KUZNETSOV Evgenii

ООО «Брукер» / Bruker Ltd.

Россия, Москва / Russia, Moscow

Grigory.Kuznetsov@bruker.com.

КУЗНЕЦОВ Роман Григорьевич / KUZNETSOV Roman

Российский технологический университет / Russian Technological University

Россия, Москва / Russia, Moscow

Roman.Kuznetsov@bruker.com

**МАЛАЯ ЛИТОВСКАЯ ПЕЧАТЬ СИГИЗМУНДА СТАРОГО ИЗ АРХИВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ИНСТИТУТА ИСТОРИИ РАН:
ВНЕШНЯЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ***

**THE SMALL LITHUANIAN SEAL OF SIGISMUND THE OLD FROM THE ARCHIVES
OF THE SAINT PETERSBURG INSTITUTE OF HISTORY (RUSSIAN ACADEMY
OF SCIENCES): EXTERNAL CHARACTERISTICS AND TECHNOLOGICAL
ANALYSIS**

Abstract: The results of the technological analysis of the Small Lithuanian Seal of Sigismund I the Old, King of Poland and Grand Duke of Lithuania, are presented. The study has been carried out by means of optical microscopy in reflected and transmitted light (Olympus SZX10, Dino-lite AM4515T8) and X-ray fluorescence analysis (M1-Mistral Bruker). It has been found that the intense red samples collected

* Исследование выполнено при частичной поддержке гранта РФФИ КОМФИ № 18-00-00292 (в составе 18-00-00429 (К)).

from the seal have a heterogeneous structure. The seal is colored with a homogeneous, finely ground pigment, probably cinnabar or vermilion dye. The skippet of the seal has a whitish tint, most likely due to the addition of white lead. The use of these pigments indicates the high status of the owner of the seal, as the cinnabar was expensive and the skippets often either were unpainted or contained chalk. The traces analysis has revealed that the dent in the skippet had initially been cut for the small crown seal, but later on the diameter of the cavity was changed for the small Lithuanian seal. This clearly shows how closely the two chancelleries, the Polish and the Lithuanian ones, were linked, despite their formally independent status.

Ключевые слова / Keywords: Сигизмунд Старый, сфрагистика, малая литовская печать, оптическая микроскопия, рентгенофлуоресцентный анализ / Sigismund the Old, sigillography, Small Lithuanian Seal, optical microscopy, X-ray fluorescence analysis

На протяжении Средних веков в Восточной и Западной Европе печать была основным средством для удостоверения подлинности грамот и придания им законной силы¹. В конце эпохи Средневековья к ней добавилась личная подпись монарха. Эти два атрибута отвечали одновременно многим задачам. К первоначальной функции верификации документа присоединилась вторая — репрезентация власти правителя. Документы, рассылаемые в самые дальние концы владений, символизировали присутствие монарха и были его физическим воплощением, так как зачастую в составе декора и печатей несли на себе его регалии (гербы и эмблемы) и изображение, пусть даже стандартизированное и имевшее мало общего с реальным внешним видом правителя. Наряду с правом чеканки монеты право составления документов и скрепления их собственной печатью было одновременно инструментом и символом власти. В таких обстоятельствах значение имело не только изображение, но и материал, из которого были изготовлены указанные атрибуты. В рамках настоящей статьи мы попытаемся ответить на вопрос, какую информацию (помимо результатов обычного иконографического анализа) может предоставить печать как часть документа. Изучение технологических особенностей печатей требует привлечения в том числе естественнонаучных методов.

Во время описания польских документов из Научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории РАН внимание авторов привлекла печать, удостоверяющая грамоту Сигизмунда Старого (1467–1548)², короля Польши

¹ Roman J. Manuel de sigillographie française. Paris, 1912. P. 2–3.

² Здесь и далее мы будем именовать Сигизмунда «Старым» во избежание путаницы, поскольку польский король Сигизмунд I в качестве великого князя Литовского выступал под именем Сигизмунда II.

и великого князя Литовского³. Документ адресован кафедральному капитулу г. Вильно и датируется началом сентября 1541 г.⁴; место его создания не указано.

Предмет и методы исследования

Грамота составлена на пергамене размером примерно 41×20,5 см, планка — 7,5 см. Текст написан тёмно-коричневыми чернилами, лежащими на поверхности пастозным слоем. Письмо курсивное с длинными выносными элементами и декоративными окончаниями некоторых букв (*Q*, *N*). В первой строке почти все буквы капитальные. Имя короля выписано более крупно и разреженно; начальная *S* имеет размер 50 мм, но не орнаментирована. За исключением небольшого числа декоративных элементов письма, грамота не имеет украшений. Документ находится в неудовлетворительном состоянии: пергамен замят, чернила в некоторых местах осыпались. Имеется шесть сквозных, симметричных относительно линии сгиба отверстий, приведших к полной утрате текста. Пергамен вокруг них значительно более тонкий и рыхлый, чем в прочих местах. Справа на лицевой стороне грамоты перпендикулярно основному тексту располагается помета от 5 августа 1642 г., с личной подписью канцлера Альбрехта Станислава Сапеги. На обороте имеются дорсальные записи, а также небольшой ярлычок с записью «1/А», который может свидетельствовать о происхождении документа, но пока его не удалось соотнести с какой-либо коллекцией.

Документ скреплён вислой печатью круглой формы на двойном пергаменном хвосте. Вокруг прорези в планке, через которую крепится печать, образовались многочисленные разрывы. Печать заключена в объёмную кустодию с высокими (около 5 мм) краями. Сама печать имеет бордовый оттенок, но сколы яркого насыщенного красного цвета (*Илл. 1.А*) позволяют судить о том, что изначально она имела более светлую окраску, а наблюдаемый сегодня тёмный оттенок, по всей вероятности является следствием поверхностного загрязнения. В остальном печать находится в удовлетворительном состоянии. На кустодии имеются небольшие сколы; также в некоторых местах воск кустодии приобрёл слоистую структуру (*Илл. 2*), что является признаком его старения⁵. В центре расположен щит

³ Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Западноевропейская секция. Кол. 29. Карт. 472. № 2.

⁴ Ввиду плохой сохранности текста точную дату установить сложно, однако формулировка «ante festum nativitatis gloriosissime Virginis Mariae» позволяет определить приблизительные временные рамки.

⁵ *Cozzi, R. Medieval Wax Seals: Composition and Deterioration Phenomena of White Seals // Papier-Restauration. 2003. Bd. 4. S. 11–18; Bartl B., Trejbal J., Ďurovič M., Vašíčková S., Valterová I. Analysis of Efflorescence on Surface of Beeswax Seals // Journal of Cultural Heritage. 2012. Vol. 13. P. 275–284; Bartl B., Havlín J., Trejbal J., Ďurovič M. Efflorescence on the Surface of Beeswax Seals: A Calorimetric Study // Thermochimica Acta. 2013. Vol. 566. P. 292–297; Bartl B., Kobera L., Drábková K., Ďurovič M., Brus J. ‘Wax Bloom’ on Beeswax Cultural Heritage Objects: Exploring the Causes of the Phenomenon //*

с «Погоней», представляющей собой всадника на лошади с мечом в руке. Легенда, заключённая в ленту, гласит: «S[IGILLUM] [SIG]ISMVND[UM] DEI GRA[TIA] MAG[N]I DVC[IS] LITVA[NIAE]». Лента и легенда частично утрачены, однако их восстановление возможно, например, благодаря каталогу Фридриха Августа Фоссберга⁶.

Кустодия неоднородна по своей окраске: различные оттенки коричневого сочетаются с участками цвета слоновой кости; особенно такой окрас характерен для лицевой части ободка кустодии и для мест осыпания материала. Размер кустодии по внешнему краю составляет 8,5 см, по внутреннему диаметру колеблется: примерно половина окружности имеет диаметр 5 см, вторая половина — 4 см. Края срезов обработаны по-разному: часть с большим диаметром имеет округлые края без сколов и почти ровные стенки; часть с меньшим диаметром имеет выщербленные края и неровную поверхность стенок (Илл. 3).

Поскольку оттиск имеет диаметр 4 см, обнажается часть ложа кустодии, и можно видеть, что она прочерчена тонкими полосами, образующими ромбы. Это делалось для улучшения скрепления между кустодией и оттиском. На оборотной стороне кустодии видна окружность диаметром 5 см (Илл. 1.Б). В границах этой окружности кустодия имеет слегка округлую форму, тогда как по краям поверхность скруглена сильно и затем переходит в почти вертикальную (Илл. 1.В). Такая форма наводит на мысль, что кустодия была изготовлена с помощью формы, похожей на блюдце с высокими краями или небольшую чашечку. Это отличает кустодию от многих других, формировавшихся руками, о чём свидетельствуют отпечатки пальцев по всей поверхности, а также от экземпляров, изготовленных с помощью ткани, которая оставила отпечаток, характерный для прямого полотняного плетения⁷. Использование формы позволило придать кустодии почти идеально ровную и симметричную форму. На бортиках заметны пять отверстий примерно одного диаметра, которые оставило орудие с закруглённым концом. Возможно, это следы разметки диаметра углубления для печати.

Для исследования состояния печатей и иконографии использовался стереоскопический микроскоп Olympus SZX10. Для определения пигмента, которым окрашен воск, был проведён рентгенофлуоресцентный анализ (РФА), дающий

Magnetic Resonance in Chemistry. 2015. Vol. 53. P. 509–513; Bartl B., Zapletal M., Urbánek Š., Krejčí Slavíková M., Trejbal J., Hrdlička Z. Why Do Historical Beeswax Seals Become Brittle Over Time? // *Studies in Conservation*. 2019. Vol. 64. Issue 3. P. 138–145.

⁶ *Vossberg F. A. Siegel des Mittelalters von Polen, Lithauen, Schlesien, Pommern und Preussen: ein Beitrag zur Förderung diplomatischer, genealogischer, numismatischer und kunstgeschichtlicher Studien über ursprünglich slavische Theile der preussischen Monarchie*. Berlin, 1854. S. 19. Taf. 13.

⁷ Обзор по технологии изготовления и материалам кустодий в настоящий момент готовится к печати.

поэлементный состав вещества. РФЛА был выполнен на приборе M1-Mistral компании Bruker, имеющем трубку с вольфрамовым (W) анодом мощностью 50 Вт. Прибор даёт возможность определять элементы от титана (Ti) до урана (U), обладает большой измерительной камерой (100×100×100 мм), позволяющей проводить определения неразрушающим методом. Диапазон определяемых массовых концентраций прибора 0,001–100%. Относительная погрешность определения: 0,2% в диапазоне концентраций 40–100%, 0,5% в диапазоне концентраций 2–40%, 30% в диапазоне концентраций менее 2%. Параметры исследования: время 60 сек., сила тока 800 мА, напряжение 50 кВ, в воздушной среде. Все данные автоматически приводились к 100%. Для исследования были предоставлены осыпания, собранные как с самой печати, так и с кустодии. Предварительно осыпания были изучены в проходящем свете при помощи цифрового микроскопа Dino-lite AM4515T8 Edge 1,3 Мп со специализированным программным обеспечением DinoCapture 2.0.

Результаты и обсуждение

Анализ в проходящем свете показал, что осыпания, собранные с печати, имеют неоднородную структуру: в прозрачной массе желтоватого оттенка имеются вкрапления красного цвета, иногда полупрозрачные (Илл. 4.А). Они сильно отличаются друг от друга по форме и размеру. Помимо красных имеются частицы тёмного цвета. В образце кустодии присутствуют тёмные вкрапления (Илл. 4.Б). Данные рентгенофлуоресцентного анализа образцов печати и кустодии представлены в таблице. На иллюстрации 5 изображены образцы с указанием места проведения измерения, а также рентгенограммы.

Исследование первого образца, собранного с самой печати и имеющего насыщенный красный цвет, показало значительное присутствие ртути. Это может свидетельствовать о том, что образец окрашен чистой киноварью или её искусственной разновидностью⁸, без добавления свинцового сурика. Добавка сурика была распространённой практикой, поскольку такой краситель был дешевле киновари⁹. Небольшое количество свинца, присутствующее в образце, может объясняться естественными примесями в киновари. Возможно, с этим же связано

⁸ В Средние века были известны способы получения искусственной киновари (вермильона). См.: Федосеева Т. С. Материалы для реставрации живописи и предметов прикладного искусства. М., 1999. С. 109. В рассматриваемом случае не представляется возможным установить, была использована природная киноварь или искусственная.

⁹ Parra E., Gayo M. D., Serrano A. The Creation of a Database for Wax Seals from Parchment Documents using the Results of Chemical Analysis // ICOM Committee for Conservation. 10th Triennial Meeting, Washington, DC, USA, 22–27 August 1993: Preprints. Paris, 1993. P. 37–41; Jonynaite D., Latvyte G., Ragauskienė D., Mysteries of “Cera di Spagna”: Investigation of Historical Wax Seals in Lithuanian Collections // Care and Conservation of Manuscripts. 2016. Vol. 15. P. 249–267. Cwiertnia E., Alias A., Dryburgh P. Analysis of the Materiality of Royal and Governmental Seals of England with a Focus on the Great Seals (1100–1300): Methodology and Findings // A Companion to Seals in the Middle Ages / Ed. by L. J. Whatley. Leyden; Boston, 2019. P. 19–56.

и присутствие железа. Кроме того, железо могло попасть на печать с текста, так как в ту эпоху наиболее распространенными были железо-галловые чернила. Наличие свинца можно объяснить также тесным соседством печати с кустодией, в которой обнаружено более 90% свинца и немного ртути. Значительное содержание свинца, возможно, свидетельствует о том, что кустодия была окрашена свинцовыми белилами. Чаще всего кустодии были из чистого воска¹⁰ или с добавлением мела, который увеличивал количество восковой массы.

Таблица 1. Содержание элементов, присутствующих в образцах печати и кустодии:

Наименование элементов	Элемент/Содержание, % вес		
	Hg	Pb	Fe
Печать (образец 1)	99,7	0,1	0,2
Кустодия (образец 2)	0,6	99,4	0,0

Прочие элементы присутствуют в следовых количествах, что наглядно проиллюстрировано на рентгенограмме. Судить об их значимости в настоящее время не представляется возможным из-за отсутствия достаточного массива данных и особенностей измерительного прибора. На нём невозможно определить присутствие легких элементов, кальций отслеживается только в значительных количествах, таким образом, нельзя судить о наличии добавок мела в воске как самой печати, так и кустодии.

Анализ состава печати и кустодии позволяет сделать несколько замечаний о физическом состоянии документа в целом. При просмотре документов на просвет вокруг отверстий были замечены потемнения, по диаметру схожие с размером отпечатка печати (Илл. 6). Можно было бы предположить, что повреждения произошли в результате контакта между пергаменом и печатью. Однако в аналогичных случаях, когда печать плотно прилегает к пергамену, такие повреждения не были обнаружены. Напротив, иногда большая часть пергамена имеет повреждения (например, розоватые пятна), а зона, контактирующая с печатью, находится в хорошем состоянии. Это можно объяснить тем, что материалы красных печатей — воск, киноварь или свинцовый сурик — имеют защитные свойства. Таким образом, вредное влияние печати на пергамен маловероятно. Возможно, причиной разрушений стал материал серого цвета с крупными разнородными вкраплениями, похожий на вату, который вложен в углубление в кустодии, чтобы избежать механических повреждений хрупкой печати. Однако такая гипотеза требует дальнейших исследований.

¹⁰ Jabłońska E. Metody wykonywania pieczęci woskowych // Ochrona Zabytków. 1998. Т. 51. Nr. 2 (201). S. 147–155.

Выводы

Использование киновари в качестве красителя для печати было важным признаком статуса. Восковые печати красного цвета, использовались, как правило, королями, архиепископами и князьями¹¹. У других представителей знати печати были из зелёного или бесцветного воска. Для использования воска, окрашенного в красный цвет, необходимо было иметь привилегию от короля¹². Полученные результаты полностью согласуются с результатами исследования Бируты Гиедрайтиене¹³. Проведённый анализ дал дополнительное подтверждение её выводам. Печать Сигизмунда Старого была окрашена только киноварью без примеси свинцового сурика, т. е. для изготовления печати применялся более дорогой и чистый, без добавок, материал.

Не менее интересен тот факт, что ложе кустодии имеет двойной диаметр. Видимо, углубление в кустодии начали вырезать под печать большего размера, но затем диаметр изменили. Принимая во внимание, что к середине XVI в. размер малой печати великого князя Литовского не превышал 4 см¹⁴, можно заключить, что первоначально кустодия вырезалась для другой печати. После сравнения с прочими экземплярами печати Сигизмунда Старого можно выдвинуть предположение, что, вероятнее всего, кустодия была подготовлена под малую коронную печать¹⁵. Учитывая, что документ адресован виленскому кафедральному капитулу, вполне объяснимо, что Сигизмунд Старый в данном случае выступал в качестве великого князя Литовского.

¹¹ О связи цвета окрашивания воска и социального статуса в ВКЛ см., например, *Rimša E. Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės antspaudų vaškas XIII–XVIII a. // Lituanistica. 1997. Nr. 3 (31). P. 3–17; Polechow S., Butyrski M. Pieczęć kniazia Iwana Olgimuntowicza Holszańskiego // Inter Regnum et Ducatum: Studia ofiarowane Profesorowi Janowi Tęgowskiemu w siedemdziesiątą rocznicę urodzin. Białystok, 2018. S. 441–461 (в данном случае 460–461).*

¹² В 1522 г. Сигизмундом Старым было даровано разрешение использовать печати красного воска канцлеру Великому княжеству Литовскому Альбрехту Гапштольду (См.: *Lietuvos Metrika. Vilnius, 1998. Knyga Nr. 1 (1380–1584) / Ed. A. Baliulis, R. Firkovičius. Nr. 622. P. 126*) и трокскому воеводе Константину Острожскому (См.: *Archiwum książąt Lubartowiczów Sanguszków w Sławucie / Wyd. B. Gorczak. Lwów, 1890. T. 3 Nr. CCXLI. S. 235–236*). Можно также отметить красновосковую печать 1519 г. Николая Радзивилла. Подробнее см.: *Čižauskas K. Didiko valdžia, humanistai ir raudonas vaškas: Mikalojaus Radvilos suteiktis žemioniui Jonui Slavskiui // Istorijos Šaltinių tyrimai / Ed. A. Dubonis. Vilnius, 2018. T. 6. P. 143–172.*

¹³ *Giedraitienė B. Vaško antspaudų sudėties tyrimai // Lietuvos mokslų akademijos biblioteka. [Utena], 2009. T. 2005/2006. P. 11–32.* Авторы благодарят С. В. Полехова за предоставленную информацию.

¹⁴ В качестве сравнения можно привести следующие данные: *Pieczęć mała (mniejsza) Wielkiego Księstwa Litewskiego // Lietuvos nacionalinė Martyno Mažvydo biblioteka [Электронный ресурс]. URL: <http://pergamentai.mch.mii.lt/IstoriniaiLietDok/amazasis.pl.htm> (15.09.2019).*

¹⁵ См.: большие печати Великому княжеству Литовскому: *Przywieszana wielka (większa) Wielkiego Księstwa Litewskiego // Ibid. URL: <http://pergamentai.mch.mii.lt/IstoriniaiLietDok/adidysis.pl.htm> (15.09.2019)*; малые печати Великому княжеству Литовскому: *Pieczęć mała (mniejsza) Wielkiego Księstwa Litewskiego*; большие и малые коронные печати: *Pieczęcie królów polskich // Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie [Электронный ресурс]. URL: https://agad.gov.pl/?page_id=972 (15.09.2019).*

Однако как король Польский и великий князь Литовский, он имел большую и малую как польскую, так и литовские печати¹⁶. В связи с отсутствием окружающих центральный щит пяти гербов (два родовых герба и три — земель) — характерной особенности большой литовской печати¹⁷ — можно сделать вывод, что анализируемая нами печать является малой литовской княжеской печатью Сигизмунда. Подтверждением служит, например, малая литовская печать Казимира Ягеллончика, схожая по своей иконографии с рассматриваемой печатью¹⁸. Обе большие печати Сигизмунда по диаметру существенно превышали 5 см. Разница между малой коронной и малой великокняжеской литовскими печатями составляла приблизительно 10 мм, что объяснялось их разным статусом: королевская печать была старше великокняжеской подобно тому, как король Польский в иерархии стоял выше великого князя Литовского. Таким образом, диаметр малой коронной печати составляет примерно 5 см, и, вероятно, изначально кустодия была изготовлена именно для неё.

Поскольку в рассматриваемое время Сигизмунд, вероятнее всего, находился в Вильно¹⁹, можно предположить, что в литовской канцелярии могли храниться и заготовки для коронных печатей, что может свидетельствовать о контактах между польской и литовской канцеляриями, несмотря на их формальную независимость друг от друга.

¹⁶ Żebrowski T. O pieczęciach dawnej Polski i Litwy. Kraków, 1865. S. 4–5; Gumowski M., Haising M., Mikucki S. Sfragistyka. Warszawa, 1960. S. 181. При Казимире Ягеллончике использовалась также средняя печать (*sigillum mediocre*). См.: Gumowski M. Pieczęcie królów polskich. Kraków, 1910. S. 19 (Nr. 29. Tabl. XI); Wyczańska K. O zaginionych pieczęciach Kazimierza Jagiellończyka // Przegląd Historyczny. 1958. T. 49. Nr. 3. S. 530–537; Mikulski W. O pieczęci średniej litewskiej Kazimierza Jagiellończyka Przyczynek do dziejów sfragistyki gospodarskiej XV wieku // Studia Źródłoznawcze. 2002. Nr. 40. S. 89–93.

¹⁷ Наличие нескольких гербов наряду с «Погоней» характерно для большой печати Великого княжества Литовского.

¹⁸ Gumowski M., Haising M., Mikucki S. Sfragistyka. S. 181.

¹⁹ Gasiorowski A. Itineraria dwu ostatnich Jagiellonów // Studia historyczne. 1973. T. 16. Nr. 2 (61). S. 249–275 (здесь 251, 267). Также благодарим С. В. Полехова за консультацию.

Илл. 1.А. Печать Сигизмунда Старого. Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Западноевропейская секция. Кол. 29.

Карт. 472. № 2. Лицевая сторона.

Илл. 1.Б. То же. Обратная сторона.

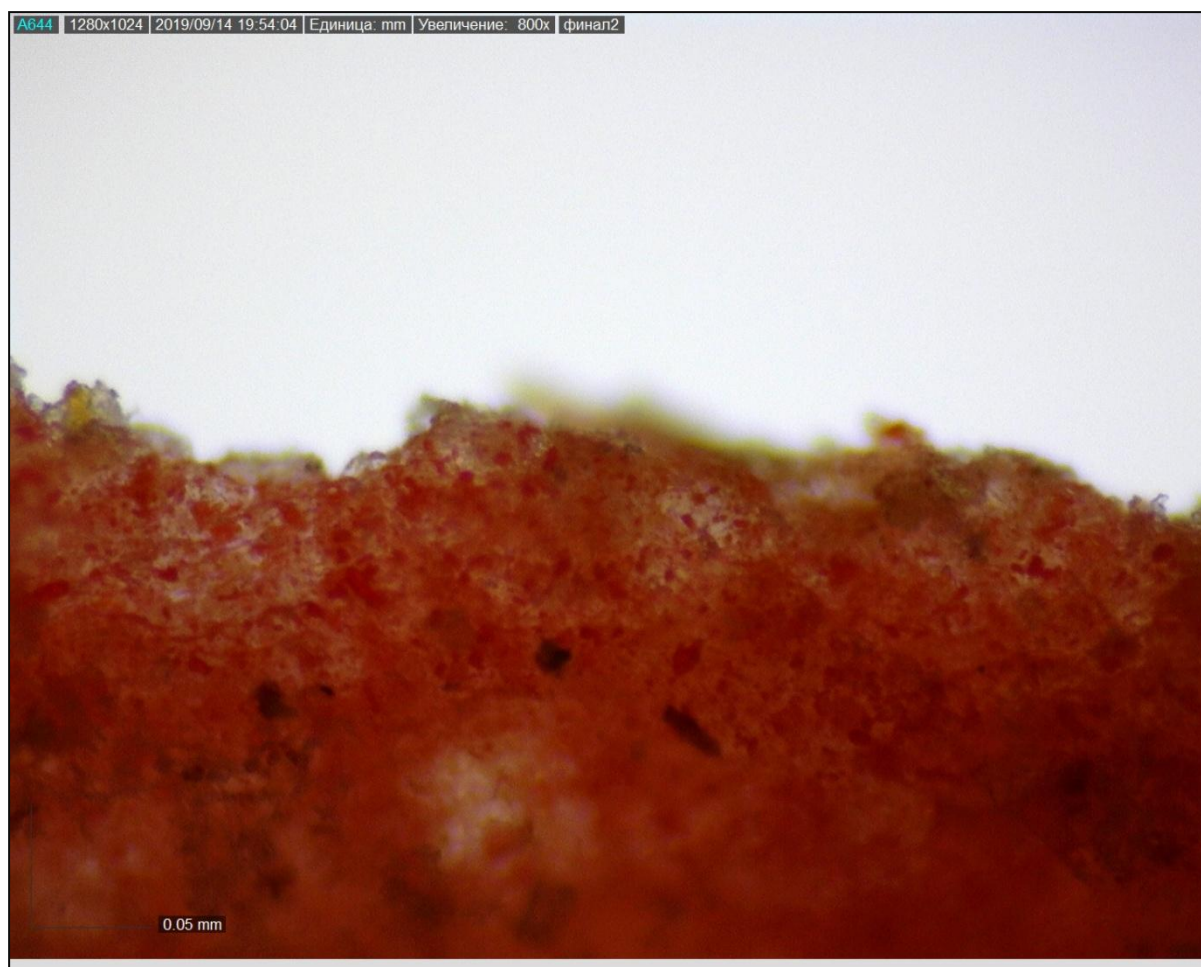
Илл. 1.В. То же. Профиль.

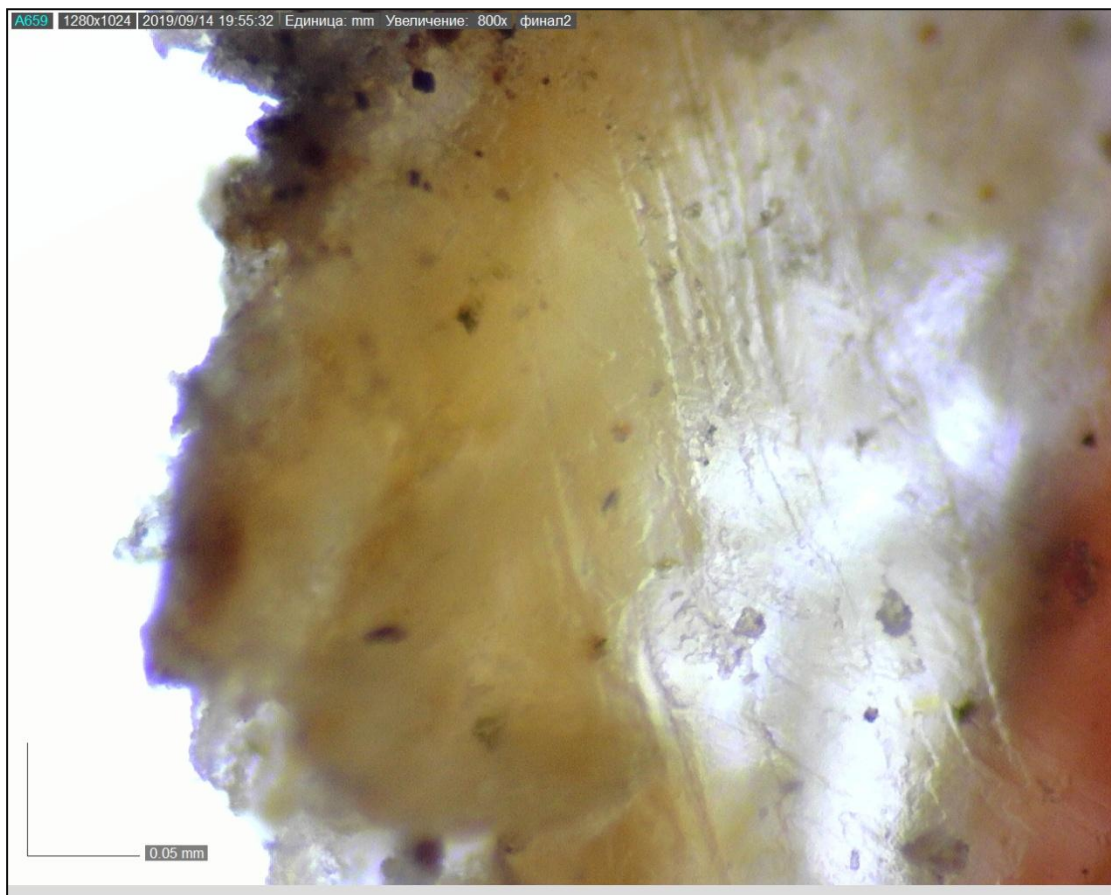
Илл. 2. Кромка кустодии.

Илл. 3. Внутренние края кустодии.

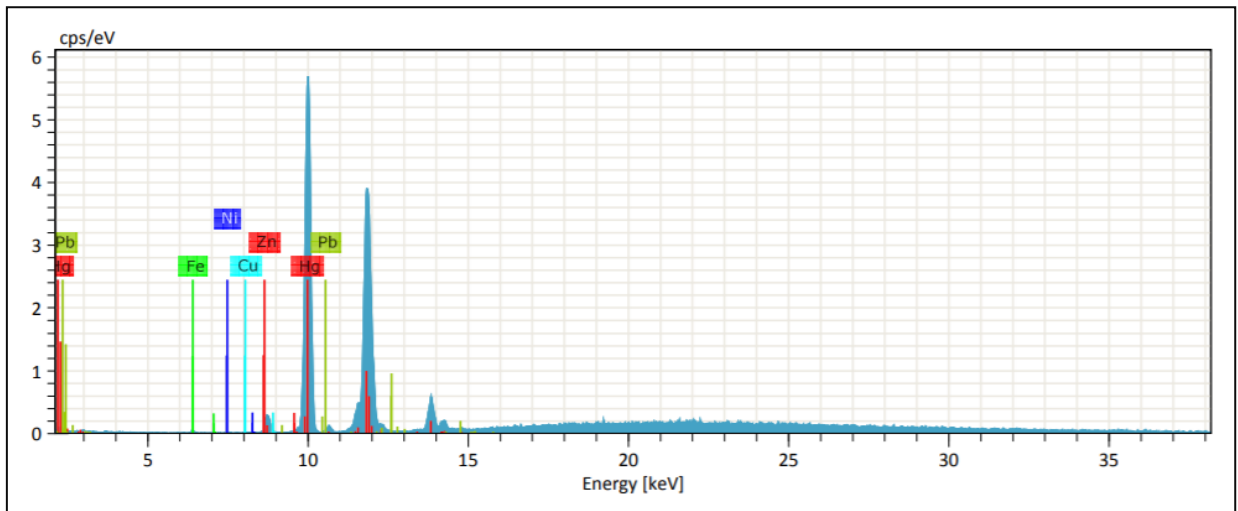
Илл. 4.А. Образец 1 (печать). 800 крат.

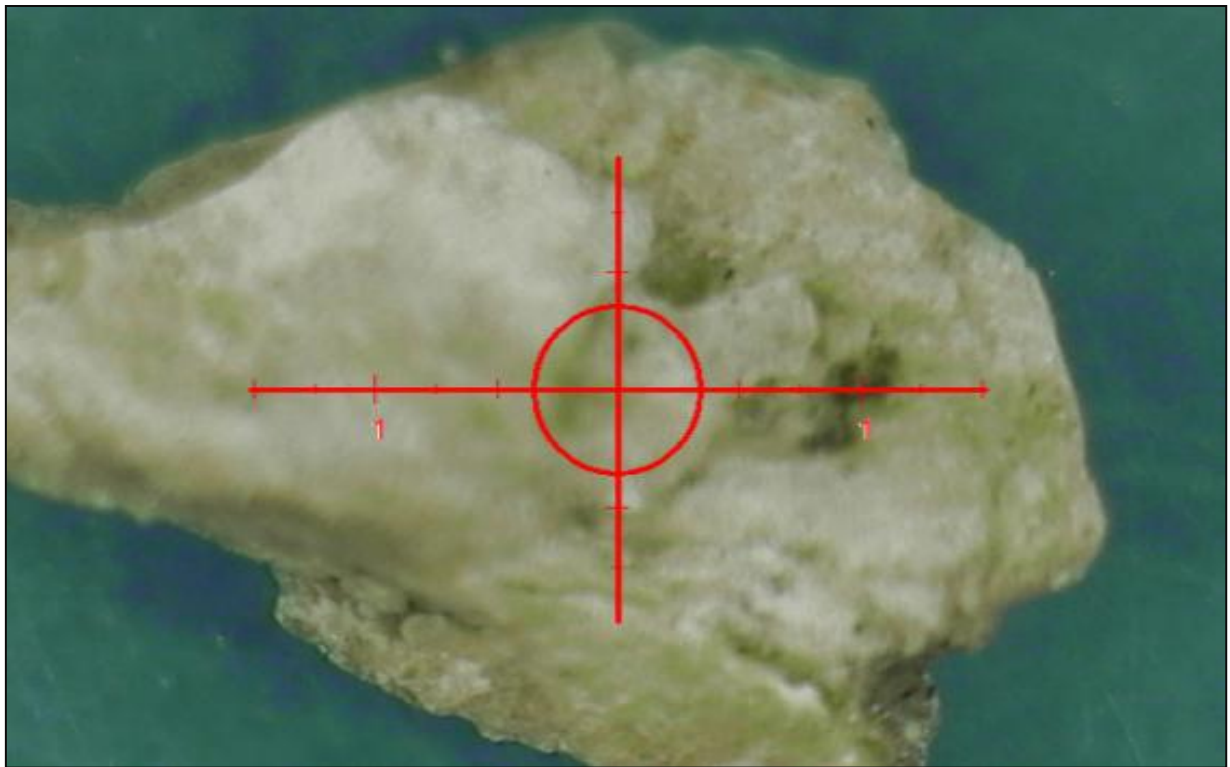
Илл. 4.Б. Образец 2 (кустодия). 800 крат.

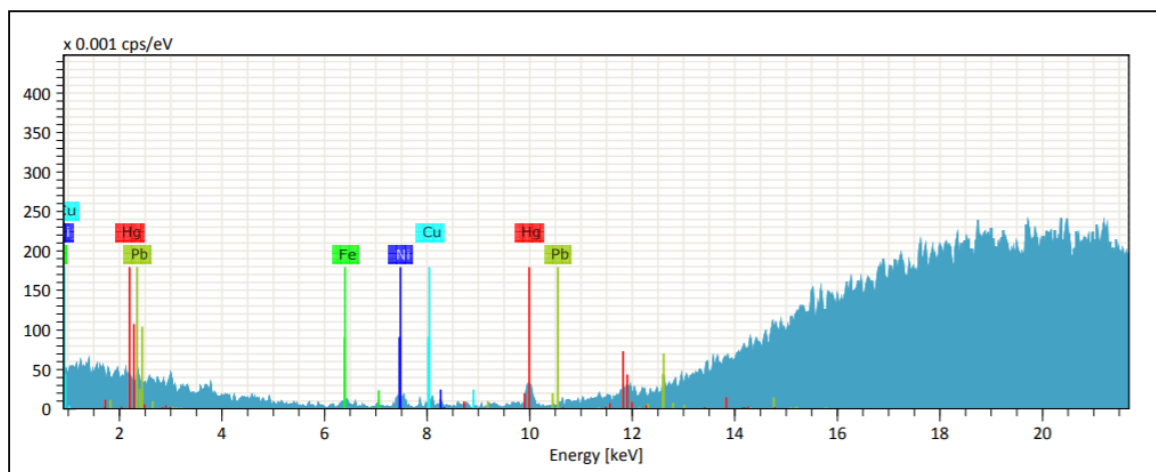
Илл. 5.А. Образец 1 (печать) с указанием места проведения измерения × 100.

Илл. 5.Б. Образец 1 (печать). Рентгенограмма РФА.

Илл. 5.В. Образец 2 (кустодия) с указанием места проведения измерения $\times 100$.

Илл. 5.Г. Образец 2 (кустодия). Рентгенограмма РФА.

Илл. 6. Повреждение пергамента. Фото в проходящем свете.

Список литературы

Груша, А. И. Документальная письменность Великого Княжества Литовского (конец XIV — первая треть XVI в.) / А. И. Груша. — Минск : Беларуская навука, 2015. — 465 с.

Федосеева, Т. С. Материалы для реставрации живописи и предметов прикладного искусства / Т. С. Федосеева. — Москва : РИО ГосНИИР, 1999. — 120 с.

Benjamin, B. Analysis of Efflorescence on Surface of Beeswax Seals / B. Benjamin, J. Trejbal, M. Ďurovič, S. Vašíčková, I. Valterová // *Journal of Cultural Heritage*. — 2012. — Vol. 13. — P. 275–284.

Bartl, B. Why Do Historical Beeswax Seals Become Brittle Over Time? / B. Bartl, M. Zapletal, Š. Urbánek, M. Krejčí Slavíková, J. Trejbal, Z. Hrdlička // *Studies in Conservation*. — 2019. — Vol. 64, issue 3. — P. 138–145.

Bartl, B. Efflorescence on the Surface of Beeswax Seals : a Calorimetric Study / B. Bartl, J. Havlín, J. Trejbal, M. Ďurovič // *Thermochimica Acta*. — 2013. — Vol. 566. — P. 292–297.

Bartl, B. 'Wax Bloom' on Beeswax Cultural Heritage Objects : Exploring the Causes of the Phenomenon / B. Bartl, L. Kobera, K. Drábková, M. Ďurovič, J. Brusć // *Magnetic Resonance in Chemistry*. — 2015. — Vol. 53. — P. 509–513.

Cozzi, R. Medieval Wax Seals : Composition and Deterioration Phenomena of White Seals / R. Cozzi // *Papier-Restaurierung*. — 2003. — Bd. 4. — S. 11–18.

Cwiertnia, E. Analysis of the Materiality of Royal and Governmental Seals of England with a Focus on the Great Seals (1100–1300) : Methodology and Findings / E. Cwiertnia, A. Alies, P. Dryburgh // *A Companion to Seals in the Middle Ages* / ed. by L. J. Whatley. — Leyden ; Boston : Brill., 2019. — P. 19–56.

Giedraitienė, B. Vaško antspaudo sudėties tyrimai / B. Giedraitienė // *Lietuvos mokslų akademijos biblioteka*. [Utena] : Utenos Indra, 2009. — T. 2005/2006. — P. 11–32.

Gąsiorowski, A. Itineraria dwu ostatnich Jagiellonów / A. Gąsiorowski // *Studia historyczne*. — 1973. — T. 16, Nr. 2 (61). — S. 249–275.

Gumowski, M. Pieczęcie królów polskich / M. Gumowski. — Kraków : Tow. Numizmatyczne, 1910. — 94 s.

Gumowski, M. Sfragistyka / M. Gumowski, M. Haising, S. Mikucki. — Warszawa : Instytut historii Polskiej Akademii Nauk, 1960. — 266 s.

Jabłońska, E. Metody wykonywania pieczęci woskowych / E. Jabłońska // *Ochrona Zabytków*. — 1998. T. 51, Nr. 2 (201). — S. 147–155.

Jonynaite, D. Mysteries of “Cera di Spagna” : Investigation of Historical Wax Seals in Lithuanian Collections / D. Jonynaite, G. Latvyte, D. Ragauskienė // Care and Conservation of Manuscripts. — 2016. — Vol. 15. — P. 249–267.

Mikulski, W. O pieczęci średniej litewskiej Kazimierza Jagiellończyka Przyczynek do dziejów sfragistyki gospodarskiej XV wieku / W. Mikulski // Studia Źródłoznawcze. — 2002. — Nr. 40. — S. 89–93.

Parra, E. The Creation of a Database for Wax Seals from Parchment Documents Using the Results of Chemical Analysis / E. Parra, M. D. Gayo, A. Serrano // ICOM Committee for Conservation. 10th Triennial Meeting, Washington, DC, USA, 22–27 August 1993 : preprints. — Paris : Allen Press, 1993. — P. 37–41.

Pieczęcie królów polskich // Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie [Электронный ресурс]. — URL: https://agad.gov.pl/?page_id=972. — (15.09.2019).

Pieczęć mała (mniejsza) Wielkiego Księstwa Litewskiego // Lietuvos nacionalinė Martyno Mažvydo biblioteka [Электронный ресурс]. — URL: <http://pergamentai.mch.mii.lt/IstoriniaiLietDok/amazasis.pl.htm>. — (15.09.2019).

Polechow, S. Pieczęć kniazia Iwana Olgimuntowicza Holszańskiego / S. Polechow, M. Butyrski // Inter Regnum et Ducatum : studia ofiarowane Profesorowi Janowi Tęgowskiemu w siedemdziesiątą rocznicę urodzin / red. P. Guzowski, M. Liedke, K. Boroda. — Białystok : Instytut Badań nad Dziedzictwem Kulturowym Europy, 2018. — S. 441–461.

Przywieszana wielka (większa) Wielkiego Księstwa Litewskiego // Lietuvos nacionalinė Martyno Mažvydo biblioteka [Электронный ресурс]. — URL: <http://pergamentai.mch.mii.lt/IstoriniaiLietDok/adidysis.pl.htm>. — (15.09.2019).

Rimša, E. Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės antspaudų vaškas XIII–XVIII a. / E. Rimša // Lituanistica. — 1997. — Nr. 3(31). — P. 3–17.

Roman, J. Manuel de sigillographie française / J. Roman. — Paris : A. Picard, 1912. — VII, 401 p.

Vossberg, F. A. Siegel des Mittelalters von Polen, Lithauen, Schlesien, Pommern und Preussen : ein Beitrag zur Förderung diplomatischer, genealo-gischer, numismatischer und kunstgeschichtlicher Studien über ursprünglich slavische Theile der preussischen Monarchie / F. A. Vossberg. — Berlin : Unger, 1854. — 46 s.

Wyczańska, K. O zaginionych pieczęciach Kazimierza Jagiellończyka / K. Wyczańska // Przegląd Historyczny. — 1958. — T. 49, Nr. 3. — S. 530–537.

Żebrawski, T. O pieczęciach dawnej Polski i Litwy / T. Żebrawski. — Kraków : Drukarnia Uniwersytetu Jagellońskiego, 1865. — 196 s.

ШИКАЛОВ Юрий Геннадьевич / SHIKALOV Yuri
Университет Восточной Финляндии / University of Eastern Finland
Финляндия, Йоэнсуу / Finland, Joensuu
yury.shikalov@uef.fi

**ОТ «МИЛОСТИ БОЖЕСКОЙ» — К ВОЛЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ.
РЕГУЛИРОВАНИЕ РОЖДАЕМОСТИ В РОССИИ И В БЕЛОМОРСКОЙ
КАРЕЛИИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX СТОЛЕТИЯ**

FROM THE “GRACE OF GOD” TO THE WILL OF MAN. BIRTH CONTROL
IN RUSSIA AND IN THE WHITE SEA KARELIA IN THE LATE 19th —
EARLY 20th CENTURY

Abstract: The article is a slightly revised excerpt from the author's dissertation. It was published in Finland in 2007. The title for this work was a Karelian proverb, which literally sounds like “A cuckoo in the forest is joy, a child in the family is joy.” The dissertation considered issues related to the birth of children, infant mortality and illegitimate children in peasant families of the White sea Karelia in the second half of the 19th – early 20th century. The work was published in Finnish and now it is currently being translated into Russian. This article presents a brief outline of methods of birth control in peasant families in the study period.

Ключевые слова / Keywords: Регулирование рождаемости, контрацепция, аборт, крестьянская семья, Россия, Беломорская Карелия / Birth control, contraception, abortion, peasant family, Russia, White sea Karelia

От стихийного процесса к искусственному урегулированию

По определению историка Бориса Миронова, издавшего в конце прошлого века фундаментальный труд по социальной истории Российской империи, репродуктивное поведение, или говоря иначе — забота о продолжении рода, определяется демографическим менталитетом общества¹. Выражение «демографический менталитет» можно вкратце пояснить словами: отношение к деторождению. Типичный для русского крестьянства в XIX столетии высокий уровень рождаемости создает впечатление, что в крестьянском сообществе на продолжение рода не влияли никакие ограничения, и крестьяне никак не пытались ограничить количество детей.

Борис Миронов в своем раннем труде о демографическом поведении крестьянства в России характеризует тогдашнее «воспроизводство» в русских крестьянских семьях словами «стихийный процесс»². Позднее Миронов дает следующее определение демографического менталитета русских крестьян: «Освященный церковью брак и рожденные в нем дети — святое дело. Православный

¹ *Миронов Б.* Социальная история России периода Империи (XVIII–XX вв.). СПб., 1999. Т. 1. С. 160.

² *Его же.* Традиционное демографическое поведение крестьян в XIX – начале XX в. // Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР. М., 1977. С. 98–99.

человек обязан иметь семью и детей, и чем раньше, тем лучше. Холостое состояние безнравственно. Дети — Божья благодать, противодействовать каким бы то ни было способом зачатию и рождению — грех. Детей рождается и умирает столько, сколько Богу угодно»³.

Очевидно, что Миронов был прав в своих определениях. Тем не менее, некоторые сведения, приводимые медиками и этнографами того времени, говорят о том, что крестьяне далеко не всегда смирялись со «стихийностью процесса» или Божьей волей, а стремились тем или иным образом ограничить количество детей. Подобное стремление существовало в человеческом обществе издревле. Американский социолог и экономист Норман Химес (Norman Himes), написавший историю контрацепции еще в 1930-х годах, приводит в своей книге массу всевозможных способов, к которым женщины разных стран прибегали с целью предотвращения беременности на протяжении сотен лет. Обычная вода, *coitus interruptus* или прерванный половой акт и многие другие уловки применялись людьми уже задолго до начала XX века⁴.

Несмотря на определенный фатализм по отношению к деторождению, крестьяне в России тоже не были абсолютно пассивны в вопросах ограничения рождаемости. Доктор Василий Демич в своем обширном труде «Очерки русской народной медицины», изданном в 1889 г., приводит внушительный список снадобий, которые крестьянки употребляли, когда хотели избежать нежелательной беременности или прервать ее. Большая часть этих «противозачаточных средств» и средств для умерщвления зародыша в утробе матери представляла собой растительные настои. Среди снадобий встречались и весьма ядовитые, такие, например, как ртуть и свинцовые белила. Применялась и обычная вода. В некоторых местностях женщины, например, верили, что если с утра выпить на пустой желудок стакан горячей воды, то это предотвращает зачатие⁵.

В русских крестьянских семьях, пожалуй, самым известным способом регулирования рождаемости было увеличение срока кормления грудью⁶. Крестьянки намеренно годами не отучали детей от груди, если они не хотели, чтобы следующая беременность наступила слишком скоро. Это давало хорошие результаты, поскольку, по данным российских докторов, примерно у 80% кормящих матерей не наблюдалось менструаций в периоды грудного кормления⁷. Способ этот был издавна широко известен во всем мире⁸. Им пользовались и женщины Финляндии. В финских провинциях в конце XIX века этнографами был проведен опрос, одним из вопросов которого звучал следующим образом: «Что надо делать слишком

³ *Его же*. Социальная история России... С. 166–167.

⁴ Himes N. E. Medical history of contraception. New York, 1970. С. 175.

⁵ Демич В. Очерки русской народной медицины. 1. Акушерство // Врач. 1889. № 9–11. С. 226.

⁶ Федоров В. Мать и дитя в русской деревне (конец XIX — начало XX в.) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1994. № 4. С. 17; Балов А. Рождение и воспитание детей в Пошехонском уезде Ярославской губернии // Этнографическое обозрение. 1890. № 3. С. 99–100.

⁷ Миронов Б. Социальная история России... С. 185.

⁸ Himes N. Medical history of contraception. 1970. С. 66–67.

плодовитым женщинам, чтобы избежать беременности?». Самым распространенным ответом было кормить ребенка грудью два — три года после рождения⁹.

Православная церковь осуждала подобное поведение. По церковным канонам естественный период грудного кормления не должен был быть продолжительнее, чем время между двумя Великими постами, т. е. не более двух лет. Если мать не отрывала ребенка от груди по истечении этого срока, то это считалось грехом¹⁰. Это, однако, не останавливало крестьянских женщин, устававших от постоянных «сносей» и родов, и некоторые из них продолжали кормить детей грудью иногда даже в течение четырех, а то и пяти лет. Если же свой ребенок больше не желал сосать грудь, то в качестве «младенцев» использовали даже щенков, не говоря уже о прочих противоестественных способах замены грудного кормления¹¹.

Наряду с искусственным удлинением сроков грудного кормления употреблялись и другие способы предотвращения беременности. Разумеется, невозможно выяснить, как часто и какие способы контрацепции крестьяне России использовали во время любовных утех. Об этих деликатных делах не говорили никому, поскольку занятие сексом ради секса считалось грехом и любые противозачаточные средства осуждались церковью. Например, прерванный половой акт был признан греховным уже в книге Ветхого Завета¹². Церковные нормы, осуждавшие любые «плотские страсти», тем не менее не всегда были властны предотвратить греховные связи. По данным социолога и антрополога Игоря Кона в российских деревнях сексуальная жизнь была довольно свободной, особенно среди молодежи¹³.

Аборты

Традиционные способы контрацепции, к которым крестьяне прибегали в XIX столетии, отнюдь не всегда были эффективными и зачастую не спасали от беременности. У женщин в случае неудачи с предохранительными мерами было два выхода: либо подчиниться «Божьей воле» и родить, либо попробовать прервать нежелательную беременность. Собственно, термин «аборт» становится известным

⁹ Архив Финского Литературного общества (KRA, SKS): Duodecim E 188, 189.

¹⁰ Афиногенов А. Жизнь женского населения Рязанского уезда в период детородной деятельности женщины и положение дела акушерской помощи этому населению. СПб. 1903. С. 98–99; Чарушин А. Уход и воспитание детей у народа // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1914. № 18. С. 599.

¹¹ Миронов Б. Социальная история России... 1999. С. 185.

¹² Ветхий Завет. Бытие 38: 8–10: «8. И сказал Иуда Онану: войди к жене брата твоего, женись на ней, как деверь, и восстанови семя брату твоему. 9. Онан знал, что семя будет не ему, и потому, когда входил к жене брата своего, изливал [семя] на землю, чтобы не дать семени брату своему. 10. Зло было пред очами Господа то, что он делал; и Он умертвил и его».

¹³ Кон И. Сексуальная культура в России. Клубничка на березке. М., 1997. С. 38–42.

в российской науке лишь в начале XX века. До этого говорили об «истреблении плода» или об «искусственном выкидыше»¹⁴.

В народе было известно множество способов истребления плода. Например, упомянутый выше доктор Демич приводит пример, как 28-летняя «многороженица» пыталась избавиться от беременности: «1) несколько дней подряд пила утором раствор серого мыла, отчего ее слабило, порою рвало, и только; 2) пила раствор синьки, тоже напрасно; 3) принимала по полрюмки пороху вместе с водкою, тоже без результата; 4) усиленно мяла и била кулаком низ живота до того, что кровь показалась в половых частях, и все-таки беременность шла своим чередом и кончилась нормальными родами, двойней»¹⁵.

Несчастливая женщина использовала только малую часть из обширного арсенала средств, применявшихся в народе для прерывания беременности. К счастью, упомянутые доктором средства отличались относительной безопасностью и не привели к смерти «многороженицы». Нередко результаты были гораздо более трагичными, поскольку отчаявшиеся женщины прибегали к крайне опасным для жизни способам прерывания беременности. Как писал доктор Афиногенов в своей диссертации, посвященной изучению жизни женщин Рязанского уезда, на первом месте в списке этих способов стояли «механические» действия, а именно «поднимание тяжестей, прыгание со стола или скамейки, тугое бинтование и разминание живота». Эти способы тоже отличались относительной безопасностью, но если они не помогали, то прибегали к более радикальным методам. Использовались средства, «находившиеся под рукой»: «травы, толченый янтарь, порох, иногда и живая ртуть». В начале XX столетия, по наблюдениям доктора, участились случаи употребления внутрь фосфора. Фосфор употреблялся «в виде настоя головок от простых серных спичек». Доктор констатирует, что фосфор действительно убивал плод, но при этом чаще всего погибала и сама женщина¹⁶.

Женщины вынуждены были прибегать к таким рискованным способам умерщвления плода, поскольку проведение абортов закономерно, у специалистов, было запрещено. Российское законодательство позволяло делать аборт только в тех случаях, когда беременность угрожала жизни женщины. Даже это послабление было сделано лишь в конце XIX века. При этом операцию могли делать только врачи, которых в российской провинции было крайне недостаточно. В российской глубинке большую часть родов у крестьянских женщин принимали специально обученные на курсах повитухи. По закону они не имели права «ни по чьей просьбе

¹⁴ Линский А. Выкидыш // Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. СПб., 1892. Т. VII. С. 510–511; Г. С. [Слиозберг Г. Б.] Вытравление плода // Там же. С. 568–569.

¹⁵ Демич В. Очерки русской народной медицины. С. 226.

¹⁶ Афиногенов А. Жизнь женского населения Рязанского уезда... 1903. С. 58–59; Логинов К. Семейные обряды и верования русских Заонежья. Петрозаводск, 1993. С. 26–27.

употреблять никаких средств для предотвращения преждевременного от беременности разрешения». Напротив, повитухи были обязаны «доносить немедленно надлежащему начальству» о любых случаях проведения аборт и даже о просьбах об истреблении плода¹⁷.

Против абортов было настроено и само деревенское общество. Сельская община жила в условиях постоянного социального контроля, и скрыть последствия любовных утех от бдительных глаз родственников и односельчан было абсолютно нереально. При этом отношение крестьян к добрачным половым связям было довольно лояльным. Добрачная беременность не вызывала особого осуждения. Напротив, считалось, что таким образом будущая жена доказывала свою способность к продолжению рода. Однако прерывание беременности совершенно не одобрялось. Если крестьяне замечали, что незамужняя женщина «понесла», то она сразу становилась объектом пристального внимания. За беременностью незамужних следили не только родственники, но и местные чиновники и даже полиция.¹⁸ Естественно, что в таких условиях внезапно прервавшаяся беременность сразу же вызывала подозрение и могла привести к судебному расследованию.

Женщин, отважившихся на «истребление плода» и затем попавших в руки правосудия, ожидали строгие наказания. Виновных в проведении аборта наказывали ссылкой в Сибирь на несколько лет. Суду подвергались и те, кто помогал избавиться от нежелательной беременности. Их тоже ожидала ссылка в Сибирь. При этом наказание ужесточалось, если в производстве аборта были уличены специалисты, т. е. врачи, акушерки, повитухи или фармацевты¹⁹.

Закон и общественный контроль, тем не менее, были не в состоянии остановить роста количества абортов в России во второй половине XIX столетия. По словам историка Бориса Миронова, именно в это время сотни тысяч женщин Российской империи начали задумываться о том, как облегчить бремя материнства и уменьшить количество детей²⁰. Перемена в сознании крестьян была настолько существенной, что в 1903 г. известный российский религиозный философ и публицист Василий Розанов издает фундаментальный труд под названием «Семейный вопрос в России», в котором он рассматривает проблемы семейной жизни и нормы морали во взаимоотношениях полов с философской точки зрения. В 1909 г. Розанов написал также статью о снижении рождаемости в западноевропейских семьях, в которой он попытался рассмотреть причины этого

¹⁷ Женское право. Свод узаконений и постановлений, относящихся до женского пола. СПб., 1873. С. 269, 272.

¹⁸ Листова Т. Обряды и обычаи, связанные с рождением и воспитанием детей. Русский Север. Этническая история и народная культура XII–XX века. М., 2004. С. 579–580.

¹⁹ Линский А. Выкидыши; Г. С. [Слиозберг Г. Б.] Вытравление плода.

²⁰ Миронов Б. Социальная история России... 1999. С. 183–184.

явления. По мнению Розанова «жирные курицы не несут яиц», т. е. рост благосостояния населения был основной причиной того, что, например, во Франции рождаемость резко упала. Философ считал, что в России кризис рождаемости в семьях интеллигенции был вызван аналогичными причинами: «бедные размножаются, а богатые — нет»²¹.

В российской провинции улучшение благосостояния или образованности населения вряд ли представляли угрозу снижения рождаемости. Основной причиной, вызывавшей рост количества аборт в крестьянских семьях, были изменения, происходившие в это время сфере трудовой деятельности крестьян. Освобождение крестьян от крепостного права, индустриализация экономики, урбанизация населения и его возросшая мобильность порождали в крестьянской среде определенные социальные проблемы, приводившие к увеличению количества аборт. Так, по мнению демографа Анатолия Вишневого, отходничество в «наиболее промысловых районах» нередко превращало брак в «фикцию». Например, в 1895 году было подсчитано, что в семьях, в которых отходничество являлось основным средством существования, детей было на 43% меньше, чем в «оседлых» семьях²².

Можно предположить, что причиной подобного явления были длительные разлуки супругов, продолжавшиеся месяцами. Отходники находились большую часть времени вне дома и поэтому реже вступали в интимные отношения со своими женами. Второй причиной падения рождаемости в семьях отходников, очевидно, служило то, что мужская половина в них была более сведущей в вопросах контрацепции. Работа в крупных городах и жизнь в чисто мужских артелях являлась и своего рода «школой половой жизни» для молодых крестьян.

На количество аборт влияло также положение женщин. Российский юрист Михаил Гернет докладывал на совещании русской группы Международного Союза криминалистов в 1916 году, что в массе женщин, прибегавших к абарту, имелось два господствующих типа. Первый — это «девушка без сбережений, незамужняя, сама зарабатывающая себе на хлеб», и второй тип — это «замужняя женщина около 40 лет, имеющая нескольких детей», которой было трудно «свести концы с концами и при имеющихся детях»²³.

²¹ Розанов В. Семейный вопрос в России. М., 1903; Розанов В. Старая и молодая Россия. Статьи и очерки. М., 1909. С. 223–224.

²² Вишневский А. Появление внутрисемейного регулирования деторождения // Воспроизводство населения СССР. М., 1983. С. 148.

²³ Гернет М. Истребление плода с уголовно-социологической точки зрения. Отчет X общего собрания русской группы Международного союза криминалистов 13–16 февраля в Петрограде. Пг., 1916. С. 241–242.

К первой категории относились, обычно, молодые крестьянки, перебравшиеся в город на заработки. Эти девушки устраивались, как правило, служанками в богатые дома и нередко становились жертвами сексуальных домогательств со стороны своих работодателей. Прижитый ребенок мог стоить им работы и репутации, и поэтому они и старались избавиться от нежеланного плода как можно скорее. Таких женщин в конце XIX – начале XX столетия становилось все больше. Ко второй категории можно отнести крестьянских матерей из бедных семей, уставших от постоянных беременностей и тягот по уходу за малыми детьми.

Растущее количество случаев «истребления плода» в домашних условиях приводило к смерти сотен и сотен женщин в России. Сложившаяся ситуация вызвала озабоченность в среде российских медиков и юристов, которые пытались решить проблему путем узаконения аборт. Их старания начали приносить некоторые положительные результаты. В конце XIX столетия в законодательстве России наблюдается некоторое смягчение по отношению к аборт. Судебные органы при рассмотрении дел по «искусственным выкидышам» стали принимать во внимание причины и обстоятельства, приведшие к уничтожению плода. К примеру, к незамужним женщинам применялись более мягкие наказания, чем к тем, кто совершал аборт в замужестве²⁴.

Новое законодательство, принятое в 1903 году, вообще значительно облегчило наказания, присуждаемые за аборт. Одновременно начало утверждаться мнение, что борьба с этим злом с помощью законов и судов является безрезультатной и даже вредной. Юристы в конце концов вынуждены были признать, что страх предстать перед судом заставляла несчастных женщин обращаться к тайным «специалистам» либо делать аборт самостоятельно, что только увеличивало число смертельных исходов²⁵.

Профессор-юрист Михаил Гернет поднял вопрос об узаконении абортов на упомянутом выше совещании Союза криминалистов, проходившем в Санкт-Петербурге в 1916 году. В докладе, сделанном на этом совещании, профессор в очередной раз подчеркнул, насколько убийственным являлось законодательство, заставлявшее женщин совершать тайные аборт. Гернет отмечал, что «отмена преступности аборта сохранит больше человеческих жизней, чем охраняет теперь уголовный кодекс жизней эмбриона». Участники совещания одобрили представленные Гернетом предложения по изменению законодательства в отношении искусственного прерывания беременности²⁶. Ситуация, тем не менее, не изменилась, и до полного разрешения абортов дело так и не дошло. Аборт в

²⁴ Г. С. [Слюзберг Г. Б.] Вытравление плода. С. 569.

²⁵ Энциклопедический словарь Товарищества «Бр. А. и И. Гранат и Ко»: Репринтное издание. М., 1996. Том 12. С. 101.

²⁶ Гернет М. Истребление плода с уголовно-социологической точки зрения. 1916. С. 237–239.

императорской России оставались вне закона и были легализованы лишь в советской России, в 1920-х годах²⁷.

Причиной того, что аборт не удалось убрать из категории преступных деяний, была, очевидно, церковь. Позиция церкви в этом отношении оставалась непоколебимой: аборт — это убийство. По учению православной церкви считалось, что человек получает душу от Бога будучи еще во чреве матери, во второй половине беременности, когда плод начинает двигаться. Это утверждение объясняло, почему православное общество относилось к аборту, как к убийству. Аборт, как и всякое другое убийство, «уничтожал душу» и поэтому должен был быть уголовно наказуем²⁸. Более того, церковь считала, что матери, убивающие своих зародышей, являются убийцами вдвойне, поскольку они не только убивают своих детей, но и пытаются совершить самоубийство. По церковным канонам виновны и наказуемы были и те люди, которые помогали несчастным женщинам избавляться от нежелательной беременности²⁹.

Официально разрешенные аборт совершались в России крайне редко. По данным историка Бориса Миронова в 1840–1890 годы во всех родильных учреждениях Российской империи было зарегистрировано лишь 247 случаев разрешенных абортов, произведенных по причине угрозы жизни роженицам³⁰. Эти зарегистрированные аборт представляли собой вершину айсберга, ибо количество незаконных абортов превышало их во много сотен раз. По подсчетам профессора Гернета в начале XX столетия в одной лишь Москве производилось около 10 000 абортов ежегодно, а во всей империи это число было несравнимо больше³¹.

Подсчитать сколько тысяч младенцев было убито в утробе и сколько женщин погибло при попытках избавиться от нежеланных детей было совершенно невозможно. Незаконные аборт проводились в глубокой тайне, и лишь незначительная часть преступлений, связанных с «искусственными выкидышами», становилась известной правосудию. Тем не менее, аборт являлся одним из самых распространенных причин, за которые российские женщины получали уголовное наказание. По данным статистики, например, в 1910 году искусственное прерывание беременности стояло на третьем месте в списке преступлений, совершенных женщинами. Первые два места в этом списке занимали детоубийство и воровство³².

²⁷ Миронов Б. Социальная история России... 1999. С. 182.

²⁸ Листова Т. Обряды и обычаи... 2004. С. 578–579.

²⁹ Булгаков С. Настольная книга для священно-церковно-служителей. 2-е изд. М., 1993. Ч. II. С. 971.

³⁰ Миронов Б. Социальная история России... 1999. С. 181.

³¹ Гернет М. Истребление плода с уголовно-социологической точки зрения. 1916. С. 237–239.

³² Хвостов В. Женщина и человеческое достоинство. М., 1914. С. 368.

Регулирование рождаемости в Беломорской Карелии

Подсчеты, проведенные автором по данным метрических книг карельских приходов Кемского уезда, показали, что рождаемость в Беломорской Карелии была значительно ниже, чем на Европейской территории России вообще. В Беломорской Карелии средний показатель рождаемости в период с 1876 по 1904 год был всего лишь около 35‰, тогда как на Европейской территории России этот показатель был близок к 50‰. В то же время карельские крестьянки рожали практически столь же часто, как и женщины в финской провинции Кайнуу, расположенной по соседству с Беломорской Карелией (см. график). Поскольку в Кайнуу рождаемость не особенно отличалась от средней рождаемости в сельской местности Финляндии, то, можно сказать, что рождаемость в семьях Беломорской Карелии была на одном уровне со средними показателями рождаемости в Финляндии. В Великом княжестве эти показатели в конце XIX столетия находились примерно на уровне 35‰³³.

Рождаемость в Беломорской Карелии и соседних регионах в 1876–1904 гг.

Источники: Вишневский А. Появление внутрисемейного регулирования деторождения. // Воспроизводство населения СССР. Москва, 1983. С. 133; Strömmer A. Väestöllinen muuntuminen Suomessa. Tornio, 1969. S. 167, 171; Метрические книги приходов Кемского уезда за 1876–1904 гг., микрофильмы KAR 8–29, региональный архив г. Йоэнсуу (JoMA).

В Финляндии в начале XX столетия наблюдаются довольно значительные изменения в показателях рождаемости. Эти изменения были связаны с распространением в семьях способов искусственного ограничения количества детей. Происходил переход к искусственному регулированию рождаемости. Этот процесс

³³ Strömmer A. Väestöllinen muuntuminen Suomessa. Tornio. 1969. S. 34, 167, 180–181; Turpeinen O. Lastensuojelu ja väestökehitys // Suomen lastensuojelun historia. Helsinki, 1987. S. 355; Turpeinen O. Kainuun historia II. Väestö ja talous 1721–1982. Kajaani, 1985. S. 51, 232–233; Koskinen S. et al. Suomen väestö. Hämeenlinna 1994. S. 316.

являлся частью глобальных изменений в демографическом поведении населения Западной Европы вообще и получил название «демографического перехода»³⁴. Во время демографического перехода неустойчивый баланс высокой смертности и высокой рождаемости населения менялся на более стабильный баланс низкой смертности и низкой рождаемости. В западноевропейских странах демографический переход происходил в течение XIX века, местами в начале XX века. В сельских регионах Финляндии радикальные изменения в показателях рождаемости и смертности начались в начале 1900-х годов, а в городах — на десяток лет раньше³⁵.

В Финляндии, как и во всей Российской империи, в конце XIX столетия тоже наблюдался рост количества аборт. Особенно эта тенденция была заметна в Выборгской губернии и в провинции Южное Саво³⁶. Ранее, в период шведского владычества, финские крестьянки редко осмеливались прибегать к уничтожению плода, поскольку по шведскому закону от 1734 года аборт приравнивался к детоубийству и наказывался смертной казнью. К смерти приговаривались и люди, помогавшие в совершении абортов. По этой причине финские роженицы старались избавиться от нежеланных детей уже после их рождения. Обычным способом в этих случаях было намеренно плохой уход за младенцем³⁷.

После присоединения Финляндии к Российской империи смертная казнь за аборты была заменена каторжными работами в Сибири³⁸. Это несомненно повлияло на увеличение количества абортов. Как и повсюду в России, в финских крестьянских семьях искусственное прерывание беременности удавалось далеко не всегда. Если нежеланный ребенок все-таки появлялся на свет, то последним средством избавиться от него было убийство. Обычным способом убийства было так называемое «засыпание» ребенка. Младенца душили, а в суде объясняли, что произошел несчастный случай: уставшая от дневных забот мать взяла плачущего ребенка из колыбели к себе в постель и заснув нечаянно придушила его своим телом. Условия проживания нередко позволяли замаскировать эти преступления под такие несчастные случаи³⁹.

Причинами демографического перехода обычно считаются развитие промышленности, переход общества от традиционного аграрного к современному промышленному строю, улучшение социальных условий жизни, урбанизацию.

³⁴ Helsti H. Kotisynnytysten aikaan: etnologinen tutkimus äitiyden ja äitiysvalistuksen konflikteista. Helsinki, 2000. S. 220–221; Notkola I-L. Luonnollisesta hedelmällisyydestä lapsirajoitukseen: mikrodemografinen tutkimus hedelmällisyyden transitiosta. Helsinki, 1989. S. 153; Pitkänen K. Suomen väestön historialliset kehityslinjat // Suomen väestö. Hämeenlinna, 1994. S. 53–55.

³⁵ Strömmer A. Väestöllinen muuntuminen Suomessa. S. 9; Notkola I-L. Hedelmällisyys // Suomen väestö. Hämeenlinna, 1994. S. 67–68.

³⁶ Kaukiainen Y. Miksi kansa lisääntyi // Historiallinen aikakauskirja. Helsinki, 1973. S. 118.

³⁷ Ketola O. Lapsenmurhat ja lasten sekä nuorten itsemurhat Suomessa 1751–1980. Turku, 1989. S. 61.

³⁸ Pulma P. Kerjuuluvasta perhekuntoutukseen // Suomen lastensuojelun historia. Helsinki, 1987. S. 50–51.

³⁹ Hämäläinen-Forslund P. Maammon marjat. Entisaikain lasten elämää. Porvoo, 1987. S. 14–16.

В Беломорской Карелии эти факторы не могли повлиять на демографический менталитет жителей, поскольку ни здесь не было ни городов, ни промышленных предприятий. Очевидно, что на падение рождаемости в карельских селах Кемского уезда оказывало влияние усиление связей карельских крестьян с Финляндией.

В конце XIX – начале XX столетия главную роль в экономике многих карельских семей занимает разносная торговля или «коробейничество». Практически каждый молодой карел успевал не один раз «сходить с товаром» в Финляндию и даже в Швецию до того, как он образовывал свою семью. Коробейники ходили не только по деревням, но вели торговлю и в городах. Так финские обычаи и семейные нравы становятся знакомыми многим карельским семьям. Не удивительно, что демографический менталитет населения Беломорской Карелии начал повторять черты демографического менталитета населения восточных регионов Финляндии.

Еще одним показателем близости демографического менталитета беломорских карел к менталитету населения Западной Европы была относительно низкая младенческая смертность. Анализ метрических книг этих карельских приходов Кемского уезда показал, что в 1875–1905 младенческая смертность в Беломорской Карелии находилась в среднем на уровне близком к 100‰, иногда опускаясь даже до 50‰. В то же время младенческая смертность по всем европейским губерниям России никогда не опускалась ниже 230–240‰, а в некоторые годы превышала и 300‰.⁴⁰

На удивительно низкие показатели младенческой смертности в Кемском уезде обращали внимание и доктора, работавшие в Архангельской губернии. Так по оценкам доктора Ульриха в Кемском уезде в 1860-х годах доля умерших до года младенцев составляла лишь около 20%, тогда как в среднем по губернии это число нередко превышало 30%, а во многих российских губерниях доля умерших младенцев часто составляла 50–60% от числа всех умерших. По наблюдениям Ульриха особенно в карельских и саамских семьях Кемского уезда младенческая смертность была очень низкой для своего времени. В поморских семьях уезда младенцы умирали примерно в три раза чаще, чем в семьях карел и саамов⁴¹. Статистик и товарищ председателя Архангельского губернского статистического комитета Герард Минейко, в свою очередь, отмечал, что в уезде в 1870–1880-х годах доля младенцев, умерших в возрасте до одного года, составляла всего 24% от всех

⁴⁰ Новосельский С. Обзор главнейших данных по демографии и санитарной статистике России // Календарь для врачей всех ведомств. Пг., 1916. Ч. 2. С. 64–65.

⁴¹ Ульрих Ф. Кемский уезд и рыбные промыслы на Мурманском берегу во врачебном и экономическом отношении // Записки ИРГО по отделению статистики. СПб., 1878. Т. 5. С. 81, 83.

умерших, тогда как в других регионах Архангельской губернии соответствующее число нередко достигало 50%⁴².

В условиях почти полного отсутствия медицинской помощи в регионе подобную картину можно объяснить лишь тем, что карельские дети находились в более благоприятных условиях и получали лучший уход в первые, решающие месяцы жизни, чем их русские сверстники. Сексуальная активность крестьян находилась в тесной связи с трудовым циклом. По этой причине в сельскохозяйственных областях России большая часть зачатий приходилась на период осени, когда завершались полевые работы и игрались свадьбы. Следствием был пик рождаемости в летние месяцы.

Родившиеся летом младенцы, как правило, получали плохой уход, поскольку во время страды у матерей просто не было ни сил, ни времени для новорожденных. Младенцев часто оставляли под присмотром малолетних нянек и немощных стариков, а материнское молоко нередко заменялось прокисшим питанием из рожков и всяческими «жевками», убивавшими младенцев не хуже, чем эпидемии. Не удивительно, что в летние месяцы в европейских районах России наблюдался пик младенческой смертности

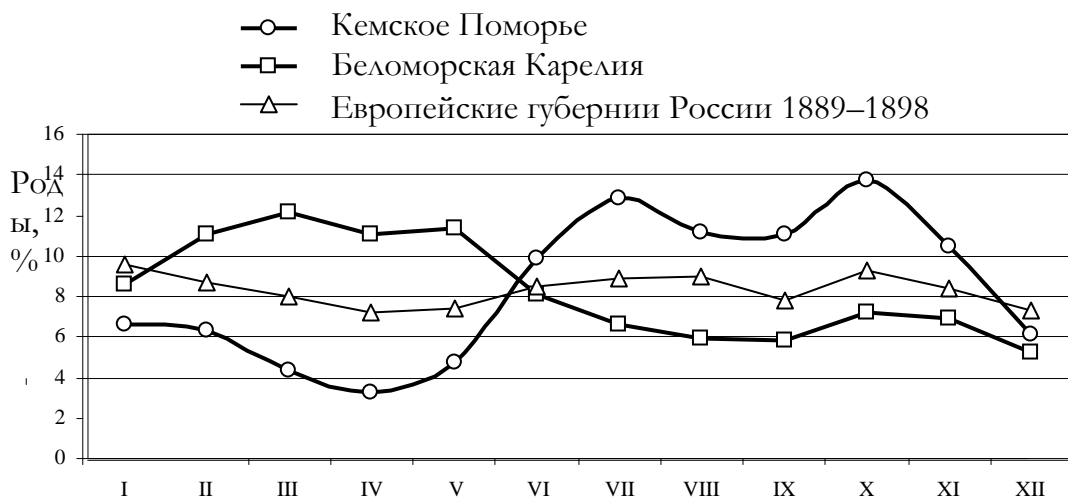
В хозяйствах беломорских карел, где земледелие не имело решающей роли, страдная пора была менее напряженной, и у матерей было больше времени для ухода за младенцами. Кроме того, «календарь рождаемости» в Беломорской Карелии представлял собой почти прямо противоположную картину внутригодовому распределению родов в селах Поморья и губерниях Европейской России вообще (см. график). Разносная торговля и лесозаготовительные работы, являвшиеся основными занятиями карел, разлучали семейные пары на многие месяцы. Естественно, что сексуальная жизнь в карельских семьях замирала в периоды сезонных работ, оживляясь вновь по мере возвращения мужчин с промыслов.

В Беломорской Карелии пик рождаемости приходился на конец зимы, когда рождались дети, зачатые весной. Именно весной большинство карельских корабейников возвращалось домой из Финляндии. Одновременно возвращались домой и крестьяне, занятые на лесозаготовках и перевозках грузов. Не удивительно, что в это время сексуальная жизнь в карельских семьях оживлялась. Подъем рождаемости наблюдался и в конце весны, когда рождались дети, зачатые летом. Пик летней сексуальной активности карельского населения можно объяснить тем, что в это время в Карелии игралось много свадеб. Осенью же, когда русский крестьянин-землепашец, по выражению Ольги Семеновой-Тянь-Шанской был совершенно

⁴² Минейко Г. Особенности смертности сельского населения в уездах Архангельской губернии // Протоколы и труды Общества Архангельских врачей за 1886 год. Архангельск, 1887. Вып. 2. С. 148.

«неукротим» в половой жизни⁴³, беломорские карелы отправлялись в Финляндию и сексуальная жизнь карельских пар затихала.

Распределение родов по месяцам

Источники: Метрические книги приходов Кемского уезда за 1873–1882 г. Региональный архив г. Йёнсуу, *JoMA*, mf. KAR 6–13; *Афиногенов А.* Жизнь женского населения Рязанского уезда... С. 45–46.

Таким образом большинство карельских младенцев начинало свою жизнь весной. И если для русских крестьян-землепашцев конец зимы и весна были далеко не лучшим временем для рождения ребенка, поскольку в это время года во многих хозяйствах заканчивались запасы продовольствия, то в семьях беломорских карел занятия разносной торговлей опять же приводили к тому, что весна являлась для карел временем «сбора урожая». Именно в это время коробейники возвращались домой с выручкой. Кроме того, в этот период от женщин не требовалось особых усилий по ведению хозяйства, и у матерей было достаточно времени для кормления новорожденных грудью и ухода за ними. Это давало карельским детям больше шансов остаться в живых.

В отношении искусственного регулирования рождаемости можно предположить, что обширная география отходничества и длительное нахождение молодых людей в мужских коллективах влияли на сексуальную жизнь в карельских семьях. Карельские подростки, уходившие со старшими товарищами торговать на многие месяцы в города и села Финляндии и Швеции, а также в Санкт-Петербург, наверняка получали более обширное «сексуальное образование», чем их сверстники из глухих русских деревень, жители которых не занимались отходничеством. Недаром карельские девушки предпочитали выбирать в спутники жизни юношей,

⁴³ *Семенова-Тянь-Шанская О.* Жизнь «Ивана» — очерки из быта крестьян одной из черноземных губерний. Записки ИРГО по отделению этнографии. СПб., 1914. Т. 39. С. 59.

ходивших торговать в Финляндию, тогда как не бывавшие в таких походах, виделись им «плохими» женихами⁴⁴.

Конечно, предпочтение «коробейникам» отдавалось, прежде всего, из-за их лучших возможностей обеспечить семью. Однако, можно предположить, что здесь имели влияние и некоторые навыки обхождения с представительницами противоположного пола, полученные юношами в торговых артелях. При этом некорректно утверждать, что в среде карельских крестьян получили широкое распространение средства искусственного регулирования рождаемости. Сведения о способах контрацепции и абортах, применявшихся крестьянами в семьях Беломорской Карелии, являются крайне скудными. Тогдашнее воспитание накладывало табу на сферу жизни, связанную с воспроизведением потомства, и поэтому карельские женщины не рассказывали о способах предотвращения или прерывания беременности даже близким родственникам.

В архивных источниках сохранились лишь отрывочные упоминания о способах искусственного регулирования рождаемости, применявшихся в карельских семьях. Так, имеются сведения о том, что по примеру многих других женщин того времени, карельские крестьянки тоже искусственно удлиняли периоды кормления младенцев грудью с целью предотвращения следующей беременности. Это считалось грехом, но отнюдь не останавливало крестьянок, утомленных частыми родами и обремененных большим количеством детей. Например, крестьянка Марья Вийсянен из села Веддозеро, расположенного в Олонецкой Карелии, рассказывала собирателям фольклора, что женщины иногда кормили грудью детей до пяти лет чтобы избежать следующей беременности⁴⁵.

Наряду с этим «греховным» способом употреблялись и совершенно безобидные средства. Одни женщины считали, что беременность можно предотвратить обмыванием половых органов после совершения полового акта, другие опять же верили, что после близости надо просто окатить всю себя водой или, по крайней мере, смочить голову и область «под сердцем», чтобы не забеременеть. Естественно, самым простым способом был отказ от сексуальных контактов⁴⁶.

Что касается аборт, то и здесь мы не имеем практически никаких сведений. Марина Такало из деревни Оланга Беломорской Карелии, родившая 12 детей, утверждала в своих интервью, данных финскому исследователю Юхе Пентикяйнену, что «каждая женщина должна была родить свою долю». Эта доля была «указана

⁴⁴ *Naakka-Korhonen M.* Halpa hinta, pitkä mitta. Rauma, 1988. S. 78.

⁴⁵ *Keinänen M-L.* Creating Bodies. Childbirth practices in pre-modern Karelia. Stockholm, 2003. P. 94.

⁴⁶ Архив народной поэзии Финского Литературного общества KRA, SKS: Sortavala, Duodecim E 188:221, 1950; Vuokkiniemi, Duodecim E 188:313, 1950; Venäjän Karjala, Inha I. K. 206, 1894; Sortavalan mlk. Duodecim E 188:219, 1950.

свыше», и попытка каким-либо образом ее уменьшить была по мнению Такало «преступлением против порядка, установленного Богом». Очевидно, что столь категоричное мнение Марины Такало обусловлено тем, что она родилась и выросла в старообрядческой среде, где ей привили непоколебимую веру в Божью волю⁴⁷.

Высказывания Марины Такало отнюдь не означают того, что крестьянки Беломорской Карелии совершенно ничего не предпринимали для избавления от нежеланного плода. Наверняка какие-то из способов «истребления плода» были известны местным бабкам-повитухам, специалисткам по принятию родов и применялись ими время от времени. Аборты здесь вряд ли имели широкое распространение, поскольку в карельских семьях рождаемость была низкой, и потребность в избавлении от нежелательного «плода любви» возникала реже, чем в семьях с высокой рождаемостью.

В заключение можно констатировать, что в конце XIX – начале XX столетия демографический менталитет крестьян Беломорской Карелии был ближе к западному, европейскому менталитету, чем к менталитету российских крестьян-землепашцев. Карельские семьи стремились ограничиться лишь необходимым количеством детей. Статистические исследования, проведенные автором на основе метрических книг карельских приходов Кемского уезда, подтверждают, что чаще всего карельские женщины рожали от трех до шести детей. При этом один или два ребенка, как правило, умирали в младенческом возрасте. Таким образом, у многих семейных пар к концу репродуктивного периода было лишь два-три потомка.

Список литературы

Вишневский, А. Появление внутрисемейного регулирования деторождения / А. Вишневский // Воспроизводство населения СССР / ред. А. Вишневский, А. Волков. — Москва : Финансы и статистика, 1983. — 303 с.

Кон, И. Сексуальная культура в России. Клубничка на березке / И. Кон. — Москва : ОГИ, 1997. — 464 с.

Листова, Т. Обряды и обычаи, связанные с рождением и воспитанием детей / Т. Листова // Русский Север: этническая история и народная культура XII–XX вв. / ред. В. Терехов. — Москва : Наука, 2003. — С. 575–660.

Логинов, К. Семейные обряды и верования русских Заонежья / К. Логинов. — Петрозаводск : КарНЦ РАН, 1993. — 228 с.

Миронов, Б. Социальная история России периода Империи (XVIII–XX вв.) / Б. Миронов. — Т. 1. — Санкт-Петербург : «Дмитрий Буланин», 1999. — 548 с.

Миронов, Б. Традиционное демографическое поведение крестьян в XIX — начале XX в. / Б. Миронов // Брачность, рождаемость, смертность в России и

⁴⁷ Pentikäinen J. Marina Takalon uskonto. Helsinki, 1971. S. 315.

СССР / под редакцией А. Вишневого. — Москва : «Статистика», 1977. — С. 83–104.

Федоров, В. Мать и дитя в русской деревне (конец XIX – начало XX в.) / В. Федоров // Вестник Московского университета. — Серия 8, История. — 1994. — № 4. — С. 3–21.

Helsti, H. Kotisynnytysten aikaan: etnologinen tutkimus äitiyden ja äitiysvalistuksen konflikteista / H. Helsti. — Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2000. — 439 s.

Himes, N. E. Medical history of contraception / N. E. Himes. — New York : Schocken Books, 1970. — 553 p.

Hämäläinen–Forslund, P. Maammon marjat. Entisaikain lasten elämää / P. Hämäläinen–Forslund. — Porvoo: WSOY, 1987. — 279 s.

Kaukiainen, Y. Miksi kansa lisääntyi / Y. Kaukiainen // Historiallinen aikakauskirja. — 1973. — № 2. — S. 103–121.

Keinänen, M.–L. Creating Bodies. Childbirth practices in pre-modern Karelia / M.–L. Keinänen. — Stockholm : Stockholms Universitet, 2003. — 321 p.

Ketola, O. Lapsenmurhat ja lasten sekä nuorten itsemurhat Suomessa 1751–1980 / O. Ketola. — Turku : Turun yliopisto, 1989. — 79 s.

Naakka–Korhonen, M. Halpa hinta, pitkä mitta / M. Naakka–Korhonen. — Helsinki : Suomalaisen kirjallisuuden seura, 1988. — 294 s.

Notkola, I.–L. Hedelmällisyys / I.–L. Notkola // Suomen väestö. — [Helsinki] : Gaudeamus, 1994. — S. 64–106.

Notkola, I.–L. Luonnollisesta hedelmällisyydestä lapsirajoitukseen: mikrodemografinen tutkimus hedelmällisyyden transitiosta / I.–L. Notkola. — Helsinki : Suomen väestötieteen yhdistys, 1989. — 225 s.

Pentikäinen, J. Marina Takalon uskonto / J. Pentikäinen. — Helsinki : Suomalaisen kirjallisuuden seura, 1971. — 388 s.

Pitkänen, K. Suomen väestön historialliset kehityslinjat / K. Pitkänen // Suomen väestö. — [Helsinki] : Gaudeamus, 1994. — S. 26–68.

Pulma, P. Kerjuuluvasta perhekuntoutukseen / P. Pulma // Pulma, P. Suomen lastensuojelun historia / P. Pulma, O. Turpeinen. — Helsinki : Lastensuojelun keskusliitto, 1987. — S. 11–264.

Strömmer, A. Väestöllinen muuntuminen Suomessa. Analyttinen kuvaus syntyvyyden, kuolevuuden ja luonnollisen kasvun tähänastisesta kehityksestä ja alueellisesta vaihtelusta / A. Strömmer. — Tornio, 1969. — 188 s.

ЯЛОВИЦЫНА Светлана Эрккиевна / IALOVITSYNA Svetlana

Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН / Institute of Language,
Literature and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences
Россия, Петрозаводск / Russia, Petrozavodsk

jalov@yandex.ru

**РЕЛИГИОЗНЫЙ ДИСКУРС В БИОГРАФИЧЕСКИХ
ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ-МУСУЛЬМАН В РЕСПУБЛИКЕ
КАРЕЛИЯ НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВВ.**

**RELIGIOUS DISCOURSE IN THE BIOGRAPHIC INTERPRETATIONS
OF MUSLIM MOVERS IN THE REPUBLIC OF KARELIA ON THE TURN
OF THE 20th–21st CENTURIES**

Abstract: The article deals with the scenarios of social adaptation of Muslim migrants in the Republic of Karelia. The study is based on biographical interviews conducted in the Republic in 2007–2018. Social adaptation can occur in different spheres, the author is focused on the religious one. In conversations with informants a variety of subjects related to Islam turned up, including public and private practices. The article concerns only public discourse in the life of Karelian Muslims. The main hypothesis of the study was the assumption that the religious sphere is involved in the social adaptation of Muslims in Karelia with varying degrees of intensity and in different contextual narratives. Consequently, there can be many scenarios of social adaptation, including crises of religious identity. The life stories presented in the article (see fragments of the interview) show the diversity of contexts in which the religious identity of Karelian Muslims is formed. At the same time, belonging to gender, age, social groups correlates little with the voiced opinions. Personal experience is more important. The biographical material is supplemented by the author's comments and factual data on the history and situation of Muslims in Karelia in the post-Soviet period.

Ключевые слова / Keywords: Республика Карелия, биография, миграция, переселение, мусульмане, социальная адаптация, мечеть, хиджаб, брак, намаз, гендер, кризис идентичности / Republic of Karelia, biography, migration, resettlement, Muslims, social adaptation, mosque, hijab, marriage, namaz, gender, identity crisis

«Как только вся жизнь меняется для человека непосредственного, и он впадает в отчаяние, он делает ещё один шаг вперёд: ему приходит в голову и кажется удачной мысль — **а что, если стать другим?** Но вот **сумеет ли он затем узнавать себя?** Рассказывают, что некий крестьянин, придя в город босым, заработал там столько денег, что смог купить себе чулки и башмаки, да вдобавок ещё и напиток. В анекдоте говорится, что затем, будучи пьяным и пожелав вернуться, он упал на дороге и заснул. Тут как раз ехала карета, и кучер с криком требовал от него посторониться, чтобы ему не отдавили ног. Наш пьяница, проснувшись, поглядел

на свои ноги и, не узнав их из-за чулок и башмаков, крикнул в ответ: “Проезжайте, это не мои!”»

Сёрен Кьеркегор. «Болезнь к смерти»

Религиозная идентичность человека, так же как этническая и в целом социальная в условиях миграции в инокультурную среду находится под ее сильным давлением¹. Однако и сама эта среда, особенно в век глобальной деревни, ИКТ и усилившейся мобильности населения, тоже динамична.

«Второе рождение» (а может быть и несколько рождений) приходится пережить подавляющему большинству мигрантов. Часто используют понятие «кризис идентичности»², под которым понимается потеря чувства самого себя, невозможность приспособиться к изменившимся обстоятельствам, разрыв между требованиями, предъявляемыми новой ситуацией, и прежними установками и взглядами³. Представление о себе теряет целостность, идентичность «рассыпается»: Кто Я? Какой Я? Что Я могу?⁴

Ситуация непохожести на местное население, чувство плохой включенности в окружение заставляют искать среду, в которой прежние идеалы и навыки могут быть применимы. С другой стороны, носителям иных с принимающим обществом ценностей не так уж просто отказаться от того, к чему они привыкли, поэтому даже при отсутствии организованных форм для объединения, в жизни переселенцев сохраняются те или иные артефакты их прежней жизни, например, одежда с культурными маркерами и пр.

Сценарии социальной адаптации могут включать и религиозные аспекты. В ряде случаев переселенец принимает решения перенять религию большинства. Это, например, характерно для цыган, исповедующих веру тех, среди кого они живут. Часто люди выбирают путь инаковости, сохраняя приверженность тем религиозным традициям, которые связывают их с местом выхода, культурой своей семьи. Могут быть и сценарии формирования разных форм гибридной

¹ Павленко В. Н. Аккультурационные стратегии и модели трансформации идентичности у мигрантов // Психология мигрантов и вынужденных переселенцев: опыт исследований и практической работы. Под ред. Г. У. Солдатовой. М., 2001; Солдатова Г. У., Шайгерова Л. А., Калинин В. К., Кравцова О. А. Психология вынужденных мигрантов: травма, смена культуры, кризис идентичности. М., 2002.

² Шкарин Д. А. Концепт «кризиса идентичности» в современном социально-философском дискурсе: теоретико-методологический аспект // Вестник Челябинского государственного университета. 2018. № 5 (415). Философия науки. Вып. 48. С. 71–77.

³ Хегле В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности // Вопросы философии. 1994. № 10. С.112–123.

⁴ Солдатова Г. У., Шайгерова Л. А. Человек в экстремальных условиях. Психологическая адаптация вынужденных мигрантов // Психологический журнал. Том 23, № 4, 2002. С. 75.

идентичности⁵, третьего пространства⁶, кирпичиками которых являются элементы жизненного опыта каждого конкретного человека, связанные с разными культурными традициями и практиками. В этом случае границы культур перешагиваются незамеченными, происходит отказ от маркировки территории этнокультурными и иными признаками⁷.

Все эти тонкие моменты динамики идентичности трудно рассматривать без использования источников личного происхождения, например биографий. Они часто воспринимаются как вспомогательные источники. Их используют для иллюстрации каких-либо тезисов исследования, поскольку они представляют собой «ненарушенный субъективизм»⁸. При использовании фактов, а не нарративов из биографий, резонно ставится вопрос о необходимости их проверки на достоверность. Всё это верно при использовании биографических источников для традиционного исторического исследования, пытающегося воссоздать или реконструировать общественные процессы и действительность. Однако, как писал П. Бурдьё (1986), биографии имеют дело не столько с социальной реальностью, сколько с обывательской самоинтерпретацией. Следовательно, в дисциплинарном смысле биографии могут представлять не столько исторический материал, сколько социологический, представляющий социальные проекты реально существующих или виртуальных групп населения и персон.

В условиях нарастающего плюрализма общества биографические конструкции становятся все более разнообразными. Они виртуозно перерабатывают события жизни⁹, «позволяют поддерживать правильный контекст»¹⁰.

В этом смысле биографии в последнее время приобретают всё больший интерес. Исследователи размышляют над новыми методиками анализа биографий и целями их использования. Одним из направлений, где биографический метод может быть полезным, являются миграционные исследования.

В центре каждого биографического проекта находится субъект, который вынужден согласовывать свою личную биографию с окружающим контекстом,

⁵ Hall S. Rassismus und kulturelle Identität. Hamburg. 1994.

⁶ [Bhabha H. K.] The Third Space: Interview with Homi Bhabha // Identity, Community, Culture, Difference / Ed. by J. Rutherford. London, 1990.

⁷ Can H. Familien in Bewegung, Ethnographie unterwegs. Migration in transnationalen Räumen zwischen Diaspora und Herkunftsland (Deutschland-Türkei) // Bukow W.-D., Ottersbach M., Tuider E., Yildiz E. Biographische Konstruktionen im multikulturellen Bildungsprozess. Individuelle Standortsicherung im globalisierten Alltag. Wiesbaden. 2006. S. 116.

⁸ Apitzsch U., Fischer W., Koller H.-C., Zinn J. Die Biographieforschung — kein Artefakt, sondern ein Bildungs- und Erinnerungspotential in der reflexiven Moderne // Bukow W.-D., Ottersbach M., Tuider E., Yildiz E. Biographische Konstruktionen im multikulturellen Bildungsprozess. S. 37–63.

⁹ Ibid.

¹⁰ Bukow W.-D., Ottersbach M., Tuider E., Yildiz E. Biographische Konstruktionen im multikulturellen Bildungsprozess // Bukow W.-D., Ottersbach M., Tuider E., Yildiz E. Biographische Konstruktionen im multikulturellen Bildungsprozess. S. 9

«нормализовывать ее»¹¹. Необходимость такой биографической работы становится особенно очевидной в условиях смены места жительства и других радикальных изменений жизни, ведущих к слову или кризису идентичности¹². Чем радикальнее изменения, тем более серьезной будет рефлексивная работа, необходимость снова и снова определять собственное «я»¹³. Биографии мигрантов колеблются между глобальной и локальной «нормальностью»¹⁴. Опыт, приобретенный переселенцем до переезда, никуда не отбрасывается, он обогащается новыми знаниями и практиками, сливаясь в гибридные представления. В результате формируется разнообразный набор сценариев.

В их массе можно найти похожие биографические конструкты не в смысле одинаково складывающейся судьбы, а в смысле логики описания жизненного пути, объяснения мотивов переезда, оценки качества социальной адаптации на новом месте и др. В то же время, при использовании биографий, можно почти всегда говорить о незавершенности¹⁵ палитры личностных интерпретаций.

В статье на примере биографий мигрантов рассматриваются различные аспекты и формы религиозной идентичности мусульман, оказавшихся в последние 20 лет на территории Республики Карелии. Обнаруживаются факты, как устойчивого сохранения традиций, связанных с местами выхода мигрантов, так и скрещивания, смешения, гибридизации культур. Х. Лутц (*Helma Lutcz*) и С. Швалгин (*Susanne Schwalgin*) склоняются к точке зрения, что любая биография — это не просто слепок истории жизни, но и генератор новой комбинации фактов жизни, работа которого обуславливается настоящим¹⁶.

Прежде чем обратиться к биографиям мусульман, несколько слов об институциональном оформлении мусульманских организаций в Карелии¹⁷.

Первые религиозные организации мусульман в Карелии возникли в годы перестройки. В 1989–1990 г. в Костомукше был создан татарский национально-

¹¹ *Bukow W.-D.* Biographische Konstruktionen... S. 11.

¹² *Fabel-Lamla M.* Prozesse der Biographisierung und Professionalisierung bei ehemaligen DDR-Lehrerinnen und -Lehrern nach 1989/90 // *Bukow W.-D., Ottersbach M., Tuider E., Yildiz E.* Biographische Konstruktionen im multikulturellen Bildungsprozess. S. 83–99.

¹³ *Dausien B., Mecheril P.* Normalität und Biographie. Anmerkungen aus migrationswissenschaftlicher Sicht // *Bukow W.-D., Ottersbach M., Tuider E., Yildiz E.* Biographische Konstruktionen im multikulturellen Bildungsprozess. S. 155–179.

¹⁴ *Ibid.*

¹⁵ *Lutcz H., Schwalgin S.* Globalisierte Biographien: Das Beispiel einer Haushaltsarbeiterin // *Bukow W.-D., Ottersbach M., Tuider E., Yildiz E.* Biographische Konstruktionen im multikulturellen Bildungsprozess. S. 110.

¹⁶ *Ibid.* S. 108.

¹⁷ О ходе миграционных процессов в Республике Карелия на рубеже XX–XXI веков см.: *Яловицyna С. Э.* Миграционные процессы в Республике Карелия. 1990–2015 гг. // *Этнокультурные и этнополитические процессы в Карелии: от средних веков до наших дней.* Петрозаводск, 2019. (в печати).

культурный центр «Ханума» во главе с И. Н. Нафигиной, с 1996 г. на его базе образована первая исламская религиозная организация — общество «Ислам», во главе с Н. М. Ахметшиной. Она была зарегистрирована в составе Регионального Духовного управления мусульман (ДУМ) Северо-Западного региона России. Заметной активности она не проявляла, однако в 1998 году один из ее членов создал веб-сайт, ставший одним из первых русскоязычных сайтов мусульманской тематики.

В 1999 году в Петрозаводск приехал русский мусульманин Олег (Мустафа) Стародубцев, который начал создавать новую мусульманскую общину, привлекая в нее преимущественно представителей этнически христианских народов и арабских студентов, обучавшихся в Петрозаводском государственном университете. В этой работе значительное содействие ему оказывал студент-медик палестинского происхождения Аль Бардвил Висам Али Мохамед Ибрагим. В 2000 году петрозаводская община была зарегистрирована в составе Духовного управления мусульман Европейской части России (ДУМЕР), а Бардвил стал именоваться ее имам-хатыбом.

К концу 2000 года Бардвил перевел в юрисдикцию ДУМЕР костомукшскую общину и инициировал создание новой мусульманской общины в городе Кондопоге, которая была зарегистрирована в начале 2001 года. Тем самым была создана необходимая база для регистрации в республике централизованной мусульманской структуры. В конце 2001 года на базе трех карельских общин — петрозаводской, костомукшской и кондопожской, было образовано ДУМ Республики Карелия в составе Совета муфтиев России.

Председателем нового муфтията, прошедшего регистрацию 3 декабря 2001 года, стал Бардвил, оказавшийся первым российским муфтием-арабом. В 2008 году Бардвил развелся со своей женой Викторией-Фатимой Вебер, которая при содействии муфтия Северо-Западного региона России Джагофара Пончаева создала не подчиняющуюся ему общину «Объединение мусульман города Петрозаводска Республики Карелия».

В сентябре 2011 года на очередном съезде ДУМ Республики Карелия было принято решение именовать председателя этой организации «имамом Карелии», а также изменить ее название на Центральную религиозную организацию «Община мусульман Республики Карелия». Новым лидером стал имам-хатыб Абдуль Азиз Дятко¹⁸, вскоре начавший именоваться муфтием Карелии.

¹⁸ Дятко Сергей Александрович (Саид Абдуль Азиз), белорус по происхождению. «Сам я родом из Белоруссии, коренной минчанин, но я считаю Ингушетию — своей первой родиной. Здесь, в Назрани я стал мусульманином, и это событие кардинально изменило мою жизнь»: Саид Абдуль-Азиз Дятко: «Ингушетия — моя первая родина // Республика Ингушетия: Официальный сайт [Электронный ресурс]. 2017. 13 октября. URL: http://www.ingushetia.ru/news/abdul_aziz_said_dyatko_ingushetiya_moya_pervaya_rodina/ (25.12.2019).

В настоящее время на территории Карелии проживает около 5 тысяч человек, исповедующих ислам. В Петрозаводске на религиозные праздники собирается порядка 800 человек.¹⁹

Таблица 1.

«Этнические мусульмане» * Республики Карелия: по данным Всероссийской переписи населения 2010 г. ²⁰

Этносы	Количество	% к общему количеству «этнических мусульман»
Всего	5 358	100
Татары	1 888	35
Азербайджанцы	1 793	33
Узбеки	554	10
Таджики	365	8
Чеченцы	294	5
Башкиры	162	3
Казахи	151	3
Лезгины	151	3
* «Этнические мусульмане» — лица, условно отнесенные к мусульманам вследствие того, что традиционной религией их этнической группы является ислам.		

В на 1 июля 2018 г. в регионе действовало 10 мусульманских общин, наряду с христианскими (215), иудейской (1), буддийской (1).

Таблица 2

Список мусульманских общин Республики Карелия ²¹

Название	Место	Дата регистрации
Централизованная религиозная организация — Община мусульман Республики Карелия	г. Петрозаводск, ул. Муезерская	27.12.2002
Местная религиозная община мусульман (МРОМ) «Община мусульман г. Петрозаводска»	г. Петрозаводск, ул. Муезерская	21.01.2003
МРОМ «Община мусульман г. Кондопоги»	г. Кондопога	29.01.2003
МРОМ «Община мусульман г. Костомукши»	г. Костомукша	30.01.2003
МРОМ «Мусульманская мечеть»	г. Петрозаводск,	25.05.2006

¹⁹ Интервью с муфтием Республики Карелия Абдуль Азиз (Сергей Дятко) // Ежедневник «Аргументы и Факты». 2017. 22 ноября. № 47.

²⁰ Атлас «Исламское сообщество Российской Федерации» / Ред. Силантьев Р. А. М., 2018. 350 с. Илл.: <http://incotec.ru/files/uploads/site.pdf> (25.10.2019).

²¹ Там же.

	ул. Муезерская	
МРОМ «Община мусульман города Олонца»	г. Олонец	25.06.2008
МРОМ «Община мусульман Древянки»	г. Петрозаводск, ул. Муезерская	30.03.2011
МРОМ «Объединение мусульман города Петрозаводска Республики Карелия»	г. Петрозаводск, пер. Ругозерский	22.03.2011
Централизованная религиозная организация — Община мусульман Северо-Запада	г. Петрозаводск, ул. Муезерская	28.06.2012
МРОМ «Община мусульман города Сортавала»	г. Сортавала	17.05.2016

В 2007, 2018 гг. с представителями мусульман Карелии автором было проведено 14 развернутых биографических интервью. Среди опрошенных были представители разных возрастных, половых, национальных и социальных групп. С четырьмя информантами интервью были проведены дважды, но с перерывом в 10 лет, что позволило, с одной стороны, убедиться в достоверности сведений, звучащих в ходе бесед, а с другой проследить динамику биографических интерпретаций. При цитировании в статье указаны вышеназванные характеристики информантов, место и год проведения опроса.

Целью интервью было выяснение сценариев социальной адаптации мигрантов в инокультурной среде²². Для настоящей статьи избраны материалы, связанные с переселенцами-мусульманами и исламскими религиозными практиками, известными в публичном пространстве. При отборе материалов обращалось внимание на дискурсы, связанные с мечетью и ее посещением; ношением религиозной одежды и атрибутов; браками мусульман и др.

О мечетях

В Республике Карелия, хотя в ней и проживало небольшое количество мусульман, до 1990-х годов не ставился вопрос о строительстве мечети. По мере роста общин и их организационного оформления вопрос о месте сбора мусульман приобретал остроту. В ряде интервью упоминались ситуации, в которых, мусульмане становились объектом жалоб местных жителей, ставших свидетелями совершения намаза и восклицаний «Аллах акбар».

Попытки обращаться к властям со стороны мусульманских религиозных общин по поводу строительства или предоставления помещения для религиозных целей предпринимались в гг. Петрозаводск, Костомукша, Олонец. Становясь известными местным жителям, они часто вызвали сопротивление. Информанты оценивали

²² О контактах принимающего общества Карелии и мигрантов в начале XXI века см.: Литвин Ю. В., Яловицына С. Э. Образы «свой — чужой» в глубинных интервью с карелами и переселенцами в Карелию // Социология и социальная антропология. 2019. Vol. XXII. № 2. С. 147–172.

отношение общества Карелии к возможному появлению мечетей и часто связывали эту тему с обидами и претензиями в адрес местного населения, властей или СМИ.

Фрагмент 1: Мужчина 1979 г.р., даргинец, мусульманин, продавец, г. Костомукша, 2018 г.

<...> Неужели нельзя людям за городом где-нибудь людям построить мечеть. Это же тоже люди, такие же жители. Те же люди. Великую Отечественную выиграли вместе. Это же таджики, узбеки, говорят. Понаехали. <...> Все-таки бок о бок столько лет прожили, а тут они плохие стали. Ну как?

Фрагмент 2: Мужчина 1971 г.р., чеченец, мусульманин, индивидуальный предприниматель, г. Олонца, 2018 г.

Интервьюер: А вы в этом доме собирались вообще когда-нибудь?

Информант: Да, раньше были. Соседи были, они жаловались, что мы шумим. Препятствия были.

Интервьюер: А вы просили другое место какое-нибудь для мечети? У администрации города Олонца или нет?

Информант: Пожалуйста, схожу, попрошу, кто даст нам? Даже если мы сами купим.

Фрагмент 3: Женщина 1997 г.р., узбечка, мусульманка, студентка, г. Петрозаводск, 2018 г.

Интервьюер: Скажите, пожалуйста, мечеть ведь сейчас — это просто приспособленное здание коттеджа?

Информант: Да

Интервьюер: Но, по-моему, строится сейчас новое?

Информант: Да, заложили камень. <...> идет строительство. Говорят, через 2-3 года закончится, надеемся. Тоже были негативные моменты со стороны граждан. «Лучше бы онкодиспансер построили, лучше бы то сделали, лучше бы это сделали», просто меня это тоже иногда подбешивает. Мы же получили согласие на строительство, а все средства берутся от кармана мусульман, не от городского бюджета. И почему у некоторых горожан к нам такое отношение, с пренебрежением? Я не знаю, что мы такого сделали, хотя мы везде пытаемся помочь. Просто я не понимаю этих людей иногда. (*пауза*) Ну в СМИ часто говорят, что мусульмане там, исламисты взорвали, но есть же отличие между исламистами, которые курируют только одной частью, там аяты, например, «Убивай неверующих», а там продолжение «Если они причиняют тебе вред». А они берут только первую часть. Это вообще другие люди, а есть, нормальные мусульмане. <...> Молчат обычно про героические поступки людей-кавказцев. <...> Элементарно, про Кемерово. Почему молчали про 2-х гастарбайтеров, которые спасли из своего магазина много

детей, почему про это молчат. Там много случаев, где молчат вот про такие хорошие моменты, где в главной роли мусульмане, а показывают только те моменты, где они там что-то плохое натворили, вот так вот.

В составе информантов были не только рядовые мусульмане, но и люди, принимавшие участие в подготовке обращений к властям о строительстве мечетей. Один из непосредственных участников событий так комментировал отрицательное решение по вопросу о строительстве мечети.

Фрагмент 4: Мужчина 1975 г.р., араб, мусульманин, член мусульманской общины, г. Петрозаводск, 2007 г.

Информант: Мечеть — дом божий. Это место, которое добро передает людям, учит. А если соседи против, то наша цель достигнута не будет. Поэтому решили, что, наверное, нам не стоит это делать (т. е. строить мечеть). Да, у нас есть законные права, и мы можем бороться, мы могли бы и добиться, наверное, даже, но решили по-хорошему, по-доброму этот вопрос решить. Значит, еще рано.

Наряду с такими суждениями, звучали и мнения о том, что мечеть не является обязательной составляющей для мусульманина. Примечательным в нижеследующем фрагменте является суждение респондента о необязательности формального наличия религиозного здания, убежденность в том, что вера является внутренним содержанием человека, удерживающим его от несправедливых поступков.

Фрагмент 5: Мужчина 1972 г.р., чеченец, мусульманин, индивидуальный предприниматель, г. Олонец, 2018 г.

Интервьюер: Вы принадлежите к мусульманству?

Информант: Да, конечно. С самого рождения, как только ребенок сознательный становится. Обязан молиться. С семи лет он уже знает, хотя бы минимально, кто он такой и что он должен делать. Это идет в воспитании. <...> Потому что ислам в переводе — мир. Не учит ислам ничему плохому. Он учит добру, миру, уважению.

Интервьюер: Когда Вы приехали сюда здесь, конечно, не было и нет мечети?

Информант: Не было, и нет.

Интервьюер: Как Вы справлялись с этой ситуацией?

Информант: Если нет мечети, это не обязательно. Молиться можно и дома. Раз нет другого варианта. Это духовное воспитание самого себя. Не пускаться в тяжкие. Это очень даже сдерживающей стимул. От тех же пьяных. От тех же гулянок. От всех вредных привычек. Нельзя. Сам себе дал установку. Нет, нельзя.

Отсутствие в Карелии мечетей, за исключением специально приспособленных под эти нужды помещений, становилось поводом и для рассуждений о востребованности.

Фрагмент 6: Мужчина 1979 г.р., даргинец, мусульманин, продавец, г. Костомукша, 2018 г.

Интервьюер: В Костомукше ведь нет мечети?

Информант: Мечети нету, потому что люди по поводу всех вот этих событий... (недосказ.). Людям (*имеется в виду местным жителям*) ведь не скажешь, что, если мечеть будет, то все попрутся в эту мечеть. Я не понимаю, почему? Люди ведь и так, и так верующие. Татары. Очень много татар здесь. Башкиры, узбеки. Приезжие. Уезжие. Их же очень много. Их меньше не станет. Понимаете? Оттого, что здесь мечети не будет. У нас есть молельная комната. Мы ходим каждую пятницу. Кто? 4-5 человек нас. Но это в лучшем случае, если человек 10 будет. <...> Печально это. Отходит это. Как бы человек умер, а я как раз в командировке в Калевале был. Звонят мне и говорят, что погребальную молитву надо почитать, а никто не умеет. Вам не стыдно? <...> В Дагестане церкви везде есть, хотя прихожан почти нету. <...> Молодых практически нету в храмах.

Подтверждение факта малой посещаемости пятничных молитв звучит и в следующем фрагменте, в котором также обращает на себя внимание и история о двойном выкупе помещения для мечети.

Фрагмент 7: Мужчина 1972 г.р., чеченец, мусульманин, индивидуальный предприниматель, г. Олонце, 2018 г.

Интервьюер: Скажите пожалуйста, мне сказали, что всё-таки какой-то дом снимался общиной, для того чтобы там собираться.

Информант: Мы собрали деньги всем обществом в Олонце. Лет 15, наверное, назад. Мы собрали 65 000 рублей. Это стоимость этого дома была. Мы его купили. Там планировали собираться, молиться. Как центр духовный чтобы он был. Но до сих пор он не переоформлен по назначению, он является частным домом. Потом это было оформлен на человека, который развёлся. Потом при разводе его этот дом у нас арестовали. Как его собственность. Хотя это никогда не являлось его собственностью. <...> Потом мы ещё раз по второму разу выкупили.

Интервьюер: Ничего себе. Второй раз собирали деньги?

Информант: Да. <...>

Интервьюер: Вы когда-нибудь собирались в этом доме?

Информант: Да, мы собирались. В пятничный день молитвы собирались. Немного народу, но собирались.

Финансовое участие членов общины в выкупе здания может свидетельствовать о большой заинтересованности мусульман в его существовании. Некоторые информанты на вопрос о причинах необходимости места для сбора мусульман говорили, что община позволяет, прежде всего, более эффективно решать организационные вопросы, важные для сообщества. В этом и состоит смысл ее существования²³.

Приведенные высказывания свидетельствуют о нескольких точках напряжения в карельском обществе. В частности, это часто отрицательное отношение коренного населения к появлению мечетей, которые рассматриваются как центры притяжения мусульман в республику; сдержанная позиция местных властей в вопросах создания мусульманской инфраструктуры; нередко предвзятое отношение карельских СМИ к исламу.

Мечеть не воспринимается мусульманами как обязательный элемент адаптации в карельском обществе, хотя многие из них были бы рады возможности ее посещать.

По-разному воспринимают необходимость мусульманского религиозного здания мужчины и женщины, при этом женское (или материнское) участие в жизни ныне существующей мечети довольно активно, т.к. многие из них заинтересованы в приобщении к исламской культуре своих детей. Это не исключает, однако, участие в работе в мечети молодых мусульманок, многие из которых привлечены к работе в мечети: в обучающих кружках, других волонтерских мероприятиях.

Плюралистические взгляды на мечеть характерны и для мужчин-мусульман. Часть из них сетует на слабый интерес приехавших мусульман к деятельности общины, другие сомневаются в возможности бороться за создание мусульманских религиозных центров, некоторые вообще не видят в этом необходимости.

Таким образом, уже в рамках одного вопроса о мечети мы видим существенное расхождение взглядов и практик социальной адаптации.

О хиджабе

Разные мнения звучат и в контексте вопросов о мусульманской одежде. Например, при обсуждении ношения хиджаба.

Фрагмент 8: Женщина 1973 г.р., даргинка, мусульманка, продавец, г. Петрозаводск.

Интервьюер: И хиджаб не носите?

Информант: Нет. Хиджаб я не ношу, я категорически отношусь к хиджабу. <...> Мне не нравится хиджаб. Это, понимаете, это ни о чём не

²³ Фонограммархив Института языка, литературы и истории — обособленного подразделения Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Карельский научный центр Российской академии наук» (далее — ИЯЛИ КарНЦ РАН). Оп. 3876. Ед. хр. 30–41.

говорит. Одев этот хиджаб. Моё мнение такое. Я выросла в мусульманской семье. Я верующая, у меня родители верующие. Мне нравится платок. Мне нравится красиво одеть платок. Красиво одеться, но, если бы меня даже заставляли одеть хиджаб, я бы не одела. Просто потому, что он мне не нравится. И всё. Он ни о чём не говорит. Я такой человек, что я реалист. Я верю в реальность. Я просто знаю много людей, которые... Я считаю, что у человека вера должна быть внутри, в душе, в его сердце. Если человек верит, да? Он и в хиджабе и без хиджаба, он будет верить. И он будет придерживаться всех своих законов, традицией. <...> Есть такие люди, которые одевают этот хиджаб просто для видимости. Я не люблю видимость. Мне нравится всё настоящее. Я не люблю ничего искусственное.

Фрагмент 9: Женщина 1988 г.р., таджичка, мусульманка, студентка, г. Петрозаводск.

Интервьюер: Вы всегда ходите в хиджабе?

Информант: Ну, когда на улицу выхожу, надеваю. <...>

Интервьюер: Может быть не совсем корректный вопрос, я Вас дважды видела с подругой. Первый раз Вы обе были в хиджабе, а второй раз только Вы. С чем это связано и не осуждаете ли Вы ее за это?

Информант: Нет. Я считаю, что у каждого есть свой выбор и ислам – это такая религия, что если сама девушка не решит, сама не оденет платок. Нет принуждения в этом. Если ее принудит к этому – то это бесполезно. Для нее это уже не будет такой наградой, как решиться самой одеть. Я вот решилась и одеваю.

Как видим, вопрос о внешнем проявлении религиозности оказывается актуальным не только для принимающего общества, реагирующего на иные (чуждые) религиозные атрибуты, но и для самих мусульманок. Степень религиозности, по мнению некоторых из них, мало связана с этими традициями. Большее значение имеет собственно вера.

Заметим также, что в поведении мусульманок в вопросе одежды есть некоторые промежуточные формы между светскими и религиозными практиками. Например, в одном из интервью информант рассказывала о ношении ею (и то не всегда) платка.

Фрагмент 10: Женщина 1973 г.р., даргинка, мусульманка, продавец, г. Петрозаводск.

Интервьюер: Вы всегда носите косынку?

Информант: Ну, я на работе не ношу косынку. (Информант работает в торговом павильоне).

Интервьюер: А на работе, что у Вас на голове?

Информант: На работе у меня нет ничего. У меня муж ругается. Говорит, что я взрослая, что у меня трое детей... Что надо платок носить. Я ношу платок, но на работе, не знаю, может быть просто надо приучить себя. Не ношу платок.

Женщины-мусульманки рассказывали об определенных правилах выбора одежды: не слишком короткая, не обтягивающая, с длинными рукавами. При этом пояснялось, что это скорее не религиозный гардероб, а следование традициям Кавказа или Средней Азии. Хотя, конечно, при посещении мечети, религиозных мероприятий, следование этим нормам является обязательным.

Разговоры о хиджабе так или иначе затрагивали тему реакции местного населения на этот головной убор. Чаще всего информанты свидетельствовали о проявлении настороженного любопытства в отношении хиджаба, рассказывали, что им часто приходится отвечать на вопросы, связанные с ним. Есть суждение о неготовности карельского общества воспринять этот головной убор как норму. Интересно, что позиция мужчин-мусульман по этому вопросу тоже прослеживается в интервью. Часть из них настаивает на покрытии головы замужними женщинами, хотя для окружающего большинства в Карелии это не свойственно.

О намазе

Совершение намаза — менее публичная сфера жизни мусульманина, однако и об этих практиках в интервью шла речь. Никто из опрошенных не свидетельствовал о совершении намаза в Карелии в публичном месте. Как правило он скрыт от глаз наблюдателей.

Фрагмент 11: Женщина 1989 г.р., азербайджанка, мусульманка, кондитер, г. Олонец

Интервьюер: Совершаете ли Вы намаз, молитесь ли?

Информант: Да, я молюсь.

Интервьюер: Регулярно, 5 раз в день?

Информант: Да, но у меня с работой не получается 5 раз в день. Я бы желала, конечно. <...>. Я потом прихожу домой, совершаю намаз, я это у Аллаха прошу прощения, что у меня не получается вовремя. Я утром намаз делаю вовремя, вечерний намаз тоже делаю вовремя. Только обеденный намаз у меня никак не получается с работой.

Интервьюер: То есть в публичном месте это невозможно себе представить?

Информант: Ну я в публичном месте не могу себе представить, потому что мне надо <...> омывание надо делать. Чтобы у меня был платок, ковер. У

меня уголок должен быть, хотя бы метр, чтобы я спокойно там совершила намаз.

Фрагмент 12: Мужчина 1956 г.р., аварец, мусульманин, индивидуальный предприниматель, г. Костомукша.

Информант: Вы знаете, какая ситуация. Вот я делаю пять раз в день омовение. Омывание делается перед молитвой. Если ты случайно коснулся супруги, женщины, <..> Если ты от намаза к намазу ничего не делал, <...> то ты можешь делать. А если ты сомневаешься, <...> то ты должен делать омовение. Это омовение лица, локти, гениталии твои, ноги. Помните Шамиля, когда царские войска говорили, что ты грязный и т. д. Немытый. То Шамиль сказал: давай твоего солдата посмотрим. Мытый он или немытый. Он-то пять раз в день мыл руки, ноги, тело. А он-то дай Бог...

Конечно, есть объективные обстоятельства, когда действительно невозможно совершить намаз по всем правилам, однако общественному сознанию Карелии образ молящегося на улице или в ином общественном месте мусульманина, безусловно, не привит.

Одна из информанток рассказала о том, как «громкий» намаз в ее квартире стал причиной конфликта с соседями, вызова милиции и долгого разбирательства вокруг законности ее действий.

Таким образом мусульмане в Карелии сталкиваются с определенными трудностями в следовании этому обычаю, ищут компромиссные пути, когда становится возможным и соблюсти требование ислама и не стать причиной излишнего внимания местного населения, не всегда корректно воспринимающего происходящее.

О браках мусульман

Хотя заключение брака не является в чистом виде религиозной сферой, однако в нем есть заметная конфессиональная составляющая. По этому вопросу среди информантов была большая разногласия. Часть традиционно настроенных участников опроса была ориентирована на сохранение конфессионально-однородных семей.

Фрагмент 13: Мужчина 1979 г.р., даргинец, мусульманин, индивидуальный предприниматель, г. Костомукша.

Интервьюер: Но для вас важно, чтобы ваши дети женились или вышли замуж за представителя вашей национальности или за мусульманина?

Информант: За мусульманина, обязательно. <...> По крайней мере, чтобы дочка замуж за мусульманина вышла. Потому что это нельзя по канонам религии.

Интервьюер: А почему это важнее для дочери, а менее важно для сына?

Информант: Как Вам сказать. Сын, если он женится, то жена может остаться в своей религии, а дети мусульманами будут.

Другие переселенцы, по всей видимости, испытавшие на себе большее влияние современной цивилизации, относились к своему браку и выбору детей иначе, подчеркивая самостоятельный (со стороны детей) характер этого выбора.

Фрагмент 14: Женщина 1989 г.р., азербайджанка, мусульманка, кондитер, г. Олонец

Интервьюер: А когда Ваши дети подрастут, и будет вопрос об их замужестве, женитьбе, как Вы думаете, как Вы будете решать этот вопрос? Тоже как Ваши родители или дадите им (самим — С.Я.) право?

Информант: Нет, я дам им право. Это им жить. Мне было легко, я сейчас (*информант выходила замуж по слову родителей*), конечно, мужа больше всех люблю, <... > это им жить, не мне.

Интересными были обсуждения вопросов брачных стратегий девушек-мусульманок, для которых слово родителей играет существенную роль.

Фрагмент 15: Женщина, 1996 г.р., ингушка, мусульманка, студентка, г. Петрозаводск

Интервьюер: У Вас есть сейчас молодой человек?

Информант: Нет. (улыбается со смущением)

Интервьюер: У Вас в связи с этим не возникнет сложностей? Выбирать-то здесь, в этих условиях, в Карелии будет трудно. Или Вы предполагаете, что этот выбор Вы сделаете там, поехав...

Информант: Слушайте, я не знаю, где я сделаю выбор. (смеются обе). Но это будет связано с родителями. Родители будут этим больше заниматься.

Интервьюер: Да? (с удивлением).

Информант: Да, родители будут этим больше заниматься.

Интервьюер: Ничего себе. (смеется). Да, нет. Я понимаю эту традицию, просто мне удивительно слышать, что человек, который в современном, как бы, мире живет, может быть ТАК привержен традициям.

Информант: Я думаю с этим не будет проблем. Это все естественно произойдет.

Интервьюер: Но наверно все-таки к Вашему мнению родители тоже должны прислушаться?

Информант: Конечно. Нет. К мнению, конечно, прислушиваются. Насильно никого не заставляют. Если против, то нет.

Интервьюер: Понятно. Мне вот интересна, чисто, технология этого процесса. Мама-то с папой — они ведь тоже должны найти претендента на

Вашу руку. Как они это будут делать? В условиях Карелии. Как-то это трудно, наверно? Либо ездить туда.

Информант: Да, конечно, ездить. Это теперь несложно. До Москвы и на самолете 3,5 часа. В этом проблем нет.

Фрагмент 16: Женщина 1997 г.р., узбечка, мусульманка, студентка, г. Петрозаводск.

Информант: Папа намерен выдавать меня замуж там (в Узбекистане), а не тут.

Интервьюер: Как это будет происходить, «выдавать замуж»?

Информант: Ну в плане что типа свадьба моя будет там, а не здесь. <...> Честно говоря, я не очень хочу обратно, так как я здесь очень привыкла. И, если бы была моя воля, я бы тут осталась.

Интервьюер: А у Вас нет воли?

Информант: Все решает папа, я не могу ничего сказать. <...> Ну, в том плане, что после свадьбы, куда там муж скажет, я могу с ним спокойно ехать. <...>

Интервьюер: Как Вы думаете, будет ли учитываться Ваше мнение при выборе?

Информант: Да, да, конечно, могу спокойно отказать в замужестве, если мне даже какая-то родинка в парне не понравится. В этом вопросе по шариату я имею право на выбор. <...> Ну, мой папа тоже делает немножко неправильно, потому что он женился по любви. <...> В итоге все хорошо.

Влияние традиционной культуры кавказских народов в этих отрывках ощущается особенно рельефно. Во фрагменте 16 чувствуется диссонанс и конфликт между позицией отца и дочери. Однако он не становится причиной для нарушения традиции, поскольку у информантки есть надежда на то, что родители, заботясь о ней, желают ей лучшей судьбы и не допустят принуждения в этом вопросе.

В интервью встречаются и рассказы мужчин об опыте брака по сговору родителей и опыте сватовства. Частыми были рассказы о попытках сватовства одинокого мужчины, приезжающего на родину погостить. Есть примеры удачных и неудачных браков. В нижеследующем примере мы можем наблюдать динамику изменения традиции в вопросе взаимоотношений отца и сына, о которой свидетельствует сам информант.

Фрагмент 17: Мужчина 1956 г.р., аварец, мусульманин, индивидуальный предприниматель, г. Костомукша.

Информант: Я женился в 1971 г. Я ее два раза видел.

Интервьюер: Т. е. родители брак устраивали.

Информант: Да, конечно. У друга отца дочка была. Хорошая женщина, ничего не скажу. Но я не испытывал к ней никаких чувств.

Интервьюер: По национальности аварка она тоже?

Информант: Конечно. Одной национальности. Такая ситуация была. Приехал сестры муж, мой зять и сказал свадьбу надо делать. Отец сказал. Наряд у меня был. За невестой отправили. И вот и все. И я женился.

Интервьюер: Понятно. И дети родились сразу?

Информант: Нет, конечно. Я же не по любви. Я ее не трогал. А она просто говорит: Ты же позоришь мой род. Я же девочка. Зачем так делать? Я тогда порезал кое-что себе для повитух. Это у нас обязательно. Традиция. Показал. Она не при чем. Через год у нас наверно ребенок родился. Отец говорил, может у тебя не получается? Да, может быть. Давай, говорит отец, ерундой не страдай. А слово отца — это для нас такое понятие, это Господь бог сказал. У славян нет такого родительского уважения. Для меня отец сказал, это как Аллах сказал. Это не обсуждается. И я никогда отцу, и матери тоже, поперек слова не сказал. Я не помню в своей жизни. Это не какие-то красивые выражения — это любой северный кавказец вам скажет. Нет у нас такого. Мы очень уважаем своих родителей. И мы просто восхищаемся ими.

Интервьюер: У Вас сын первый?

Информант: Да.

Интервьюер: Ваш сын по отношению к вам такое чувство проявляет?

Информант: Нет. Вы знаете, мне кажется, нет. Может быть, я ошибаюсь, потому что я его не воспитывал. Он воспитывался матерью. Но, конечно, он гордится своим отцом. Мы видимся, мы обсуждаем. <...> Но такого, как я к своему отцу, я такого досконально (не чувствую).

Фрагмент 18: Женщина 1974 г.р., таджичка, мусульманка, медработник, г. Костомукша.

Интервьюер: Вы переехали сюда всей семьей?

Информант: Я с детьми.

Интервьюер: С мужем что-то не сложилось?

Информант: У нас многоженство. У нас чуть-чуть получилось. У нас воспитание по-другому. У нас были мама и папа, а тут вот такая судьба. (вздыхает).

Приведенные в пример тексты отражают и специфику положения женщины, и взаимоотношения мужчин и женщин, присущей культуре мусульманских народов. Среди комментаторов этой темы есть представители обоих полов и разных возрастов. Отметим, что собранных нами интервью не было ни одного, в котором

содержалась бы резко негативная оценка традиционных гендерных практик. Лейтмотивом было скорее объяснение сложившихся устоев и даже их защита.

Например, один из информантов (чеченец), сравнивая положение женщин на Кавказе и в Карелии, отмечал, что карельские женщины тянут на себе весь груз жизни, при этом уточнил, что делают они это из необходимости, а не по своей воле.²⁴ Женщина-ингушка, рассказывая о принципах принятия решений в семье, подчеркнула, что ситуация, когда последним всегда является слово мужа, для нее представляется скорее благом, чем злом, снимая с нее излишнюю ответственность.²⁵

Среди информантов были и девушки-мусульманки русского происхождения. Для одной из них вопрос о браке полностью определялся религиозными канонами.

Фрагмент 19: Женщина 1987 г.р., русская, мусульманка, студентка, г. Петрозаводск.

Информант: Девушка-мусульманка может выйти замуж только за мусульманина. Я тоже так планирую. В Петрозаводске маленький выбор мужчин-мусульман. Меня это тревожило, т. к. всем мои подруги уже замужем. К тому же я хочу найти человека, соблюдающего ислам, а не номинального мусульманина. ...Я познакомилась по переписке с мусульманином. Переписывались на мусульманские темы. Он из Норвегии. Теперь решили создать семью.

Интересно, что в проведенных интервью, в том числе при обсуждении вопросов брака, ни разу не возникал вопрос о различиях в практиках суннитов и шиитов.

Представленные в статье примеры жизни мусульман в Карелии показывают, что их культура, хоть и сильно отличается от окружающей, но все же претерпевает некоторые изменения. Часть традиций испытывает на себе серьезное давление со стороны принимающего общества и сложившихся здесь норм. Процесс изменений, как видим на примере брачных отношений, протекает медленно, захватывая пределы жизни не одного поколения. Биографические рассказы как нельзя лучше отражают широкую палитру мнений даже в таком каноническом вопросе как религия. Из их содержания видно, что социальная адаптация мигрантов, пусть медленно, но происходит. Переселенцы действительно балансируют между собственной традиционной культурой и новыми нормами, которые им стали известны в Карелии. Часть этих норм принимается за «свои», часть остается непринятыми.

²⁴ Фонограммархив ИЯЛИ КарНЦ РАН. Оп. 3876. Ед. хр. 1–28.

²⁵ Там же.

Дальнейший анализ и других сфер жизни информантов может еще больше «размножить» сценарии адаптации и идентичности, что, по всей видимости, неизбежно в современном мире.

Список литературы

Абсалямов, Ю. М. Атлас «Исламское сообщество Российской Федерации» / Ю. М. Абсалямов, А. Г. Баймов, и др. ; ред. Р. А. Силантьев. — Москва : ИНКОТЭК, 2018. — 350 с. Режим доступа: <http://incotec.ru/files/uploads/site.pdf> (25.12.2019).

Литвин, Ю. В. Образы «свой — чужой» в глубинных интервью с карелами и переселенцами в Карелию / Ю. В. Литвин, С. Э. Яловицына // Социология и социальная антропология. — 2019. — Vol. XXII. — № 2. — С. 147–172.

Павленко, В. Н. Аккультурационные стратегии и модели трансформации идентичности у мигрантов / В. Н. Павленко // Психология мигрантов и вынужденных переселенцев: опыт исследований и практической работы. — Москва : Смысл, 2001. — С. 25–39.

Психологическая помощь мигрантам : Травма, смена культуры, кризис идентичности / под ред. Г. У. Солдатовой. — Москва : Смысл, 2002. — 458 с.

Солдатова, Г. У. Человек в экстремальных условиях. Психологическая адаптация вынужденных мигрантов / Г. У. Солдатова, Л. А. Шайгерова // Психологический журнал. 2002. — Том 23. — № 4. — С. 66–80.

Хесле, В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности / В. Хесле // Вопросы философии. — 1994. — №10. — С. 112–123.

Шкарин, Д. Л. Концепт «кризиса идентичности» в современном социально-философском дискурсе: теоретико-методологический аспект / Д. Л. Шкарин // Вестник Челябинского государственного университета. — 2018. — №5 (415). Философия науки. — Вып. — 48. С. 71–77.

Яловицына С. Э. Миграционные процессы в Республике Карелия. 1990–2015 гг. / С. Э. Яловицына // Этнокультурные и этнополитические процессы в Карелии: от средних веков до наших дней. — Петрозаводск : Изд-во КарНЦ РАН, 2019. (в печати).

Apitzsch, U. Die Biographieforschung — kein Artefakt, sondern ein Bildungs- und Erinnerungspotential in der reflexiven Moderne / U. Apitzsch, W. Fischer, H.-C. Koller // Bukow, W.–D. Biographische Konstruktionen im multikulturellen Bildungsprozess. Individuelle Standortsicherung im globalisierten Alltag / W.–D. Bukow, M. Ottersbach, E. Tuider, E. Yildiz. — Wiesbaden : VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2006. — S. 37–62.

[Bhabha, H. K.] The Third Space. Interview with Homi Bhabha / H. K. Bhabha // Community, Culture, Difference. — London : Lawrence and Wishart, 1990. — P. 207–221.

Bukow, W.–D. Biographische Konstruktionen im multikulturellen Bildungsprozess / W.–D. Bukow, M. Ottersbach, E. Tuidar, E. Yildiz // Bukow, W.–D. Biographische Konstruktionen im multikulturellen Bildungsprozess. Individuelle Standortsicherung im globalisierten Alltag / W.–D. Bukow, M. Ottersbach, E. Tuidar, E. Yildiz. — Wiesbaden : VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2006. — S. 9–18.

Can, H. Familien in Bewegung, Ethnographie unterwegs. Migration in transnationalen Räumen zwischen Diaspora und Herkunftsland (Deutschland-Türkei) / H. Can // Bukow, W.–D. Biographische Konstruktionen im multikulturellen Bildungsprozess. Individuelle Standortsicherung im globalisierten Alltag / W.–D. Bukow, M. Ottersbach, E. Tuidar, E. Yildiz. — Wiesbaden : VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2006. — S. 115–134.

Dausien, B. Mecheril, P. Normalität und Biographie. Anmerkungen aus migrationswissenschaftlicher Sicht / B. Dausien, P. Mecheril // Bukow, W.–D. Biographische Konstruktionen im multikulturellen Bildungsprozess. Individuelle Standortsicherung im globalisierten Alltag / W.–D. Bukow, M. Ottersbach, E. Tuidar, E. Yildiz. — Wiesbaden : VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2006. — S. 155–178.

Fabel-Lamla, M. Prozesse der Biographisierung und Professionalisierung bei ehemaligen DDR-Lehrerinnen und -Lehrern nach 1989/90 / M. Fabel-Lamla // Bukow, W.–D. Biographische Konstruktionen im multikulturellen Bildungsprozess. Individuelle Standortsicherung im globalisierten Alltag / W.–D. Bukow, M. Ottersbach, E. Tuidar, E. Yildiz. — Wiesbaden : VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2006. — S. 83–98.

Hall, S. Rassismus und kulturelle Identität / S. Hall. — Hamburg : Argument, 1994. — S. 180–222.

Lutz, H. Schwalgin, S. Globalisierte Biographien: Das Beispiel einer Haushaltsarbeiterin / H. Lutz, S. Schwalgin // Bukow, W.–D. Biographische Konstruktionen im multikulturellen Bildungsprozess. Individuelle Standortsicherung im globalisierten Alltag / W.–D. Bukow, M. Ottersbach, E. Tuidar, E. Yildiz. — Wiesbaden : VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2006. — S. 99–114.

БУРДАКОВА Ольга Николаевна / BURDAKOVA Olga

Нарвский колледж Тартуского университета / Narva College of the University of Tartu
Эстония, Нарва / Estonia, Narva

Olga.Burdakova@ut.ee

НЫММ Елена Юрьевна / NÕMM Jelena

Нарвский колледж Тартуского университета / Narva College of the University of Tartu
Эстония, Нарва / Estonia, Narva

Jelena.Nomm@ut.ee

НАРВСКИЕ «СВАДЕБНЫЕ ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТИ» КАК КОМПОНЕНТЫ ЛОКАЛЬНОГО ТЕКСТА

NARVA “WEDDING SIGHTS” AS COMPONENTS OF THE LOCAL TEXT

Abstract: The local text is a system of firmly set perceptions of city residents about the urban mental and physical space, which unites the city residents in a single community, and which is a component of the local identity. “Wedding sights” (sculptural, architectural, and natural objects that are visited by newlyweds and their guests after a marriage registration) are the components of the local text of Narva city. The article considers the formation and development of the wedding walk in Narva in its historical perspective from its beginning in the 1960s until its modern route (the 2010s); it describes the dynamics and reasons of route changes as well as ritual and game activities at its landmarks. In the 1960s, there were three objects included in the wedding walk route: the ideological monument (the monument to Lenin), the city centre roundabout and a nature object in the city suburbs. In the 1970s, three military monuments, which were erected at that time in the city suburbs, were added to the list of the “wedding sights”. In the 1980s and 1990s, the walk route was complemented by historical architectural monuments and nature objects located in the city and in its suburbs. In the 1990s, the monument to Lenin was excluded from the walk route; and in the 2000s, the war monuments were also excluded from the route. In the 2000s, a new sight was added to the wedding walk route — “The Wedding Tree”, which was specially designed to create a wedding tradition for Narva residents and to connect newlyweds with the city. Thus, the modern wedding walk route includes: 1) architectural objects of historical significance which symbolize the city identity and which support the connection of young families with the city; 2) nature objects that are located in the city and in its suburbs, and which are conveniently used for photo shoots, play and rituals activities (both new and reviving fragments of archaic wedding traditions); 3) one monument of World War II (the “Tank T-34” memorial), which is a marker of the city identity.

Ключевые слова / Keywords: Городская антропология, локальный текст, г. Нарва, свадебная прогулка, «свадебные достопримечательности» / City anthropology, local text, Narva city, wedding walk, “wedding sights”

1. Понятие о локальном тексте города

Изучение городского текста и реконструкция городской мифологии имеют богатые научные традиции. Большое значение для становления традиции реконструкции «петербургского текста» имели труды В. Н. Топорова и ученых

тартуско-московской семиотической школы¹. При этом исследователей интересовали в основном тексты «высокой культуры» (преимущественно литературной традиции). Литературоведческий подход, который доминировал в изучении материала, позволял реконструировать и индивидуальные образы в творчестве разных писателей, и в то же время вычленил общие лейтмотивы, формирующие миф о городе в литературе и культуре, и, таким образом, этот реконструированный городской миф творился по законам литературной традиции.

На рубеже XX–XXI вв. расширяется круг объектов, которые попадают в поле внимания исследователей городского текста: актуализируется оппозиция «столичный текст» — «провинциальный текст»². Смещение фокуса внимания исследователей на провинциальный город потребовало вовлечения в круг источников не только текстов «высокой культуры», но и записок путешественников, мемуарной прозы, краеведческой литературы и публицистики, что, однако, не привело к смене методического инструментария: тексты названных жанров изучались теми же методами, что и художественные.

Вполне ожидаемым, предсказуемым было обращение исследователей к путеводителям, которые представляют туристу внешнюю, «парадную сторону» города³. Путеводитель как форма презентации городского текста оказывается сильно зависим от идеологии — фактически каждая эпоха создает свой путеводитель по городу.

В эти же годы зарождается новое — антропологическое — направление в изучении городских текстов, которое наряду с текстами письменной традиции анализирует продукты устной культуры. Часть этих продуктов входит в понятие «постфольклор»⁴ — городские легенды, слухи, толки, молва и т. п., другая часть лежит за рамками фольклорной традиции и реализуется в институциональном

¹ См.: *Топоров В. Н.* Петербург и «петербургский текст русской литературы» (введение в тему) // *Его же.* Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. М., 1995. С. 259–367; *Лотман Ю. М.* Символика Петербурга и проблемы семиотики города // *Ученые записки Тартуского государственного университета.* Тарту, 1984. Вып. 664. С. 30–45 (*Труды по знаковым системам.* Т. 18); *Мицу З. Г.* «Петербургский текст» и русский символизм // *Её же.* Блок и русский символизм: Избранные труды. СПб., 2004. Кн. 3. Поэтика русского символизма. С. 103–115; *Тименчик Р. Д., Топоров В. Н., Цивьян Т. В.* Сны Блока и «петербургский текст» начала XX века // *Тезисы I Всесоюзной (III) конференции «Творчество А. А. Блока и русская культура XX века».* Тарту, 1975. С. 129–135.

² См.: *Абашев В.* Пермь как текст: Пермь в русской культуре и литературе XX век. Пермь, 2000. URL: http://www.psu.ru/files/docs/personalnye-stranitsy преподаvatelej/ abashev/kniga_1.pdf (16.07.2019); *Геопанорама русской культуры. Провинция и ее локальные тексты* / Отв. ред. Л. О. Зайонц; сост. В. В. Абашев, А. Ф. Белоусов, Т. В. Цивьян. М., 2004; *Пространственность развития и метафизика Саратова* / Под ред. Т. П. Фокиной. Саратов, 2001.

³ *Путеводитель как семиотический объект* / Под ред. Л. Н. Киселевой. Тарту, 2008.

⁴ См.: *Неклюдов С.* После фольклора // *Живая старина.* 1995. №1. С. 2–4; *Его же.* Постфольклор. Курс: Введение в теоретическую фольклористику // *ПостНаука* [Электронный ресурс]. URL: <http://postnauka.ru/video/9435> (16.07.2019); *Его же.* Постфольклор в городских традициях XX века // Там же. URL: <http://postnauka.ru/lectures/24463> (16.07.2019).

общении — «образовательных, музейно-экскурсионных, агитационных, ритуально-праздничных»⁵ практиках.

Сами антропологи подчеркивают преемственность антропологической традиции изучения «локальных текстов» современных провинциальных городов по отношению к традиции изучения «городских текстов» в т. н. высокой культуре⁶ и «историко-краеведческому направлению» собирания и изучения городских легенд в 1920-е гг.⁷ Упоминаемые в этой связи работы Н. П. Андциферова 1920-х гг. о мифологии Петербурга, безусловно, были актуальны и для становления семиотической традиции изучения городского текста.

Введённое в научный оборот в трудах по антропологии современного города понятие «локальный текст» отличается от семиотического представления о «городском тексте». Вслед за М. Д. Алексеевским, М. А. Лурье и А. А. Сенькиной, мы понимаем «локальный текст» как систему «ментальных, речевых и визуальных стереотипов, устойчивых сюжетов и поведенческих практик, связанных с местом и актуальных для общего знания сообщества, идентифицирующего себя с этим местом. Локальный текст репрезентируется в спонтанных и институционализированных коммуникативных практиках, местном фольклоре, художественном, публицистическом и исследовательском творчестве и т. д.»⁸.

Устойчивые сюжеты, имеющие хождение среди жителей одного города, повторяющиеся в рассказах мотивы, образы, стереотипные формулы и т. п., из которых складывается локальный текст, выполняют функции сплочения, единения горожан. Локальный текст — это результат освоения горожанами физического и духовного пространства города. Он создается, как и культура в целом, в первую очередь для себя, для внутреннего пользования; становится тем знанием, которое передается новым членам городской общины (молодому поколению) с целью приобщения их к своему культурному и социальному пространству (неслучайно значительный объём знаний о локальном тексте складывается у горожанина в подростковом возрасте, когда происходит формирование социальной идентичности

⁵ См.: Алексеевский М., Ахметова М., Лурье М. Исследования города // Антропологический форум. 2010. № 12. С. 19. URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/012/12_forum.pdf (16.07.2019).

⁶ Ср.: «Поворот собирательской работы антропологов к городскому (и в смысле бытования, и в смысле тематики) материалу, в частности провинциальному, обусловлен, как представляется, несколькими факторами, среди которых... стоит назвать... очевидную преемственность по отношению к семиотическим исследованиям “локальных текстов” и “локальных мифов” в общенациональной культуре (прежде всего, в литературе), в свою очередь инспирированными работами В. Н. Топорова о петербургском тексте и введением им в научный оборот самих понятий городского текста и городского мифа» (Ахметова М. В., Лурье М. А. Материалы бологовских экспедиций 2004 г. // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/ahmetovalurie2.htm> (16.07.2019)).

⁷ См.: Алексеевский М., Ахметова М., Лурье М. Исследования города. С. 18.

⁸ См.: Алексеевский М., Лурье М., Сенькина А. Легенда о памятнике Гоголю в Могилеве-Подольском: опыт комментария к фрагменту локального текста // Антропологический форум. 2009. № 11. С. 277. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/2012/06/22/1259000524/11_06_alekseevsky_lurie_senkina.pdf (16.07.2019).

человека). С другой стороны, знания о локальном тексте становятся актуальными при встрече горожанина с непосвящённым человеком (гость, турист, переселенец); в ситуациях диалога с иными культурами (представителями иных локальных идентичностей) фрагменты локального текста оказывается необходимым переводить чужакам. Одновременно с этим транслирование локального текста приезжему даёт возможность горожанину осознать свою городскую идентичность. Полученное знание о локальном тексте жителей того или иного города позволяет сменить фокус восприятия полиса (посмотреть на него не извне, а изнутри) и, таким образом, найти ключ к пониманию горожан.

Локальный текст города характеризуется подвижностью во времени, дискретностью⁹ и многослойностью, неоднородностью. Имеет многополярную структуру: ядро — константные элементы (устойчивые на протяжении жизни не одного поколения горожан) и расположенные на периферии микрополя, которые включают стереотипные образы и сюжеты, актуальные для определённой группы горожан¹⁰. Названные характеристики локального текста предопределили форму его описания. Исследователи локальных текстов провинциальных городов едины во мнении: наиболее удачной формой его представления является словарь¹¹.

С начала XXI в. ведётся работа над созданием словарей локального текста отдельных городов (Могилева-Подольского и Омска)¹². В 2011 г. начался сбор материала для подготовки энциклопедического словаря локального текста г. Нарвы. Проект будущего словаря (структура словаря, принципы построения словарной статьи, образцы словарных статей) представлены в нашей публикации «Из опыта составления словарей локального текста городов постсоветского культурного пространства»¹³.

2. Краткая справка о демографической истории послевоенной Нарвы

Современная Нарва — эстонский город, расположенный на границе Эстонской Республики и Российской Федерации. В городе преобладает русскоязычное население (83% горожан являются русскими по национальности¹⁴), что связано со сложной демографической историей Нарвы в XX в. До Второй мировой войны

⁹ См.: Алексеевский М., Жердева А., Лурье М., Сенькина А. Материалы к словарю локального текста Могилева-Подольского // Антропологический форум. 2008. № 8. С. 420. URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/008/08_12_alekseevsky_et_al_k.pdf (16.07.2019).

¹⁰ См.: Бурдакова О., Нымм Е. Из опыта составления словарей локального текста городов постсоветского культурного пространства // Альманах северо-европейских и балтийских исследований / Nordic and Baltic Studies Review. 2017. Вып. 2. С. 118. URL: <http://nbsr.petsru.ru/journal/article.php?id=750> (16.07.2019).

¹¹ См.: Алексеевский М., Жердева А., Лурье М., Сенькина А. Материалы к словарю локального текста Могилева-Подольского. С. 420.

¹² Осмысление зарождающейся традиции составления словарей локального текста см. в: Бурдакова О., Нымм Е. Из опыта составления словарей локального текста городов постсоветского культурного пространства.

¹³ См.: Там же.

¹⁴ См.: Narva arvudes 2017 // Narva Linna Arenduse ja Ökoonoomika Amet. URL: http://www.narva.ee/ee/vasakpoolsed/narva_arvudes/page:3295 (14.10.2019).

Нарва входила в состав независимой Эстонской Республики и по своему этническому составу была многонациональным городом, самыми крупными этническими общинами в котором, по данным 1940 г., были эстонцы (62%), русские (33%), немцы (1,5%) и финны (около 1%)¹⁵. После 1941 г., когда началась массовая депортация коренных жителей города, и особенно по окончании войны вследствие государственной демографической политики СССР происходит серьёзное изменение в этническом составе населения города. Государственные задачи восстановления города после войны и формирования Нарвы как промышленного центра приводят к массовому притоку рабочей силы из разных союзных республик: если в конце 1944 г. в Нарве проживало 2 904 жителя¹⁶, то в начале 1970 г. число жителей составило уже 61 534 человека¹⁷. Результатом этой государственной политики становится обновление городского населения (к началу 1970 г. в Нарве сохраняется лишь 2% коренного эстонского населения¹⁸) и формирование новой многонациональной городской общины, объединённой общим — русским — языком. По данным Д. Всевиова, уже к началу 1950-х гг. северо-восток Эстонии, где расположена Нарва, становится русскоязычным регионом¹⁹.

После распада СССР Нарва стала приграничным городом, с 2004 г. здесь проходит восточная граница Европейского союза. Однако демографический состав населения Нарвы изменился в постсоветское время незначительно (по данным Нарвского городского департамента развития и экономики, в 2017 г. эстонцы составили 4% от общего числа жителей города²⁰). Подобная демографическая ситуация — не редкость в провинциальных городах, расположенных на границах бывших союзных республик.

Современная культура жителей этих городов во многом восходит к советским городским культурным практикам. Не является исключением и современный свадебный обряд.

3. «Свадебные достопримечательности» как компоненты локального текста Нарвы

Локальный текст включает в себя комплекс представлений горожан о своём городе: исторических и современных событиях, имеющих знаковый характер для горожан; локусах и топонимах; исторических личностях, посещавших Нарву, уроженцах и жителях города, много сделавших для развития Нарвы или прославивших её, а также о современниках с неоднозначной / многослойной репутацией; городских сообществах и институтах и т. д.

¹⁵ См.: Смолкуров А. Народонаселение Нарвы. Демографический обзор истории города // Сборник Нарвского музея. Нарва, 2000. С. 65.

¹⁶ См.: *Vseviõv D. Nõukogudeaegne Narva elanikkonna kujunemine 1944–1970.* Tartu, 2001. Lk. 40.

¹⁷ Ibid. Lk. 58.

¹⁸ Ibid. Lk. 4.

¹⁹ Ibid. Lk. 4–5.

²⁰ См.: *Narva arvudes 2017.*

Одним из компонентов нарвского локального текста, входящим в круг обязательного знания горожан о городе, являются т. н. свадебные достопримечательности. Свадебными достопримечательностями в исследовательской традиции называются городские объекты, которые посещают молодожёны (и гости) после официальной регистрации брака²¹. Новобрачные в сопровождении родственников и друзей совершают поездку по заранее спланированному или стихийно формирующемуся маршруту в пределах города и / или его окрестностей. Городской свадебный маршрут включает в себя довольно устойчивый, стандартизированный, стереотипный набор объектов городского и пригородного ландшафта: памятники, мосты, парки, природные объекты (водопады, деревья) и т. п. Сама свадебная прогулка выполняет несколько функций. Во-первых, она носит демонстрационный характер: машины, украшенные лентами и цветами, выстраиваются в колонну и, следуя друг за другом, в сопровождении автомобильных сигналов (гудков) проезжают от ЗАГСа по центральным улицам города, извещая горожан о торжественном событии и изменении семейного статуса. Во-вторых, прогулка имеет развлекательно-увеселительный характер: заполняет время между официальной регистрацией брака и свадебным банкетом. В-третьих, выполняет мнемоническую функцию: прогулка сопровождается фотосессией, фиксирующей детали знаменательного события семейной жизни. В-четвёртых, берёт на себя ритуальную функцию, поскольку отдельные обрядовые действия, совершаемые у объектов, восходят к архаической культуре и встраивают современную свадебную прогулку в традиции свадебной обрядности прошлого. Наконец, посещение свадебных достопримечательностей служит целям поддержания локальной идентичности горожан: молодожёны через традиционные городские практики подтверждают свою связь с местом проживания²².

3.1. Источники реконструкции маршрута свадебной прогулки нарвитян

Реконструкция маршрута свадебной прогулки проводилась на основе интервью и анкетирования горожан. На первом этапе (в 2014 г.) записывались рассказы горожан о собственных свадьбах или свадьбах их друзей и родственников. Всего было записано 14 интервью. Беседы проводились по нестрогому сценарию: мы просили нарвитян реконструировать маршрут свадебной прогулки по памяти (или с опорой на фотографии), спрашивали о том, готовился ли маршрут заранее, какие ритуальные и игровые действия сопровождали посещение того или иного объекта, почему важно было в день свадьбы посетить этот объект, какие легенды, слухи, толки сложились вокруг объекта. Устойчивость объекта в свадебном маршруте и в

²¹ См. Громов А. В. Новые обряды современного бракосочетания // ПостНаука [Электронный ресурс]. URL: <https://postnauka.ru/longreads/2649> (16.07.2019).

²² См.: Nõmm J., Burdakova O. Pulmapäeva külustuspaigad Narvas: pulmasõidu kujunemise ajaloost // Mäetagused. 2019. № 1 (73). Lk. 48. URL: http://www.folklore.ee/tagused/nr73/nomm_burdakova.pdf (16.07.2019).

локальном тексте в целом, по нашему мнению, связана с наличием разветвленной структуры нарративов о нём.

На основе интервью был составлен список из 15 объектов, повторяющихся в рассказах нарвитян, и подготовлена анкета для выявления в результате массового опроса типовых маршрутов нарвитян в период с 1955 г. по 2015 г. В анкете респондент должен был указать, когда и в каком ЗАГСе²³ был зарегистрирован брак, состоялась ли после регистрации брака свадебная прогулка (и если нет, то почему). Далее респонденты должны были отметить в списке объекты, припомнить их последовательность в маршруте, выбрать из списка возможных ритуальных и игровых действий те, которые совершались около объекта, в случае необходимости дополнить список объектов и совершаемых вокруг них действий. Анкетирование проводилось в 2014–2015 гг. В результате от людей, принадлежащих разным поколениям и социальным группам горожан, было получено 119 анкет.

Дополнительным источником изучения нарвского свадебного маршрута послужили записи 14 интервью, сделанные в июле 2011 г. в рамках проводившейся на базе Нарвского колледжа Тартуского университета антропологической экспедиции²⁴. В 2014–2016 гг. для уточнения отдельных деталей мы провели ещё два интервью с экспертами — авторами и реставраторами памятников.

Наш архив на сегодняшний день составляют рассказы и сведения о 146 свадьбах, состоявшихся в городе Нарве в период с 1955 г. по 2015 г.

3.2. Реконструкция свадебных маршрутов нарвитян

Советская традиция посещения памятных мест во время свадебной прогулки складывается в Нарве, как и во многих других городах СССР²⁵, в 1960–е гг. В исследовательской литературе нет единого мнения об истории появления свадебной прогулки. Согласно одной точке зрения, советская свадебная прогулка восходит к существовавшей до революции 1917 г. в крупных и малых городах России традиции кругового объезда свадебным поездом центральных улиц города²⁶. Согласно другой точке зрения, советский обычай посещения молодожёнами и гостями памятных мест возникает сравнительно недавно — во второй половине 1960-х гг.²⁷

Все исследователи признают, что распространение этой свадебной традиции связано с усилением в 1960-е гг. церемониальной стороны свадьбы в целом. В конце 1950-х гг. в советской прессе начинаются дискуссии о построении новой

²³ В Нарве всегда был один отдел записи актов гражданского состояния, но в разное время он имел разные адреса.

²⁴ Инициатором экспедиции был Санкт-Петербургский государственный университет, направивший в Нарву группу исследователей и гимназистов для собирания материалов локального текста.

²⁵ Ср.: Громов Д. В. Новые обряды современного бракосочетания.

²⁶ См.: Жирнова Г. В. Брак и свадьба русских горожан в прошлом и настоящем. М., 1980.

²⁷ См.: Громов Д. В. Новые обряды современного бракосочетания.

советской обрядности²⁸, эти обсуждения дают импульс для работы по созданию новых свадебных обрядов на местах. В городах Эстонии создаются специальные Комиссии по гражданским обрядам, куда входят представители местной исполнительной власти, партийной и комсомольской организации, ЗАГСов, образовательных и культурных учреждений. В строительстве новой свадебной обрядности комиссии опираются на народную культуру и возрождают / реконструируют отдельные компоненты архаического свадебного обряда. Результаты работы комиссий распространяются в рекомендательных тематических брошюрах²⁹.

Несмотря на то, что специальных рекомендаций по организации свадебной прогулки молодоженов и гостей в брошюрах мы не обнаруживаем, появление этой свадебной традиции в 1960-е гг. на фоне работы по созданию свадебной обрядности в целом выглядит закономерным. Вероятно, она была инициирована самими горожанами и закреплена в городской практике. Сегодня горожане заверяют, что нет необходимости специально оговаривать маршрут, поскольку он стандартизован и общеизвестен. Ср. ответы нарвитян (принадлежащих разным поколениям):

НК: В принципе мы не думали, не планировали (EN 14–02).

ОО: Ну... Не знаю, мне кажется, на самом деле это уже даже, ну, если у меня свадьба будет, это уже так понятно, что... Вот это если обсуждать, если только какие-то новые места, а так и так понятно, куда там эти свадьбы ездют. Маршрут один и тот же постоянно (EN 14–01).

3.2.1. Свадебный маршрут нарвитян в 1960-е гг.

В 1960-е гг. молодожёны во время свадебной прогулки традиционно посещали три объекта (см. *Рисунок 1*).

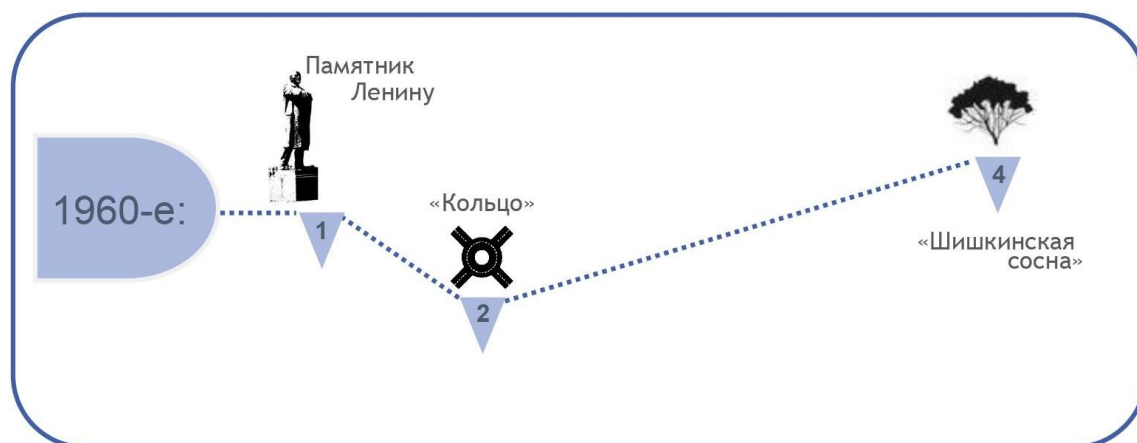

Рисунок 1. Типовой свадебный маршрут нарвитян в 1960-е гг.

²⁸ См.: Смолкин-Ротрок В. Проблема «обыкновенной» советской смерти: материальное и духовное в атеистической космологии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 3–4 (30). С. 448. URL: http://www.intelros.ru/pdf/GosRelTserkov/2012_03-04/19.pdf (16.07.2019).

²⁹ См., например: Nõuandeid ilmalike kombetalituste kohta. Tartu, 1959; Tähistagem pidulikult perekondlikke sündmusi. Tallinn, 1960; Kaunilt, meeldejävalt: Nõukogulikke kombetalitusi. Artiklikogumik / Koost. K. Oja. Tallinn, 1965.

Первым по порядку посещения был **памятник Ленину** (см. *Фото 1*), располагавшийся на гранитном постаменте в северной части Петровской площади. Памятник был открыт 7 ноября 1957 г., его авторы: скульптор О. Мянни и архитектор И. Борк³⁰. В советскую эпоху памятник Ленину на Петровской площади был «участником» официальных праздничных мероприятий. С трибун, построенных позднее перед монументом, отцы города приветствовали горожан во время первомайской демонстрации, октябрьского митинга или парада в честь дня Победы и т. д. Памятник Ленину являлся одновременно и символом советской эпохи, и символом советской Нарвы. Он находился в центре советской Нарвы, в сердце города, перед зданиями городской администрации. Неслучайно в одном из фотоальбомов Нарвы, изданных в советское время, фотография этого памятника фактически открывала собой альбом, позиционируя Нарву как советский город³¹. Очевидно, именно в силу этих причин памятник Ленину на Петровской площади становится объектом свадебного маршрута в советское время. Характерно, что посещение этого места сопровождалось ритуалом возложения молодожёнами цветов к подножию монумента (этот ритуал воспроизводил традиционные действия около памятника Ленину, утвердившиеся в официальной праздничной культуре). Факультативным действием около памятника было фотографирование свадебной группы. Групповые портреты у памятника Ленину носили постановочный характер: жених и невеста располагались в центре первого ряда на нижней ступеньке лестницы. Эти свадебные фотографии были выполнены в традиционной стилистике советских групповых (школьных, производственных, командных) портретов. Памятник Ленину воспринимался молодожёнами как символ советской идентичности. Включение его в свадебный обряд хорошо согласуется с сознательной централизованной работой по созданию советской свадебной обрядности: введение нового Семейного кодекса, традиции комсомольских свадеб, возрождение традиции обручальных колец, «возвращение» свадебного платья невесты во второй половине 1950-х гг.³², строительство в городах Дворцов бракосочетаний³³, создание торжественной процедуры регистрации в середине 1960-х гг.³⁴ В 1990-е гг. в связи с изменением идеологических ориентиров в обществе молодожёны перестают посещать памятник Ленину. В 1993 г. Правительство Эстонской Республики и Нарвское городское собрание приняли решение

³⁰ *Krivošev J.* Narva ekskursioonijuhud. Tallinn, 1960. Lk. 74; *Коченовский О.* Нарва. Градостроительное развитие и архитектура. Таллинн, 1991. С. 247.

³¹ *Migdal S.* Narva. Tallinn, 1978.

³² *Ростовская Н. А.* Эволюция свадебной обрядности русского городского населения России в советский период // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. Гуманитарные науки. 2012. № 27. С. 950–953.

³³ *Тимофеева А. В.* Традиции и новации в русском свадебном обряде: Дис. ... канд. филос. наук. М., 2004. С. 106.

³⁴ См.: *Жирнова Г. В.* Брак и свадьба русских горожан в прошлом и настоящем. С. 83; *Громов Д. В.* Новые обряды современного бракосочетания.

демонтировать памятник Ленину и перенести на территорию Нарвского замка, что и было осуществлено 21 декабря того же года³⁵. О значении памятника Ленину в локальном тексте Нарвы см. нашу статью «Свадебные достопримечательности в Нарве: к истории зарождения свадебной прогулки»³⁶.

Фото 1. Памятник В. И. Ленину на Петровской площади (скульптор — Олав Мянни), 1960–1975 гг. Источник фотографии: ЕКМ j 59395 FK 3021, Художественный музей Эстонии (<http://www.muis.ee/museaalview/3537452>).

Вторым объектом свадебного маршрута была **круговая транспортная развязка** на пересечении трёх главных магистралей города — Таллиннского шоссе, улиц Пушкина и Я. Анвельта (ныне — ул. П. Кереса), — именуемая горожанами «Кольцо» (см. *Фото 2*). Свадебный «поезд» в сопровождении гудков машин несколько раз объезжал транспортную развязку по кругу, извещая горожан о торжественном событии и изменении семейного статуса молодых. В рассказах нарвитян обнаруживаем разные трактовки ритуального объезда. Одни рассказывают о том,

³⁵ *Bulatnikov V.* Nõukogude ajastu ausambad Narvas 1945–1960 // Narva Muuseum. Toimetised. 2012. № 12. Märgilised mälestised. Uurimisi Narva piirkonna ajaloo kohta. Lk. 194.

³⁶ *Nõmm J., Burdakova O.* Pulmapäeva külustuspaigad Narvas: pulmasõidu kujunemise ajaloo kohta. Lk. 53–57.

что объезд транспортной развязки совершается трижды, другие заверяют, что количество объездов имеет символическое значение «пожелания» молодоженам одного, двух, трёх и более детей³⁷.

Фото 2. Круговая транспортная развязка в центре Нарвы, 2017 г.

Автор фотографии — Глеб Нечволодов.

Третьим объектом свадебного маршрута была сосна, которая находится в 21 км от города, на территории курорта Нарва-Йыэсуу, у шоссе в Мерекюла. Это дерево нарвитяне называют «**Шишкинской сосной**» (см. Фото 3) в честь русского пейзажиста второй половины XIX в. И. И. Шишкина (1832–1898), который в 1888 г., 1892 г., 1894 г., 1895 г. отдыхал и работал в Гунгербурге — ныне г. Нарва-Йыэсуу³⁸. В 1970-е гг. складывается ритуал повязывать на сосну шелковые ленты: жених или свидетель залезает на дерево и повязывает ленту. Горожане верят: если ленточка завязана бантиком, можно ждать девочку в семье молодоженов, просто узелком — мальчика. Посещение сосны, таким образом, имеет не только игровое, но и ритуальное значение: испытание супруга и прошение о прибавлении в семействе. С интерпретацией генезиса ритуальных действий у «Шишкинской сосны» можно познакомиться в статье «Свадебные достопримечательности в Нарве: к истории зарождения свадебной прогулки»³⁹.

³⁷ Подробнее см.: Ibid. Lk. 57–59.

³⁸ См.: Мазанов Ю. Шишкин и Нарвское взморье // *Его же*. «Нынешнее лето мы жили за Нарвой...» СПб., 2012. С. 9–38; *Его же*. И. Шишкин на Нарвском взморье. СПб., 2014.

³⁹ Nõmm J., Burdakova O. Pulmapäeva külastuspaigad Narvas: pulmasõidu kujunemise ajaloost. Lk. 59–62.

Фото 3. «Шипшинская сосна» в Нарва-Йыэсуу, 2017 г.

Автор фотографии — Глеб Нечволодов.

3.2.2. Свадебный маршрут нарвитян в 1970-е гг.

В 1970-е гг. в состав «свадебных достопримечательностей» попадают ещё три объекта: «Танк», «Три птыка» и памятник Мерекюласкому десанту, отличающиеся от описанных выше по своему идеологическому содержанию (см. *Рисунок 2*). Эти памятники событиям Второй мировой войны были установлены в нарвских окрестностях в 1970-е гг.

В 1960–1970-е гг. ведётся активное строительство мемориалов воинской славы Второй мировой войны, и многие памятники попадают в свадебные маршруты столичных и провинциальных советских городов. По мнению некоторых исследователей, даже сам обычай свадебной прогулки по памятным местам рождается из поездки молодожёнов к вечному огню⁴⁰. Включение военных мемориалов в свадебный маршрут не было случайностью. В 1965 г. после почти двадцатилетнего перерыва День Победы вновь становится выходным праздничным днем. С того времени очень пышно празднуются годовщины со дня победы и освобождения советских городов, складываются разнообразные городские и производственные практики: встречи с ветеранами в школах, пионерских лагерях, на производстве, лектории, книжные выставки, поисковые экспедиции, борьба

⁴⁰ См.: *Бойцова О.* Роль фотографии в современном городском свадебном обряде // *Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность.* Саратов, 2007. С. 100.

школ / пионерских дружин за право носить имя героя войны, «включение» в состав производственной бригады погибшего героя войны и открытие так называемого «лицевого счета» — списка обязательств, которые бригада берет на себя, и т. д. и т. п. Эти факты свидетельствуют о целенаправленной государственной политике по конструированию в сознании советских граждан исторической памяти о событиях Великой Отечественной войны.

Эта политика распространяется и на культуру гражданского быта. В таком контексте включение памятников воинской славы в маршрут свадебной прогулки выглядит закономерным, поэтому трудно выделить в качестве главной какую-то одну причину появления обычая посещать мемориалы ВОВ. Вполне вероятно, что у самих молодожёнов возникала идея в день семейного торжества почтить память советских воинов⁴¹. Убедительным выглядит и предположение исследователей о том, что памятники воинской славы попали в число объектов посещения свадебного поезда как заместители могилы погибших на войне родителей молодожёнов. Именно в конце 1960-х гг. выросло первое поколение детей, родители которых погибли во Второй мировой войне⁴².

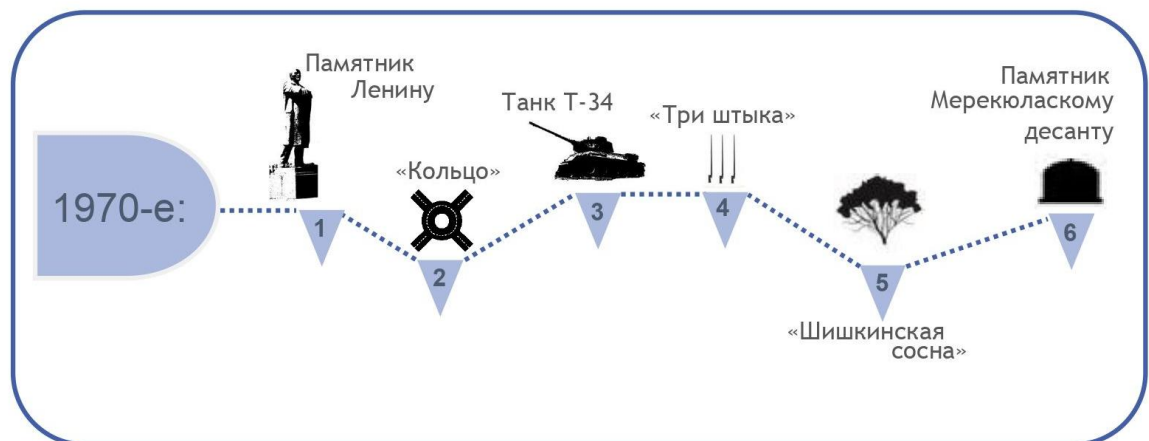

Рисунок 2. Типовой свадебный маршрут нарвитян в 1970-е гг.

Мемориал «Боевой Танк Т-34» (см. *Фото 4*) попадает в маршрут свадебной прогулки нарвитян сразу же после своего открытия в 1970 г. Он был установлен 9 мая, в День Победы, на берегу реки Наровы — месте ожесточённых боев. Вокруг памятника очень быстро складывается городская «мифология»: горожане считают, что водружённый на постамент танк участвовал в битве за Нарву в июле 1944 г., был затоплен во время форсирования реки Наровы и поднят в мирное время со дна реки. В основе этого мифа лежит реальная история (по воспоминаниям современников военных событий, один из танков действительно был затоплен во время переправы

⁴¹ См.: Адоньева С. Б. Категория настоящего времени. СПб., 2001. С. 150–151.

⁴² См.: Там же; Громов Д. В. Новые обряды современного бракосочетания.

через Нарову, а в послевоенное время предпринимались попытки его разыскать, которые не увенчались успехом). Боевая машина, ставшая частью мемориала «Танк Т-34», была собрана из деталей разных танков времён Второй мировой войны и не имеет отношения к затонувшему в 1944 г. танку. Памятник «Танк Т-34» важен для локальной идентичности современных горожан, о чем свидетельствует неустанный контроль за памятником: его оберегают от попыток перенести на другое место, актов вандализма, реставрируют на добровольных началах. В 1970–1980-е гг. посещение танка молодожёнами сопровождалось традиционными для официальной культуры действиями — возложением цветов и фотографированием. В 1990–2000-е гг. к ним добавляются новый ритуал «прощания невесты с девичьей фамилией» и украшение танковой пушки атласными лентами. Последнее действие осуждается горожанами, распространяется слух о запрете повязывать ленты вокруг пушки и постепенно эта традиция уходит в прошлое⁴³.

Фото 4. Мемориал «Боевой Танк Т-34», 2017 г.

Автор фотографии — Глеб Нечволодов.

В 1970-е гг. в свадебный маршрут нарвитян включаются ещё два расположенных за городской чертой военных мемориала — братское захоронение Мерекюлаского десанта и памятник «Три штыка». Установке в 1972 г. **памятника Мерекюласкому десанту** (см. Фото 5) предшествовали многочисленные публикации о героическом подвиге советских десантников в феврале 1944 г. Эта трагическая история долгое время замалчивалась в официальной историографии, и только на рубеже 1960–1970-х гг. во всесоюзной, республиканской и городской прессе появляются рассказы о военной операции морского десанта

⁴³ Подробнее об истории монумента см.: Бурдакова О., Нымм Е. Из опыта составления словарей локального текста городов постсоветского культурного пространства.

Краснознаменного Балтийского флота в районе деревни Мерекюла⁴⁴. Вполне закономерно, что после такого резонансного освещения событий в СМИ, новый памятник начинают посещать свадебные процессии. В краеведческой литературе отмечается, что к концу 1970-х гг. его посещение приобретает массовый характер⁴⁵. В 1974 г. к тридцатилетней годовщине освобождения Нарвы от немецких войск в окрестностях Нарвы появляется ещё один памятник — «Три штыка» (см. *Фото 6*) — дань комсомольской молодёжи освободителям города⁴⁶. В создании монумента участвовали комсомольцы городских предприятий⁴⁷, что, очевидно, способствовало включению его в число свадебных достопримечательностей. Обрядовые действия вокруг этих памятников носят традиционный характер: молодожены возлагают цветы к мемориалу и фотографируются⁴⁸.

Фото 5. Памятник Мерекюласкому десанту, 2017 г.

Автор фотографии — Глеб Нечволодов.

⁴⁴ Ситин Ю., Кривошеев Е. Драма у Мерекюла // Нарвский рабочий. 1970. 24 ноября. № 139 (4034). С. 2; Их же. Драма у Мерекюла // Там же. 1 декабря. № 142 (4037). С. 2; Ситин Ю. Этих дней не смолкнет слава // Там же. 1972. 11 мая. № 56 (4261). С. 2; Костин Н., Кривошеев Е. Удар с моря // Там же. 1974. 30 апреля. № 52 (4565). С. 2–3; Любимов А. Огненные версты // Молодежь Эстонии. Таллин, 1971. 14 марта. № 50 (4930). С. 2; Алексеев Н. Я был во втором эшелоне... // Там же. 11 апреля. № 70 (4950). С. 4; Валов А. Бой за высадку // Там же. 25 апреля. № 80 (4960). С. 4; Кабанов С. В том далеком феврале // Там же. 25 июля. № 143 (5023). С. 4; Бочков А., Гринкевич В., Пушкин П. Последняя высота // Там же. 1972. 14 января. № 10 (5147). С. 3.

⁴⁵ Ср.: «Здесь замедляют свой бег и останавливаются свадебные вереницы “Чаек” и “Волг”. Молодожены возлагают цветы к памятнику тех, кто не пощадил себя в бою за счастье народа» (Гринкевич В. II. Разве можно забыть Мерекюла? М., 1979. С. 78).

⁴⁶ См.: Ситин Ю. Семь километров и... 30 лет // Нарвский рабочий. 1974. 30 июля, №91 (4604). С. 3.

⁴⁷ См.: Ида О. Художник Рашид Шамсутдинов, выразитель памяти народной. Нарва, 2010. С. 23.

⁴⁸ Осмысление истории включения в нарвский свадебный маршрут памятников воинской славы см. в статье: Burdakova O., Nõmm J. World War II Monuments as Wedding Procession Sites in Post-Soviet Cities: the Example of Narva, Estonia (в печати).

Фото 6. Военный мемориал «Три штыка» (скульптор — Р. Шамсутдинов), 2017 г.
Автор фотографии — Глеб Нечволодов.

Из рассмотренных памятников воинской славы сегодня свое прежнее значение в свадебном маршруте сохраняет только «Танк Т–34».

3.2.3. Свадебный маршрут нарвитян в 1980–1990-е гг.

В 1980–1990-е гг. молодожёны начинают посещать редкие сохранившиеся в Нарве архитектурные памятники старины — Нарвский замок и Ратушу.

Памятник крепостного зодчества **Замок Германа**, находившийся после Второй мировой войны длительное время на реставрации, частично был открыт для посещения в 1986 г. Красивые виды исторической крепости начинают использоваться во время свадеб как место для фотосессий. Сам замок является одним из символов города, поэтому фотографирование на фоне замка и крепости выполняет функцию закрепления городской идентичности. Сегодня Нарвский музей сдаёт в аренду залы для регистрации брака и предлагает целый пакет услуг по организации бракосочетания и свадебного торжества. Если регистрация брака происходит в замке, то после неё на выходе из замка гости осыпают молодоженов рисом⁴⁹. Кроме того, на территории Нарвского замка молодожёны нередко запускают в небо пару белых голубей⁵⁰.

⁴⁹ Ритуал посыпания молодожёнов после венчания зерном или хмелем — традиционная черта древнего свадебного обряда, возникшая, по всей видимости, ещё в языческие времена и включённая в христианскую свадьбу. По мнению Л. В. Тимофеевой, эта традиция была заимствована славянами: «У многих народов жениха и невесту обсыпали зернами. Цель этого ритуала — в призвании удачи. Зерна пшеницы и риса — неременная принадлежность языческой свадьбы (у русских посыпали еще и хмелем). Этим действием не только выражали надежду, что брак будет прочным, но и веру, что зерна передадут свою волшебную силу паре, на которую упадут, и молодые станут жить счастливо, богато и сыто» (Тимофеева Л. В. Традиции и новации в русском свадебном обряде. С. 17–18). До середины XVII в. «осыпание новобрачных зерном или хмелем и т. д. обязательно

Иногда свадебные кортежи подъезжают к одному из немногих уцелевших и восстановленных после Второй мировой войны в Нарве зданий — городской **Ратуше** (см. *Фото 13*), которая была построена в период шведского владычества в 1671 г. и является ярким образцом т. н. нарвского барокко. В советские годы в здании Ратуши размещался Дворец пионеров, в 1990-е гг. здание было закрыто для свободного посещения, поэтому свадебные процессии традиционно фотографировались только на фоне фасада Ратуши и на ступенях наружной лестницы, украшенной коваными перилами.

В целом в рассматриваемый период (1980–1990-е гг.) традиционный нарвский свадебный маршрут расширяется за счёт включения в него главным образом природных объектов в городе и за его чертой (см. *Рисунок 3*). По мнению Д. Громова, посещение природных объектов связано с программированием беспроблемной, здоровой и счастливой жизни молодоженов⁵¹.

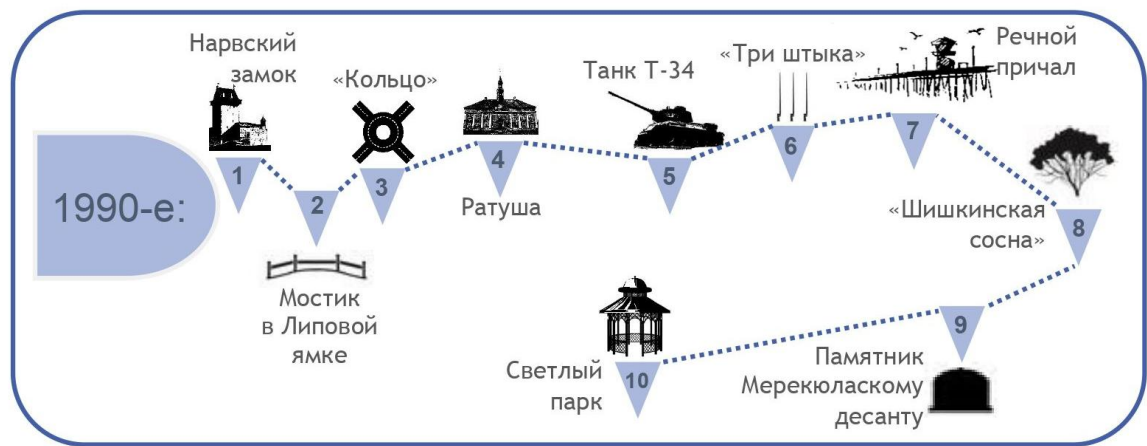

Рисунок 3. Типовой свадебный маршрут нарвитян в 1990-е гг.

После регистрации брака молодожены в 1990-е гг. начинают посещать **Липовую ямку** (официальное название — Йоаорг — искусственно созданный в центре города овраг, на берегу реки Наровы, который используется нарвитянами как зона пляжного отдыха, см. *Фото 7*). В 1997 г. в Липовой ямке был установлен мостик

совершалось на свадьбах у всех социальных слоев России» (см.: *Жирнова Г. В.* Брак и свадьба русских горожан в прошлом и настоящем. С. 67), в материалах по городской свадебной обрядности середины XIX в., как свидетельствует Г. В. Жирнова, подобные обряды не упоминаются (Там же). Между тем в 70-х гг. XX в традиция осыпания молодожёнов зерном и деньгами вновь фиксируется в малых и средних городах средней полосы России (Там же. С. 109). По всей видимости, немалую роль в возрождении утраченной традиции имела сознательная работа профессиональных организаторов свадебных торжеств по созданию свадебной обрядности и реконструкции старинных обычаев.

⁵⁰ Л. В. Тимофеева, исследовавшая традиции и новации в восточнославянском / русском свадебном обряде X–XX вв., отмечает, что традиция запуска голубей в честь новобрачных — новшество, появившееся в XVIII–XIX вв. в городской и дворянской среде (*Тимофеева Л. В.* Традиции и новации в русском свадебном обряде. С. 66–67).

⁵¹ См.: *Громов Д.* Новые обряды современного бракосочетания.

(см. *Фото 8*). Молодожёны облюбовали его как место для навешивания замочков⁵². Эта итальянская по происхождению традиция получила большое распространение в Эстонии в 2000-е гг. Примечательно, что в современной России традиция прикреплять во время свадьбы замочки на мостах влюбленных столь же актуальна⁵³. Считается, что пристёгнутый к железному мосту замок с выкинутым в воду ключом символизирует вечность любви и нерушимость заключённого брака.

Фото 7. Липовая ямка (овраг Йоаорг) в Нарве, 2019 г.
Автор фотографии — Анна Маркова.

Фото 8. Мостик в Липовой ямке (овраг Йоаорг), 2019 г.
Автор фотографии — Анна Маркова.

⁵² По мнению Д. Громова, эта традиция возникла в 1970-х гг. во Флоренции, в начале 1990-х получила распространение в Риме, а в 1990–2000-х гг. — в Европе в целом. В России этот свадебный обычай впервые был зафиксирован в 2006 г. (Там же).

⁵³ См.: Матлин М. Г. «Замки счастья» на мосту влюбленных: об одной новации в современной городской свадьбе // Славянская городская культура и современный мир. М., 2010. Вып. 13. Традиционная культура современного города. С. 194–217.

Выезжая за город, по пути к Шишкинской сосне в 1980-е гг. молодожёны останавливаются у **речного причала** (см. *Фото 9*) в курортном городке Нарва-Йыэсуу (в 14 км от Нарвы)⁵⁴. Это место оказалось удобным для совершения новых свадебных ритуалов. Здесь молодая жена «прощается» со своей девичьей фамилией, молодые супруги загадывают желания на будущую счастливую семейную жизнь. Ритуал «прощания» молодой жены с отцовской фамилией зафиксирован в двух вариантах. Первый вариант: молодая супруга записывает девичью фамилию на листке бумаги, запечатывает в бутылку и запускает в реку Нарову. Некоторые молодожёны, как уже отмечалось ранее, выбирают для этого ритуала смотровую площадку мемориала «Танк Т-34». Однако для запуска бутылки со смотровой площадки от молодожёнов требуется немалая сноровка, а с расположенного фактически в месте соединения реки Наровы и Нарвской губы Финского залива Балтийского моря причала бутылку с «посланием» нетрудно пустить в «плавание». Нижнее течение реки обязательно унесёт закупоренную бутылку в воды Финского залива, а не прибьёт на глазах у гостей свадьбы обратно к берегу (что очень важно для обряда «перехода»: девичья фамилия «уплывает» навсегда, без возврата). Описанный вариант ритуала, очевидно, складывается под влиянием популярной приключенческой литературы, литературы путешествий, в которой потерпевшие кораблекрушение герои нередко отправляют бутылку с посланием в море в надежде на спасение. Второй вариант ритуала с тем же значением: супруга пишет свою девичью фамилию на воздушном шарике и отпускает его в небо. Ср.:

ОО: Дальше вот мы поехали в Усть-Нарву⁵⁵, и вот в Усть-Нарве, где там этот причал, или как он там есть, вот когда вот сразу же направо... Там вот этот мостик-то, ну, вот на речке-то. Вот. И вот там вот у нас невеста запускала шарик со своей фамилией, что она отпускала, что свою фамилию. А Жених вот с этого причала, вот с этого мостика в бутылке... Типа желание они загадывали, и вот в этой, ну, бутылке от шампанского, кидали её вот в эту речку. Вот.

И 11: Именно жених должен был?

ОО: Именно жених, да.

И 12: Жених загадывает желание, да, на свадьбу?

⁵⁴ По данным историков, речной причал в устье реки Наровы был сооружен в 1767 г. (Овечкина И. П., Стрелков В. В. Курорт Нарва-Йыэсуу и его окрестности. Б. м., 1995. С 4). Активное использование причала как пристани речных прогулочных судов начинается с 1870-х гг., когда Городская дума Нарвы приняла решение о выделении горожанам участков под дачные застройки в Гунгербурге. В качестве рекламной акции был открыт для горожан прогулочный маршрут по Нарове до Гунгербурга и обратно. В дальнейшем с развитием курорта речное сообщение стало связывать Нарву с Гунгербургом.

⁵⁵ Русское название города Нарва-Йыэсуу.

ОО: Они вместе загадывают желание, вот в эту бутылку... Ну вместе там типа закрывают её, ну жених кидает её уже в речку сам, один.

И 12: А невеста свое имя, фамилию пишет на шарике, да?

ОО: На шарике, да. И отпускает этот шарик, что это старая фамилия улетает. В общем, теперь приходит новая (ЭН 14–01).

Фото 9. Речной причал в г. Нарва-Йыэсуу, устье реки Наровы.

Источник фотографии: ERM Fk 2644:15866, Эстонский национальный музей, (<http://www.muis.ee/museaalview/1521551>).

Оба описанных выше варианта «прощания молодой супруги с девичьей фамилией» растиражированы в интернете: многочисленные порталы, фирмы по организации свадеб предлагают подобную услугу и рекомендуют молодожёнам включать этот шуточный обряд в список свадебных развлечений. До конца XX в. аналогов этому ритуалу мы не находим ни в сельской, ни в городской культуре, что вполне объяснимо: даже в конце XIX в. далеко не все сословия, как известно, имели фамилии. По существу, ритуал «прощания с фамилией» как обряд перехода теоретически мог сложиться и получить массовое распространение только после 1917 г.

На обратном пути от Шишкинской сосны свадебный кортеж обычно останавливается в **Светлом парке**, расположенном на территории Нарва-Йыэсуу.

Светлый парк⁵⁶ с искусственно созданным водоёмом является регулярным парком. Излюбленным местом для фотографирования становится беседка в Светлом парке. В целом пейзажи парковой зоны (беседка, мостик через пруд и т. д.) традиционно используются как фон для фотографий. В начале XXI в. появляется традиция вешать на перила мостика замки.

В 1990–е гг. из списка свадебных объектов исключаются памятник Ленину, а в 2000–е гг. — военные мемориалы: памятник Мерекюласкому десанту и «Три штыка».

3.2.4. Свадебный маршрут нарвитян в 2000–е гг.

В 2000–е гг. в маршрут прогулки включаются новые установленные в центре города памятники — «Шведский лев» и «Свадебное дерево» (см. *Рисунок 4*).

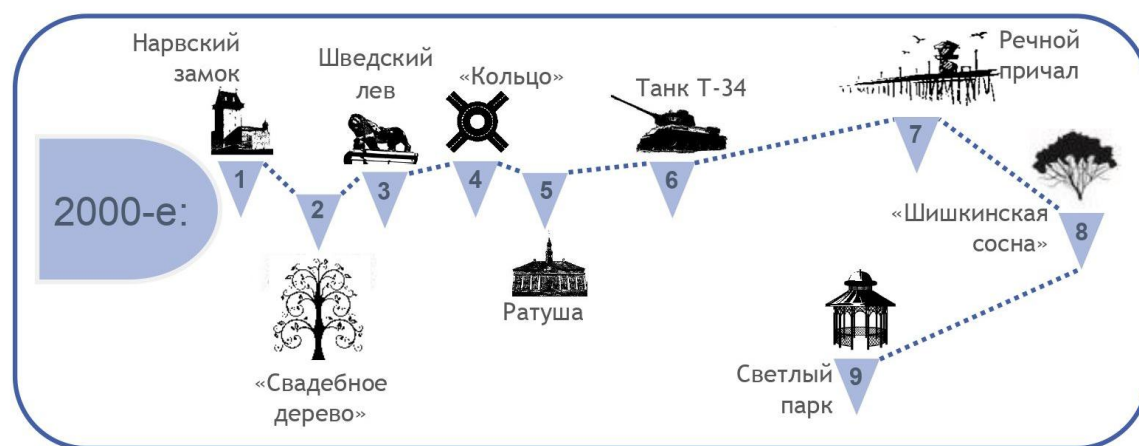

Рисунок 4. Типовой свадебный маршрут нарвитян в 2000–е гг.

«Шведский лев» (см. *Фото 10*), или памятник в честь победы шведов в сражении 1700 г. под Нарвой, является относительно поздним объектом, появившемся в свадебном маршруте нарвских молодожёнов. Он попадает в число свадебных объектов в 2000–е гг., причём сразу же после установления памятника. Открытие этого восстановленного исторического памятника состоялось 18 ноября 2000 г. и было приурочено к празднованию трёхсотлетия со дня Нарвского сражения⁵⁷. Причины, по которым Шведский лев был выбран молодожёнами в качестве объекта свадебного маршрута, могут быть разными.

⁵⁶ Он был разбит уже в 1873 г., когда курорт только начал складываться (*Стрелков В. Золотое кольцо Гунгербурга: Курорт Нарва-Йыэсуу. СПб., 2007. С. 207*), и создан в противовес Тёмному (или Тенистому) парку, расположенному по другую сторону Мерикюлаского шоссе. Тёмный парк представляет собой сохранённую нетронутой часть лесного массива, прилегающую к береговой кромке.

⁵⁷ См.: *Raik K., Toode A. Narva eile ja täna. Narva vaatamisväärsused. Narva, 2004. С. 30–31.*

Фото 10. Памятник «Шведский лев» в Нарве, 2019 г.

Автор фото — Анна Маркова.

Фото 11. Памятник «Шведский лев» и смотровая площадка в Нарве, 2019 г.

Автор фото — Анна Маркова.

Во-первых, определённую роль сыграла близость памятника к ЗАГСу. В начале 2000-х гг. регистрация брака проходила в здании на улице Кирику. Во-вторых, возвышенные берега Наровы в районе Липовой ямки с видом на обе крепости традиционно избирались фотографами для создания памятных снимков (например, по случаю окончания школы или гимназии). Вид на Нарвский замок и Ивангородскую крепость является знаковым для городской идентичности, это своего рода визитная карточка города (вспомним, что в своё время этот вид красовался на эстонской пятикрупной купюре). В-третьих, выбор Шведского льва в качестве свадебной достопримечательности, очевидно, связан с тем обстоятельством, что в 1990-е годы в связи с переносом памятника Ленину на территорию Нарвского замка

и исключением этого объекта из свадебного маршрута в черте города осталось не так уж и много мест для посещения молодожёнами. Основные и традиционные объекты были вынесены за городскую черту и располагались по дороге в Нарву-Йыэсуу или на территории курорта. Соответственно, ощущалась потребность в появлении заместителей старых объектов. Таким заместителем становится памятник шведской победе в 1700 г. Интересно, что, заместив собой объект с ярко выраженной идеологической окраской и будучи тоже монументом с идеологическим подтекстом, в маршрут молодожёнов Шведский лев попадает как объект со стёртым идеологическим значением. Характерно, что нет традиции возложения молодожёнами цветов к этому памятнику. Фактически Шведский лев является только местом для фотографирования, и для этого главным образом используется смотровая площадка (см. *Фото 11*), расположенная за памятником, а не сам монумент. Сам памятник зачастую оказывается «за кадром» фотографии (что сближает свадебную и туристскую фотографии «у Шведского льва»). Многие информанты подчеркивают в своих интервью, что включение посещения Шведского льва в свадебную прогулку связано с тем, что смотровая площадка удобна для групповых фотографий. Ср.:

И 12: А вы не знаете, почему вообще (памятник льву не так давно поставлен по меркам городской истории), почему вообще именно этот памятник, а не какие-то другие памятники, которые есть в городе, выбирают в качестве такого свадебного объекта?

ОО: Ну, не знаю. Мне кажется на самом деле, что там больше не памятник выбирают, там больше выбирают вид, наверно. Что вот, ну свадебные фотографии просто, что вот этот фон красивый, наверно. Потому что мало кто фоткается прямо перед памятником. В основном все всё равно все за памятник уходят и там в основном фотографируются.

И 12: То есть памятник неважен оказывается...

ОО: Ну да, мне кажется, что с этим видом, с этим Замком, с этой речкой. Вот так вот (ЭН 14–01).

Можно даже сказать, что памятным и знаковым местом оказывается не сам монумент, а тот вид, который за ним открывается для наблюдателя. Не исключаем, что в маршрут свадебной прогулки этот памятник попал с лёгкой руки сопровождавших свадебный поезд профессиональных фотографов. Во всяком случае, один из наших информантов вспоминает, как сразу после установки памятника, когда традиции посещения его как таковой ещё не существовало, фотограф предложил молодожёнам отправиться на это место сделать фотографии:

И 11: А в то время, когда вы замуж выходили, не было ещё этой традиции...

НК: Нет. Он только-только появился, этот памятник. И просто, ну, видимо, фотограф с нами была профессионал, которая, видимо, уже не первую свадьбу обслуживала и она сказала: «Давайте съездим туда. Там шикарные фотографии получаются. Всё так здорово и интересно будет». Опять же такое, ну, вот две вот эти

крепости — для Нарвы такое значимое традиционно красивое место. Почему бы нет? (ЭН 14–02).

В конце 2000-х гг. в городе появляется «свадебная достопримечательность», которая, в отличие от всех описанных выше, специально создавалась для поддержания традиции свадебной прогулки. Осенью 2008 г. в Нарве было торжественно открыто «Свадебное дерево» (см. *Фото 12*). Автором его стал нарвский кузнец Р. Шамсутдинов, он же является создателем монумента «Три пштыка». По инициативе городских властей в Замковом парке на самом краю бастиона было установлено железное дерево серебристого цвета, на которое молодожёны могут прикреплять железные листочки со своими именами и днём бракосочетания. Нарвское «Свадебное дерево» является воплощением в жизнь проекта, победившего на городском конкурсе 2006 г. по выбору нового места для проведения свадебной традиции, его авторы — работники Нарвского молодёжного центра А. Коновалова и Е. Семичишин. Очевидно, что сама традиция установки в городе свадебных деревьев не уникальна: в российских городах существуют свадебные деревья, на которые молодожены прикрепляют замочки⁵⁸). Любопытно, что сами авторы этого проекта представляют идею нарвского «Свадебного дерева» как оригинальную и не имеющую аналогов в других городах мира. Эта версия поддерживается в местных и республиканских СМИ⁵⁹. Такое стремление представить те или иные городские начинания как уникальные вообще характерно для нарративов локального текста.

Фото 12. Молодожены у «Свадебного дерева».

Фотография из частного семейного архива.

Нарвское «Свадебное дерево» сохраняет в себе память сразу о трёх объектах нарвского свадебного маршрута. Во-первых, это Шишкинская сосна с обрядом

⁵⁸ См.: Громов Д. Новые обряды современного бракосочетания.

⁵⁹ Смирнов И. В Нарве «посадили» свадебное дерево // Северное побережье. 2008. 17 декабря. URL: <http://rus.pohjarannik.ee/modules.php?name=News&file=article&sid=8414> (16.07.2019); В Нарве «посадили» свадебное дерево // Первый Балтийский канал. 2008. 23 декабря. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=EkpIX5q7ezA> (16.07.2019).

повязывания ленточки на ветвях дерева. Во-вторых, это мостик на Липовой ямке, который соединяет склон берега реки с перешейком, отделяющим, в свою очередь, купальную зону от основного русла Наровы. На мостике было принято пристёгивать замки, часть которых по сей день можно там наблюдать. Неслучайно некоторые молодожены вместо листочка или вместе с ним прикрепляют к железному дереву миниатюрный замочек (хотя это можно рассматривать и как отголоски влияния российской традиции). В то же время не вызывает сомнения, что «Свадебное дерево» было установлено как раз с целью переключить внимание молодожёнов с одного объекта на другой, поскольку известно, что большую часть замков с мостика на Липовке сняли. В-третьих, по замыслу авторов проекта «Свадебного дерева», оно должно было занять пустующее ныне место памятника Ленину на Петровской площади. В 2006 г. идея активно обсуждалась в прессе⁶⁰. Это обсуждение закрепляется в памяти горожан, и некоторые из них рассказывают, что «Свадебное дерево» занимает сегодня место памятника Ленину.

Л: И у нас теперь в Нарве тоже есть...

АГС: ...свадебное дерево. Да, такое, выкованное!

Л: ...там, где Ленин был (ЭН 11–40).

Если бы замысел авторов проекта был воплощён, то можно было бы говорить, что память места сыграла определённую роль в судьбе новой «свадебной достопримечательности». Однако городские власти всё-таки сочли это «неуместным», установив «дерево» в Замковом парке⁶¹. В то же время примечательно, что город не сразу отказался от идеи установить «Свадебное дерево» на Петровской площади, ещё в начале 2008 г. она рассматривалась как вполне реальная⁶².

3.2.5. Свадебный маршрут нарвитян в 2010-е гг.

В 2010-е гг. нарвский свадебный маршрут пополняется ещё одним городским объектом — **новым зданием Нарвского колледжа Тартуского университета** (см. *Фото 13*). Здание было открыто в ноябре 2012 г., построено на Ратушной площади, в бывшем центре шведской Нарвы, на месте стоявшей здесь когда-то биржи. Нарвитяне не сразу приняли идею строительства нового здания: проект вызвал оживлённые общественные дискуссии по поводу уместности строительства современного и нетрадиционного в стилистическом отношении здания в когда-то существовавшем историческом центре города. Здание соединяет современные стилистические архитектурные решения с реминисценциями облика биржи времени

⁶⁰ В Нарве на месте Ленина воздвигнуто свадебное дерево // Delfi [Электронный ресурс]. 2006. 1 ноября. URL: <http://rus.delfi.ee/daily/estonia/v-narve-na-meste-lenina-vozdvignut-svadebnoe-derevo.d?id=14219486> (16.07.2019); В Нарве на месте Ленина вырастет «свадебное дерево» // Postimees [Электронный ресурс]. 2006. 1 ноября. URL: <http://rus.postimees.ee/2246607/v-narve-na-meste-lenina-vyrastet-svadebnoe-derevo> (16.07.2019).

⁶¹ См.: *Смирнов И.* В Нарве «посадили» свадебное дерево.

⁶² См.: *Смирнов К.* В Нарве установят «Свадебное дерево» // Delfi [Электронный ресурс]. 2008. 15 февраля. URL: <http://rus.delfi.ee/daily/estonia/v-narve-ustanovyat-svadebnoe-derevo.d?id=18200582> (16.07.2019).

шведского правления. Со времени открытия новое здание Нарвского колледжа становится не только учебным, но и культурным городским центром: здесь регулярно проходят концерты, выставки, конференции, семинары, круглые столы. Здание привлекает молодожёнов необычными интерьерами для фотосъёмки, и многие свадебные процессии, участники которых далеко не всегда имеют отношение к колледжу как к учебному заведению, без предварительной договорённости приезжают в колледж с профессиональным фотографом для проведения здесь фотосессий. Холл, стеклянная галерея, кованые ворота внутреннего дворика, фонтан перед фасадом здания становятся традиционными местами для фотографирования.

Фото 13. Нарвский колледж Тартуского университета и городская Ратуша, 2019 г.

Автор — Анна Маркова.

В современном свадебном маршруте нарвитян актуальными являются следующие из описанных выше объектов: территория Нарвского замка — «Свадебное дерево» — Шведский лев — Кольцо — Нарвский колледж — Ратуша — Танк Т-34 — Речной причал в Нарва-Йыэсуу — Шишкинская сосна — Светлый парк в Нарва-Йыэсуу.

4. Выводы.

Свадебный маршрут — один из элементов локального текста Нарвы, осведомлённость о котором входит в систему обязательных знаний горожанина о своём городе, объединяет нарвитян и выполняет функцию поддержания городской идентичности.

Реконструированная нами история формирования свадебного маршрута и характер ритуальных и игровых действий около «свадебных

достопримечательностей» свидетельствуют об общих истоках свадебных прогулок в Нарве и других (малых и крупных) городах советского и постсоветского пространства.

Формирование современного маршрута нарвской свадебной прогулки начинается, как и в других городах бывшего СССР, в 1960-е гг. и связано, по всей видимости, с усилением в эти годы церемониальной стороны свадебного обряда.

Современный свадебный маршрут включает в себя объекты трёх типов: архитектурные достопримечательности, памятники и природные объекты.

Вхождение объектов в свадебный маршрут может быть результатом действия разнообразных факторов: с одной стороны, сознательного стремления официальных структур к формированию свадебной обрядовости, с другой — стихийного освоения жителями городского пространства. Включение в маршрут в 1990–2010-е гг. немалого количества природных объектов можно объяснить усилением мнемонической функции свадебной прогулки: важно не просто запечатлеть на фотоснимке торжественное событие, а выбрать достойное для него обрамление или фон (эстетика в этом случае оказывается определяющей в выборе места для фотографирования). Исключение объектов из свадебного маршрута связано с перестройкой городского ландшафта и сменой идеологических ориентиров.

Интересна роль и место военных памятников в нарвском маршруте: если в 1970-е гг. мемориалы воинской славы составляли половину объектов традиционного свадебного маршрута, то сегодня сохраняет свое значение только Танк Т–34. Такую особую роль этого мемориала можно объяснить тем, что мы имеем дело не с братским захоронением, а памятником-участником военных событий, легендарной боевой машиной, символом победы русского народа во Второй мировой войне, вызывающим у значительной части нарвитян чувство гордости и причастности к победе. Этот памятник оказывается включённым в праздничную культуру и в игровое свадебное действо. Выполняет функцию маркера городской идентичности нарвитянина⁶³.

Топография нарвского свадебного маршрута указывает на наличие культурной границы между Нарвой и Ивангородом и стирание этой границы между Нарвой и Нарва-Йыэсуу. Свадебная прогулка оказывается путешествием за город в северном направлении. Ивангородские объекты никогда не входили в свадебный маршрут, что подтверждает мысль о сравнительно позднем его формировании в городской истории. Если бы нарвская свадебная прогулка имела предысторию и начала формироваться в царское время или период Эстонской Республики 1918–1940 гг.,

⁶³ Подробнее об этом см.: Бурдакова О., Нымм Е. Из опыта составления словарей локального текста городов постсоветского культурного пространства.

очевидно, в неё были бы включены какие-то ивангородские достопримечательности. Поскольку территориально-административной границы до 1945 г. не существовало, территория современных Нарвы и Ивангорода была объединена общими культурными действиями (например, традицией празднования Нарвских певческих праздников) и семейными обрядами (русские семьи до Второй мировой войны хоронили усопших на православном кладбище Ивангорода).

Список цитируемых информантов

- АГС — Жен., 1940 г. р.; родилась в Североморске; в Эстонии проживает с 1979 г., в Нарве — с 1989 г. (EN 11–40).
 Л — Жен., 1929 г. р.; среднее техническое образование; родилась в Тарту (EN 11–40).
 НК — Жен., 1966 г. р.; высшее образование; родилась в Кохтла-Ярве; в Нарве проживает с трехлетнего возраста (EN 14–02).
 ОО — Жен., 1987 г. р.; среднее специальное образование; родилась в Нарве (EN 14–01).

Собиратели (исследователи)

- И 11 — Елена Нымм
 И 12 — Ольга Бурдакова

Список литературы

Абашев, В. Пермь как текст: Пермь в русской культуре и литературе XX века / В. Абашев. — Пермь: Издательство Пермского университета, 2000. — 404 с. — URL: http://www.psu.ru/files/docs/personalnye-stranitsyprepodavatelej/abashev/kniga_1.pdf. — (16.07.2019).

Адоньева, С. Б. Категория ненастоящего времени. — Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 2001.

Алексеев, Н. Я был во втором эшелоне... / Н. Алексеев // Молодежь Эстонии. — Таллин, 1971. — 11 апреля, № 70 (4950). — С. 4.

Алексеевский, М. Исследования города / М. Алексеевский, М. Ахметова, М. Лурье // Антропологический форум. — 2010. — № 12. — С. 16–25. — URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/012/12_forum.pdf. — (16.07.2019).

Алексеевский, М. Материалы к словарю локального текста Могилева-Подольского / М. Алексеевский, А. Жердева, М. Лурье, А. Сенькина // Антропологический форум. — 2008. — № 8. — С. 419–442. — URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/008/08_12_alekseevsky_et_al_k.pdf. — (16.07.2019).

Алексеевский, М. Легенда о памятнике Гоголю в Могилеве-Подольском: опыт комментария к фрагменту локального текста / М. Алексеевский, М. Лурье, А. Сенькина // Антропологический форум. — 2009. — № 11. — С. 275–312. — URL: http://ecsocman.hse.ru/data/2012/06/22/1259000524/11_06_alekseevsky_lurie_senkina.pdf. — (16.07.2019).

Ахметова, М. В. Материалы бологовских экспедиций 2004 г. / М. В. Ахметова, М. А. Лурье // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/ahmetovalurie2.htm>. — (16.07.2019).

Бойцова, О. Роль фотографии в современном городском свадебном обряде / О. Бойцова // Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность. — Саратов : Научная книга, 2007. — С. 78–101.

Бочков, А. Последняя высота / А. Бочков, В. Гринкевич, П. Пушкин // Молодежь Эстонии. — Таллин, 1972. — 14 января, № 10 (5147). — С. 3.

Бурдакова, О. Из опыта составления словарей локального текста городов постсоветского культурного пространства / О. Бурдакова, Е. Нымм // Альманах североевропейских и балтийских исследований / Nordic and Baltic Studies Review. — 2017. — Вып. 2. — С. 116–138. — URL: <http://nbsr.petrso.ru/journal/article.php?id=750>. — (16.07.2019).

Валов, А. Бой за высадку / А. Валов // Молодежь Эстонии. — Таллин, 1971. — 25 апреля, № 80 (4960). — С. 4.

Геопанорама русской культуры. Провинция и ее локальные тексты / отв. ред. Л. О. Зайонц ; сост. В. В. Абашеев, А. Ф. Белоусов, Т. В. Цивьян. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — 672 с.

Гринкевич, В. И. Разве можно забыть Мерекюла? / В. Гринкевич. — Москва : Издательство политической литературы, 1979. — 80 с.

Громов, Д. В. Новые обряды современного бракосочетания / Д. В. Громов // ПостНаука [Электронный ресурс]. — URL: <https://postnauka.ru/longreads/2649> — (16.07.2019).

Жирнова, Г. В. Брак и свадьба русских горожан в прошлом и настоящем / Г. В. Жирнова. — Москва : Наука, 1980. — 149 с.

Ида, О. Художник Рашид Шамсутдинов, выразитель памяти народной / О. Ида. — Нарва : САТА, 2010. — 100 с.

Кабанов, С. В том далеком феврале / С. Кабанов // Молодежь Эстонии. — Таллин, 1971. — 25 июля, № 143 (5023). — С. 4.

Костин, Н. Удар с моря / Н. Костин, Е. Кривошпеев // Нарвский рабочий. — Нарва, 1974. — 30 апреля, № 52 (4565). — С. 2–3.

Коченовский, О. Нарва. Градостроительное развитие и архитектура / О. Коченовский. — Таллинн : Валгус, 1991. — 304 с.

Лотман, Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города / Ю. М. Лотман // Ученые записки Тартуского государственного университета. — Тарту : Тартуский государственный университет, 1984. — Вып. 664. — С. 30–45. — (Труды по знаковым системам: Семиотика города и городской культуры. Т. 18).

Любимов, А. Огненные версты / А. Любимов // Молодежь Эстонии. — Таллин, 1971. — 14 марта, № 50 (4930). — С. 2.

Мазанов, Ю. Шишкин и Нарвское взморье / Ю. Мазанов // Мазанов, Ю. «Нынешнее лето мы жили за Нарвой...» / Ю. Мазанов. — Санкт-Петербург : Реноме, 2012. — С. 9–38.

Мазанов, Ю. И. Шишкин на Нарвском взморье / Ю. Мазанов. — Санкт-Петербург : Реноме, 2014. — 7 с.

Матлин, М. Г. «Замки счастья» на мосту влюбленных: об одной новации в современной городской свадьбе / М. Г. Матлин // Славянская городская культура и современный мир. — Москва : Государственный республиканский центр русского фольклора, 2010. — Вып. 13. Традиционная культура современного города. — С. 194–217.

Минц, З. Г. «Петербургский текст» и русский символизм / З. Г. Минц // Минц, З. Г. Блок и русский символизм : избранные труды : в 3 кн. / З. Г. Минц. — Санкт-Петербург : Искусство-СПБ, 2004. — Кн. 3. Поэтика русского символизма. — С. 103–115.

Неклюдов, С. После фольклора / С. Неклюдов // Живая старина. — 1995. — № 1. — Москва : Российский этнографический музей, 1995. — С. 2–4.

Неклюдов, С. Постфольклор. Курс : введение в теоретическую фольклористику / С. Неклюдов // ПостНаука [Электронный ресурс]. — URL: <http://postnauka.ru/video/9435> — (16.07.2019).

Неклюдов, С. Постфольклор в городских традициях XX века / С. Неклюдов // ПостНаука [Электронный ресурс]. — URL: <http://postnauka.ru/lectures/24463> — (16.07.2019).

Овечкина, И. П. Курорт Нарва-Йыэсуу и его окрестности / И. П. Овечкина, В. В. Стрелков. — Б. м. : б. и., 1995. — 73 с.

Пространственность развития и метафизика Саратова / под ред. Т. П. Фокиной. — Саратов : Поволжская академия государственной службы, 2001. — 140 с.

Путеводитель как семиотический объект / под ред. Л. Н. Киселевой. — Тарту : Tartu Ülikooli Kirjastus / Tartu University Press, 2008. — 295 с.

Ростовская, Н. А. Эволюция свадебной обрядности русского городского населения России в советский период / Н. А. Ростовская // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. Гуманитарные науки. — 2012. — № 27. — С. 950–953.

Ситин, Ю. Семь километров и... 30 лет / Ю. Ситин // Нарвский рабочий. — 1974. — 30 июля, №91(4604). — С. 3.

Ситин, Ю. Этих дней не смолкнет слава / Ю. Ситин // Нарвский рабочий. — 1972. — 11 мая, № 56 (4261). — С. 2.

Ситин, Ю. Драма у Мерекюла / Ю. Ситин, Е. Кривошеев // Нарвский рабочий. — 1970. — 24 ноября, № 139 (4034). — С. 2.

Ситин, Ю., Кривошеев, Е. Драма у Мерекюла // Нарвский рабочий. — 1970. — 1 декабря, № 142 (4037). С. 2.

Смирнов, И. В Нарве «посадили» свадебное дерево / И. Смирнов // Северное побережье. — 2008. — 17 декабря. — URL: <http://rus.pohjarannik.ee/modules.php?name=News&file=article&sid=8414>. — (16.07.2019).

Смирнов, К. В Нарве установят «Свадебное дерево» / К. Смирнов // Delfi [Электронный ресурс]. — 2008. — 15 февраля. — URL: <http://rus.delfi.ee/daily/estonia/v-narve-ustanovyat-svadebnoe-derevo.d?id=18200582>. — (16.07.2019).

Смолкин-Ротрок, В. Проблема «обыкновенной» советской смерти: материальное и духовное в атеистической космологии / В. Смолкин-Ротрок // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. — 2012. — № 3–4 (30). — С. 430–463. — URL: http://www.intelros.ru/pdf/GosRelTserkov/2012_03-04/19.pdf. — (16.07.2019).

Смолокуров, А. Народонаселение Нарвы. Демографический обзор истории города / А. Смолкуров // Сборник Нарвского музея. — Нарва : Нарвский музей, 2000. — С. 15–65.

Стрелков, В. Золотое кольцо Гунгербурга : курорт Нарва-Йыэсуу / В. Стрелков. — Санкт-Петербург : Сотис-Мед, 2007. — 318 с.

Тименчик, Р. Д. Сны Блока и «петербургский текст» начала XX века / Р. Д. Тименчик, В. Н. Топоров, Т. В. Цивьян // Тезисы I Всесоюзной (III) конференции «Творчество А. А. Блока и русская культура XX века». — Тарту : Тартуский государственный университет, 1975. — С. 129–135.

Тимофеева, Л. В. Традиции и новации в русском свадебном обряде : дис. ... канд. филос. наук / Лилия Вадимовна Тимофеева. — Москва, 2004. — 170 с.

Топоров, В. Н. Петербург и «петербургский текст русской литературы» (введение в тему) / В. Н. Топоров // Топоров, В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ :

исследования в области мифопоэтического / В. Н. Топоров. — Москва : Прогресс—Культура, 1995. — С. 259–367.

Bulatnikov, V. Nõukogude ajastu ausambad Narvas 1945–1960 V. Bulatnikov // Narva Muuseum. Toimetised. — 2012. — № 12. Märgilised mälestised. Uurimisi Narva piirkonna ajaloost. — Lk. 168–200.

Burdakova, O. World War II Monuments as Wedding Procession Sites in Post-Soviet Cities: the Example of Narva, Estonia / O. Burdakova, J. Nõmm. — (Forthcoming).

Kaunilt, meeldejäädvalt. Nõukogulikke kombetalitusi. Artiklikogumik / koost. K. Oja. — Tallinn : Eesti Raamat, 1965. — 88 lk.

Krivošejev, J. Narva ekskursioonijuht / J. Krivošejev. — Tallinn : Eesti riiklik kirjastus, 1960. — 108 lk.

Migdal, S. Narva / S. Migdal. — Tallinn : Eesti Raamat, 1978. — 118 lk.

Narva arvudes 2017 // Narva Linna Arenduse ja Ökonoomika Amet. — URL: http://www.narva.ee/ee/vasakpoolsed/narva_arvudes/page:3295. — (14.10.2019).

Nõmm, J. Pulmapäeva külustuspaigad Narvas: pulmasõidu kujunemise ajaloost / J. Nõmm, O. Burdakova // Mäetagused. — 2019. — № 1(73). — Lk. 47–68. — URL: http://www.folklore.ee/tagused/nr73/nomm_burdakova.pdf. — (16.07.2019).

Nõuandeid ilmalike kombetalituste kohta. — Tartu : Tartu Linna TSN Täitevkomitee kultuuriosakond, 1959. — 23 lk.

Raik, K. Narva eile ja täna. Narva vaatamisväärsused / K. Raik, A. Toode. — Narva : SATA, 2004. — 91 lk.

Tähistagem pidulikult perekondlikke sündmusi. — Tallinn : Eesti Riiklik Kirjastus, 1960. — 48 lk.

Vsevirov, D. Nõukogudeaegne Narva elanikkonna kujunemine 1944–1970 / D. Vsevirov. — Tartu : Okupatsioonide Repressiivpoliitika Uurimise Riiklik Komisjon, 2001. — 104 lk.

МАРКОВСКАЯ Елена Владимировна / MARKOVSKAIA Elena

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук / Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences

Россия, Петрозаводск / Russia, Petrozavodsk

greek23@mail.ru

КЛАССИФИКАЦИЯ ЖАНРОВ ФОЛЬКЛОРА РУССКОГО И ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ В БАЗЕ ДАННЫХ ФОЛЬКЛОРНОГО АРХИВА ИЯЛИ КарНЦ РАН*

CLASSIFICATION OF RUSSIAN AND FINNO-UGRIC FOLKLORE GENRES
IN THE DATA BASE OF THE FOLKLORE ARCHIVE OF THE ILLH
(KarRC, RAS)

Abstract: The problems of the classification of folklore genres are discussed. The principles of genre classification are presented, which have become the basis for the systematisation of materials from the folklore archive of the Institute of Language, Literature and History of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences.

Ключевые слова / Keywords: Фольклор, жанр, систематизация, архив, финно-угроведение / Folklore, genre, systematisation, archive, Finno-Ugrian studies

В систематизации фольклорных материалов одним из основных спорных моментов до настоящего времени остается их жанровая классификация. Фольклор является отражением жизни, а современные социальные явления порождают новые его формы. Одни жанры устаревают и умирают, другие трансформируются и гибридизируются. Это приводит к необходимости постоянного осмысления исследователями изменяющейся системы жанров, расширению понятийного поля фольклора, и к необходимости корректировки принципов классификации фольклорных материалов, в том числе и в связи с их архивной систематизацией.

Наиболее полно охарактеризовал предметное поле фольклористики Б. Н. Путилов. Он выделил пять основных позиций исследователей по отношению к полю фольклора в отечественной фольклористике XX века: «Фольклор включает всю совокупность, все многообразие форм традиционной культуры; к фольклору относится весь комплекс традиционной духовной культуры, реализуемой в словах, идеях, представлениях, звучаниях, движениях, действиях; фольклор включает только комплекс явлений духовной культуры, относящихся к искусству; фольклор — это в первую очередь сфера словесного искусства; к сфере фольклора относятся явления и факты вербальной духовной культуры во всем их многообразии»¹. В. Я. Пропп понимал под фольклором «только духовное творчество, и даже уже, только

* Статья подготовлена в рамках выполнения плановой темы № АААА-А18-118030190094-6.

¹ Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. СПб.: Наука, 1994. С. 23–24.

словесное, поэтическое творчество»², то есть его взгляд совпадает с четвертой позицией этого списка. Сам Б. Н. Путилов полагал, что это последнее утверждение наиболее точно определяет сферу фольклора.

Следует привести «итоговое» определение фольклора, сложившееся к концу XX в., данное в «Рекомендации по охране традиционной культуры и фольклора» — документе, принятом 25 конференцией ЮНЕСКО: «Фольклор (или традиционная народная культура) представляет собой все многообразие опирающегося на традицию народного творчества, характерного для той или иной социально-этнической среды, однородной в культурном отношении. Реальными носителями фольклора являются представители такого сообщества — отдельные лица и группы. Фольклор — отражение их социального и культурного самосознания и самоидентификации; он служит коммуникативной передаче их норм и ценностей с помощью словесных текстов, путем подражания или иными средствами. Формы существования и выражения фольклора — это язык, литература, музыка, танец, игры, мифология, обряды и обычаи, ремесла, архитектура и другие виды художественного творчества»³.

В настоящее время границы между науками размываются, и фольклористы работают на пересечении предметных полей разных гуманитарных дисциплин. О важности создания междисциплинарных сообществ исследователей и расширении профессионализации фольклористов в современном научном пространстве писал Б. Н. Путилов: «Фольклорист не должен бояться, что, расширяя поле фольклора, он неизбежно вторгнется в сферы, принадлежащие собственно лингвистике, диалектологии, этнонимике и т.п. Пересечение полей неизбежно, а вот строгое соблюдение границ может привести к образованию «пустот», вовсе оставленных наукой. На пересечении материалов представители разных дисциплин вступают не в конфликт, но в контакт. В идеале же стоит стремиться к многопрофильной специализации, к объединению в одном лице профессиональных знатоков в разных областях»⁴.

В последние десятилетия предметная область фольклора значительно расширилась, подтверждением тому служат издания материалов и исследований городского⁵ и школьного фольклора⁶, устной истории и семейных нарративов⁷, семантики и прагматики различных повседневных практик⁸. Авторы уверены, что многие явления современной культуры фольклорны и нуждаются в подробном

² *Протт В. Я.* Фольклор и действительность. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1976. С. 18.

³ Цит. по: *Кравчик-Василевска В.* В защиту фольклора, или диалог между традицией и современностью // *Живая старина.* 1996. № 4. С. 42.

⁴ *Путилов Б. Н.* Фольклор и народная культура. СПб.: Наука, 1994. С. 25.

⁵ Современный городской фольклор. М., 2003. 736 с.

⁶ Современный школьный фольклор: Пособие-хрестоматия. Петрозаводск, 1995. 115 с.

⁷ *Разумова И. А.* Потаённое знание русской семьи. Быт. Фольклор. История. М., 2001. 375 с.

⁸ *Богданов К. А.* Повседневность и мифология: Исследования по семиотике фольклорной действительности. СПб., 2001. 438 с.

описании и глубоком семантическом анализе. Одним из современных подходов к исследованию фольклора, активно разрабатываемым С. Б. Адоньевой, является рассмотрение фольклорных текстов как речевых действий, регулирующих определенную практическую деятельность. Фольклор, в этом случае, определяется как одна из форм речи, спецификой которой является наличие конвенций, т. е. в отличие от спонтанной речи на нее наложены дополнительные ограничения⁹. Приведенные выше исследования и монографии отчасти подводят итог изменениям в отечественной фольклористике рубежа XX–XXI вв. и намечают направления и тематику дальнейших исследований.

Проблемы классификации фольклорных жанров заключаются в том, что ученым необходимо не только строго придерживаться научных принципов составления классификаций, но и практических (классификация должна быть понятна и удобна для использования другими специалистами). Целый ряд жанров до настоящего времени не имеют однозначного определения. Приведем здесь лишь некоторые примеры подобных «проблемных» определений жанров. В частности, это касается определения частушки. Так, по мнению А. А. Банина и Н. С. Бурмистрова в жанровые дефиниции частушки не включено ее кумулятивное свойство, что указывается авторами в качестве определяющей характеристики этого жанра¹⁰. Н. В. Дранникова обосновала полигенетическую концепцию формирования частушки и предложила классификацию, которая объединяет следующие группы (частушки-скоморошины, частушки-жалобы, лирические миниатюры, частушки, близкие плясовым песням и частушки, перенявшие эстетику городского романса). Эти группы, по мнению исследовательницы, составляют единую частушечную общность и соответствуют дефиниции жанра¹¹. Подтверждением множеству подходов, связанных с классификацией частушки, может служить обзор, представленный О. В. Мешковой¹². Не определены четкие жанровые разграничения между быличками и поверьями. Л. Н. Виноградова считает, что важнейшим различительным признаком в данном случае может быть наличие или отсутствие сюжетного развития (фабулы). Рассматривая структуру этих повествовательных жанров, автор приходит к выводу, что тексты поверий едва ли можно признать самостоятельным фольклорным жанром. Их можно отнести к особому типу речевых жанров, занимающих переходное положение между сказочной прозой (быличками) и мифологическими представлениями¹³. Проблема выделения

⁹ Адоньева С. Прагматика фольклора. СПб.; М., 2018. С. 22–51.

¹⁰ Банин А. А., Бурмистров Н. С. К проблеме определения и происхождения частушки // Живая старина. 1997. № 3. С. 49–51.

¹¹ Дранникова Н. В. Формирование жанра частушки как один из этапов развития народной поэзии: (На материале Архангельской области): Автореф. дис... канд. филол. наук. М., 1994. 18 с.

¹² Мешкова О. В. О классификации частушек // Вестник Челябинского государственного университета. 2001. № 1. Т. 1. С. 102–110.

¹³ Виноградова Л. Н. Былички и демонологические поверья: границы фольклорного текста // Живая старина. 2004. № 1. С. 10–11.

лубочной сказки как самостоятельного жанра также нуждается в дополнительной аргументации. Так, по мнению В. Я. Проппа среди жанров «смежных с фольклорной сказкой», имеются «народные книги», которые чаще называются лубочными. В. Я. Пропп выделил два уровня в жанровой иерархии — народная (лубочная) книга и составляющие ее тексты, тяготеющие к литературным (житие, повесть) и фольклорным (легенда, сказка) жанрам¹⁴. Идея выделения лубочной сказки как жанра поддерживается в работе К. Е. Кореповой¹⁵. Автором рассматривается специфика лубочной сказки как жанра, и она приводит к выводу, что лубочная сказка - один из жанров народной культуры «после фольклора». Одним из новых явлений фольклорной культуры, привлечшим внимание российских фольклористов в XX веке стала так называемая «наивная литература». По словам составителя сборника С. Ю. Неклюдова, эти тексты не относятся ни к литературе, в узком смысле этого слова, ни к письменному фольклору¹⁶. В тематическом выпуске журнала «Живая старина» публиковались автобиографии, личные дневники, стихотворения, поэмы, элегии, любовные послания, сатира, тюремные рукописи, дающие представление о «наивной литературе»¹⁷.

Проблема систематизации произведений, объединяемых понятием «городского фольклора», также нуждается в дальнейшей разработке. Так, в 1999 году было опубликовано представительное собрание текстов городского фольклора¹⁸, в которое было включено 600 разных по генезису и жанровой дистрибуции произведений XVII–XX веков. В рецензии на издание Е. А. Костюхин подчеркивает необходимость определения хронологических границ понятия «городской фольклор» и предлагает под «городом» подразумевать город современный, сформировавшийся в России после отмены крепостного права. При таком уточнении городской фольклор будет классифицироваться, как явление постфольклора, сформированным не старинными фольклорными традициями, а «третьей культурой»¹⁹.

Жанровая классификация в советской фольклористике во многом сохраняла связи с литературоведением и опиралась на сходные принципы классификации жанров. В 1976 году В. Я. Проппом была опубликована проблемная статья «Жанровый состав русского фольклора»²⁰, в которой он предложил иерархическую классификацию: роды > области > виды > жанры > типы > сюжеты > версии > варианты. Наиболее общим разрядом классификации признаются **роды** народного творчества: эпическая поэзия, лирическая поэзия и драматическая поэзия. Роды делятся на **области**. Так, эпика делится на область эпической прозы и эпической

¹⁴ Пропп В. Я. Русская сказка. Л., 1984. С. 53.

¹⁵ Корепова К. Е. Старая погудка на новый лад... // Живая старина. 1997. № 4. С. 21–23.

¹⁶ Наивная литература: исследования и тексты. М., 2001. 246 с.

¹⁷ Живая старина. 2000. № 4. С. 2–27.

¹⁸ Городские песни, баллады, романсы. М., 1999. 624 с.

¹⁹ Костюхин Е. А. Рецензия на книгу [Городские песни, баллады, романсы / Сост., подгот. текста и коммент. А. В. Кулагинной, Ф. М. Селиванова. М., 1999.] // Живая старина. 2001. № 4. С. 51–53.

²⁰ Пропп В. Я. Фольклор и действительность. С. 35–39.

стихотворной поэзии. Области делятся на **виды**. Сказка относится к области народной прозы, это один из видов ее. Этот вид распадается на **жанры**: сказки волшебные, кумулятивные, о животных, о людях и т. д. В качестве дальнейшего, более узкого термина В. Я. Пропп предлагает слово «тип»; типы распадаются на сюжеты, сюжеты на **версии** и **варианты**. Эта классификация легла в основу многих более поздних исследований, посвященных проблемам жанровой классификации фольклора²¹.

Немного подробнее необходимо остановиться на понимании термина «жанр». Так, В. Я. Пропп определял жанр как «совокупность памятников, объединенных общностью своей поэтической системы»²². Позднее, в трудах И. И. Земцовского и Б. Н. Путилова изменяется отношение к понятию «жанр». И. И. Земцовский подробно останавливается на этом вопросе и утверждает, что «жанр — это не только совокупность произведений данного типа, но и производство произведений определенного типа по определенным моделям, на основе определенных социально-творческих стимулов»²³. Б. Н. Путилов провел границу между жанрами в литературе и жанрами в фольклористике²⁴. Проблема определения понятия «жанр» и сегодня остается актуальной в фольклористике и от вариантов её решения зависят и подходы к систематизации. Повышенное внимание к вопросам, связанным с классификацией в начале 2000-х годов во многом связано с разработкой различных электронных баз данных²⁵, а также увеличением изданий методических рекомендаций (в том числе по проведению фольклорной практики)²⁶ и учебных пособий (в том числе по фольклору)²⁷ в вузах в связи с изменением образовательных стандартов.

Изменение понимания области фольклора и принципов классификации фольклорных материалов на разных этапах истории фольклористики нашли отражение в научной деятельности сотрудников ИЯЛИ. На начальном этапе

²¹ Земцовский И. И. К теории жанра в фольклоре // *Artes populares* 14, Edited by Vilmos Voigt. Budapest, 1985. С. 21–42; Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. С. 155–172; Адоньева С. Б. Своя чужая речь: фольклор в свете прагматики // Фольклор и народная культура. In memoriam. СПб., 2003. С. 239–251; Шуруп В. М. Жанры русского музыкального фольклора: Учебное пособие для музыкальных вузов и училищ. Часть 1: История, бытование, музыкально-поэтические особенности. М., 2007. 400 с.; Левинтон Г. А. Замечания о жанровом пространстве русского фольклора // Судьбы традиционной культуры. Сборник статей и материалов памяти Ларисы Ивлевой, СПб., 1998. С. 56–71.

²² Пропп В. Я. Фольклор и действительность. С. 36.

²³ Земцовский И. И. К теории жанра в фольклоре. С. 24.

²⁴ Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. С. 155.

²⁵ Например, по [традиционной культуре Русского Поморья](http://folk.pomorsu.ru/IPS/index.php): Центр изучения традиционной культуры Европейского Севера [Электронный ресурс]. URL: <http://folk.pomorsu.ru/IPS/index.php> (24.12.2019).

²⁶ Современный городской фольклор: метод. указания. Материал по проведению фольклорной практики студентов I курса филологического факультета. Минск, 2014. 128 с.; Урванцева Н. Г. Методические рекомендации по сбору фольклорного материала // *CARELICA*. 2018. № 1 (19). Петрозаводск, С. 107–121. DOI: [10.15393/j14.art.2018.115](https://doi.org/10.15393/j14.art.2018.115)

²⁷ Дранникова Н. В., Русский фольклор: устное народное поэтическое творчество: учеб. пособие. Архангельск, 2014. 250 с.

систематизации фольклорных жанров в 1930–1940-е гг. собиратели ограничивались самым общим разделением: песня, былина (старина), сказка, заговор, причитание (плач), частушка, или вообще не указывали жанр. Так, в описании одной из единиц коллекции 4 (ед. хр. 25) Научного архива КарНЦ РАН обозначено только название образца «Про Ивана купецкого сына», а жанр «сказка» не указан. В записи текста сказки из коллекции 5 (ед. хр. 11) Научного архива КарНЦ РАН указано лишь название, данное исполнителем: «Из жизни солдата».

Позднее, в 1950-е гг. жанр образцов указывается точно, но проблемы, связанные с классификацией материалов, остаются. В конце 1970-х годов сотрудниками Института было принято решение о составлении описей к коллекциям, что потребовало новых разработок по жанровой классификации. Оказалось невозможным применение ни одной из уже существующих классификаций, так как в архиве хранились материалы не только по русскому фольклору и этнографии, но и коллекции финно-угорских материалов. В 1978 году Н. Ф. Онегиной была предложена рабочая жанрово-тематическая классификация фольклорно-этнографических материалов для архивов КарНЦ РАН, которая сохранялась до конца 1990-х гг.²⁸ Она была использована при систематизации как рукописных коллекций, содержащихся в Научном архиве КарНЦ РАН, так и в работе со звуковыми и видеоматериалами в Фонограммархиве ИЯЛИ КарНЦ РАН, что позволило комплексно и по общим признакам систематизировать экспедиционные записи. В связи с тем, что материалы представляют образцы, записанные на разных языках, в каталоге было выделено три раздела – Русский фольклор, Фольклор прибалтийско-финских народов²⁹ и Этнография. Нумерация подразделов оставалась сквозной по всей классификационной схеме.

Раздел «Русский фольклор» включал пять подразделов: **«эпос и народная проза»** (былины; духовные стихи; исторические песни; баллады; сказки волшебные; сказки о животных; сказки бытовые; сказки легендарные; сказки новеллистические; анекдоты (в том числе сказки о глупом черте и небылицы); предания; былички, бывальщины, побывальщины; легенды (видения); заговоры; притчи, молитвы; новины); **«лирика (песни)»** (любовные песни; семейно-бытовые песни; игровые,

²⁸ Каталогизация фольклорно-этнографических материалов архива на перфокартах. Петрозаводск, 1978. С. 13–21.

²⁹ В классификации Н. Ф. Онегиной был использован термин «прибалтийско-финские народы», но так как в архиве хранятся материалы, записанные не только от карелов, вепсов, финнов-ингерманландцев, ижор и води, но также и от саамов, то в более поздний период сотрудники ИЯЛИ стали чаще использовать более корректный термин «финно-угорские народы». В научном труде «Прибалтийско-финские народы России», подготовленном учеными Карелии и Санкт-Петербурга, включен раздел о саамах. Но во введении авторы уточняют, что к числу прибалтийско-финских народов России относятся только карелы, вепсы, российские финны, водь и ижора. Прибалтийско-финские народы же и саамы с незапамятных времен жили и живут сегодня в непосредственной близости друг к другу, что определяет их вековые контакты и культурный обмен в различных областях традиционного быта. Язык же саамов представляет особую ветвь финно-угорских языков (Шлыгина Н. В. Введение / Прибалтийско-финские народы России / Отв. ред. Е. И. Клементьев, Н. В. Шлыгина; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М., 2003. С. 10).

хороводные, плясовые; рекрутские, солдатские, военные, маршевые; бурлацкие; разбойничьи; тюремные, бродяжки; мещанские, городские; рабочие; революционно-патриотические; романсы; шуточные, сатирические; частушки; песни литературного происхождения; песни трудовые; прочие песни, не отнесенные к функционально-тематическому ряду); **«обрядовая поэзия»** (календарная (аграрная) обрядовая поэзия; свадебные песни; приговоры дружки, «здравствования»; свадебные причитания (плачи), заплачки; причитания похоронные; причитания рекрутские, воинские (солдатские); причитания бытовые и прочие); **«малые жанры фольклора и детский фольклор»** (загадки; пословицы, поговорки; прибаутки, шутки; фольклор для детей (колыбельные песни (байки), потешки, пестушки и пр.); фольклор детей (рассказы, рассказы-страшилки, скороговорки, дразнилки, считалки, игры, игровые припевки, приговорки, заклички, стишки, песенки, сказки и проч.); приметы, связанные с хозяйственной деятельностью, погодой и т.д.; присказки, присловья; прозвища; прочие малые жанры); **«полуфольклорные тексты»** (рассказы, основанные на личных воспоминаниях; юмористические рассказы; рассказы о бытовании различных фольклорных жанров; слухи и толки; передача усвоенного непосредственно из литературных источников, кинофильмов, радиопередач и т.п. (проза, стихи, песни и пр.); другие полуфольклорные тексты).

Иной принцип классификации был применен при формировании раздела «Фольклор прибалтийско-финских народов», в котором были учтены особенности прибалтийско-финского материала. Так, например, при описании песен этого раздела учитывался дополнительный параметр — метрический размер. Было включено пять подразделов: **«песни калевальской метрики»** (эпические песни, лиро-эпические; свадебные песни; календарные обрядовые песни; заклинания и заговоры, этиологические руны; кумулятивные песни (*ketjulaulut*); колыбельные песни; новины; прочие обрядовые песни); **«причитания»** (похоронные; свадебные; рекрутские, воинские (солдатские); бытовые и прочие, ёйги); **«строфические рифмованные песни»** (лирические многострофные; новая баллада, романс; хороводные (*piirileikkilaulut*), *röntyškät*, однострофные финские (*rekilaulut*), прочие танцевальные; частушки; сатирические песенки; рекрутские, солдатские, военные; разбойничьи, тюремные, бродяжки; рабочие и революционно-патриотические; песни литературного происхождения; прочие песни, не отнесенные к функционально-тематическому ряду); подразделы **«прозаические жанры»** и **«малые жанры и детский фольклор»** дублируют «народную прозу» и «Малые жанры и детский фольклор» по классификации русского фольклора.

В качестве дополнения к этим двум крупным разделам отдельно выделены «вспомогательные материалы собирателей и других лиц».

С использованием этой классификации были обработаны все коллекции Научного архива и составлены описи. На каждую коллекцию приходится отдельная опись, в которой содержится следующая информация по каждой единице хранения: номер единицы хранения, первая строка или название произведения, жанр и номера

страниц в коллекции. В большинстве описей есть итоговая запись, в которой перечислены все жанры, содержащиеся в коллекции, и указано их количество. Для работы исследователей наличие описей в коллекциях заметно облегчает работу по поиску того или иного жанра или даже конкретного произведения. В некоторых коллекциях к описи приложен также список исполнителей.

Эта большая работа по систематизации позволила в 1970–1990 гг. составить картотеки (на перфокартах, а потом ручную), каталоги и указатели по имеющимся фольклорным фондам.

РАЗДЕЛЫ ФOLЬКЛORA - А												ЖАНРЫ И ИХ РАЗНОВИДНОСТИ - Б																							
ФОНД I ИЯЛИ КАРЕЛЬСКИЙ ФИЛИАЛ АН СССР												199																							
ОПИСЬ № 2 КОЛЛ. № 57.5 ЕД. ХР. № 152												ШИФР ФОНДЗАПИСИ																							
Кондратьева Лото												83 г.																							
Кондратьева Лото												ВОЗРАСТ																							
Ф. И. О. ИНФОРМАТОРА												ВОЗРАСТ																							
НАЦИОНАЛЬНОСТЬ												ГРАМОТНОСТЬ												МЕСТО РОЖДЕНИЯ											
Ovi antta ommi matari												kefjalacela																							
НАЗВАНИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ												ЖАНР И ЕГО РАЗНОВИДНОСТИ																							
Kaivonen T.												Kalevalan runo																							
Kaivonen B.												1942												Uusikirkko											
СОБИРАТЕЛЬ												ГОД ЗАПИСИ												МЕСТО ЗАПИСИ											
ВНЕ КАРЕЛИИ - Ж												1969												Kanevalbunni p- Kokkonen											

Рис. 1. Пример перфокарты

Кол. №	86	маа похоронна
Ед. хран.	17	
Фонд. колл.	1294/5	Ки шикки мажитан...
		Миксима Ан. Бэр
		р 1909 г. Урмиша.
Зам.	1969 г.	У. Кокка, А. Сиймакьева
		Омоякский р-он

Рис. 2. Карточка из ручной картотеки

С 1998 г. в Институте ЯЛИ под руководством заведующей фонограммархивом В. П. Кузнецовой была начата оцифровка звукового и рукописного архивов

и создание информационных систем и базы данных по фольклорным материалам. В этой связи возникла необходимость пересмотра существующей классификации архивных материалов с учетом современных научных представлений о жанровой классификации и особенностей при внесении материалов в базу данных. Сотрудниками ИЯЛИ (В. П. Кузнецовой и И.А. Разумовой) была разработана прикладная многоуровневая жанровая система, в основу которой была положена жанрово-тематическая классификация Б. Н. Путилова, позволившая расширить перечень жанров с учетом современного понимания фольклора. Таким образом, были выделены разделы: фольклор, этнография, языкознание, история. Подробнее мы остановимся на разделе «фольклор».

The image shows a web-based form titled "Добавление записи" (Add record) for the IYALI Folklore Archive. The form is divided into several sections:

- Navigation:** Buttons for "Добавить" (Add), "Поиск" (Search), "Собиратели" (Collectors), "Исполнители" (Performers), "География" (Geography), "Жанры" (Genres), and "Выйти" (Logout).
- Form Fields:**
 - Ед. хранения Ф.А. (Storage location), Учетная единица (Unit), Описание (Description), Коллекция (Collection), Ед. хранения (Storage).
 - Название или первая строка (Name or first line).
 - Жанр (Genre) - A dropdown menu is open, showing a list of genres including "песня" (song), "песня плясовая" (folk song), "песня самодеятельная" (amateur song), "песня свадебная" (wedding song), "песня святочная" (holiday song), "песня солдатская" (soldier's song), "песня трудовая" (labor song), and "песня хороводная" (chorus song).
 - Год (Year).
 - Собиратель или собиратели (Collector) - Filled with "Кузнецова В.П."
 - Язык или диалект (Language or dialect) - Filled with "Саамский" (Sami).
 - Ключевые слова (Keywords).
 - Примечание (Remarks).
- Buttons:** "Очистить" (Clear), "Перетащите файлы сюда" (Drag files here), and "Сохранить" (Save).

Рис. 3. Заполнение поля «жанр» при добавлении записи в базу данных Фольклорного архива ИЯЛИ КарНЦ РАН

В качестве областей фольклора вслед за Путиловым определены: **внеобрядовая проза, внеобрядовая песенная поэзия, фольклор ритуализированных форм (обрядовый), фольклор речевых ситуаций (паремиология), драматические формы (необрядовые)**. Этот ряд дополняют области, выделенные с учетом имеющегося в архиве материала: **письменные фольклорные формы** (сборник заговоров; сборник молитв; сборник рецептов; сонник; песенник; девичий альбом; солдатский альбом (блокнот); граффити; рукописный заговор (молитва) — оберег; «святое письмо», «письмо счастья»; текст-талисман (не заговор); подписи, надписи на фото, открытке, книге),

специализированные субкультурные жанры (потешка, пестушка, прибаутка, роверку; детская песенка, *lapsien laulu, rajo*; докучная сказка; перевертыш; садистский стишок; страшилка, антистрашилка; детский анекдот; детская игра), **внеобрядовая непесенная поэзия** (стихотворение), **танец, пляска, игра (исключая детские игры)** (круг (хоровод) и его версии («со вьюном» и пр.); русский перепляс; кадриль; падеспань; кижя; портянка; болван; краковяк; полька), **инструментальная музыка** (пастуший рожок; гармонь; балалайка; мандолина; гитара; барабанка; духовой оркестр), **вспомогательные материалы** (рассказ о бытовании фольклорного жанра; передача усвоенного из литературных источников, кинофильмов, радиопередач и пр.; общая характеристика фольклорного материала; библиографические сведения об исполнителях, *elämäkerrat*; материалы и дополнительные сведения, полученные от населения обследованных мест (самодельные литературные сочинения, переделки); письмо информанта; документацию экспедиции (полевой дневник, дневник собирателя и пр.); иллюстративный материал (фотоснимок, рисунок, чертеж, географическая карта и др.); очерк; рассказ автобиографический. Эти важные для любого исследователя материалы, которые часто оставались неучтенными.

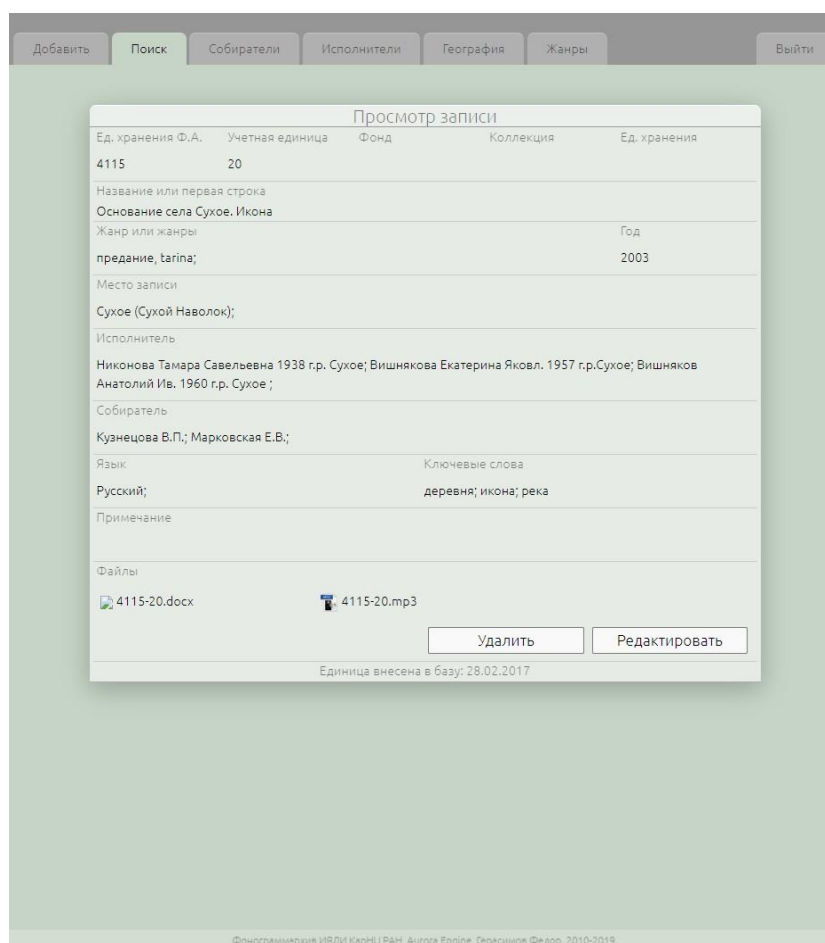

Рис. 4. Пример карточки в базе данных Фольклорного архива ИЯЛИ КарНЦ РАН

После определения образца по его принадлежности к области, на следующем этапе этой прикладной классификации, фольклорный текст получает жанровую атрибуцию. Это необходимо как для упрощения заполнения поля «жанр», так и для поиска материалов в базе данных. При этом, для описания образца в каталоге используются видовые определения жанра (например «сказка о животных» или «сказка-анекдот»), так и жанровое (например, «сказка»). Такая двойная атрибуция связана с особенностью записей в старых реестрах, в которых собиратели не всегда указывали точный жанр.

В разработанной жанровой классификации отпала необходимость разделения материалов по языковому принципу, т. к. при внесении в базу данных каждого отдельного произведения указывается язык записи, а финно-угорские фольклорные жанры включены в общий перечень жанров. Так, в области фольклора «внеобрядовая песенная поэзия» соседствуют былина и *eepillinen runo*, песня плясовая и *pürileikkiaulu, röntyškä* и т. д. В настоящее время сотрудники института В. П. Кузнецова и автор статьи продолжают заполнение и доработку базы данных, программно-техническую часть работы осуществляет инженер института Ф. С. Герасимов. Во время написания статьи база данных доступна для использования в локальной сети ИЯЛИ, но в будущем планируется публикация в сети Интернет с ограниченным доступом.

Компьютерные технологии постепенно внедряются и значительно облегчают поиск материалов в отдельных архивах, однако актуальным остается создание единой межархивной электронной системы, которая позволила бы обеспечить работу исследователей с материалами в разных архивных каталогах. Примером по географическому охвату материала может служить база данных мирового фольклора «Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог»³⁰. По данным её автора, база содержит около 50 000 текстов и имеет текстовую и цифровую формы³¹. Возможно, дальнейшая разработка электронных систем и программного обеспечения каталогов позволит осуществить возможность совмещения баз данных.

Список литературы

Адоньева, С. Прагматика фольклора / С. Адоньева. — Санкт-Петербург : ООО «Пальмира» ; Москва : ООО «Книга по Требованию», 2018. — 335 с.

³⁰ Березкин Ю. Е., Дувакин Е. Н. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам: Аналитический каталог [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin> (24.12.2019).

³¹ Березкин Ю. Е. Как устроена и для чего нужна база данных мирового фольклора // Радловский сборник. СПб., 2014. С. 169–181.

Адоньева, С. Б. Своя чужая речь: фольклор в свете прагматики / С. Б. Адоньева // Фольклор и народная культура. In memoriam. — Санкт-Петербург : Петербургское Востоковедение, 2003. — С. 239–251.

Банин, А. А., Бурмистров Н. С. К проблеме определения и происхождения частушки / А. А. Банин // Живая старина. — 1997. — № 3. — С. 49–51.

Березкин, Ю. Е. Как устроена и для чего нужна база данных мирового фольклора / Ю. Е. Березкин // Радловский сборник : Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2013 г. / отв. ред. Ю. К. Чистов. — Санкт-Петербург : МАЭ РАН, 2014. — С. 169–181.

Березкин, Ю. Е. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам: Аналитический каталог [Электронный ресурс] / Ю. Е. Березкин, Е. Н. Дувакин. — URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin>. — (24.12.2019).

Богданов, К. А. Повседневность и мифология: Исследования по семиотике фольклорной действительности / К. А. Богданов. — Санкт-Петербург : Искусство, 2001. — 438 с.

Виноградова, Л. Н. Былички и демонологические поверья: границы фольклорного текста / Л. Н. Виноградова // Живая старина. — 2004. — № 1. — С. 10–14.

Городские песни, баллады, романсы / Сост., подгот. текста и коммент. А. В. Кулагиной, Ф. М. Селиванова. — Москва : Изд-во МГУ, 1999. — 624 с.

Дранникова, Н. В. Формирование жанра частушки как один из этапов развития народной поэзии (На материале Архангельской области): Автореф. дис... канд. филол. наук. / Н. В. Дранникова. — Москва, 1994. — 18 с.

Дранникова, Н. В., Русский фольклор: устное народное поэтическое творчество / Н. В. Дранникова. — Архангельск : САФУ, 2014. — 250 с.

Живая старина. — 2000. — № 4. — 63 с.

Земцовский, И. И. К теории жанра в фольклоре / И. И. Земцовский // *Artes populares* 14, Edited by Vilmos Voigt. — Budapest, 1985. — С. 24–30.

Каталогизация фольклорно-этнографических материалов архива на перфокартах. — Петрозаводск : б. и., 1978. — 34 с.

Корепова, К. Е. Старая погудка на новый лад... / К. Е. Корепова // Живая старина. — 1997. — № 4. — С. 21–24.

Костюхин, Е. А. Рецензия на книгу [Городские песни, баллады, романсы / сост., подгот. текста и коммент. А. В. Кулагиной, Ф. М. Селиванова. М., 1999.] / Е. А. Костюхин // Живая старина. — 2001. — № 4. — С. 51–53.

Кравчик-Василевска, В. В защиту фольклора, или диалог между традицией и современностью / В. В. Кравчик-Василевска // Живая старина. — 1996. — № 4. — С. 42–43.

Левинтон, Г. А. Замечания о жанровом пространстве русского фольклора / Г. А. Левинтон // Судьбы традиционной культуры. Сборник статей и материалов памяти Ларисы Ивлевой. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 1998. — С. 56–71.

Мешкова, О. В. О классификации частушек / О. В. Мешкова // Вестник Челябинского государственного университета. — 2001. — № 1. — Т. 1. — С. 102–110.

Наивная литература: исследования и тексты. — Москва : Московский общественный научный фонд, 2001. — 246 с.

Пропп, В. Я. Русская сказка / В. Я. Пропп. — Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1984. — 335 с.

Пропп, В. Я. Фольклор и действительность / В. Я. Пропп. — Москва : Наука, Главная редакция восточной литературы, 1976. — 327 с.

Путилов, Б. Н. Фольклор и народная культура / Б. Н. Путилов. — Санкт-Петербург : Наука, 1994. — 235 с.

Разумова, И. А. Потаённое знание русской семьи. Быт. Фольклор. История / И. А. Разумова. — Москва : Индрик, 2001. — 375 с.

Современный городской фольклор / ред. кол. А. Ф. Белоусов, И. С. Веселова, С. Ю. Неклюдов. — Москва : РГГУ, 2003. — 736 с.

Современный городской фольклор : метод. указания. Материал по проведению фольклорной практики студентов I курса филологического факультета / сост.: О. В. Приемко [и др.]; под ред. О. В. Приемко. — Минск : БГУ, 2014. — 128 с.

Современный школьный фольклор: Пособие-хрестоматия / сост. С. М. Лойтер, Е. М. Неелов. — Петрозаводск : ПетрГУ, 1995. — 115 с.

Урванцева, Н. Г. Методические рекомендации по сбору фольклорного материала // [CARELICA](https://carelica.org/). — 2018. — № 1 (19). — С. 107–121. DOI: [10.15393/j14.art.2018.115](https://doi.org/10.15393/j14.art.2018.115)

Щуров, В. М. Жанры русского музыкального фольклора: Учебное пособие для музыкальных вузов и училищ / В. М. Щуров. — Часть 1: История, бытование, музыкально-поэтические особенности. — Москва : Музыка, 2007. — 400 с.

**АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН
В ЛИТЕРАТУРЕ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ.
К 220-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПОЭТА**

ALEXANDER PUSHKIN IN NORDIC LITERATURE.
DEDICATED TO THE 220th ANNIVERSARY
OF THE BIRTH OF THE POET

©Иллюстрации Евгении Двоскиной

ДОРОФЕЕВА Елена Аркадьевна / DOROFEEVA Elena

Литературовед, переводчик / Literary scholar, translator

Россия, Москва / Russia, Moscow

elenador25@yandex.ru

ПУШКИН В МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ PUSHKIN IN WORLD LITERATURE

Abstract: The paper gives a short outline of the history of translating Alexander Pushkin's literary works into major European languages.

Ключевые слова / Keywords: А. С. Пушкин, мировая литература, переводы / Alexander Pushkin, world literature, translations

6 июня 2019 г. исполнилось 220 лет со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина (1799–1837). Интерес к творчеству и личности русского поэта не ослабевает: и в России, и в мире его произведения продолжают переиздавать, выходят новые переводы, исследования и биографии.

В 2015 г. в Архангельске была издана уникальная книга. Она содержит всего одно стихотворение «Я помню чудное мгновенье...», переведённое на 210 языков мира. На 140 из них переводы были сделаны впервые, специально для данного издания¹. Автор идеи и составитель, директор Архангельского литературного музея Борис Егоров, работал над книгой около четырёх лет. Над переводами

трудилась как профессиональные литераторы, так и преподаватели, студенты, сотрудники посольств разных стран. Стихотворение смогут теперь прочитать носители самых редких языков: брибри, гуарани, кечуа, майя, маори, пушту, санго, фанг, челуба и многих других. В книгу вошли и переводы на скандинавские (датский, шведский, норвежский, исландский) и финский языки. Не все переводы

¹ *Пушкин А. С. «Я помню чудное мгновенье...» = «A wondrous moment I remember...»: Сборник переводов одного стихотворения на языки народов мира / Сост., подгот. текстов и указателей Б. М. Егоров. Архангельск, 2015.*

отличаются высоким качеством, ведь некоторые из них были выполнены энтузиастами. Отдельные варианты больше похожи на подстрочники, как выверенные и точные, так подчас и очень вольные. Тем не менее книга показала, что стихотворение Пушкина, написанное более 190 лет назад, и сегодня вызывает интерес у представителей разных культур, что неповторимый поэтический язык Пушкина поддаётся переводу, даже на языки, столь не похожие на русский по своему лингвистическому строю.

6 июня 2017 г. в Российской государственной библиотеке (РГБ) проходил круглый стол «Пушкин на всех языках», собравший филологов, литературоведов, поэтов, общественных деятелей из многих стран. Прозвучали стихотворения поэта на английском, французском, арабском, татарском, персидском, китайском, азербайджанском языках. Была открыта выставка изданий произведений А. С. Пушкина, выходявших на разных языках мира за последние сто лет. Коллекция изданий Пушкина в РГБ насчитывает несколько десятков тысяч наименований.

В 2019 г. Ульяновская областная научная библиотека запустила Международный конкурс «#ПушкинLike: читаем Пушкина на языках народов мира», приуроченный к юбилею поэта. По словам организаторов, «конкурс призван сплотить представителей разных национальностей, граждан России и других государств вокруг традиционных ценностей — любви к слову, литературному наследию, лучшим традициям прошлого — и наладить творческий диалог между культурами во имя будущего»².

Обратимся к истории переводов произведений А. С. Пушкина на языки мира. Знакомство европейского читателя с произведениями русского поэта началось очень рано. Уже в начале 1823 г. появился немецкий перевод отрывка из «Руслана

² Подробнее о конкурсе, приём заявок на который продлится до конца 2019 г., см. на сайте библиотеки: Международный конкурс #ПушкинLike: читаем Пушкина на языках народов мира // Дворец книги — Ульяновская областная научная библиотека имени В. И. Ленина [Электронный ресурс]. URL: <http://uonb.ru/about/1-news/6047-news> (25.12.2019).

и Людмилы» и эпитаграммы «История стихотворца» в книге К. Ф. фон дер Борга «Поэтические произведения русских»³. Одновременно с этим переводом тот же отрывок из «Руслана и Людмилы» был издан на французском языке в «Русской антологии» Эмиля Дюпре де Сен-Мора⁴. Наибольшей популярностью Пушкин пользовался в Германии, где помимо переводов отдельных его произведений уже в 1840 г. впервые появилось собрание сочинений русского поэта (знаменитый двухтомник в переводе Роберта Липперта⁵).

«Пушкин в переводах на немецкий наиболее точен, с известными оговорками полон, художественен», — отмечал Павел Наумович Берков (1896–1969) в статье «Пушкин в переводах на западноевропейские языки» (1937)⁶. Автор статьи, изданной в год столетия со дня смерти поэта, подробно останавливается также на французских, английских и итальянских переводах. Он ставит важный вопрос о роли переводов как одного из показателей интереса к писателю и оценки

понимания его творчества: «Если перевод вообще является своего рода толкованием переводимого писателя, то перевод поэта и, главным образом, выбор его произведений для перевода создает уже образ этого поэта, служит выражением понимания данного автора; благодаря этому, выдвигаются одни мотивы его творчества, замалчиваются другие, и в результате почти всегда получается одностороннее освещение дарования поэта»⁷. П. Н. Берков анализирует интерес к разным произведениям Пушкина в разных странах в разные исторические периоды.

Важным текстом для понимания значения Пушкина для мировой литературы и изучения истории переводов его поэзии на языки мира

³ Borg K. F. von der. Poetische Erzeugnisse der Russen: Ein Versuch. Dorpat, 1820. Bd. 1; Riga; Dorpat, 1823. Bd. 2. Во втором томе на с. 304 эпитаграмма Пушкина «История стихотворца»; на с. 364–374 большой отрывок из первой песни «Руслана и Людмилы»; на с. 403–404 небольшая статья о Пушкине.

⁴ Anthologie russe, suivies de poésies originales / Par P. J. E. Dupré de Saint-Maure. Paris, 1823. На с. 80–81 вступительная заметка о Пушкине, а на с. 82–89 большой отрывок из первой песни «Руслана и Людмилы». О Пушкине составитель пишет и в общей вступительной статье на с. XXII.

⁵ Puschkin A. Dichtungen / Aus dem Russischen übersetzt von Dr. R. Lippert: In 2 Bde. Leipzig, 1840.

⁶ Берков П. Н. Пушкин в переводах на западноевропейские языки // Вестник Академии наук СССР. М.; Л., 1937. № 2–3. С. 222.

⁷ Там же. С. 221.

является статья Владимира Ильича Нейштадта (1898–1959) «Пушкин в мировой литературе», также написанная в 1937 г.⁸ Автор приводит интересные данные: уже при жизни Пушкина (в 1823–1836 гг.) за рубежом было опубликовано 75 переводов на двенадцати языках: немецком, французском, шведском, английском, польском, итальянском, сербском, чешском, молдавском, украинском, грузинском и армянском. Такого международного успеха не было ни у кого из современников Пушкина. К числу первых лучших переводов Пушкина автор относит перевод Адама Мицкевича на польский язык лирического стихотворения «Воспоминание» (1829). В последующий период, вплоть до времени написания В. Нейштадтом данной статьи, по сведениям автора, существовал более 1750 переводов из Пушкина на 93 языка (к сожалению, мы не имеем подобной статистики сегодня). Среди лучших трудов называются несколько переводов «Евгения Онегина»: польский, выполненный Л. Бельмонтом (1902), шведский перевод А. Йенсена (1889) и датский перевод П. А. Розенберга (1930).

В конце XX в., в ходе подготовки к двухсотлетию со дня рождения Пушкина отечественными филологами-пушкинистами была выполнена уникальная работа: из множества переводов стихотворений Пушкина на основные европейские языки были отобраны лучшие. Так появился трехтомник «А. С. Пушкин. Избранная поэзия в переводах на английский, французский и немецкий языки» (1999). Опубликованный 20 лет назад, этот труд и сегодня не потерял своей ценности и актуальности, в том числе благодаря историко-филологическим очеркам, открывающим каждый том. Они написаны известными филологами, специалистами по теории и практике перевода: Ростиславом Юрьевичем Данилевским (р. 1933) — о немецких переводах, Андреем Александровичем Липгартом (р. 1970) — об английских и Ефимом Григорьевичем Эткиндоном (1918–1999) — о французских.

На примере этой антологии академик Евгений Петрович Чельшев (р. 1921) подробно рассмотрел проблему перевода поэтического наследия А. С. Пушкина на иностранные языки, проанализировав различные подходы к переводам пушкинских текстов, в том числе «Евгения Онегина», в своём исследовании «Из истории постижения смыслов пушкинского текста: проблемы языка, понимания и культуры перевода» (2015)⁹.

⁸ *Нейштадт В.* Пушкин в мировой литературе // Сто лет со дня смерти А. С. Пушкина: Труды Пушкинской сессии Академии наук СССР. М.; Л., 1938. С. 229–280. См. также другую статью того же автора: *Его же.* Пушкин в оценке западноевропейской критики // Вестник Академии наук СССР. М.; Л., 1937. № 2–3. С. 199–219.

⁹ *Чельшев Е. П.* Из истории постижения смыслов пушкинского текста: проблемы языка, понимания и культуры перевода // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. 2015. Т. 10. Вып. 1. Пространство и время текста. URL: http://j-spacetime.com/actual%20content/t10v1/2227-9490e-aprovr_e-ast10-1.2015.61.php (25.12.2019).

Отдельной, очень интересной темой является история переводов «Евгения Онегина». К примеру, на английском языке только в XXI в. вышло семь различных переводов, а если учитывать переводы прошлых столетий, то их было не менее 15¹⁰. Большие споры среди филологов и литераторов вызвал перевод Владимира Набокова (1964), выполненный ритмической прозой¹¹. По мнению писателя, невозможно сохранить уникальную форму пушкинской строфы, не исказив при этом смысл. «В своей книге о Пушкине и во множестве полемических статей, где я уничтожил атаковавших меня невежд, я объяснил и показал, что рифмованный перевод Онегина невозможен, ибо пришлось бы постоянно искажать смысл, чтобы получить точное число слогов и найти рифму, как правило, весьма банальную. <...> Подстрочный перевод с объяснением текста и обширными заметками останется для меня навсегда единственно возможным инструментом»¹². «Ради полноты смысла» Набоков и пожертвовал элементами формы, снабдив свой текст уникальным, превышающим тысячу страниц комментарием, работа над которым длилась более десяти лет. Труд писателя снискал и восторги, и упрёки как со стороны критиков и коллег по перу, так и со стороны читающей публики.

Онегин, добрый мой приятель

Однако, несмотря на категоричный приговор Набокова, переводчики из разных стран мира продолжают браться за эту почти невыполнимую задачу, и количество переводов «Евгения Онегина» постоянно растёт. Один из них, созданный известным американским поэтом, переводчиком и композитором Джулианом Лоуэнфельдом (*Julian Henry Lowenfeld*, p. 1963), был издан недавно

¹⁰ История переводов произведений Пушкина на английский язык с полезными ссылками, включающими общедоступные интернет-ресурсы с текстами и комментариями, можно найти в статье: Бугреева Е. А. Переводы и переводчики произведений А. С. Пушкина на английский язык: история и современность // Проблемы перевода, языка и литературы: Сборник научных трудов. Серия «Язык. Культура. Коммуникация». Вып. 21. Нижний Новгород, 2018. С. 8–23.

¹¹ *Pushkin A. Eugene Onegin: A Novel in Verse / Transl. from the Russian, with a commentary, by V. Nabokov: In 4 vols. New York, 1964.*

¹² Беседа Владимира Набокова с Пьером Домергом // Звезда. 1996. № 11. С. 62.

и в России. За свою книгу «Мой талисман. Избранная лирика и биография Пушкина» Лоуэнфельда, которого по праву считают одним из лучших переводчиков Пушкина, в 2010 г. был удостоен петербургской литературно-художественной премии «Петрополь». Он стал первым иностранцем, которому была присуждена премия. В 2018 г. двуязычное русско-английское издание вышло и в России, в издательстве «ИЦ Москвоведение».

Несколько лет назад в Великобритании вышла и новая биография русского поэта — «Короткая жизнь Пушкина», написанная английским поэтом и переводчиком русской литературы Робертом Чандлером (*Robert Chandler*, р. 1953)¹³.

Большое количество переводов «Евгения Онегина» выходило и на немецком языке. В частности, франкфуртское издательство «Штрёмфельд» (*Stroemfeld*) выпустило в 2009 г. интересный двухтомник: перевод комментария Набокова, и близкий ему по форме и духу перевод романа Пушкина на немецкий язык, выполненные американистом и русистом Сабиной Бауман (*Sabine Baumann*, р. 1966)¹⁴. Немецкая переводчица также предпочла свободному рифмованному переложению «Онегина» прозаическую точность и верность реалиям. За эту работу С. Бауман получила национальную переводческую премию.

Таким образом, и в XX, и в XXI вв. находились сторонники разных переводческих стратегий. Как справедливо отмечал известный литературовед М. П. Алексеев, «повторные усилия переводчиков приблизиться к пушкинскому тексту должны иметь в виду постоянное, методически возобновляемое намерение воспитать в иностранном читателе Пушкина возможность восприятия самого подлинника...»¹⁵. Именно к этой цели стремились и, надеемся, будут стремиться многочисленные переводчики Пушкина на языки мира — почитатели его таланта, готовые самоотверженно трудиться ради достижения одной цели — сделать лучшие образцы русской литературы и культуры ближе и понятней читателям своей страны.

Интерес к творчеству русского классика не угасает и в странах Северной Европы. Данный материал, состоящий из нескольких статей разных авторов, освещает историю переводов поэзии и прозы Пушкина на скандинавские и финский языки, а также касается более широкой темы — восприятия пушкинского наследия в Северной Европе в разные периоды истории.

¹³ *Chandler R.* A Short Life of Pushkin. London, 2017.

¹⁴ *Puschkin A.* Eugen Onegin: ein Versroman / Aus dem Russischen von S. Baumann unter Mitarbeit von C. Körner ; Vorwort, Einleitung und Kommentar von V. Nabokov aus dem Englischen von S. Baumann: In 2 Bde. Farnkfurt am Main, 2009.

¹⁵ *Алексеев М. П.* «Евгений Онегин» на языках мира // Мастерство перевода. 1964. М., 1965. С. 286.

Список литературы

Алексеев, М. П. «Евгений Онегин» на языках мира / М. П. Алексеев // Мастерство перевода. 1964. — Москва : Советский писатель, 1965. — С. 273–286.

Берков, П. Н. Пушкин в переводах на западноевропейские языки / П. Н. Берков // Вестник Академии наук СССР. — Москва ; Ленинград : Издательство АН СССР, 1937. — № 2–3. — С. 220–229.

Беседа Владимира Набокова с Пьером Домергом // Звезда. — 1996. — № 11. — С. 56–64.

Бугреева, Е. А. Переводы и переводчики произведений А. С. Пушкина на английский язык: история и современность / Е. А. Бугреева // Проблемы перевода, языка и литературы : сборник научных трудов. Серия «Язык. Культура. Коммуникация». Вып. 21. — Нижний Новгород : НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2018. — С. 8–23.

Международный конкурс #ПушкинLike: читаем Пушкина на языках народов мира // Дворец книги — Ульяновская областная научная библиотека имени В. И. Ленина [Электронный ресурс]. — URL: <http://uonb.ru/about/1-news/6047-news>. — (25.12.2019).

Нейштадт, В. Пушкин в оценке западноевропейской критики / В. Нейштадт // Вестник Академии наук СССР. — Москва ; Ленинград : Издательство АН СССР, 1937. — № 2–3. — С. 199–219.

Нейштадт, В. Пушкин в мировой литературе / В. Нейштадт // Сто лет со дня смерти А. С. Пушкина : труды Пушкинской сессии Академии наук СССР. — Москва ; Ленинград : Издательство АН СССР, 1938. — С. 229–280.

Пушкин А. С. «Я помню чудное мгновенье...» = «A wondrous moment I remember...»: сборник переводов одного стихотворения на языки народов мира / А. С. Пушкин ; сост., подгот. текстов и указателей Б. М. Егоров. — Архангельск : Архангельский литературный музей, 2015. — 544 с.

Чельшев, Е. П. Из истории постижения смыслов пушкинского текста: проблемы языка, понимания и культуры перевода / Е. П. Чельшев // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. — 2015. — Т. 10, вып. 1 : Пространство и время текста. — URL: http://j-spacetime.com/actual%20content/t10v1/2227-9490e-aprovvr_e-ast10-1.2015.61.php. — (25.12.2019).

Anthologie russe, suivies de poésies originals / par P. J. E. Dupré de Saint-Maure. — Paris : C. J. Trouvé, 1823. — 360 p.

Borg, K. F. von der. Poetische Erzeugnisse der Russen : ein Versuch / K. F. von der Borg. — Dorpat : J. C. Schönmann, 1820. Bd. 1. — 354 s.; Riga ; Dorpat : Hartmann, 1823. — Bd. 2. — 415 s.

Chandler, R. *A Short Life of Pushkin* / R. Chandler. — London : Pushkin Press, 2017. — 112 p.

Puschkin, A. *Dichtungen* / A. Puschkin ; aus dem Russischen übersetzt von Dr. R. Lippert : In 2 Bde. — Leipzig : W. Engelmann, 1840.

Pushkin, A. *Eugene Onegin : a Novel in Verse* / A. Pushkin ; transl. from the Russian, with a commentary, by V. Nabokov: In 4 vols. — New York : Bollingen Foundation, 1964.

Puschkin, A. *Eugen Onegin : ein Versroman* / A. Puschkin ; aus dem Russischen von S. Baumann unter Mitarbeit von C. Körner ; Vorwort, Einleitung und Kommentar von V. Nabokov aus dem Englischen von S. Baumann: In 2 Bde. — Frankfurt am Main : Stroemfeld, 2009.

ДОРОФЕЕВА Елена Аркадьевна / DOROFEEVA Elena

Литературовед, переводчик / Literary scholar, translator

Россия, Москва / Russia, Moscow

elenador25@yandex.ru

ПУШКИН И ШВЕЦИЯ PUSHKIN AND SWEDEN

Abstract: The article deals with the topic “Pushkin and Sweden”: the poet’s personal fate, Swedish subjects and motifs in some of his works, and the perception of his poetry and prose in Sweden. The main focus is the history of translations of Pushkin’s works into Swedish, including the ones made in Finland.

Ключевые слова / Keywords: А. С. Пушкин, Швеция, Финляндия, шведоязычная литература, переводы / Alexander Pushkin, Sweden, Finland, Swedish-language literature, translations

А. С. Пушкин никогда не был в Швеции, как и вообще за границей, однако его жизнь и творчество имели точки соприкосновения с историей и культурой этой страны. Он был связан со Швецией своим происхождением. Прабабушкой Пушкина по материнской линии, второй женой знаменитого Абрама Ганнибала, была Кристина Регина фон Шёберг (*Christina Regina von Sjöberg*, 1717–1781), дочь шведского военнопленного. Её внучка, Надежда Осиповна, и стала матерью поэта¹.

Пушкин не раз обращался к темам соприкосновения шведской и русской истории — и в историко-публицистической прозе («Заметки по русской истории XVIII века», «История Петра I»), и в поэме «Полтава», работая над которой автор рассматривал в том числе и труды шведских историков. Именно Пушкин создал тот положительный образ Швеции, который долгое время существовал в сознании русских людей. «...Даже в периоды конфронтации Швеция была государством-образцом, не исконным врагом, а достойным противником, говоря пушкинскими словами, “шведом суровым”, победа над которым досталась

¹ Подробнее об этом см. в главе «Пушкин и Швеция» в книге: Коваленко Г. М. Россия и Швеция от Рюрика до Ельцина. СПб., 2018. С. 196–202.

учением у него», — отмечает Г. М. Коваленко в книге «Россия и Швеция от Рюрика до Ельцина»².

Известно, что «шведский след» присутствует в «Пиковой даме». Эту тему исследовал Дмитрий Михайлович Шарышкин (1937–1978) в своей статье «Вокруг «Пиковой дамы» (1972)³. Шведский писатель Клас Юхан Ливийн (*Clas Johan Livijn*, 1781–1844) написал роман «Пиковая дама, повесть в письмах, найденных в Данвикене» («*Spader Dame, En berättelse i Bref funne på Danviken*», 1824). В центре сюжета — история о роковой карте, пиковой даме, которая свела с ума героя, неудачливого и неопытного игрока, и трагическим образом изменила его судьбу. Немецкий писатель Фридрих Ламотт-Фуке (*Friedrich de La Motte-Fouqué*, 1777–1843), увлекавшийся скандинавской литературой и владевший шведским языком, в 1826 г. перевел роман на немецкий язык. В. Набоков в своем комментарии к «Евгению Онегину» отмечал, что «предположение о том, что тем или иным путем Пушкин мог познакомиться с “Пиковой дамой” Ламотт-Фуке, представляется достаточно правдоподобным, хотя точных сведений об этом у нас не имеется»⁴. Примечательно и то, что одну из глав пушкинской «Пиковой дамы» предваряет эпитафия из Эммануэля Сведенборга. В эпитафии упоминается шведская «баронесса фон В***» — Брита де Бем (*Brita de Behm*), которую Д. М. Шарышкин считает возможным прототипом графини Анны Федотовны.

Известно, что Пушкин был знаком со шведским дипломатом Густавом Нордином (аф Нурдином) (*Gustav af Nordin*, 1799–1867), который в тридцатые годы XIX в. служил секретарем шведско-норвежского посольства в Петербурге. В 1835 г. Пушкин отправил письмо Нордину (на французском языке), о существовании которого было неизвестно в России вплоть до 1956 г., когда его фотокопия была подарена ленинградской Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина Королевской библиотекой Стокгольма. Отечественный литературовед Э. Э. Найдич в своей статье «Письмо Пушкина к Густаву Нордину» приводит оригинал этого письма, его русский перевод и отмечает, что

² Там же. С. 202.

³ Шарышкин Д. М. Вокруг «Пиковой дамы» // Временник Пушкинской комиссии. 1972. Л., 1974. С. 128–138. URL: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/v74/v74-128-.htm?cmd=p> (26.12.2019).

⁴ Pushkin A. Eugene Onegin: A Novel in Verse / Transl. from the Russian, with a commentary, by V. Nabokov. New York, 1964. Vol. 3. P. 97.

Пушкин был достаточно хорошо знаком с Нордином. Поэт даже пользовался его услугами для пополнения своей библиотеки иностранными книгами: «Пушкин благодарит шведского дипломата за какую-то доставленную им “контрабандную” (т. е. запрещенную русской цензурой) книгу и обращается к нему с новой просьбой достать книгу Гейне о Германии. Речь идет о пятом и шестом томах сочинений Генриха Гейне на французском языке, изданных в Париже в 1835 году»⁵.

Позднее в донесении министру юстиции Швеции Густаву аф Веттерштедту (*Gustaf af Wetterstedt*, 1776–1837) о дуэли и смерти Пушкина от 6(18) февраля 1837 г. Г. Нордин писал: «Император поручил ему написать историю Петра Великого, и Пушкин в последние годы занимался изучением и исследованиями, необходимость коих вытекала из столь огромной задачи; те, кому довелось познакомиться с отрывками, написанными им уже на эту тему, способную действительно вдохновить русского историка, вдвойне оплакивают его преждевременную кончину»⁶.

Как же воспринималось творчество А. С. Пушкина в Швеции? Безусловно, многие из его произведений были известны шведскому читателю уже при жизни поэта — о них писали критики, их переводили. Они находили отклик в творчестве известных писателей (С. Лагерлёф, А. Стриндберг). Однако очевидно, что гений Пушкина не был оценён в Швеции по заслугам. Здесь сыграли роль и политические обстоятельства. Расцвет творчества Пушкина совпал с периодом охлаждения отношений России и Швеции. Ещё жива была память о русско-шведской войне 1808–1809 гг., о потере Финляндии, да и политика Николая I не вызывала одобрения у шведской интеллигенции. Всё это привело к тому, что в Швеции не разделяли того интереса к русской литературе, который возник в западной Европе в 1820-е гг.

Произведения А. С. Пушкина стали доступны шведскому читателю во многом благодаря культурному посредничеству шведоязычной Финляндии. Именно здесь в 1825 г. вышел в свет первый шведский перевод Пушкина — поэма «Кавказский пленник». «Поэму эту размером подлинника перевел Фредерик Август фон Платен (*Frederik August von Platen*, 1790–1868), шведский офицер, плененный во время шведско-русской войны 1809 г. и поступивший на русскую службу сперва в Финляндский комитет, а затем в Министерство иностранных дел. Получив в 1821 г. отставку, Платен в своем финляндском имении трудился над переводом поэмы Пушкина, изданной им под заглавием “Воспоминание о Кавказе”»⁷.

⁵ Найдич Э. Э. Письмо Пушкина к Густаву Нордину // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1958. Т. 2. С. 220. URL: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/is2/is2-217-.htm> (25.12.2019).

⁶ Цит. по: Там же.

⁷ Шарыткин Д. М. Пушкин в шведской литературе // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1974. Т. 7. С. 251. URL: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/is7/is7-251-.htm?cmd=p> (25.12.2019).

Итак, поэма «*Minne af Kaukasien*» вышла в свет в г. Або, что стало настоящим событием в литературной жизни. В связи с выходом «Кавказского пленника» газета «Або Тиднингар» (*Åbo Tidningar*, 1826, № 19) писала, что литература Финляндии обогатилась сочинением «очень популярного на своей родине молодого поэта», поэма которого, «взятая сама по себе, должна заинтересовать всякого образованного читателя, безыскусственностью рассказа и добротностью стиха»⁸. В конце 1830-х гг. Платен подготовил второе, исправленное издание своего перевода, которое по неизвестным причинам было опубликовано лишь много лет спустя, в 1882 г. в журнале «Финск Тидскрифт» (*Finsk Tidskrift*)⁹.

Благодаря оцифровке, сделанной библиотекой Гётеборгского университета, издание 1825 г. находится сегодня в открытом доступе¹⁰. Предшествует поэме небольшое стихотворное посвящение Пушкину, в котором переводчик восторгается его мастерством и приносит извинения поэту за то, что на земной лад истолковал его строки, навеянные небесной музой. В конце поэмы, в примечаниях переводчик объясняет шведскому читателю значение некоторых русских слов (таких, как «кумыс», «чихирь», «черкесы») и даёт краткую биографическую справку о Пушкине.

В 1830–1840-х гг. над произведениями Пушкина трудились такие известные представители шведоязычной культуры Финляндии, как Ф. Сигнеус (*Fredrik Cygnaeus*, 1807–1881), который перевёл «Галисман» и поэму «Цыганы» (1833), и Й. Л. Рунеберг (*Johan Ludvig Runeberg*, 1804–1877), переложивший на шведский стихотворение «Ворон к ворону летит» (1839). В 1847 г. в газете «Хельсингфорс Моргонبلاد» были опубликованы анонимные шведские переводы «Скупого рыцаря» и отрывка из «Бориса Годунова» (*Helsingfors Morgonblad*, 1847, № 14–15).

Интересно, что первый немецкий перевод «Кавказского пленника», вышедший через год после выхода оригинала («*Der Berggefangene*», 1823 г.) был также сделан жителем Финляндии — российским литератором немецкого происхождения, Александром Вульффертом (*Alexander Wulffert*, 1790–1855). А в 1826 г. вышел его перевод «Бахчисарайского фонтана». Вульфферт родился в Выборге, большую часть жизни прожил в Гельсингфорсе, считал себя финляндцем, или «финном» немецкого происхождения. Перевод «Кавказского пленника» был весьма положительно встречен в Финляндии. 17 января 1824 г. шведоязычная газета «Або Ундэрреттэльсэр» (*Åbo Underrättelser*), посвятила ему целый номер. Вероятно, именно после этой публикации произведением заинтересовался и первый переводчик Пушкина на шведский язык Ф. Платен.

⁸ Цит. по: Карху Э. Г. Финляндская литература и Россия: 1800–1850. Таллин, 1962. С. 94.

⁹ *Puschkin A. Fängen i Kaukasien / Öfvers. af F. A. von Plåten // Finsk Tidskrift. 1882. No. 1. S. 424–438.*

¹⁰ [*Idem.*] *Minne af Kaukasien / Öfversättning ifrån Ryskan. Åbo, 1825.* URL: https://gupea.ub.gu.se/bitstream/2077/42038/1/gupea_2077_42038_1.pdf (25.12.2019).

В 1841 г. вышел первый перевод Пушкина в самой Швеции — повесть «Капитанская дочка» («*Kaptenens dotter*»¹¹). Перевод был снова сделан финляндцем, Отто А. Мёрманом (*Otto A. Meurman*, 1817–1850). Мёрман выучил русский язык, будучи офицером русской армии. Позднее он работал в комитете по делам Финляндии в Санкт-Петербурге. В первой половине 1840-х гг. О. Мёрман активно переводил русских авторов: помимо «Капитанской дочки» перевел «Героя нашего времени» Лермонтова и несколько романов А. Бестужева-Марлинского. Большинство переводов Мёрмана были напечатаны шведским издательством Никласа Тумсона (*Thomsons förlag*), редактором которого был дядя переводчика — в прошлом известный в Финляндии публицист и издатель А. И. Арвидссон¹².

Один из лидеров национального движения, Арвидссон был уволен из Абоского университета и в 1822 г. оказался вынужден эмигрировать в Швецию. Арвидссон работал в Стокгольмской королевской библиотеке, а также редактором в издательстве Тумсона, во многом оказывая влияние на издательскую политику. Так, совместно с владельцем издательства, Никласом Тумсоном (*Niklas H. Thomson*, 1793–1874) он запустил ставшую очень успешной серию — «Библиотека новейшей литературы» (1835–1846). Только четвертую часть серии составляли шведские авторы, в остальном печатались как известные английские, французские писатели, так и не столь популярные в то время — например, русские¹³.

В 1841 г. в Упсале была защищена первая в мире докторская диссертация, посвящённая творчеству Пушкина. Она вышла отдельной брошюрой: «Александр Пушкин, русский Байрон. Литературный портрет. Диссертация, с дозволения знаменитого философского факультета, подлежащая защите в Густавианской аудитории 8 декабря 1841 года магистром доцентом Карлом Юлиусом Ленстрёмом»¹⁴. Автор диссертации — известный в то время в Швеции писатель, представитель либеральных взглядов К. Ю. Ленстрём (*Carl Julius Lénström*, 1811–1893). Он не знал русского языка (по собственному признанию пользовался немецкими переводами Р. Липперта¹⁵ и критической статьёй о Пушкине датчанина П. Л. Мёллера¹⁶), и его работа содержит ряд курьёзных ошибок и неточностей. Я. К. Грот отмечал как не выдерживающие критики оценки русской литературы того времени

¹¹ *Idem [Pusjkin A.] Kaptenens dotter / Öfvers. från ryskan af O. A. D. Meurman. Stockholm, 1841.*

¹² А. И. Арвидссон (*Adolf Ivar Arwidsson*, 1791–1858) в Финляндии был одним из лидеров движения фенноманов, ему приписывают известное изречение: «Мы не шведы, русскими нам не стать, так будем же финнами — в мыслях, чувствах и делах!»

¹³ Подробнее об О. Мёрмане и Н. Тумсоне см.: *Håkanson N. Otto Adolf Meurman, 1817–1850 // Svenskt översättarlexikon [Электронный ресурс]. URL: https://litteraturbanken.se/översättarlexikon/artiklar/Otto_Adolf_Meurman (26.12.2019); *Furuland G. Niklas Hans Thomson, 1793–1874 // Ibid. URL: https://litteraturbanken.se/översättarlexikon/artiklar/Niklas_Hans_Thomson (26.12.2019).**

¹⁴ *Lénström C. J. Alexander Puschkin, Rysslands Byron: Ett skaldeporträtt: I 2 delar. Uppsala, 1841.*

¹⁵ *Puschkin A. Dichtungen / Aus dem Russischen übersetzt von Dr. R. Lippert: In 2 Bde. Leipzig, 1840.*

¹⁶ *Møller P. L. Digterskildringer // Brage og Idun. 1839. Bd. I. N. 1. S. 277–281.*

(когда в один ряд с Пушкиным Ленстрём ставит таких писателей, как Марлинский, Булгарин, Загоскин), так и нелепые детали из биографии самого поэта. Показателен пример ошибочного перевода названия стихотворения «Черная шаль» как «Черная душа»: «Но как же *шаль* могла превратиться в *душу*? Очень просто: по-шведски есть слово *шэль* (själ), которое значит: *душа*; а так как шэль очень похоже на шаль, то почему же бы и не употребить душу вместо шали, а в случае надобности, и шаль

вместо души?»¹⁷. Однако, несмотря на то, что Ленстрём, по словам Грота, «говорит с голоса других и наугад», само появление диссертации весьма примечательно: «Давно ли в Европе едва знали понаслышке имена двух-трех представителей умственной деятельности русских, а теперь... в древнейшем университете Севера предметом публичного прения избирается русский народный поэт!»¹⁸.

Работа Ленстрёма показала настороженно-заинтересованное отношение либерально настроенных шведов к России: с одной стороны, неприятие варварства, шовинизма (проявлением которого автор диссертации

считает стихотворение Пушкина «Клеветникам России»), с другой стороны — уважение к самобытности, свободолобию. Для Ленстрёма, противника скандинавской национальной замкнутости и сторонника обращения Швеции к ценностям западноевропейской культуры, мерилom значительности фигуры Пушкина является его духовная близость с крупнейшим лириком Европы Байроном. Автор находил, что двух великих поэтов сближает общность тем, настроений, стилевых особенностей.

Поэзия Пушкина многие годы была недоступна шведскому читателю, что можно объяснить и малым спросом на подобную литературу в Швеции XIX в., и вызванной этим боязнью издателей её печатать, и отсутствием переводчиков с русского языка, способных взяться за поэтические переводы. Только в начале 1870-х гг. вышел сборник пушкинской лирики в переводах Виктора Эмануэля Эмана

*Пушкин и Грот
придумывают
связь*

¹⁷ Грот Я. К. Листки из скандинавского мира // [Грот Я. К.] Труды Я. К. Грота. СПб., 1898. Т. 1. С. 298.

¹⁸ Там же. С. 299.

(*Victor Emanuel Öman*, 1833–1904), выполненных с немецкого языка¹⁹. В книгу вошли 28 стихотворений, в том числе «Зимнее утро», «Зимний вечер», «Монастырь на Казбеке», «Кавказ», «Узник», «Ангел», «Стансы», «Воспоминание», «Что в имени тебе моем...», «Поэту» и другие. Шведская критика высоко оценила переведённые Эманом стихотворения «Не пой, красавица, при мне» («*Sjung ej, o flicka, schön och öm*»), «Послание в Сибирь» («*Till Sibirien*»), «Я помню чудное мгновенье» («*Till A. P. K.*»: «*Jag minnes än den sälla timma...*»).

В последующие несколько лет переводы пушкинской лирики на шведский язык издавались в Финляндии. Переводчики не всегда были профессиональными литераторами, часто это были люди, трудившиеся совсем в других сферах, но полюбившие русскую литературу и готовые приложить немало труда, чтобы сделать её доступной для соотечественников. Так, в 1887 г. в г. Борго вышла антология «Русские поэты. Стихотворения Пушкина, Лермонтова, Некрасова»²⁰. В книгу вошли поэма «Медный всадник» и несколько стихотворений Пушкина, в том числе «Я памятник себе воздвиг...», «Десятая заповедь», «Талисман», «Элегия» («Простишь ли мне заветные мечты...»). Переводчик — Густав Александр Аминов (Аминофф) (*Gustaf Alexander Aminoff*, 1876–1938) — адвокат и бургомистр, известный своим поэтическим дарованием.

В 1890 г. губернатор г. Куопио и почитатель поэзии Пушкина Карл Густав Мортимер фон Кремер (*Carl Gustav Mortimer von Kraemer*, 1817–1898) издаёт сборник его лирики, в который вошли около 30 произведений. Среди них стихотворения из цикла «Песни западных славян», «Демон», «Пророк», «Черная шаль», «Кавказ», поэма «Цыгань»²¹. В художественном отношении эти творения не отличались особым мастерством, но энтузиазм переводчика, безусловно, вдохновил собратьев по перу на новые подвиги.

Финляндский филолог, журналист и переводчик Рафаэль Линдквист (*Rafael Lindqvist*, 1867–1952) в 1904 г. издал на шведском языке большую антологию русской

муж
и
свадьба

¹⁹ *Puschkin A. Sångar / Öfvers. af V. E. Öman. Örebro, 1871.*

²⁰ *Ryska skaldar: Dikter af Puschkin, Lermontoff, Nekrasoff / Öfvers. af G. Aminoff. Borgå, 1887.*

²¹ *Puschkin A. Några dikter / Öfvers. af K. [Carl G. M. von Kraemer]. Helsingfors, 1890.*

лирики «Из поэзии России» («*Ur Rysslands sång*»), плод своего многолетнего труда²². Хотя состав сборника и мог вызывать некоторые вопросы, так как в него были включены в том числе, произведения ряда поэтов «второго ряда», но мастерство переводчика было отмечено критиками как в Финляндии, так и в Швеции. В издание вошли 18 стихотворений Пушкина, включая «Памятник», «Во глубине сибирских руд», «Простишь ли мне ревнивые мечты», «Полтава», «Письмо Татьяны к Онегину», а также стихотворение Лермонтова «На смерть поэта». «Из русских критиков тепло отозвался на сборник Линдквиста, правда, через восемь лет после его выхода, Юрий Веселовский», — пишет Е. Г. Соини в монографии «Взаимопроникновение русской и финской литературы в первой половине XX века» и цитирует критика: «Выборка из стихотворений Пушкина и Лермонтова вошла в состав любопытной антологии русских поэтов в шведском переводе, выпущенной в Гельсингфорсе Рафаэлем Линдквистом и оставшейся у нас, к сожалению, почти незамеченной»²³.

В Швеции конца XIX — начала XX в. были популярны Тургенев, Толстой, Достоевский — «Братья Карамазовы» частями печатались в центральной газете «Дагенс Нюхетер» (*Dagens Nyheter*). Вообще в 1880-е гг. был настоящий бум, невероятное увлечение русской литературой (с 1885 по 1889 г. были изданы 64 русские книги), которая по количеству переводов даже опередила на некоторое время литературу английскую, французскую и немецкую. Творчество Пушкина в какой-то степени отошло на второй план. Подчас объективному пониманию его произведений, значения его творчества для русской и мировой литературы мешала политическая ситуация и вызванные ею антирусские настроения в Швеции. И всё же именно в конце 1880-х гг. появились два очень важных перевода произведений Пушкина: поэмы «Бахчисарайский фонтан» и полного текста «Евгения Онегина».

Большую роль в популяризации творчества Пушкина и других русских писателей сыграл известный шведский славист, талантливый переводчик, автор важных статей и исследований в области русской литературы и культуры Альфред Антон Йенсен (*Alfred Anton Jensen*, 1859–1921). В 1889 г. он перевёл на шведский язык «Бахчисарайский фонтан»²⁴, а через год — роман в стихах «Евгений Онегин»²⁵. «Над переводом этого романа Йенсен трудился вдохновенно и добросовестно, стремясь к точности, скрупулезно, строка за строкой, передавая каждую мысль, каждый образ, каждое несущее смысловую нагрузку слово, ничего не опуская и не

²² *Ur Rysslands sång: Dikter / Öfvers. från originalspråket af R. Lindqvist. Helsingfors, 1904.*

²³ Цит. по: *Соини Е. Г. Взаимопроникновение русской и финской литературы в первой половине XX века. М., 2017. С. 89.*

²⁴ *Puschkin A. Tårekällan i Bachtschisaraj: Poetisk berättelse / Öfvers. A. Jensen // Svensk kalender. 1889. Stockholm, 1888. Årg. 9. S. 46–64.*

²⁵ *Idem. Eugen Onegin: Rysk sederoman på vers / Öfvers. af A. Jensen. Stockholm, 1889.*

прибавляя. При этом, по собственному признанию переводчика, ему пришлось встретиться с почти непреодолимыми трудностями», — писал Д. М. Шарыпкин²⁶.

Йенсен посвятил творчеству Пушкина раздел в третьей части своей книги «История русской культуры» («*Rysk Kulturhistoria*», 1908). Автор отмечает, что «если таких мастеров, как Гоголь, Тургенев, Достоевский и Толстой, можно назвать выразителями чаяний души русского народа, то русским национальным поэтом остается, безусловно, Пушкин. Он был Петром Великим русской словесности, воспринявшим все лучшее, что могла подарить зарубежная поэзия (Байрон, Шекспир и Гёте), но оставшимся при этом национальным в истинном значении этого слова»²⁷.

В 1918 г. вышло второе, переработанное издание «Евгения Онегина» в переводе А. Йенсена. В эти годы был основан печатный орган публичных библиотек Швеции «Библиотечная газета» (*Biblioteksbladet*), которая так отреагировала на это событие: «Это одно из самых знаменитых творений русской литературы, которое справедливо причисляется к шедеврам мировой литературы»²⁸. Перевод Йенсена долгие годы был единственным переводом «Евгения Онегина» на шведский язык. Новый перевод вышел через

много лет, только в 1999 г., к двухсотлетию со дня рождения русского поэта.

Судить о количестве переводов произведений Пушкина на шведский язык мы можем благодаря двум очень важным изданиям. В первую очередь, это «А. С. Пушкин. Шведская библиография», составленная Ольгой Клаубер²⁹. Второе издание представляет собой обзор всех переводов русской литературы на шведский язык, от самых ранних вплоть до 2011 г. Это «Библиография русской литературы

²⁶ Цит. по: Шарыпкин Д. М. Пушкин в шведской литературе. С. 258.

²⁷ Jensen A. Rysk kulturhistoria. Stockholm, 1908. Del. 3. Den ryske nationalskalden. S. 45. (Перевод Е. Дорофеевой.)

²⁸ Цит. по: Улофссон Ч. Пушкин и Швеция // Болдинские чтения. Нижний Новгород, 2007. С. 246–258. URL: <http://www.diva-portal.se/smash/get/diva2:656189/FULLTEXT01.pdf> (26.12.2019).

²⁹ A. S. Puškin: En svensk bibliografi / Sammanställd av O. Klauber. Uppsala, 1999.

в шведских переводах» Ханса Окерстрёма³⁰. Ханс Окерстрём (р. 1934) изучал русский и польский языки в университете Гётеборга, после защиты диссертации стал библиотекарем и долгие годы, в общей сложности около 30 (!) лет, собирал материал для библиографии русской литературы в шведских переводах. Издание было улучшено и дополнено автором-составителем, последний вариант вышел в свет в 2011 г.

Кроме того, полезным источником сведений о шведских переводах и переизданиях Пушкина, особенно последних лет, является *LIBRIS* — шведский национальный сервис по поиску книг в библиотеках страны (<http://libris.kb.se/>).

Суммируя информацию из данных источников, можно сказать, что в период с 1825 по 1997 г. в Швеции и Финляндии вышло около 50 различных изданий со шведскими переводами Пушкина. Это и отдельные публикации с одним или несколькими произведениями Пушкина, и антологии, куда входят также произведения других русских писателей. С 1998 г. и по сегодняшний день новых переводов было не так много, около пяти, но переизданий значительное количество. Всего библиотечный сервис *LIBRIS* показывает около 80 изданий А. С. Пушкина на шведском языке, включая не только бумажные книги, но также аудио- и электронные книги. Кроме того, данный ресурс показывает и другие очень полезные для исследователей труды: несколько библиографий переводов Пушкина на шведский язык и диссертаций по творчеству русского писателя. В рамках данного исследования мы не можем дать подробную летопись всех шведских переводов Пушкина. Остановимся на некоторых из них, наиболее значимых, сыгравших определенную роль в развитии шведско-русских литературных связей.

Все основные произведения А.С. Пушкина переводились на шведский язык не один раз. Наибольшее количество переводов приходится, вероятно, на «Пиковую даму». Это произведение переводилось целых восемь раз — с 1849 по 1993 г., причём только четыре последних перевода были сделаны с русского языка, остальные — с французского и немецкого. Самым «популярным» переводом стал перевод 1948 г., переиздававшийся затем девять раз. Его автор — Маня Бенков (*Manja Benkow*, в девичестве — Мария Аркадьевна Эпштейн, 1898–1976), ученица Станиславского, в 1924 г. после замужества переехавшая в Швецию, где была известна как театральная педагог, переводчик (в том числе для театра)³¹. Подробный анализ этого перевода, как его успешных, так и неудачных сторон, в свете известных

³⁰ *Åkerström H.* Bibliografi över rysk skönlitteratur översatt till svenska. Göteborg, 2011. URL: <http://slaviska.se/bibliografi/rybiblny2011.pdf> (26.12.2019). Библиографию переводов Пушкина на шведский язык см. на с. 444–462 данного издания.

³¹ Подробнее о Мане Бенков см. статью Ч. Улофссон: *Olofsson K.* Manja Benkow, 1898–1976 // *Svenskt översättarlexikon* [Электронный ресурс]. URL: https://litteraturbanken.se/oversattarlexikon/artiklar/Manja_Benkow (26.12.2019).

лингвистических теорий перевода можно найти в статье «“Пиковая дама” А. С. Пушкина в шведских переводах»³². Автор статьи Черстин Улофссон (*Kerstin Olofsson*, р. 1940) — переводчик, исследователь русской литературы и культуры. В статье «“Метель” А.С. Пушкина в шведских переводах»³³ помимо подробной информации об истории переводов повести «Метель» и «Повестей Белкина», К. Улофссон предлагает интересный анализ шведского перевода с использованием концепций разных учёных — русского лингвиста Виктора Владимировича Виноградова, немецкого литературоведа Вольфа Шмида и французского теоретика перевода Антуана Бермана.

«Повести Белкина» полностью были переведены на шведский язык с языка оригинала только однажды, в 1948 г., но этот перевод, выполненный Евгением фон Сабсаем (*Eugen von Sabsay*) и Криззи Стерцель (*Chrissy Sterzel*) потом много раз переиздавался. Вообще время после Второй мировой войны было самым благоприятным в смысле положительного отношения к России, интереса к её культуре и литературе, что не могло не сказаться и на количестве переводов, прежде всего русской классики. Об этом же пишет шведский исследователь, переводчик и издатель Нильс Хоканссон (*Nils Sture Håkansson*, р. 1975) в своей докторской диссертации «Окно на восток. Русская художественная литература в шведском переводе в 1797–2010 годы, со специальным исследованием восприятия в Швеции Николая Гоголя»³⁴. В том же году работа была издана отдельной книгой. В аннотации автор отмечает, что в данном исследовании его занимало не только то, что было переведено в тот или иной исторический период, но также почему именно эти произведения переводились, как влияли на выбор переводчиков и издателей их убеждения и предрассудки, политические и идеологические веяния времени.

Как отмечает Н. Хоканссон, в период с 1946 по 1949 г. выходило в среднем около 17 книг русских авторов в год, и по большей части это были новые переводы. В 1946–1974 гг. в издательстве «Тиден» (*Tiden*) выходила даже специальная серия «Русская классика», сыгравшая важную роль в деле популяризации русской литературы в Швеции. Доля русских текстов в переводной художественной литературе составляла тогда 5–7%, а после закрытия серии снизилась до 1%. Однако опытных переводчиков с русского языка было очень мало в послевоенные годы, и качество переводов часто критиковалось. Хоканссон приводит интересную

³² Улофссон Ч. «Пиковая А.С. Пушкина в шведских переводах // Болдинские чтения, 2012. Нижний Новгород, 2012. С. 243–250 URL: <http://www.diva-portal.se/smash/get/diva2:567029/FULLTEXT01.pdf> (26.12.2019).

³³ Её же. «Метель» Пушкина в шведских переводах // Болдинские чтения-2014. Нижний Новгород, 2014. С. 222–231. URL: <http://www.diva-portal.se/smash/get/diva2:755096/FULLTEXT01.pdf> (26.12.2019).

³⁴ Håkansson N. Fönstret mot öster: Rysk skönlitteratur i svensk översättning 1797–2010 med en fallstudie av Nikolaj Gogols svenska mottagande. Stockholm, 2012. S. 111.

полемику конца 1940-х гг. между владевшим русским языком литературным критиком ведущей шведской газеты «Дагенс нюхетер» Гуннаром Уднером (*Gunnar Odhner*) и редактором серии «Русской классики», руководителем «Русского института» при Стокгольмском университете Нильсом Оке Нильссоном (*Nils Åke Nilsson*, 1917–1995)³⁵. Уднер критиковал качество переводов, в том числе необоснованные изменения и дополнения, вносимые переводчиками в текст оригинала. Нильссон сетовал на нехватку переводчиков высокой квалификации, на сложности в их подготовке, отсутствие прямых контактов с носителями языка и культуры.

Нильс Оке Нильссон внёс большой вклад в развитие славистики в Швеции, распространение знаний о русской литературе и культуре³⁶. Журналист, переводчик, литературовед, он долгие годы изучал русскую литературу, писал о ней в ведущих шведских газетах, занимался переводами, подготовил вступительные статьи ко многим изданиям произведений русских писателей, в том числе к изданиям А. С. Пушкина. Серия «Русская классика» в 42-х томах издательства «Тиден», несмотря на отдельные критические замечания, имела огромный успех. Открывали серию «Петербургские повести» Гоголя в переводе самого Нильссона (книга впоследствии шесть раз была переиздана). Образцами талантливого перевода могут служить также вышедшие в данной серии повести И. Тургенева «Первая любовь» и А. Чехова «Моя жизнь» в переводе Асты Викман (*Asta Wickman*, 1895–1983).

В 1970–1980-е гг. количество шведских переводов русской литературы, и в частности произведений Пушкина, сократилось. Свою роль в этом процессе вновь сыграли политические и культурные стереотипы и предубеждения. Некоторое оживление можно наблюдать в 1990-е гг., и особенно в конце 1990-х, когда в преддверии двухсотлетия со дня рождения поэта его фигуре уделялось больше внимания. В Упсальском университете была проведена конференция «А. С. Пушкин 200 лет. Жизнь и творчество. Русский романтик в европейском контексте» с участием ученых из Скандинавии, Германии, Эстонии и России.

В 1999 г. вышел также первый и единственный на сегодняшний день перевод «Сказки о царе Салтане», автором которого стала Янина Орлов (*Janina Orlov*, р. 1955) — переводчик финской и русской литературы на шведский язык, профессор Стокгольмского университета, обладатель нескольких литературных премий. Я. Орлов работала над переводом вместе со своим мужем, известным писателем Ульфом Старком (*Ulf Stark*, 1944–2017), а позднее, в 2005 г., защитила

³⁵ Ibid. S. 119.

³⁶ См. также статью о Н. О. Нильссоне Магнуса Юнггrena: *Ljunggren M. Nils Åke Nilsson, 1917–1995 // Svenskt översättarlexikon* [Электронный ресурс]. URL: https://litteraturbanken.se/oversattarlexikon/artiklar/Nils_Ake_Nilsson (26.12.2019).

докторскую диссертацию на тему пушкинской сказки: «Текст как калейдоскоп: чтение “Сказки о царе Салтане” А. С. Пушкина»³⁷.

Главным литературным событием этого периода стал выход нового перевода «Евгения Онегина», созданного усилиями переводчика и издателя Челля Юханссона (*Kjell-Åke Ingvar Johansson*, р. 1939)³⁸. Он не одобрял известный перевод Владимира Набокова, который жертвует «формальными элементами» — рифмой и размером. «Что, прежде всего, делает “Евгения Онегина” произведением искусства, так это именно благозвучие, ритм, рифма, музыкальность... Я хотел попробовать дать обыкновенной шведской публике, не говорящей по-русски, какую-то долю того восторженного чувства, которое я сам однажды испытал при первом чтении. Поэтому — размер, поэтому — рифма!»³⁹.

Роман «Евгений Онегин» и сегодня вдохновляет молодых шведских переводчиков. Интересный проект задумал молодой почитатель творчества Пушкина Ульрик Франке (*Ulrik Franke*, р. 1981). Франке открыл сайт (www.onegin.se), на котором, начиная с 2010 г., выкладывает по мере готовности свои переводы с параллельным русским текстом и собственными комментариями. Читатель может написать переводчику о своих впечатлениях и задать вопросы. К июню 2019 г. У. Франке перевел 226 строф, что составляет 58,1% от всего текста (как показывает график на сайте переводчика).

В 2000-е гг. выходило не так много новых переводов произведений А. С. Пушкина на шведский язык. Это две книги в переводах Ларса Эрика Блумквиста (*Lars Erik Blomqvist*, р. 1942): «Маленькие трагедии» со вступительной статьёй самого Блумквиста и иллюстрациями В. Фаворского («Атриум», 2009)⁴⁰ и «Борис Годунов», также со вступительной статьёй переводчика и в оформлении Фаворского («Атриум», 2010)⁴¹. Блумквист, кроме того, известен своими переводами М. Булгакова, Л. Толстого, В. Хлебникова, Ф. Сологуба, Ч. Айтматова. Он является автором нескольких книг о русской литературе: «Русская литература после Сталина» и «Советская проза: от Гулага к Гласности, развитие после 1970-х гг.»⁴².

Событием последних лет стал выход книги «“Медный всадник” и другие стихотворения» в переводе Лассе Циллиакуса (*Lasse Zilliacus*, р. 1941)⁴³. Музыкант, переводчик, автор многочисленных либретто, Циллиакус вложил в книгу свою

³⁷ Orlov J. Texten som kalejdoskop: En läsning av A. S. Pusjkins ”Sagan om tsar Saltan”. Åbo, 2005.

³⁸ *Pusjkin A. Eugen Onegin / Övers. K. Johansson. Borrbby, 1999.*

³⁹ Цит. по: Улофссон Ч. Пушкин и Швеция. С. 254.

⁴⁰ *Pusjkin A. Fyra små tragedier / Övers. och förord av L. E. Blomqvist; ill. av V. Favorskij. Umeå, 2009.*

⁴¹ *Idem. Boris Godunov / Övers. och förord av L. E. Blomqvist; efterord av M. Lotman; ill. av V. Favorskij. Umeå, 2010.*

⁴² *Blomqvist L. E. Rysk litteratur efter Stalin. Stockholm, 1968; Idem. Sovjetrysk prosa från Gulag till Glasnost: Utvecklingen efter 1970 samt kommenterad boklista. Lund, 1991.*

⁴³ *Pusjkin A. Bronsryttaren och andra dikter / Tolkning av L. Zilliacus. Stockholm, 2017.*

любовь к Пушкину, восхищение его поэтическим мастерством. Помимо поэмы в книгу вошли переводы стихотворений «К другу стихотворцу» («*Till en diktande vän*»), «Домик в Коломне» («*Det lilla huset i Kolomna*»), «Гусар» («*Husaren*»), «Была пора» («*Så svar det då*»). Все стихотворения представлены с параллельным русским текстом. В предисловии к изданию Л. Циллиакус подчёркивает, что видит значение своей книги не в том, чтобы с какой-то новой стороны исследовать творчество А. С. Пушкина и не в том, чтобы полемизировать с другими его переводчиками. Скромный томик переведённых им стихотворений должно рассматривать как «скромное свидетельство влюбленного читателя, признание в любви не только к тайне человека и среды в пушкинской вселенной, но и к тому типу литературной формы, искусству слова, которое больше не в моде»⁴⁴. Книга получила положительные отзывы читателей и критиков⁴⁵.

Последнее на сегодняшний день издание переводов Пушкина — вышедший в прошлом году маленький сборник «Сердце и другие стихотворения» в переводе Анники Бекстрём (*Annika Bäckström*, p. 1927)⁴⁶. А. Бекстрём переводила поэзию М. Цветаевой, И. Бродского, Е. Евтушенко, Г. Айги. Насколько переводчица смогла справиться с тонкостями пушкинской лирики, нам трудно судить, поскольку у нас не было возможности ознакомиться с текстом сборника. По мнению литературоведа Стена Вистранда (*Sten Carl Martin Wistrand*, p. 1954)⁴⁷, переводчик не всегда пытается сохранить ритм и рифму оригинала. Если в стихотворении «Жил на свете рыцарь бедный...» Аннике Бекстрём это более или менее удастся, то в других стихотворениях есть только намек на рифмованный стих. Деление на строфы иногда соблюдается, а иногда странным образом нарушается (причем до конца не ясно, был ли это замысел переводчика, или же это ошибка издателя). По мнению рецензента, изданию очень не хватает вступительного или заключительного слова переводчика, которое объяснило бы выбор тех или иных приемов. Несмотря на это, книга представляет ценность для всех, кто хочет ближе познакомиться с поэзией Пушкина.

Шведский журналист Бьёрн Кольстрём (*Björn Kohlström*, p. 1967) в связи с выходом сборника «Сердце и другие стихотворения» написал небольшую статью в газете «Йончёпинг-Постен» (*Jönköpings-Posten*, 06.07.2018). Автор статьи восхищается

⁴⁴ Ibid. S. 9.

⁴⁵ См. рецензии: *Rotkirch K. Kärleksförklaring till Pusjkin // Hufvudstadsbladet*. 2018. 18 februari. URL: <https://www.hbl.fi/artikel/litteraturrecension-karleksforklaring-till-pusjkin/> (26.12.2019); *Wistrand S. Lyrik: Bronsryttaren och andra dikter av Aleksandr Pusjkin // Kulturdelen* [Электронный ресурс]. 2018. 2 januari. URL: <http://www.kulturdelen.com/2018/01/02/lyrik-bronsryttaren-och-andra-dikter-av-aleksandr-pusjkin/> (26.12.2019).

⁴⁶ *Pusjkin A. Hjärtat och andra dikter / Övers. av A. Bäckström*. [Lund], [2018].

⁴⁷ См. рецензию: *Wistrand S. Bok: Hjärtat och andra dikter av Aleksandr Pusjkin // Kulturdelen* [Электронный ресурс]. 2019. 3 januari. URL: <http://www.kulturdelen.com/2019/01/03/bok-hjartat-och-andra-dikter-av-aleksandr-pusjkin/> (26.12.2019).

живым интеллектом и горячим темпераментом Пушкина и сетует, что «сегодня не хватает духа того времени, начала XIX века, когда поэзия могла быть не только остроумной и живой, но также значительной и неотвратимой, дающей пространство для воображения»⁴⁸.

Таким образом, творчество А. С. Пушкина вызывает определённый интерес у современного шведского читателя, прежде всего у поклонников русской культуры и литературы. Новые издания произведений русского поэта, количество которых в последние годы, к сожалению, не очень велико, как правило, освещаются в прессе и интернет-изданиях. Наиболее примечательными публикациями XXI в. являются, на наш взгляд, «Маленькие трагедии» и «Борис Годунов» в переводе Л. Э. Блумквиста и «Медный всадник» и другие стихотворения в переводе Л. Цицлиакуса.

Остаётся надеяться, что и дальше будут появляться искусные, самоотверженные переводчики, благодаря труду которых произведения А. С. Пушкина будут знать и любить современные читатели в Швеции и во всей Скандинавии!

Список литературы

Грот, Я. К. Листки из скандинавского мира / Я. К. Грот // [Грот, Я. К.] Труды Я. К. Грота. — Санкт-Петербург: Тип. Министерства путей сообщения, 1898. — Т. I. — С. 247–299.

Карху, Э. Г. Финляндская литература и Россия: 1800–1850 / Э. Г. Карху. — Таллин: Эстонское государственное издательство, 1962. — 342 с.

Коваленко, Г. М. Пушкин и Швеция / Г. М. Коваленко // Коваленко, Г. М. Россия и Швеция от Рюрика до Ельцина. — Санкт-Петербург: Крига, 2018. — С. 196–202.

Найдич, Э. Э. Письмо Пушкина к Густаву Нордину / Э. Найдич // Пушкин: исследования и материалы / Ред. М. П. Алексеев. — Москва; Ленинград: Издательство АН СССР, 1958. — Т. 2. — С. 217–223. — URL: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/is2/is2-217-.htm>. — (25.12.2019).

Сойни, Е. Г. Взаимопроникновение русской и финской литературы в первой половине XX века / Е. Г. Сойни. — Москва: Языки славянских культур, 2017. — 464 с.

Шарышкин, Д. М. Вокруг «Пиковой дамы» / Д. М. Шарышкин // Временник Пушкинской комиссии. 1972. — Ленинград: Наука, 1974. — С. 128–138. — URL: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/v74/v74-128-.htm?cmd=p>. — (26.12.2019).

Шарышкин, Д. М. Пушкин в шведской литературе / Д. М. Шарышкин // Пушкин: исследования и материалы. — Ленинград: Наука, 1974. — Т. 7. — С. 251–

⁴⁸ *Koblström B.* Pusjkin hade ett rörliga intellekt och ett brinnande temperament // Jönköpings-Posten. 2018. 6 juli. URL: <https://www.jp.se/article/bjorn-kohlstrom-pusjkin-hade-ett-rorliga-intellekt-och-ett-brinnande-temperament/> (26.12.2019).

262. — URL: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/is7/is7-251-.htm?cmd=p>. — (25.12.2019).

Улофссон, Ч. Пушкин и Швеция / Ч. Улофссон // Болдинские чтения. — Нижний Новгород : Вектор ТиС, 2007. — С. 246–258. — URL: <http://www.diva-portal.se/smash/get/diva2:656189/FULLTEXT01.pdf>. — (26.12.2019).

Улофссон, Ч. «Пиковая А.С. Пушкина в шведских переводах / Ч. Улофссон // Болдинские чтения, 2012. — Нижний Новгород : Государственный литературно-мемориальный и природный музей-заповедник. А.С. Пушкина «Болдино», 2012. — С. 243–250. — URL: <http://www.diva-portal.se/smash/get/diva2:567029/FULLTEXT01.pdf>. — (26.12.2019).

Улофссон, Ч. «Метель» Пушкина в шведских переводах / Ч. Улофссон // Болдинские чтения-2014. — Нижний Новгород : ООО «БегемотНН», 2014. — С. 222–231. — URL: <http://www.diva-portal.se/smash/get/diva2:755096/FULLTEXT01.pdf>. — (26.12.2019).

A. S. Puškin: En svensk bibliografi / sammanställd av O. Klauber. — Uppsala : Uppsala universitetet, Slaviska institutionen, 1999. — 49 s.

Blomquist, L. E. Rysk litteratur efter Stalin / L. E. Blomquist. — Stockholm : Natur och kultur, 1968. — 212 s.

Blomquist, L. E. Sovjetrysk prosa från Gulag till Glasnost : utvecklingen efter 1970 samt kommenterad boklista / L. E. Blomquist. — Lund : Bibliotekstjänst, 1991. — 135 s.

Furuland, G. Niklas Hans Thomson, 1793–1874 / G. Furuland // Svenskt översättarlexikon [Электронный ресурс]. — URL: https://litteraturbanken.se/oversattarlexikon/artiklar/Niklas_Hans_Thomson. — (26.12.2019).

Håkansson, N. Fönstret mot öster : rysk skönlitteratur i svensk översättning 1797–2010 med en fallstudie av Nikolaj Gogols svenska mottagande / N. Håkansson. — Stockholm : Ruin, 2012. — 347 s.

Håkansson, N. Otto Adolf Meurman, 1817–1850 / N. Håkansson // Svenskt översättarlexikon [Электронный ресурс]. — URL: https://litteraturbanken.se/oversattarlexikon/artiklar/Otto_Adolf_Meurman. — (26.12.2019).

Jensen, A. Rysk kulturhistoria / A. Jensen: I 3 delar. — Stockholm : Ljus, 1908. — Del. 3. Den ryske nationalskalden. — 303 s.

Kohlström, B. Pusjkin hade ett rörliga intellekt och ett brinnande temperament B. Kohlström // Jönköpings-Posten. — 2018. — 6 juli. — URL: <https://www.jp.se/article/bjorn-kohlstrom-pusjkin-hade-ett-rorliga-intellekt-och-ett-brinnande-temperament/>. — (26.12.2019).

Lénström, C. J. Alexander Puschkin, Rysslands Byron : ett skaldeporträtt / C. J. Lénström : I 2 delar. — Uppsala : Leffler och Sebell, 1841.

Ljunggren, M. Nils Åke Nilsson, 1917–1995 / M. Ljunggren // Svenskt översättarlexikon [Электронный ресурс]. — URL: https://litteraturbanken.se/översättarlexikon/artiklar/Nils_Åke_Nilsson. — (26.12.2019).

Møller, P. L. Digterskildringer / P. L. Møller // Brage og Idun. — 1839. — Bd. I, H. 1. — S. 277–281.

Olofsson, K. Manja Benkow, 1898–1976 / K. Olofsson // Svenskt översättarlexikon [Электронный ресурс]. — URL: https://litteraturbanken.se/översättarlexikon/artiklar/Manja_Benkow. — (26.12.2019).

Orlov, J. Texten som kalejdoskop : en läsning av A. S. Pusjkins ”Sagan om tsar Saltan” / J. Orlov. — Åbo : Åbo Akademis förlag, 2005. — 199 s.

Pusjkin, A. Eugen Onegin / övers. K. Johansson. — Borrby : Murbräckan, 1999. — 253 s.

Pusjkin, A. Fyra små tragedier / A. Pusjkin ; övers. och förord av L. E. Blomqvist ; ill. av V. Favorskij. — Umeå : Atrium, 2009. — 127 s.

Pusjkin, A. Boris Godunov / A. Pusjkin ; övers. och förord av L. E. Blomqvist ; efterord av M. Lotman ; ill. av V. Favorskij. — Umeå : Atrium, 2010. — 156 s.

Pusjkin, A. Bronsryttaren och andra dikter / tolkningar av L. Zilliacus. — Stockholm : Ersatz, 2017. — 141 s.

Pusjkin, A. Hjärtat och andra dikter / A. Pusjkin ; övers. av A. Bäckström. — [Lund] : Ellerströms, [2018]. — 47 s.

[Puschkin, A.] Minne af Kaukasien / A. Puschkin ; öfversättning ifrån Ryskan. — Åbo : J. C. Frenckell & Son, 1825. — 32 s. — URL: https://gupea.ub.gu.se/bitstream/2077/42038/1/gupea_2077_42038_1.pdf. — 25.12.2019).

Puschkin, A. Dichtungen / A. Puschkin ; aus dem Russischen übersetzt von Dr. R. Lippert : In 2 Bde. — Leipzig : W. Engelmann, 1840.

Puschkin, A. Kaptenens dotter / A. Puschkin ; öfvers. från ryskan af O. A. D. Meurman. — Stockholm : N N. Thomson, 1841. — 186 s.

Puschkin, A. Sångar / A. Puschkin ; öfvers. af V. E. Öman. — Örebro : Abr Bohlin, 1871. — 51 s.

Puschkin, A. Fången i Kaukasien / A. Puschkin ; öfvers. af F. A. von Pläten // Finsk Tidskrift. — 1882. — No. 1. — S. 424–438.

Puschkin, A. Tårekällan i Bachtschisaraj : poetisk berättelse / A. Puschkin ; öfvers. A. Jensen // Svensk kalender. — 1889. — Stockholm : P. A. Norstedt & Söner, 1888. — Årg. 9. — S. 46–64.

Puschkin, A. Eugen Onegin : rysk sederoman på vers / A. Puschkin ; öfvers. af A. Jensen. — Stockholm : Bonnier, 1889. — 227 s.

Puschkin, A. Några dikter / öfvers. af K. [Carl G. M. von Kraemer]. — Helsingfors : s. n., 1890. — 83 s.

Pushkin, A. Eugene Onegin: A Novel in Verse / A. Pushkin ; transl. from the Russian, with a commentary, by V. Nabokov: In 4 vols.. — New York : Bollingen Foundation, 1964. — Vol. 3. — 540 p.

Rotkirch, K. Kärleksförklaring till Pusjkin / K. Rotkirch // Hufvudstadsbladet. — 2018. — 18 februari. — URL: <https://www.hbl.fi/artikel/litteraturrecension-karleksforklaring-till-pusjkin/>. — (26.12.2019).

Ryska skalder : dikter af Pusjkin, Lermontoff, Nekrasoff / öfvers. Af G. Aminoff. — Borgå : Werner Söderström, 1887. — 133 s.

Ur Rysslands sång : dikter / öfvers. från orginalspråket af R. Lindqvist. — Helsingfors : Helios, 1904. — 453 s.

Wistrand, S. Lyrik: Bronsryttaren och andra dikter av Aleksandr Pusjkin / S. Wistrand // Kulturdelen [Электронный ресурс]. — 2018. — 2 januari. — URL: <http://www.kulturdelen.com/2018/01/02/lyrik-bronsryttaren-och-andra-dikter-av-aleksandr-pusjkin/>. — (26.12.2019).

Wistrand, S. Bok: Hjärtat och andra dikter av Aleksandr Pusjkin / S. Wistrand // Kulturdelen [Электронный ресурс]. — 2019. — 3 januari. — URL: <http://www.kulturdelen.com/2019/01/03/bok-hjartat-och-andra-dikter-av-aleksandr-pusjkin/>. — (26.12.2019).

Åkerström, H. Bibliografi över rysk skönlitteratur översatt till svenska / H. Åkerström. — Göteborg : Göteborgs universitet, Institutionen för språk och litteraturer, 2011. — 698 s. — URL: <http://slaviska.se/bibliografi/rybiblny2011.pdf>. — (26.12.2019).

МАРКЕЛОВА Ольга Александровна / MARKELOVA Olga

Литературовед, переводчик / Literary scholar, translator

Россия, Москва / Russia, Moscow

ПУШКИН В ДАНИИ **PUSHKIN IN DENMARK**

Abstract: The Danish readers first learned about A. S. Pushkin's life and works as early as in the 1840s. The first translations of his poems were made from German as an intermediate language, and the first articles about him were also based on foreign sources and repeated the latter's mistakes. Later on the translations began to be made directly from Russian. The works most often translated into Danish were Pushkin's prose and larger poetical works. The translating activity was at the highest at the turn of the 19th century and in the first half of the 20th century. Translations made during this period are often of good poetical quality and are demanded by the readers. Since the 1940s till nowadays new translations of Pushkin's prose and poetry have been published quite rarely, but nevertheless the operas based on his works are widely staged in Denmark, and the Danish slavists are interested in his literary heritage. Nowadays Pushkin is generally a background figure for the Danish readers and critics, for whom he is mainly the foregoer of the great Russian prose writers of the 19th and the 20th century, more familiar to them.

Ключевые слова / Keywords: А. С. Пушкин, датская литература, XIX–XXI вв., художественный перевод, датско-русские культурные связи / Alexander Pushkin, Danish literature, 19th–21st centuries, literary translation, Danish-Russian cultural relations

«Пушкин по-датски» — не только и не столько узкий вопрос о переводе произведений отдельно взятого поэта с русского языка на датский, сколько часть более широких вопросов о способах рецепции русской литературы и культуры в Дании, оценке её деятелей, путях знакомства с ней.

Сама история переводов Пушкина на датский язык ведёт отсчёт от середины XIX в. Уже беглое знакомство со списком переводов показывает, что наиболее часто на датский язык переводилась проза Пушкина и крупные поэтические произведения. Лирические стихотворения составляют меньшинство среди переводов.

Основной пик переводческой деятельности приходится на рубеж XIX–XX вв. Надо заметить, что в тот период и литература Скандинавских стран —

как современная, так и относящаяся к минувшим эпохам — весьма активно переводилась в России.

Первое знакомство датских читателей с личностью и творчеством Пушкина началось буквально сразу после его гибели. Сообщения об этом трагическом событии и об утрате, которую понесла русская литература, в марте 1837 г. были напечатаны во многих крупных датских газетах¹.

В 1838 г. в журнале «Браги и Идунн» вышла статья Педера Лудвига Мёллера «*Alexander Puschkins Liv og Poesi*» (Впоследствии переиздана в сборнике «*Kritiske Skizzer fra Aarene 1840–47*»). В статье даётся очерк биографии поэта. Представлен контекст русской литературы, в котором появились произведения Пушкина: названы такие фигуры, как Карамзин, Крылов, Жуковский, Одоевский, Марлинский и Лермонтов (даётся ссылка на немецкий перевод «Героя нашего времени!»). Также творчество Пушкина помещается в контекст современной европейской (и, в гораздо меньшей степени, скандинавской) поэзии: в статье говорится о влиянии Байрона на Пушкина, цитируются стихотворения Йенса Баггесена, Альфреда де Мюссе. Подчёркивается и интерес Пушкина к политике, но декабристы едва упоминаются. Пушкин в статье характеризуется как «страстная натура» (*lidenskabelig Natur*). Для того, чтобы дать читателю более живое и наглядное представление о личности русского поэта,

Мёллер помещает в своей статье крупный фрагмент мемуаров некоего «австрийского путешественника (Гитца)», рассказывающего, как однажды во время вечерней прогулки в Петербурге тот случайно встретил Пушкина и попытался вызвать его

¹ [Puschkin A.] Alexander Puschkin: 1799–1837. Mindebog: Udgivet af en Kreds af danske og russiske Beundrere / Under red. af K. Flor, W. van der Vliet og S. de Turczin. København, 1937. S. 196–197. (Далее — Mindebog 1937).

на разговор о «поэтических материях», однако безрезультатно; поэту в ту пору было около 35 лет, и он был разочарован в жизни².

Важно, что в биографический очерк в тексте статьи вставлены переводы стихотворений Пушкина: лирическая баллада «Чёрная шаль», эпиграмма «*Ex ungue leonem*», «политическое» стихотворение «Клеветникам» («О чём шумите вы, народные витии»). В последнем случае заглавие стихотворения передано как «*Til Ruslands Fjender*» («Врагам России») — то есть, речь идёт не столько о переводе названия, сколько о его интерпретации. Сам выбор таких непохожих текстов уже говорит о стремлении переводчика наглядно представить читателям жанровое разнообразие поэзии Пушкина. Фрагменты из «Евгения Онегина» цитируются в статье в переводе на немецкий язык (без указания переводчика). О степени точности этого перевода можно судить по тому, что Татьяна в нём именуется Йоханной. Обилие ссылок на немецкие источники даёт основание полагать, что и переводы упомянутых стихотворений на датский язык были сделаны, очевидно, не с подлинника. С точки зрения стилистики этим переводам присуще гораздо меньше свойственной поэзии Пушкина лапидарности — и больше украшательства.

Эта статья даёт представление о том, через посредство каких источников происходила рецепция русской литературы в Дании в XIX в.: в ней преобладают ссылки на немецкие источники, и русские фамилии, как правило, транслитерированы на немецкий лад (*Onägin*). Д. М. Шарыпкин отмечает, что П. Л. Мёллер при написании статьи активно пользовался трудами немецких авторов Фридриха Титца и Фарнгагена фон Энзе³ и повторил все их фактические ошибки.

Восприятие русской литературы «через призму» немецкой критики будет и в дальнейшем характерно для датских переводчиков Пушкина в XIX в.

Проза Пушкина нашла переводчиков в Дании быстрее, чем его поэзия. Первым переводчиком на этом поприще был Эдвин Мариус Торссон (1816–1889), которому принадлежат переводы новеллы «Гробовщик» (1855) (получившей по-датски название «*Ligkistefabrikanten*») и романа «Капитанская дочка» (1843).

Второй перевод «Капитанской дочки» вышел в свет в 1885 г. и был выполнен Людвигом Кравбалле (1829–1905). Перевод в целом точен, хотя оставляет ощущение, что переводчик не досконально знал русские реалии. Русские имена и топонимы в нём переданы в немецкой орфографии. Перевод сопровождается предисловием, в котором главное внимание уделено внешней стороне биографии Пушкина, а оценка его творчества даётся отдельно.

² Møller P. L. Alexander Puschkin's Liv og Poesi // Møller P. L. Kritiske Skizzer fra Aarene 1840–47. København, 1971. S. 136–138.

³ Шарыпкин Д. М. Русская литература в Скандинавии. Л., 1975. С. 21.

Также в литературе упоминаются два других перевода этого романа: сокращённый перевод под названием «*Kommandantens Datter*», вышедший в свет в 1910 г. в Копенгагене, и перевод Амалии Эдельстайн, появившийся годом позже.

Разные переводчики обращались к «Повестям Белкина». С 1860-х гг. каждая из повестей была по крайней мере один раз переведена и издана. «Выстрел» и «Гробовщик» были переведены по два раза. Перевод Э. М. Торссона «*Ligkistefabrikanten*» (в XX в. переиздавался под заглавием «*Ligkistesnedkeren*»). Отрывок из повести «Дубровский» выходил без указания имени переводчика под заглавием «Атаман Дубровский» («*Røverhøvdingen Dubrovskij*»).

Судя по тому, что чаще всего издавались отдельные повести (как в XIX, так и в XX в.) в антологиях или отдельными изданиями, датские переводчики не воспринимали этот цикл как композиционное единство.

«Евгений Онегин» переводился на датский язык несколько раз. Первый перевод был осуществлён П. А. Росенбергом (1858–1935) в 1930 г. с подлинника, второй — Вальдемаром Рёрдамом в 1938 г. с немецкого. Перевод Росенберга, хотя и точен, считается «сухим», а перевод Рёрдама — более «живым», при всех его переводческих ошибках⁴. Перевод Росенберга переиздавался и упоминался в литературе и прессе чаще, чем другие, поэтому на нём стоит остановиться подробнее.

Путник дарит
Онегину
письмо
Татьяне

В предисловии к своему переводу Росенберг отмечал, что ему помогал некий русский художник и писатель «*Hr de Turczin*», сделавший подстрочник. Заслуживает упоминания оценка, которую Росенберг даёт «Евгению Онегину». Самым ценным в этом романе он считает описания природы и общества, в т. ч. человеческих типов. Он сравнивает его с «Адамом Хомо» Палудан-Мюллера и замечает в этой связи: «При всём уважении к бессмертному творению датского поэта, всё же можно взять на себя смелость утверждать, что в Татьяне больше плоти и крови, чем в его Альме Стьерне»⁵.

⁴ См.: *Johnny Thomsen. Skáld á lónni* // Brá. 1986. No. 9/10. Bls. 65.

⁵ *Puschkin A. Eugen Onegin: Roman paa vers i ni sange* / Overs. fra rusisk af P. A. Rosenberg. København, 1930. S. 11. (Далее — Rosenberg 1930).

Достоин упоминания, что в этих первых переводах имя заглавного героя транслитерируется на французский лад: *Eugen Onegin* (в переизданиях конца XX в. оно уже дано в правильной транслитерации с русского: *Evgenij*).

Столетняя годовщина смерти Пушкина была ознаменована антологией его произведений, изданной «кругом датских и русских почитателей», куда вошли переводы Росенберга, к тому времени уже покойного («Медный всадник» и отрывки из «Евгения Онегина»), «Борис Годунов» в переводе Георга Сараува, 17 лирических стихотворений в переводах разного авторства (уже упоминавшийся Росенберг, А. Маттисон Хансен, А. Стендер-Петерсен, Э. Томассен, Вильгельм Мёллер и др.); часть этих переводов ранее публиковалась в различных журналах и антологиях в 1880–1930-х гг.

Антология открывается очерком В. ван дер Влиета о жизни и творчестве Пушкина, написанного с опорой почти исключительно на русские источники 1870–1920-х гг. (выбор событий в творческой биографии поэта и их интерпретация в этом тексте действительно сильно напоминает изложение, привычное для русских читателей). Значение Пушкина для русской литературы и культуры сопоставляется со значением Гёте для немецкой поэзии и Адама Эленшлегера — для датской⁶. Несмотря на разную степень точности у разных переводчиков (и, очевидно, разный уровень владения русским языком), творчество русского поэта органично вписывается в датский культурный контекст, а поэтический язык датской лирики второй половины XIX — начала XX в. успешно служит её адекватной передаче.

Насколько можно судить по текстам, датские переводчики конца XIX — первой половины XX в. не стремились подчеркнуть в переводимых ими произведениях Пушкина национальный колорит. Скорее, они позволяли себе иногда пренебречь им там, где он не играет центральной роли. Так, у Росенберга «Песня девушек» в «Евгении Онегине» с точки зрения размера и поэтики имеет черты стилизации датского традиционного фольклора⁷, а не воссоздания экзотической для переводчика и читателя поэтической системы. В его же переводе «Бесов» (озаглавленном «*Steppens Aander*» — «Духи степи») исчезают упоминания русской нечисти (домовой, ведьма), зато появляется датский *lygtemand* (фольклорное существо, заманивающее путников в трясины светом своего фонаря)⁸. В переводе А. Маттисон-Хансена стихотворение «Поэту» («Поэт! Не дорожи любовью народной...») получает заглавие «*Til en Skjald*» (букв. «скальду»). У этого датского

⁶ Mindebog 1937. S. 30.

⁷ Rosenberg 1930. S. 72–73.

⁸ Mindebog 1937. S. 43.

слова в современном языке древнескандинавские и «возвышенные» коннотации являются основными; в заглавии перевода такое стилистически маркированное слово, очевидно, употреблено на правах поэтизма (в самом тексте понятие «поэт» передано стилистически нейтральными словами *Digter, Kunstner*)⁹. Впрочем, подобные замены настолько малочисленны, органичны и ненавязчивы, что говорить о «культурном пересказе» здесь было бы преувеличением.

После 1940-х гг. деятельность по переводу Пушкина в Дании затухает. В этот период активно переиздаются старые переводы (в т. ч. «Повести Белкина», «Борис Годунов») и статьи о жизни и творчестве поэта (даже такие, как упоминавшийся очерк Мёллера). Наверно, не будет ошибкой сказать, что во второй половине XX в. произведения Пушкина в Дании больше всего известны любителям оперы: «Борис Годунов» М. П. Мусоргского, «Евгений Онегин» и «Пиковая дама» П. И. Чайковского неоднократно ставились различными датскими театрами¹⁰.

В 1990 г. выходит в свет новый перевод «Евгения Онегина», сделанный Йоханнесом Ипсеном (1911–1994). По роду деятельности Й. Ипсен был врачом-эпидемиологом, доктором медицинских наук и профессором в университетах Копенгагена и Орхуса, его жизнь и научная деятельность не были связаны с Россией¹¹.

Свой перевод он осуществил в преклонном возрасте, самостоятельно выучив русский язык.

Медь тем как сельские циклоны
Перед медитативным огнем
Российским летит моротком
Изделие легкое Европы

⁹ Ibid. S. 56.

¹⁰ См.: Aleksandr Sergejevitsch Pusjkin (1799–1837) // Dansk forfatterleksikon / Ved N. Jensen [Электронный ресурс]. URL: <http://danskforfatterleksikon.dk/1850u/u2448.htm> (27.12.2019). (Библиографический справочник.) Насколько можно судить, перевод оперных либретто не всегда опирался на существующие датские переводы соответствующих литературных текстов.

¹¹ См.: Olsen J., Juul S., Foldspang A., Sabroe S., Jeune B. Johannes Ipsen // Aarhus universitet [Электронный ресурс]. 1994. URL: <https://www.au.dk/om/profil/historie/showroom/oversigter/nekrologer/1994ji/> (27.12.2019). (Некролог.)

В 1995 г. на датском языке появляется «Сказка о царе Салтане» — однако лишь в виде пересказа, адресованного младшим читателям; к тому же эта книжка представляет собой перевод немецкого пересказа, сделанного австрийской писательницей Сибил Шёнфельдт. Здесь надо отметить, что советский мультфильм по этому произведению Пушкина («Союзмультфильм», 1984, реж. И. Иванов-Вано, Л. Мильчин), согласно данным организации «*Det danske filminstitut*», транслировался по телевидению в Дании по крайней мере один раз, в 1992 г.¹²

В XXI в. новые переводы произведений Пушкина исчисляются буквально единицами. Единственный перевод крупного поэтического произведения Пушкина за этот период — «Бахчисарайский фонтан» в переводе Биргера Кледаля (2012), вышедший под одной обложкой с его же переводом «Демона» Лермонтова. Точный и живой перевод Б. Кледаля был отмечен датской прессой и удостоился хвалебных рецензий¹³. Однако подача информации в этих рецензиях недвусмысленно свидетельствует о том, что и литературный романтизм, и русская поэзия позапрошлого века — предметы, далёкие от повседневных горизонтов среднестатистических датских читателей. Это иногда может выражаться в обращениях к культурным клише о России. Приведём высказывание одного из рецензентов: «Как известно каждому читателю Достоевского, Толстого и других корифеев русской литературы, Россия — страна сильных чувств. В русской душе волны поднимаются высоко. У Александра Пушкина и Михаила Лермонтова эти волны вздымались так высоко, что оба поэта погибли на дуэлях...»¹⁴. Блестящие работы датских переводчиков-русистов в текущем десятилетии существуют в окружении стереотипов о русском национальном характере, восходящих к предыдущим эпохам.

Иллюстрацией современных переводческих стратегий может служить стихотворение «Я Вас любил. Любовь ещё быть может...», как его перевела Метте Дальсгор (род. 1948), специалист по русской литературе, автор множества книг и статей (в т. ч. в прессе) о русских писателях XIX и XX вв.:

¹² См.: Eventyret om tsar Saltan // Viden om film [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dfi.dk/viden-om-film/filmdatabasen/film/eventyret-om-tsar-saltan> (27.12.2019).

¹³ См., например: *Tetzlaff M.* Russiske fortællinger byder på harem og dæmoner // Politiken. 2012. 8. juni. URL: https://politiken.dk/kultur/boger/boganmeldelser/skonlitteratur_boger/art5390431/Russiske-fortællinger-byder-på-harem-og-dæmoner (27.12.2019).

¹⁴ *Hughes Hansen T.* Åååh, hvor romantisk! — Alexander Pusjkin og Mikhail Lermontov FONTÆNEN I BAKHTJISARAJ og DÆMONEN // LitteraturNu [Электронный ресурс]. 2012. 18. juni. URL: <https://litteraturnu.dk/aaah-hvor-romantisk-alexander-pusjkin-og-mikhail-lermontov-fontaenen-i-bakhtjisaraj-og-daemonen/> (27.12.2019).

Jeg elsked Dem. Måske er kærligheden
 En glød, som stadig ulmer i min sjæl.
 Men vær blot tryk, jeg ønsker aldrig mere
 At volde Dem den mindste smule kval.
 Jeg elsked Dem så ydmygt, så fortvivlet,
 Så stumt og skinsygt, over al forstand,
 Og med så dyb en ømhed, som Gud give
 De må bli' elsket af en anden mand¹⁵.

Этот перевод точен как лексически, так и метрически (за исключением того, что вторая и четвёртая строки в строфах у М. Дальгор не рифмуются). Он помещён в тексте обзорной статьи о жизни и творчестве Пушкина в рубрике «Культура» газеты «Информашьон» (2018). Показательно, что вслед за стихотворением в статье следует пассаж о принципиальной невозможности адекватно перевести на другие языки «словесную музыку» пушкинской поэзии (со ссылкой на известное высказывание Набокова, что единственный приемлемый перевод «Евгения Онегина» на иностранные языки — это семантически корректный прозаический перевод с комментариями). Отметим, что какое-либо упоминание существующих датских переводов здесь отсутствует, хотя его логично было бы ожидать в тексте, адресованном читателям, которые впервые знакомятся с русской литературной классикой.

Разумеется, современная датская русистика немислима без изучения биографии поэта, знакового для русской культуры, и пропаганды его творчества. В 2014 г. в Копенгагенском научно-культурном центре прошла выставка «På vej til Pusjkin» («На пути к Пушкину»)¹⁶, приуроченная к 215-ой годовщине со дня его рождения и проведённая совместно с музеем Пушкина в Михайловском.

¹⁵ Dalsgaard M. Ruslands nationaldigter hedder Aleksandr Pusjkin, og hans genialitet kan sammenlignes med Mozarts // Information. 2018. 6. april. URL: <https://www.information.dk/kultur/2018/04/ruslands-nationaldigter-hedder-aleksandr-pusjkin-genialitet-kan-sammenlignes-mozarts> (27.12.2019).

¹⁶ См.: Kunststudstillingen "På vej til Pusjkin" i samarbejde med Pusjkin-museet Mikhailovskoje i anledning af det russiske sprogs dag i København // Russisk center for videnskab og kultur [Электронный ресурс]. 2014. 17. juni. URL: <http://ruscenter.dk/index.php?id=1327> (27.12.2019).

Заслуживает упоминания неожиданная связь имён Пушкина и Ханса Кристиана Андерсена. Рукопись юношеских стихов Пушкина (т. н. Тетрадь Капниста) долгое время считалась полностью утраченной, однако одна страница из неё нашлась в архивах Андерсена: в 1865 г. она была прислана ему в подарок его русской знакомой Елизаветой Мандерштерн. В 1939 г. эта страница отправилась из Копенгагена в Москву. (Подробно история рукописи описана в статье Л. Ю. Брауде «Автограф Пушкина в архиве Г. К. Андерсена»¹⁷.) Эта страница содержала два стихотворения 1816 г.: «Пробуждение» и «К друзьям». В 2017 г. оба стихотворения были впервые переведены на датский язык и прочитаны на церемонии открытия бюста Пушкина, полученного Королевской библиотекой в дар из России. В данном случае под «переводом» следует понимать подстрочники без претензии на передачу формы.

Переводы произведений Пушкина, даже обладающие большими литературными достоинствами, редко подаются без отрыва от контекста его биографии и творчества и/или литературной и культурной жизни в России. Лишь в редких случаях переводимый текст «говорит сам за себя». Очевидно, в качестве основных (если не единственных) потенциальных читателей Пушкина в Дании в наши дни предполагаются именно те, кто глубоко интересуется русской культурой.

Несмотря на то, что ни один очерк жизни и творчества Пушкина на датском языке не обходится без упоминаний его гениальности и «универсальности» его таланта, можно сказать, что для датских ценителей русской литературы в минувшем веке и сейчас, он является фоновой фигурой. Датским читателям XX–XXI вв. хорошо знакома проза Достоевского, Тургенева, Л. Н. Толстого, Чехова — а Пушкин осмысляется прежде всего как литературный предшественник этих прозаиков.

Список литературы

Брауде, Л. Ю. Автограф Пушкина в архиве Г. К. Андерсена / Л. Ю. Брауде // Пушкин: Исследования и материалы. — Москва; Ленинград: Издательство АН СССР, 1956. Т. 1. С. 357–362. URL: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/is1/is1-357-.htm?cmd=p/>. — (27.12.2019).

¹⁷ Брауде Л. Ю. Автограф Пушкина в архиве Г. К. Андерсена // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1956. Т. 1. С. 357–362. URL: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/is1/is1-357-.htm?cmd=p/> (27.12.2019). См. также: Дорофеева Е. Х. К. Андерсен. Как появился у датского писателя автограф Пушкина? // ШколаЖизни.Ру [Электронный ресурс]. 2015. 2 апреля. URL: <https://shkolazhizni.ru/culture/articles/71794/> (27.12.2019).

Дорофеева, Е. Х. К. Андерсен. Как появился у датского писателя автограф Пушкина? / Е. Дорофеева // ШколаЖизни.Ру [Электронный ресурс]. — 2015. — 2 апреля. — URL: <https://shkolazhizni.ru/culture/articles/71794/>. — (27.12.2019).

Шарышкин, Д. М. Русская литература в Скандинавии / Д. М. Шарышкин. — Ленинград : Наука, 1975. — 220 с.

Aleksandr Sergejevitsch Pusjkin (1799–1837) // Dansk forfatterleksikon / Ved N. Jensen [Электронный ресурс]. — URL: <http://danskforfatterleksikon.dk/1850u/u2448.htm>. — (27.12.2019).

Dalsgaard, M. Ruslands nationaldigter hedder Aleksandr Pusjkin, og hans genialitet kan sammenlignes med Mozarts / M. Dalsgaard // Information. — 2018. — 6. april. — URL: <https://www.information.dk/kultur/2018/04/ruslands-nationaldigter-hedder-aleksandr-pusjkin-genialitet-kan-sammenlignes-mozarts/> — (27.12.2019).

Eventyret om tsar Saltan // Viden om film [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.dfi.dk/viden-om-film/filmdatabasen/film/eventyret-om-tsar-saltan/>. — (27.12.2019).

Hughes Hansen, T. Åååh, hvor romantisk! — Alexander Pusjkin og Mikhail Lermontov FONTÆNEN I BAKHTJISARAJ og DÆMONEN / T. Hughes Hansen // LitteraturNu [Электронный ресурс]. — 2012. — 18. juni. — URL: <https://litteraturnu.dk/aaah-hvor-romantisk-alexander-pusjkin-og-mikhail-lermontov-fontaenen-i-bakhtjisaraj-og-daemonen/>. — (27.12.2019).

Johnny Thomsen. Skáld á lónni / Johnny Thomsen // Brá. — 1986. — No. 9/10. — Bls. 51–71.

Kunstudstillingen ”På vej til Pusjkin” i samarbejde med Pusjkin-museet Mikhailovskoje i anledning af det russiske sprogs dag i København // Russisk center for videnskab og kultur [Электронный ресурс]. — 2014. — 17. juni. — URL: <http://ruscenter.dk/index.php?id=1327/>. — (27.12.2019).

Møller, P. L. Alexander Puschkin's Liv og Poesi / P. L. Møller // Møller P. L. Kritiske Skizzer fra Aarene 1840–47. — København : Gyldendal, 1971. — S. 127–149.

Olsen, J. Johannes Ipsen / J. Olsen, S. Juul, A. Foldspang, S. Sabroe, B. Jeune // Aarhus universitet [Электронный ресурс]. — 1994. — URL: <https://www.au.dk/om/profil/historie/showroom/oversigter/nekrologer/1994ji/>. — (27.12.2019).

Puschkin, A. Eugen Onegin : roman paa vers i ni sange / overs. fra rusisk af P. A. Rosenberg. — København : Hagerup, 1930. — 192 s.

[Puschkin, A.] Alexander Puschkin : 1799–1837. Mindebog : udgivet af en Kreds af danske og russiske Beundrere / under red. af K. Flor, W. van der Vliet og S. De Turczin. — København : Det Schonbergske forlaget, 1937. — 202 s.

Tetzlaff, M. Russiske fortællinger byder på harem og dæmoner / M. Tetzlaff // Politiken. — 2012. — 8. juni. — URL: https://politiken.dk/kultur/boger/boganmeldelser/skonlitteratur_boger/art5390431/Russiske-fortaelinger-byder-paa-harem-og-daemoner. — (27.12.2019).

МАРКЕЛОВА Ольга Александровна / MARKELOVA Olga

Литературовед, переводчик / Literary scholar, translator

Россия, Москва / Russia, Moscow

ТВОРЧЕСТВО ПУШКИНА НА ФАРЕРСКОМ ЯЗЫКЕ: ПОЭТ НА БРЕГЕ THE WORKS OF PUSHKIN IN FAROESE: THE POET ON THE SHORE

Abstract: As the Faroe Islands are concerned, there is only one translation of Pushkin's poetical work: the translation of a short lyrical poem *Arion* made by a philologist Johnny Thomsen in 1986. The translation is accompanied by an informative article by the same author dealing with Pushkin's life and works. The Faroese readers are not expected to be completely ignorant of the Russian poet, they are supposed to know the Danish translations. The Faroese translators of Pushkin would come across some difficulties, which are not relevant for Danish translators and caused by the great cultural difference between Russia and the North Atlantic in the 19th century.

Albeit philologically perfect, Johnny Thomsen's translation and article have still remained the only texts by/about Pushkin in Faroese for more than 30 years.

Ключевые слова / Keywords: А. С. Пушкин, фарерская литература перевод, Джонни Томсен / Alexander Pushkin, Faroese literature, translation, Johnny Thomsen

Картина переводов Пушкина на скандинавские языки была бы неполной без упоминания перевода на фарерский.

Нельзя сказать, чтоб русская литература была вовсе не известна носителям фарерского языка: произведения русских писателей XIX и XX вв. переводились на фарерский в некотором количестве. В т. ч. классик фарерской литературы Хейин Брю (1901–1987) переводил романы Достоевского «Братья Карамазовы» (1978) и «Село Степанчиково». Переводы прозы писателей XX в. выполнены крупным фарерским филологом-русистом Джонни Томсеном (род. 1941), который познакомил своих соотечественников с творчеством многих русских авторов различных эпох.

Пушкин и ветер с моря

Однако из всего творческого наследия Пушкина в полном художественном переводе на фарерский есть лишь стихотворение «Арион» (пер. Дж. Томсена), опубликованное в 1986 г. в крупном литературном журнале «*Brá*». Перевод весьма точен как с точки зрения передачи размера и формы, так и содержания. Однако русская поэтическая лексика высокого стиля в переводе передана стилистически нейтральной фарерской лексикой. Например, поэтизм «таинственный певец» становится «*hitt gátufóra skald*» — букв. «загадочный поэт» (фарерское слово *skald* — в отличие от датского *skjald* — стилистически нейтральная лексема для передачи понятия «поэт, деятель искусства», лишённая каких бы то ни было романтических коннотаций).

Издание этого перевода было приурочено к 150-й годовщине смерти Пушкина, и в журнале он сопровождается обширной статьёй «*Skáld á lónni*» («Поэт на берегу»), в которой Дж. Томсен знакомит фарерских читателей с жизнью и творчеством русского поэта: рассказывает о месте Пушкина в русской поэзии, его детстве и юности, южной ссылке, взаимоотношениях с властью и цензурой, обстоятельствах гибели. Много внимания он уделяет теме «Пушкин и декабристы»: в статье присутствует подробная интерпретация стихотворения «Арион» в связи с общением Пушкина с членами декабристских обществ.

В начале статьи автор обращает внимание на то, что все крупные русские писатели, известные в Западной Европе, «ведут свою родословную прямо от Александра Пушкина», который фарерским читателям как раз незнаком. В качестве основной причины, почему такая величина осталась неизвестной, Томсен называет именно тот факт, что Пушкин писал стихи, — а они, несомненно, гораздо более трудны для перевода, чем прозаические тексты¹.

В статье приводятся в подстрочных переводах отрывки из стихотворений и поэм Пушкина: «Ноэль», «К Чаадаеву», «Во глубине сибирских руд», «Я памятник себе воздвиг...», «На лире скромной...», «Для берегов отчизны дальней...», «Не дай мне бог сойти с ума...», «Пора, мой друг, пора...» — упоминается ещё много стихотворений. Прозе Пушкина в статье посвящена ровно одна страница. Такой подход контрастирует с подходом датских биографов и переводчиков, которых, как правило, больше всего интересует проза Пушкина — как качественно новое явление в русской литературе своего времени и как благодатный материал для перевода.

Особое место в статье уделяется «Евгению Онегину». В связи с ним автор вводит новый фарерский термин «*versaskaldsoga*», соответствующий «роману в стихах». С точки зрения Томсена, значение «Евгения Онегина» для русской литературы и культуры вовсе не в том, что он — пресловутая «энциклопедия русской жизни»,

¹ *Johnny Thomsen. Skáld á lónni // 1986. Brá. No. 9/10. Bls. 51–52.*

а в том влиянии, которое он оказал на формирование жанра романа в русской литературе².

При переводе Пушкина на фарерский язык — и вообще в разговоре о русской литературе XIX в. по-фарерски — на передний план выдвигается аспект проблемы культурных кодов, не актуальный для континентальной Европы. Народы Северной Атлантики в XIX в. не знали такой дворянской культуры, какая существовала в ту эпоху в Европе и в России, а значит — ряд важных для неё понятий отсутствует в фарерской культуре и языке (или присутствует в фарерском языке только в виде датских заимствований). Несходство культур, а также официальная установка на языковой пуризм на Фарерских островах (которая ослабла лишь к 2010-м гг., но была ещё крайне сильна в 1980-х гг.) весьма усложняет задачу для фарерских переводчиков. В этой связи показательно рассуждение Дж. Томсена о том, как лучше перевести на фарерский язык слово «дуэль» (такая необходимость возникает в связи с разговором о дуэли Пушкина и Дантеса). В современном литературном фарерском языке слова со значением «поединок» звучат как *hólmgonga*, *einvíggj*, однако фарерский литературовед выбирает, вопреки всем пуристическим установкам родного языка, иностранное заимствование *duellur*, так как пуристические фарерские слова будут ассоциироваться у читателей с совершенно другим социальным и историческим контекстом: «хольмгангами» эпохи викингов и фарерской традиционной культурой³.

Так как большинство фарерцев владеет датским языком, фарерским ценителям русской литературы могут быть известны датские переводы Пушкина. Дж. Томсен сравнивает два перевода «Евгения Онегина»: перевод В. Рёрдама и П. А. Росенберга (приводит параллельно один и тот же фрагмент из обоих переводов, сопровождаемый фарерским подстрочником)⁴.

При всей своей филологической безупречности, «Арион» продолжает оставаться единственным переведённым на фарерский язык стихотворением Пушкина, а «Поэт на берегу» — единственным фарерским источником о творчестве русского поэта уже на протяжении более 30 лет.

Список литературы

Johnny Thomsen. Skáld á lónni / Johnny Thomsen // Brá. — 1986. — No. 9/10. — Bls.51–71.

² Ibid. Bls. 65.

³ Ibid., bls. 70.

⁴ Ibid., bls. 65.

ЕРМАКОВА Ольга Сергеевна / ERMAKOVA Olga

Санкт-Петербургский государственный университет / St. Petersburg State University
Россия, Санкт-Петербург / Russia, St. Petersburg
olga.ermakova@list.ru

А. С. ПУШКИН В НОРВЕЖСКИХ ПЕРЕВОДАХ
ALEXANDER PUSHKIN IN NORWEGIAN TRANSLATIONS

Abstract: The article provides an overview of the history of translating Pushkin's works into Norwegian. The author explains some of the reasons why Pushkin's oeuvre was not popular in the XIX-century Norway. Further the author analyses one of the first translations of Pushkin's story *The Captain's Daughter* into Norwegian, gives a review of the articles in Norwegian newspapers dedicated to the poet, and pays some closer attention to the biography and work of Olav Rytter, a Slavist and translator. In the end the author gives a short overview of the current situation and concludes that Pushkin's oeuvre is still mostly unknown in Norway. Those who know his name, pay more attention to the circumstances of his death than the brilliance of his works.

Ключевые слова / Keywords: А. С. Пушкин, норвежская литература, переводы, Улав Рюттер / Alexander Pushkin, Norwegian literature, translations, Olav Rytter

История переводов произведений Пушкина в Норвегии начинается значительно позднее, чем в Швеции или Дании; это объясняется как объективными причинами, так и особенностями развития норвежской литературы в XIX в.

Как известно, формирование литературного норвежского языка активно началось только в середине

XIX в. Кроме того, крупных издательств в стране не было, и норвежские писатели в основном предпочитали издавать свои книги в Дании. Вот что об этом писал Д. М. Шарышкин: «В Норвегии публикация переводов с русского носило характер разрозненный и эпизодический — по ряду причин: почти полной идентичности письменного норвежского и датского литературного языков, неразвитости издательского дела, культурной зависимости от Копенгагена»¹. Тем не менее перевод романа Достоевского «Преступление и наказание» (первый перевод назывался «Раскольников») вышел в Норвегии в 1883 г., лишь через год после публикации его на немецком языке и за год до того, как роман был напечатан в Дании (1884 г.).

¹ Шарышкин Д. М. Русская литература в скандинавских странах. Л., 1975. С. 63.

Таким образом, отсутствие интереса к творчеству Пушкина в Норвегии объясняется не только внешними причинами. Романтизм здесь носил ярко выраженный националистический характер («национальный романтизм»), и основной задачей культурных деятелей той эпохи было воссоздание героического прошлого страны и формирование национальной самоидентичности. Поэзия Пушкина не укладывалась в рамки идеологии норвежских романтиков и не могла получить отклик у публики. Также и в семидесятые годы классикам норвежской реалистической литературы было гораздо ближе творчество Тургенева, Достоевского и Толстого.

В статье «Пушкин в стихотворении Нурдаля Грига» М. Д. Моричева пишет: «Вряд ли можно сомневаться в том, что с произведениями Пушкина был знаком Генрик Ибсен, восторженно отзывавшийся о русской литературе в своем письме к редактору газеты “Моргенбладет” 1873 года. Имя Пушкина, по всей вероятности, было известно и Бьернстjerne Бьернсону, который также высоко ценил творчество русских писателей»². Эти утверждения далеки от реальности, поскольку, как было сказано выше, в норвежской литературе XIX в. просто-напросто не было предпосылок для рецепции творчества Пушкина. Это подтверждается и фактами: в огромном архиве бумаг Ибсена нет ни одного упоминания имени русского поэта³.

В 1899 г., когда Россия праздновала столетие со дня рождения великого поэта, в некоторых норвежских газетах появляются упоминания о нём. Так, на первой полосе газеты «Моргенбладет» от 17 июня 1899 г. помещена заметка «Александр Пушкин», перепечатанная из датской газеты «Берлингске Тиденде». Автором назван статский советник Тор Ланге. Сначала автор статьи описывает празднования в Москве, а затем восклицает: «Ах, если бы Пушкин увидел, как жандармы отдают честь его памяти! Бедный Пушкин!» Далее излагается биография поэта, в несколько непривычном для русского человека ключе: Пушкин изображается как в высшей степени легкомысленный и дерзкий человек, разочаровавший своих родителей, а основной причиной его ссылок называется неумение вести себя прилично в обществе. Тем не менее автор

² Моричева М. Д. Пушкин в стихотворении Нурдаля Грига // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1956. Т. 1. С. 363–368.

³ См.: Юрьев А. А. Ибсен и русская культура XIX в. // Творчество Хенрика Ибсена в мировом культурном контексте: Материалы Международной конференции (Санкт-Петербург, 9–10 октября 2006 г.). СПб., 2007. С. 29–43.

отмечает огромное дарование поэта и цитирует финальную строфу из стихотворения «Я вас любил». Заканчивается статья фразой «Пушкин был и остаётся величайшим поэтом России»⁴.

Первые переводы произведений Пушкина на норвежский язык появились во втором десятилетии XX в.: в 1915 г. был издан «Дубровский» в переводе Ибена Кристенсена, а в 1917 г. вышли «Капитанская дочка» в переводе Нильса Хьяра (под заголовком «*Kommandantens datter*», то есть «Дочь коменданта») и «Пиковая дама» в переводе Хельге Крога. Вероятнее всего, эти первые переводы выполнены с языка-посредника, по-видимому, немецкого. В самих изданиях отсутствует информация о том, с какого языка выполнен перевод, но догадка подтверждается особенностями передачи имён собственных, не характерной для норвежского языка; так, в переводе «Капитанской дочки» Хьяра имя автора пишется *Puschkin* (в норвежском языке сочетание букв *sch* читается как «ск»), а имена персонажей — *Grinef, Iwan Surin* (Иван Зурин; для норвежского языка буква *w* не характерна, а русский звук «з» передаётся обычно буквой *z*), *Mironof*. При этом наблюдается определённая непоследовательность в транскрипции: Мария Ивановна пишется как *Maria Ivanovna*, а звук «ч» передается согласно норвежским правилам: *Andrejitsj, Savelitsj* и т. п. Завершая тему имен собственных в этом переводе, следует упомянуть, что столица России называется не Петербург (как в оригинале), а Петроград (напомним, перевод вышел в 1917 г.). Что касается передачи русских исторических реалий, то здесь чаще всего используется переводческий прием опущения, другими словами, переводчик просто-напросто игнорирует отсылки Пушкина к конкретным историческим событиям и личностям. В качестве примера можно привести предложение, с которого начинается повесть: «Отец мой Андрей Петрович Гринев в молодости своей служил при графе Минихе и вышел в отставку премьер-майором в 17.. году». В норвежском переводе это звучит так: «*Min far, Andreas Petrovitsj Grinef, trådte ut av militærtjenesten i året 17..., med titel af major*», то есть «Мой отец, Андреас Петрович Гринев, ушёл с военной службы в 17.. году в звании майора»⁵. Излишне упоминать, что эпитафии, предваряющие каждую главу, в норвежском переводе исчезли. К сожалению, немецкое издание, с которого выполнял свой перевод Нильс Хьяр, автору этой статьи неизвестен, так что сказать, кто именно произвел подобные опущения, невозможно.

Несмотря на эти первые попытки познакомить норвежского читателя с произведениями Пушкина, он так и не обрёл популярность в Норвегии. Например, в газете «Трондхеймс Adresseavis» от 2 апреля 1927 г. на всю страницу помещена

⁴ Lange T. Alexander Puschkin // Morgenbladet. 1899. 17. juni. URL: <https://www.nb.no/items/59000722b6dbcee5b7b7a06e13e2eb58?page=0&searchText=puschkin> (29.12.2019).

⁵ *Puschkin A. Kommandantens datter / Overs. av N. Kjær. Oslo, 1946. S. 7.*

статья «Дуэль с любовником жены», в которой в частности говорится: «В России имя Пушкина ставят рядом с Шекспиром и Гёте. Но у нас он неизвестен»⁶. Однако в 1937 г., когда в России отмечали столетие со дня гибели поэта, в университете Осло было проведено мероприятие в память поэта. Выступили известные слависты и переводчики Улав Рюттер и Эрик Краг. К этой дате написал стихотворение и замечательный писатель и поэт Нурдаль Григ, убеждённый коммунист, который в 1932–1934 гг. был в Советском Союзе. Вот что пишет Улав Рюттер в своих воспоминаниях о Нурдале Григе, погибшем в 1943 г.: «По случаю столетия со дня смерти Александра Пушкина Нурдаля Грига попросили написать стихотворение о великом русском поэте для торжества в университете. <...> За день до этого Григ позвонил мне по телефону. “Ночью я буду писать о Пушкине. Не мог бы ты прийти ко мне вечером и рассказать всё, что ты знаешь о нём?” Я решил не принимать его слова буквально. Я был уверен, что Григ знал Пушкина лучше, чем, пожалуй, любой другой норвежский писатель. С первой и до последней минуты нашей встречи мы говорили только о Пушкине. Я рассказал всё, что помнил о его творчестве и жизни и о его отношении к его времени и обществу. Я прочёл несколько своих неопубликованных переводов и заметил, что Григ в первую очередь обратил внимание на первые проблески социального протеста в ранней лирике, на стихотворения “Деревня” и “К свободе”. Спустя четыре часа интенсивной работы

он сказал: “Для меня Пушкин в первую очередь выразитель социального протеста против общества, жертвой которого он пал. Так я его и опишу”»⁷.

Результатом этой вечерней беседы стало стихотворение «Последняя воля Пушкина», опубликованное в 1946 г. в сборнике «Надежда». Оно написано белым стихом, количество строк в строфе свободно варьируется. Центральным образом, вокруг которого строится все стихотворение, является одинокая фигура Пушкина, прислонившегося к колонне

⁶ Duellen med hustruens elsker // Trondhjems Adresseavis. 1927. 2. april.

⁷ Rytter O. Nordahl Grieg under krigen // Norges Kommunistiske Parti Midt Norge [Электронный ресурс]. URL: <http://nkpmn.org/Historiesidene/okkupasjonstida/OlavRytterNordahl.html> (29.12.2019).

в бальном зале, в то время как вокруг него развлекается и сплетничает светское общество. Царь пощадил его, в то время как его друзья умирают в Сибири, пишет Григ, и вызов на дуэль — это не акт ревности, но взрыв отчаянья, попытка вырваться из удушающего окружения. Завершается стихотворение утверждением, что последнюю волю Пушкина выполняет его народ, создающий сегодня свободное общество. Пафос стихотворения вполне оправдан, если принимать во внимание гражданскую позицию Нурдаля Грига, более всего известного благодаря своей политической поэзии.

Но вернёмся к Улаву Рюттеру. В том же 1937 г. в газете «Арбейдербладет» была опубликована большая статья «Александр Пушкин», написанная переводчиком. Пожалуй, это была первая серьёзная публикация в Норвегии, где факты биографии поэта освещались через призму его творчества. В начале статьи автор пишет: «...На Пушкина невозможно нацепить ярлык, его творчество нелегко отнести к какому-нибудь одному литературному течению. Он был прирождённым гением, неиссякаемым источником идей... Но в первую очередь он был самим собой, и в жизни, и в творчестве». Далее следует изложение основных фактов биографии поэта с краткими, ёмкими характеристиками его произведений. В этих словах мы видим не только глубокое понимание поэзии Пушкина, но и неподдельную любовь автора к творчеству русского поэта. Вот, например, что он пишет о «Евгении Онегине»: «Следует отметить, что из Евгения Онегина так и не получился русский Дон Жуан. Пушкин был просто-напросто слишком душевно здоров, слишком переполнен радостью жизни, чтобы подражать демоническому духу Байрона. Вместо этого он показал нам великолепную картину русской природы и жизни народа и истинный образ русского человека. Несмотря на трагические нотки, здесь можно почувствовать дыхание здоровой русской души, прорывающееся там, где изначально предполагалось изобразить наигранную байроническую усталость от жизни»⁸.

Улав Рюттер (1903–1992) больше всего известен в Норвегии благодаря своей деятельности радиожурналиста на Государственном радиовещании (NRK). Во время оккупации Норвегии он вёл передачи из Лондона и сделал всё возможное, чтобы поддержать деятельность норвежского Сопротивления. После войны Рюттер много лет работал в ООН. Однако филология была гораздо более важной частью его жизни, чем политика и дипломатия. Он написал несколько монографий о чешской литературе, перевёл на норвежский язык «Ригведу», стихи чешских и русских поэтов. А. С. Пушкин занимал особое место в жизни Рюттера; на протяжении 1960–1970-х гг. в его переводе вышли книги: «Евгений Онегин» (1966), «Капитанская дочка» (1971), «“Повести Белкина” и другие новеллы» (1972), «“Памятник” и другие

⁸ Rytter O. Aleksander Pusjkin // Arbeiderbladet. 1937. 6. november.

стихи» (1973) и наконец «Борис Годунов» — где под одой обложкой были также опубликованы «Скупой рыцарь» и «Моцарт и Сальери» (1974)⁹.

Следует уточнить, что Рюттер делал переводы на новонорвежский язык (*nynorsk*). Как известно, по историческим причинам в Норвегии сложились две письменные нормы: одна, наиболее популярная, называется букмол, в её основу легла так называемая «повседневная речь образованных людей» («*den dannede dagligtale*»). Эта норма ближе всего к городским диалектам Восточной Норвегии, прежде всего Осло, и ею пользуются более 80% норвежцев. Новонорвежский язык с момента своего создания позиционировался как «народный язык». Он основан на народных диалектах, в первую очередь Центральной и Западной Норвегии. Не очень понятно, почему Улав Рюттер, родившийся и окончивший свою жизнь в Осло, писал и говорил именно на этом языке, но многие соглашаются с тем, что новонорвежский язык более свеж и музыкален, чем букмол, и благодаря этому стихи на нём звучат гораздо лучше. Переводы Улава Рюттера являются лишним подтверждением этого мнения. Вот, к примеру, полустрофа из его перевода «Евгения Онегина» («Когда же юности мятежной...»):

Men då hos Evgen ungdomstida
med sine stormar trengde på,
— å, tid med lengt og sorgmild kvida! —
då laut monsieur or gården gå.
Så settest Evgen fritt på fote,
fekk håret klipt på siste mote,

⁹ Jevgenij Onegin: Roman i vers / Overs. av O. Rytter. Oslo, 1966; Kapteinsdottera: Roman / Overs. Av O. Rytter. Oslo, 1971; Bjelkins forteljingar og andre noveller / Overs. av O. Rytter. Oslo, 1972; Min bauta og andre dikt / Overs. av O. Rytter. Oslo, 1973; Boris Godunov: Tillegg: Den gjerrige riddaren og Mozart og Salieri / Overs. av O. Rytter. Oslo, 1974.

som Londonsk dandy vart han kledd
og soleis fram for verda tedd¹⁰.

Мы видим, что переводчику удалось сохранить «онегинскую строфу», при этом содержание передано максимально близко к оригиналу.

Переводы Рюттера были признаны превосходными всеми критиками и специалистами по русской литературе. К сожалению, среди обычных читателей поклонников Пушкина значительно не прибавилось, вероятно, из-за того, что сторонников новонорвежского языка не так уж много.

И до, и после публикаций Рюттера издавались переводы отдельных произведений Пушкина, но никто не занимался русским поэтом так серьёзно, как он. Выдающийся русист Гейр Хьетсо, известный своими переводами Достоевского и Толстого, в середине 2000-х начал проект по созданию биографии Пушкина на норвежском языке. В своём интервью журналу «Аполлон» он сказал: «Я всю жизнь ждал возможности окунуться в Пушкина. Оставлял его на десерт»¹¹. К сожалению, к тому времени профессор уже был тяжело болен и не сумел завершить свой проект. Было написано несколько глав, но они так и не вышли в свет.

В связи с именем Пушкина вспоминается также забавный эпизод из жизни норвежской королевской семьи. В 2001 г. было объявлено, что принцесса Мэрта заключила помолвку с писателем Ари Беном. В то время Бен был весьма одиозной фигурой, автором напумевшего романа «Грустный до чертиков» («*Trist som faen*», 2000), и известен он был в первую очередь из-за своего подчеркнута богомного образа жизни. Один из журналистов газеты «Дагбладет» написал статью, где призывал горячо любимую норвежским народом принцессу не выходить замуж за такого никчемного человека, путающегося со всякими сомнительными личностями. Ари Бен был оскорблён до глубины души и, явившись в редакцию газеты, вызвал журналиста на дуэль, бросив ему перчатку (перчатка была матерчатой, из тех, какие продаются в магазинах сельхозтоваров). История закончилась ничем, но в газете был опубликован ряд статей об этом событии. В частности, там перечислялись знаменитые поэты и писатели (гораздо более талантливые, чем Ари Бен), погибшие на дуэли. Пушкин был назван одним из первых.

Таким образом, приходится признать, что и в наши дни произведения А. С. Пушкина практически неизвестны норвежцам, не интересующимся русской культурой. Если о нём и слышали что-то, то только историю о великом поэте,

¹⁰ Rytter O. Aleksander Pusjkin.

¹¹ *Wiise I. Professoren, livet og dikterne //Forskningsmagasinet Apollon [Электронный ресурс]. 2012. 1. februar. URL: <https://www.apollon.uio.no/portretter/2005/portrett-kjetsaa.html> (29.12.2019).*

вызвавшем на дуэль «любовника жены». В этом его судьба в Норвегии чем-то похожа на судьбу великого норвежского поэта Хенрика Вергеланна, которого, кстати, Улав Рюттер сравнивал с Пушкиным в интервью на NRK¹². Каждый норвежец знает имя Вергеланна, но очень немногие могут вспомнить хотя бы пару строк его стихов. В то же время, любой, кто в большей или меньшей мере соприкасался с русским языком, переживает встречу с Пушкиным как откровение. Как написал норвежский блогер, ведущий блог о русской поэзии: «Он — величайший, он — лучший, он — самый русский»¹³.

Список литературы

Моричева, М. Д. Пушкин в стихотворении Нурдаля Грига / М. Д. Моричева // Пушкин : исследования и материалы. — Москва; Ленинград : Издательство АН ССР, 1956. — Т. 1. — С. 363–368.

Шарышкин, Д. М. Русская литература в скандинавских странах / Д. М. Шарышкин. — Ленинград : Наука, 1975. — 220 с.

Юрьев, А. А. Ибсен и русская культура XIX в. / А. А. Ибсен // Творчество Хенрика Ибсена в мировом культурном контексте : материалы Международной конференции (Санкт-Петербург, 9–10 октября 2006 г.). — Санкт-Петербург : Пушкинский Дом, 2007. — С. 29–43.

Duellen med hustruens elsker // Trondhjems Adresseavis. — 1927. — 2. april.

Lange, T. Alexander Puschkin / T. Lange // Morgenbladet. — 1899. — 17. juni.

Puschkin, A. Kommandantens datter / A. Puschkin ; overs. av N. Kjær. — Oslo : Helge Erichsens forlag, 1946. — 118 s.

Pusjkin, A. Jevgenij Onegin : roman i vers / A. Pusjkin ; overs. av O. Rytter. — Oslo: Samlaget, 1966. — 285 s.

Pusjkin, A. Kapteinsdottera : roman / A. Pusjkin ; overs. av O. Rytter. — Oslo: Samlaget, 1971. — 150 s.

Pusjkin, A. Bjelkins forteljingar og andre noveller / A. Pusjkin ; overs. av O. Rytter. — Oslo: Samlaget, 1972. — 191 s.

Pusjkin, A. Min bauta og andre dikt / A. Pusjkin ; overs. av O. Rytter. — Oslo: Samlaget, 1973. — 98 s.

Pusjkin, A. *Boris Godunov* : tillegg : *Den gjerrige riddaren* og *Mozart og Salieri* / A. Pusjkin ; overs. av O. Rytter. — Oslo: Samlaget, 1974. — 144 s.

¹² Til norsk ved Olav Rytter // NRK TV [Электронный ресурс]. 2016. 25. juni. URL: <https://tv.nrk.no/program/FOLA03002679> (29.12.2019). (Программа от 20 января 1980 г.)

¹³ [Salen E.] En vinterkveld, av Aleksander Pusjkin // [Salen E.] Helt grei poesi: Egne og andres dikt. 2009. 11. januar. URL: <https://heltgreipoesi.wordpress.com/2009/01/11/en-vinterkveld-av-aleksander-pusjkin/> (29.12.2019).

Rytter, O. Aleksander Pusjkin / O. Rytter // Arbeiderbladet. — 1937. — 6. november.

Rytter, O. Nordahl Grieg under krigen / O. Rytter // Norges Kommunistiske Parti Midt Norge [Электронный ресурс]. — URL: <http://nkpmn.org/Historiesidene/okkupasjonstida/OlavRytterNordahl.html>. — (29.12.2019).

[Salen, E.] En vinterkveld, av Aleksander Pusjkin / [E. Salen] // [Salen, E.] Helt grei poesi: egne og andres dikt. — 2009. — 11. januar. — URL: <https://heltgreipoesi.wordpress.com/2009/01/11/en-vinterkveld-av-aleksander-pusjkin/>. — (29.12.2019).

Til norsk ved Olav Rytter // NRK TV [Электронный ресурс]. — 2016. — 25. juni. — URL: <https://tv.nrk.no/program/FOLA03002679>. — (29.12.2019). (Программа от 20 января 1980 г.)

Wiese, I. Professoren, livet og dikterne / I. Wiese // Forskningsmagasinet Apollon [Электронный ресурс]. — 2012. — 1. februar. — URL: <https://www.apollon.uio.no/portretter/2005/portrett-kjetsaa.html>. — (29.12.2019).

Ребекка Траунсдоттир / Rebekka Þráinsdóttir
Университет Исландии / University of Iceland
Исландия, Рейкьявик / Iceland, Reykjavík
rebekka@hi.is

А. С. ПУШКИН В ИСЛАНДСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ. ПЕРВЫЙ И ПОСЛЕДНИЙ

ALEXANDER PUSHKIN IN ICELANDIC LITERATURE. THE FIRST AND THE LAST

Abstract: This article is a brief and preliminary survey of the translations of Pushkin's work into Icelandic from 1878 to the present. Alexander Pushkin was the first Russian author to be translated into Icelandic, in 1878, and also the first one to be translated from the original, in 1937. His prose works, *Povesti Belkina* in particular, have been more extensively translated than his poems. Even though an Icelandic translation was made of the libretto of *Eugene Onegin* when the opera was staged in Reykjavík in 1994 — Pushkin's novel in verse remains untranslated into Icelandic. The venue for the translations of Pushkin's works has mainly been journals and newspapers. A small number of articles have been published about Pushkin in Icelandic, and it can be assumed that Pushkin and his works are well known and appreciated among a relatively small group of people in Iceland, preferably those who read Russian. However, he still remains little known to the general reading public.

Ключевые слова / Keywords: А. С. Пушкин, исландская литература, переводы / Alexander Pushkin, Icelandic literature, translations

Первый перевод русского художественного произведения на исландский язык появился, насколько нам известно, в 1878 г. Учитывая, что такие писатели, как Достоевский, Толстой и Тургенев, в ту пору пребывали ещё в добром здравии и по крайней мере двое последних были широко известны за пределами своей родины, можно было бы подумать, что переведённое на исландский произведение принадлежало кому-нибудь из них. Однако это было не так. Чести удостоился Александр Пушкин, к тому времени уже добрых сорок лет лежавший в могиле. Выбор переводчика пал на одну из «Повестей Белкина» —

«Выстрел». Она публиковалась в виде «романа с продолжением» в четырёх выпусках журнала «Исафольд» (*Ísafold*)¹, и перевод был озаглавлен «*Hólmgangen*» («Поединок»)².

В те времена, насколько нам известно, никто из исландцев не изучал русский язык, так что не приходится удивляться тому, что перевод был выполнен через язык-посредник. Переводчик — вероятно, редактор журнала³ (его имя нигде не упоминается) — предпослал своему переводу небольшое пояснение. Оно звучит так:

«Александр Пушкин был русским поэтом, одним из лучших, кто писал на этом языке. Он родился в 1799 году и умер в 1837 [погиб на дуэли]. — Сейчас русская поэзия, вероятно, впервые выходит в свет на исландском языке — а это именно поэзия, пусть и не в стихотворной форме; однако пусть читатели не воображают, что настоящий перевод сделан прямо с русского. Отнюдь нет: он выполнен всего лишь с датского, а датский переводчик, в свою очередь, вероятно, имел под рукой только немецкий перевод знаменитых произведений этого автора»⁴.

Как видно из приведённых слов, произведения зарубежных писателей — за исключением датских и, возможно, норвежских, немецких и английских — часто попадали к исландским читателям весьма окольными путями. Разумеется, при таких долгих странствиях в тексты не могли не вкратце вкрасться неточности, и это следует всегда иметь в виду, рассматривая такие переводы⁵. Прямых переводов с русского на исландский почти не было примерно до середины XX в.

Новая публикация русского художественного произведения на исландском языке состоялась только спустя шесть лет, в 1884 г. Она была приурочена к годовщине смерти Тургенева. В следующие годы и десятилетия на страницах исландских газет и журналов регулярно появлялись переводы русской литературы, особенно произведения таких авторов, как Толстой, Тургенев и Горький. Что касается Пушкина, то в истории его переводов на исландский наиболее заметны

¹ *Púshkín A. Hólmgangen // Ísafold*. 1878. Tbl. 4–5, 7, 9–10. URL: http://timarit.is/view_page_init.jsp?issId=273146 (01.05.2019). (Имя переводчика не указано.) Примерно до середины XX в. фамилия Пушкина писалась весьма по-разному, например: *Púshkín*, *Pushkín*, *Puschin*, *Pusjkín*. В настоящее время по правилам транслитерации его фамилия почти исключительно пишется *Púshkín*.

² Здесь были использованы данные подробной библиографии переводов зарубежных произведений, публиковавшихся в исландской периодической печати с 1874 по 1910 г.: *Svanfríður Larsen. Af erlendri rót: Þýðingar í blöðum og tímaritum á íslensku 1874–1910*. Reykjavík, 2006. Также большим подспорьем оказался перечень (впрочем, отнюдь не исчерпывающий) переводов Пушкина на исландский язык, составленный в связи с выставкой его произведений в Национальной библиотеке Исландии в 1999 г.: Alexander Sergejevítj Púshkín 1799–1999: *Sýning í Þjóðarþóklöðu* 26. Maí — 30. júní 1999 / *Sýning og textagerð Áslaug Agnarsdóttir et al.* Reykjavík, 1999.

³ В те времена — часто один и тот же человек: *Svanfríður Larsen. Af erlendri rót*. Bls. 27.

⁴ *Púshkín A. Hólmgangen*. Bls. 13. (Анонимное предуведомление к переводу.)

⁵ Переводы произведений зарубежных писателей часто публиковались как «романы с продолжением» в журналах; также они нередко выходили отдельными книжками или в составленных издателями антологиях. Такая судьба была и у некоторых прозаических произведений Пушкина — хотя здесь это не всегда будет специально оговариваться.

«Повести Белкина». За период с 1878 по 1965 г. все «Повести», за исключением «Станционного смотрителя», были переведены на исландский больше одного раза — как правило, через посредство других переводов. О каком-либо единстве здесь говорить не приходится; переводчики столь же многочисленны, сколь и плоды их трудов⁶. В этот период нигде не упоминалось о предыдущих переводах конкретных новелл (если они были) и о переводах других новелл из той же книги — как и о том, что они тоже входят в «Повести Белкина». Если судить только по названным здесь газетам и журналам, невозможно сказать, знали ли переводчики (или редакторы) о существовании других переводов или о том, что в «Повести Белкина» входят пять новелл. Впрочем, эти сведения могли быть им известны, но не считались существенными для читателей.

Общая картина в итоге получается довольно пёстрая. Она вполне соответствует характеристике «беспорядок, царивший в издании переводов в Исландии», которую дал этому явлению литературовед и переводчик, профессор Аустрад Эйстейнссон (*Ástráður Eysteinnsson*) в статье 1984 г., посвящённой художественному переводу⁷. Например, когда «Капитанская дочка» в 1915 г. начинала выходить в журнале «Исафольд» в качестве «романа с продолжением» (под названием «*Pétur og María*» — «Пётр и Мария!»), в кратком предисловии к ней сообщалось: «Прежде ещё не было практически никаких переводов Пушкина на исландский язык»⁸. Однако к тому времени на страницах исландских журналов и газет появилось уже по меньшей мере четыре новеллы Пушкина, и одна из них — «Пиковая дама» («*Spáðadrottningin*») — вышла также отдельным изданием. Это, разумеется, не много,

Пушкин кормит Белкину

⁶ При этом никогда не упоминается, с какого языка был сделан перевод, — за исключением вышеуказанного перевода новеллы «Выстрел».

⁷ *Ástráður Eysteinnsson*. Bókmenntir og þýðingar // *Skírnir*. 1984. Árg. 158. Tbl. 1. Bls. 19–65. URL: http://timarit.is/view_page_init.jsp?gegnirId=000505515 (29.12.2019). (Приведённые слова — на с. 21.)

⁸ *Pusshkin A.* *Pétur og María* // *Ísafold*. 1915. Tbl. 39. Bls. 4. URL: http://timarit.is/view_page_init.jsp?pageId=3951493 (29.12.2019). (Анонимное предисловие к переводу.) Новелла публиковалась с перерывами с 29 мая 1915 г. по 2 февраля 1916 г. Она вышла отдельным изданием в издательстве «Исафольдарпрентсмиðja» (*Ísafoldarprentsmiðja*) в 1915 г.

но по исландским меркам никак не может считаться «практически никаких переводов».

Как уже говорилось, «Выстрел» был издан в 1878 г., а следующим произведением Пушкина, переведённым на исландский язык, стал «Гробовщик» (1885). Эта повесть вышла в свет под названием «*Draugaveizlan*» («Пир призраков») в журнале «Идунн» (*Ídunn*)⁹, а потом в другом переводе в журнале «Двэл» (*Dvöl*) в 1937 г.¹⁰, и там она была уже озаглавлена «*Líkkistusmiðurinn*» («Гробовщик»).

«Барышня-крестьянка» печаталась на исландском по крайней мере один раз: как «роман с продолжением» в журнале «Тьюдоульфур» (*Þjóðólfur*) в 1888 г.¹¹ под названием «*Adalsmanns dóttir í dularbúningi*» («Переодетая дворянская дочь»). Текст этой новеллы также звучал в радиоэфире 15–17 июля 1959 г. в переводе Йоуна Р. Хьяльмарссона (*Jón R. Hjálmarsson*, 1922–2018) — историка и литератора, озаглавившего её «*Hefðarmærin skiptir um ham*» («Дворянка изменяет свой облик»). В телефонном разговоре с автором настоящей статьи переводчик заявил,

что перевёл «Барышню-крестьянку» с английского и что его перевод нигде не был опубликован в печати. Также выяснилось, что Йоуну не было известно, что перевод этой новеллы на исландский ранее публиковался в печати¹².

«Метель» выходила на исландском языке трижды. Впервые — в 1915 г. в журнале «Нийар Квёльдвёкур» (*Nýjar Kvöldvökur*) под названием «*Hjónavígslan*» («Венчание»)¹³, затем в качестве «романа с продолжением» в журнале «Исафольд ог Вёрður» (*Ísafold og Vörður*) в 1930 г.,

⁹ *Idem.* *Draugaveizlan* // *Ídunn*. 1885. Bd. 3. N. 1. Bls. 36–47. URL: http://timarit.is/view_page_init.jsp?pageId=4714750 (29.12.2019). Перевёл повесть Стейнгримур Торстейнссон (*Steingrímur Thorsteinsson*, 1891–1913), поэт, переводчик и ректор гимназии в Рейкьявике. Перевод подписан инициалами J. J., но это, по всей видимости, опечатка. В оглавлении в качестве автора указан «*Stgr. Th.*» (там и фамилия автора пишется по-другому: *Puschkin*), причём тот же текст был опубликован в сборнике Стейнгримура Торстейнссона: *Undir sagnamána: Steingrímur Thorsteinsson þýddi og frumsamdi / Umsjón með útgáfu Þorsteinn Antonsson og María Anna Þorsteinsdóttir*. Reykjavík, 2007. Bls. 83–91. Судя по всему, именно этот перевод читался на радио (*Ríkisútvarpið*) в субботу 6 марта 1971 г. в качестве «рассказа недели».

¹⁰ *Puschkin A.* *Líkkistusmiðurinn* // Þýd. Þór[arinn] Guðnason // *Dvöl*. 1937. Árg. 5. Tbl. 3–4. Bls. 83–90. URL: http://timarit.is/view_page_init.jsp?pageId=4986644 (29.05.2019).

¹¹ *Idem* [*Puschkin A.*]. *Adalsmanns dóttir í dularbúningi* // *Þjóðólfur*. 1888. Tbl. 45–50, 52–55. URL: http://timarit.is/view_page_init.jsp?pageId=2029073 (29.05.2019). (Имя переводчика не указано.)

¹² Телефонный разговор 3 марта 2015 г.

¹³ *Puschkin A.* *Hjónavígslan* // *Nýjar Kvöldvökur*. 1915. Árg. 9. Tbl. 10. Bls. 205–255. URL: http://timarit.is/view_page_init.jsp?pageId=4784940 (29.05.2019). (Имя переводчика не указано.)

уже под заглавием «*Hríð*» («Метель»)¹⁴, и наконец в газете «Висир Сюннюдахсблад» (*Vísir Sunnudagsblað*) 15 марта 1942 г. под названием «*Hríðarveður*» («Метель», или «Вьюга»)¹⁵.

Примерно через 90 лет после того, как на страницах журнала «Исафольд» в 1878 г. появилась новелла «Выстрел», в газете «Сюннюдахсблади» (*Sunnudagsblaðið*) 14 ноября 1965 г.¹⁶ вышел её новый перевод, под названием «*Skotið*» («Выстрел»). После этого Белкин и его повести исчезают с горизонтов на добрых полвека — во всяком случае, до 2014 г., когда «Выстрел» («*Skotið*»)¹⁷ и «Гробовщик» («*Líkkestusmiðurinn*»)¹⁸ вышли в новых переводах Ребекки Трауинсдоттир (*Rebekka Dráinsdóttir*), автора этих строк, с подлинника в журнале «Митли маула» (*Milli mála*)¹⁹, вместе с короткой справкой о «Повестях Белкина»²⁰. В 2018 г. в том же журнале был впервые опубликован перевод новеллы «Станционный смотритель» (под названием «*Stöðvarstjórinn*»²¹), также сделанный с русского, тем же самым переводчиком. Сейчас ведётся работа над текстом «От издателя», который до сих пор не был переведён на исландский, а также новеллами «Метель» и «Барышня-крестьянка». Планируется издать «Повести» отдельной книгой в 2020 или 2021 г.

Из других прозаических произведений Пушкина на исландском выходили уже упомянутая «Капитанская дочка», а также «Пиковая дама», последняя — как «роман с продолжением» в газете «Тьюдвилжин» (*Þjóðviljinn*) в 1903 г.²² Ещё один перевод «Пиковой дамы» был напечатан в двух частях в газете «Альтидуюхельгин» (*Alþýðuhelgin*) в июне и июле 1949 г.²³ В том же 1949 г. кинотеатр «Хафнарбио» (*Hafnarbíó*) выпустил этот перевод отдельным изданием в связи с показом основанного на сюжете «Пиковой дамы» фильма британского режиссёра Торольда Дикинсона

¹⁴ *Idem.* *Hríð* / Þýd. Árni Óla // Ísafold og Vörður. 1930. 15. janúar — 22. febrúar. В том же году рассказ печатался в сборнике: Úrvalssögur I. Reykjavík, 1930. Bls. 15–34.

¹⁵ *Pushkin A.* *Hríðarveður* // *Vísir Sunnudagsblað*. 1942. 15. mars. Bls. 1–5. URL: https://timarit.is/view_page_init.jsp?pageId=3543265 (01.06.2019). (Имя переводчика не указано.)

¹⁶ *Idem.* [*Þýsklein A.*]. *Skotið* / Þýd. Baldur Óskarsson // *Sunnudagsblaðið*. 1965. 14. nóvember. Bls. 577–582. URL: https://timarit.is/view_page_init.jsp?pageId=3617123 (04.06.2019).

¹⁷ *Idem.* [*Þýsklein A.*]. *Skotið* / Þýd. Rebekka Dráinsdóttir // *Milli mála*. 2014. Árg. 6. Bls. 151–164. URL: <http://millimala.hi.is/wp-content/uploads/2016/01/Skoti%C3%B0.pdf> (25.05.2019).

¹⁸ *Idem.* *Líkkestusmiðurinn* / Þýd. Rebekka Dráinsdóttir // *Ibid.* Bls. 141–149. URL: <http://millimala.hi.is/wp-content/uploads/2016/01/Li%C3%B0kkestusmi%C3%B0urinn.pdf> (29.12.2019).

¹⁹ Сайт журнала см.: *Milli mála: Tímarit um erlendar bókmenntir og menningu* [Электронный ресурс]. URL: <http://millimala.hi.is/en/front-page/> (29.12.2019).

²⁰ *Rebekka Dráinsdóttir.* Um Alexander Þýskín og Sögur Belkíns // *Ibid.* Bls. 135–140. URL: <http://millimala.hi.is/wp-content/uploads/2016/01/Um-Alexander-Þ%C3%B0sk%C3%B0n-og-So%C3%B0gur-Belk%C3%B0ns.pdf> (29.01.2019).

²¹ *Þýsklein A.* *Stöðvarstjórinn* / Þýd. Rebekka Dráinsdóttir // *Ibid.* 2018. Árg. 10. Bls. 139–151. URL: <http://millimala.hi.is/wp-content/uploads/2019/03/2018Sto%C3%B0varstjo%C3%B0urinn.pdf> (28.05.2019).

²² *Idem.* [*Þýsklein A.*]. *Spaða-drottning* // *Þjóðviljinn*. 1903. Tbl. 8–17. URL: https://timarit.is/view_page_init.jsp?pageId=2176275 (30.05.2019). (Имя переводчика не указано.) В том же году новелла печаталась в сборнике: *Sögusafn Þjóðviljans X*. Reykjavík, 1903. Bls. 31–69.

²³ *Þýsklein A.* *Spaðadrottningin* // *Alþýðuhelgin*. 1949. Árg. 1. Tbl. 20–21. URL: http://timarit.is/view_page_init.jsp?pageId=5968855 (05.06.2019).

(Thorold Dickinson) «*The Queen of Spades*». Первая часть перевода в газете «Альтидохельгин» предваряется небольшой заметкой об авторе и его творчестве. В ней сообщается, что в настоящее время по всему миру отмечается 150 лет со дня рождения поэта, говорится о гениальности Пушкина и его значении для русской литературы, перечисляются основные вехи его биографии. Подчёркивается мятежный дух поэта; о нём сказано, что «взглядов он придерживался радикальных и революционных»²⁴. Кратко перечисляются его основные сочинения, к которым отнесены, например, «Руслан и Людмила», «Кавказский пленник», «Полтава», «Медный всадник» и «Евгений Онегин». Далее говорится, что для всех упомянутых произведений характерна «любовь поэта к свободе и человеколюбие, ненависть к гнёту, несправедливости и любой коррупции в стране»²⁵. Жена Пушкина характеризуется довольно нелестным образом: утверждается, что эта «первая красавица России» «мало ценила поэтический талант своего мужа, зато любила веселье и распутство. Она была весьма расточительна, и доходы супруга быстро таяли»²⁶. Для сравнения заметим, что в том месте статьи, где характеризуется сам Пушкин, о его собственном «веселье и распутстве» говорится иначе: «Он не был прилежным и трудолюбивым в конторской работе, но уделял гораздо более внимания творчеству и наслаждениям (курсив мой. — Р. Т.)»²⁷. Подобные замечания повторяются во многих статьях на исландском языке о Пушкине, хотя и не всегда. Возможно, данная конкретная статья — не самый лучший образец того, что в Исландии писали о Пушкине (ниже речь пойдёт о более содержательных и качественных публикациях), но в некотором отношении она типична. В ней перечисляются те известные сведения о жизни и творчестве поэта, которые повторяются в различных коротких справках о Пушкине, публиковавшихся и до, и после неё. Имеются в виду статьи, судя по всему, переведённые из зарубежных журналов и обычно не осмысленные критически; при этом вряд ли те, кто их писал, сами много знали о Пушкине. В те времена подобный метод работы был весьма обычен (а кое-где остаётся таким и сейчас), и его основная цель — познакомить любознательных читателей с материалом.

Первый перевод «Пиковой дамы», сделанный непосредственно с русского, вышел в 2017 г. в сборнике «Рассказы из России» («*Sögur frá Rússlandi*») в переводе Ауслэйг Агнарсдоттир (*Áslaug Agnarsdóttir*)²⁸ — на сегодняшний момент крупнейшей

²⁴ Skáldið Alexander Pusjkin // Ibid. Тъл. 20. Bls. 161–162. URL: https://timarit.is/view_page_init.jsp?pageId=5968853 (04.06.2019). (Цитируемые слова — на с. 161.)

²⁵ Ibid. Bls. 162.

²⁶ Ibid. Bls. 162.

²⁷ Ibid. Bls. 161.

²⁸ *Púshkín A. S. Spáðadrottningin* // *Sögur frá Rússlandi* / Þýð. Áslaug Agnarsdóttir. Reykjavík, 2017. Bls. 7–45. Кроме того, в эту книгу входят рассказы Гоголя, Тургенева, Достоевского, Толстого, Чехова, Тэффи и Бунина. Ауслэйг также перевела, например, романы Андрея Куркого, («Смерть

переводчицы русской литературы на исландский язык. Достойно восхищения, что всего за четыре года (2014–2017) были изданы четыре перевода произведений Пушкина с подлинника — особенно если учесть, что в предыдущие десятилетия его произведения переводились очень редко.

Рассказ «*Kona fiskimannsins*» («Жена рыбака») был опубликован в 1966 г. в детском журнале «Айскан» (*Æskan*), его автором назван Пушкин. Перевод украшают иллюстрации Бориса Дехтерёва к пушкинской «Сказке о рыбаке и рыбке». Однако в данном случае мы скорее имеем дело с переводом сказки братьев Grimm «*Von den Fischer und seine Frau*» («*Vom Fischer und seiner Frau*», «О рыбаке и его жене»). Прежде всего этот перевод — прозаический, как и немецкий оригинал, а рыбак призывает рыбку стихами — в сказке Пушкина такого нет. В этих стихах его жена зовётся *Isabella* (в немецком оригинале — *Isbill*), что никак не соотносится с пушкинским текстом. В исландском переводе рыбка — *fallegur fiskur* («красивая рыба», в оригинале *groter Butt*²⁹, буквально «большая речная камбала»), но в отличие от сказки Пушкина, она нигде не называется «золотой». Исландский перевод в целом следует тексту братьев Grimm, хотя что-то может быть выпущено, а что-то изменено на исландский лад или кратко пересказано, особенно в заключительной части сказки³⁰. Трудно сказать, как произошло такое недоразумение, но можно предположить, что переводчик (имя которого нигде не называется) следовал каким-нибудь зарубежным образцам.

Первая публикация стихотворного произведения Пушкина на исландском языке относится, по всей видимости, к 1900 г., когда четыре из шести строф стихотворения «К***» («Я помню чудное мгновенье ...») были напечатаны в переведённой со шведского (?) статье о Пушкине³¹. Этот перевод несколько отклоняется от оригинала. В 1936 г. Магнус Аусгейрссон (*Magnús Ásgeirsson*, 1901–1955), переводчик с большим опытом, переложил стихотворение «Ворон к ворону летит...» и издал его (под названием «*Hrafnarnir*», «Воронь») в пятом томе своего собрания стихотворных переводов³². В комментарии к нему отмечается,

постороннего», 2005), Михаила Шишкина («Письмовник», 2014), Льва Толстого («Детство», 2009, «Отрочество», 2014, «Юность», 2014), Сергея Довлатова («Иностранка», 2017) и другие.

²⁹ *Von den Fischer und seine Frau* // *Kinder- und Haus-Märchen* / Gesammelt durch die Brüder Grimm. Berlin, 1812. Bd. 1. S. 68–77. URL: [https://de.wikisource.org/wiki/Von_den_Fischer_und_sine_Frau_\(1812\)](https://de.wikisource.org/wiki/Von_den_Fischer_und_sine_Frau_(1812)) (02.06.2019).

³⁰ *Puschkin A. Kona fiskimannsins* // *Æskan*. 1966. Árg. 67. Tbl. 11–12. Bls. 422–426. URL: http://timarit.is/view_page_init.jsp?pageId=4618375 (29.12.2019). (Имя переводчика не указано.)

³¹ *Rússnesk skáld: (Tekið að miklu leyti úr »rýska Skaldeportrætti«)* // *Framsókn*. 1900. Árg. 6. Tbl. 2. Bls. 6–7. URL: http://timarit.is/view_page_init.jsp?pageId=2221871 (29.12.2019). (Имя переводчика не указано.)

³² *Puschin A. Hrafnarnir* // *Pýdd ljóð / Pýd*. Magnús Ásgeirsson. Reykjavík, 1936. Tbl. V. Bls. 108. Перевод выполнен с немецкого. Магнус Аусгейрссон, автор многочисленных поэтических переводов, также переложил на исландский «Двенадцать» («*Hinir tólf*», 1936) Александра Блока (на основе английского и немецкого текстов), а кроме того — стихи Лермонтова, Эренбурга и др.

что «различные стихотворения Пушкина переведены на исландский Стейнгр[имуром] Торстейнссоном»³³. Автору настоящей статьи не удалось обнаружить ни самих этих переводов, ни каких-либо других упоминаний о них. Однако не исключено, что они всё-таки существуют и что с рубежа XIX–XX вв. по 1936 г. издавались какие-либо другие переводы Пушкина. Надо заметить, что большинство из тех, кто брался переводить стихи и рассказы Пушкина, были опытными и уважаемыми переводчиками.

Столетняя годовщина смерти Пушкина в 1937 г. освещалась в исландских газетах, журналах и на радио. Сигурд Эйнарссон (*Sigurður Einarsson*, 1898–1967), пастор и литератор, написал для журнала «Двэл» статью, посвящённую памяти Пушкина. В ней кратко сообщается о николаевском царствовании и говорится, что «редко свободная, гуманистическая мысль обретала более сурового и непримиримого противника, чем Николай I»³⁴. Однако, продолжает Сигурд Эйнарссон, среди всей этой нетерпимости, соглядатайства, слежки и ссылок литература процветала, и настаивал золотой век русской словесности. Автор утверждает, что Пушкин «никогда не был известен в нашей стране» и что цель этой статьи состоит в том, чтобы «память об этом гиганте духа» не прошла мимо исландцев³⁵. Здесь же перечислены основные вехи биографии Пушкина, а после статьи помещён ранее упоминавшийся перевод новеллы «Гробовщик».

В том же году в журнале «Скирнир» (*Skírnir*)³⁶ вышла амбициозная статья Сигфуса Блёндаля (*Sigfús Blöndal*, 1874–1950), сотрудника Королевской библиотеки в Копенгагене, создателя словаря. Он подчёркивает важность и гениальность Пушкина: «Сейчас русские люди, все как один, чтят его память: как большевики, так и их заклятые враги. Пушкин объединяет всех: он является столь же неотъемлемой частью духовной жизни каждого образованного русского, как и сам родной язык»³⁷. Сигфус толково рассказывает о биографии Пушкина и его творческом пути, характеризует его влияние на все области литературы как «большое и продолжительное»³⁸. Стоит заметить, что в связи с отъездом Пушкина из столицы в южные губернии, Сигфус не упоминает его ссылки или политические стихи,

Также он перевёл первую и вторую части «Анны Карениной» — опираясь на английский текст и пользуясь для сравнения немецким и датским переводами (*Tolstoi L. Anna Karenina*. Reykjavík, 1941. Bd. 1 / Þýð. Magnús Ásgeirsson; 1942. Bd. 2 / Þýð. Magnús Ásgeirsson). Третью и четвёртую части, выпущенные в 1942 и 1944 гг., перевёл Карл Исфельд (*Karl Ísfeld*).

³³ *Puschin A. Hrafnarnir*. Bls. 155.

³⁴ *Sigurður Einarsson*. Alexander Pusjkin: 1799–1837–1937 // *Dvöl*. 1937. Árg. 5. Tbl. 3–4. Bls. 77–83. URL: https://timarit.is/view_page_init.jsp?pageId=4986638 (29.12.2019). (Цитируемые слова — на с. 77.)

³⁵ *Ibid.* Bls. 77.

³⁶ *Sigfús Blöndal*. Alexander Sergejevitsj Púsjkin: Nokkur minningarorð // *Skírnir*. 1937. Árg. 111. Tbl. 1. Bls. 84–102. URL: https://timarit.is/view_page_init.jsp?pageId=4655995 (29.012.2019). (Цитируемые слова — на с. 84.)

³⁷ *Ibid.* Bls. 85.

³⁸ *Ibid.* Bls. 85.

а пишет следующее: «Он... спустил большое состояние на азартные игры и забросил свои служебные обязанности. В итоге начальство посчитало нужным усладить его из столицы...»³⁹. Автор утверждает, что в молодости Пушкин был повесой и мотом. Он также замечает, что юная и красивая Наталья Гончарова не была подходящей парой для поэта, жаждавшего спокойной семейной жизни «лучше всего в деревне», напротив, она «любила блеск и шум, украшения и развлечения. Творчество Пушкина было для неё скучно»⁴⁰.

В рассматриваемой статье необычно то, что много внимания уделяется речи Достоевского 1880 г. о Пушкине⁴¹. В частности, там рассказывается об идее Достоевского об особой миссии русского народа, заключающейся в установлении братства всех наций, доказательством чему служит творящий дух Пушкина⁴². По заключению Сигфуса Блэндаля, Достоевский, очевидно, был прав, когда говорил, что подобные мысли посещали и самого Пушкина.

Как указывает Синфус, главная причина, по которой Пушкин не так известен за границей, как многие другие литературные гиганты XIX в., состоит в том, что красота его поэзии при переводе во многом теряется⁴³. Автор статьи также обращает внимание на сходство русского национального поэта Пушкина и Йоунаса Хатльгримссона (*Jónas Hallgrímsson*, 1807–1845), исландского национального поэта, стихи которого также считаются сложными для перевода. Оба были современниками, оба умерли молодыми и за свою короткую жизнь оказали существенное влияние на самосознание и литературу своих народов. Сигфус пишет, что творчество Йоунаса Хатльгримссона подняло «нашу словесность в высшее измерение» и указало на «красоту в стихотворном мастерстве, которой удалось

³⁹ Ibid. Bls. 86.

⁴⁰ Ibid. Bls. 92–93.

⁴¹ Судя по тексту статьи, можно заключить, что эту речь он читал в немецком переводе.

⁴² Ibid. Bls. 97–98.

⁴³ Ibid. Bls. 98.

достичь лишь немногим»⁴⁴. В таком контексте очевидно, что автор считает возможным применить эту характеристику и к Пушкину.

Интересно, что Сигфус объясняет правильное произношение имён Евгений Онегин и Борис Годунов: «По-русски произносится *jevgenjí a-njégín*, с ударением на предпоследнем слоге»; «*ba-rís gadún-off*, с ударением на последних слогах»⁴⁵ — и при этом пишет *a* вместо *o*, по правилам произношения. Для носителей исландского языка естественно всегда ставить ударение на первый слог и читать букву *o* в словах *Onegín*, *Borís*, *Godúnov* именно как [o], а не как [a].

Сигфус изучал русский язык, а значит, мог читать стихи «солнца русской поэзии» в оригинале. Статья, о которой сейчас речь, сопровождалась переводами трёх стихотворений Пушкина, сделанных Сигфусом с подлинника: «*Vofur*» («Бесь»), «*Til A. P. Kern*» («К***»), «*Spámaðurinn*» («Пророк»). Можно утверждать что, это первый перевод стихов на исландский с русского. Пушкин — не только первый русский автор, переведённый на исландский язык, он также и первый, кого перевели непосредственно с оригинала!

На исландский переведено около 20 стихотворений Пушкина, главным образом в период с 1936 по 1971 г., некоторые из них — с оригинала⁴⁶. Отдельные стихотворения переводились несколькими переводчиками, например, «Пророк» и «Ворон к ворону летит...»: оба существуют по крайней мере в двух переводах, лишь один из которых сделан с подлинника. Наиболее влиятельным в области перевода стихов с русского был Геёр Кристьяунссон (*Geir Kristjánsson*, 1923–1991), писатель и переводчик. Он был редактором журнала общества *MÍR*⁴⁷, издававшегося

⁴⁴ Ibid. Bls. 88. В день рождения Йоунаса Хатльгримссона, 16 ноября, отмечается День исландского языка. Здесь я отсылаю к докладу Ауслэйг Агнардоттир, прочитанному ею в Москве 16 ноября 2007 г. Русский текст доклада опубликован на сайте Национальной библиотеки Исландии, посвящённом Йоунасу Хатльгримссону: [Ауслэйг Агнардоттир.] Йонас Халльгримссон и Александр Пушкин — два национальных поэта: Jónas Hallgrímsson og Alexander Púshkín — tvö þjóðskáld // Jónas Hallgrímsson. 16. nóvember 1807 — 26. maí 1845 [Электронный ресурс]. 2007. URL: <https://jonashallgrimsson.is/uploads/ymsarskrar/J%CC%83%B3nas%20%CC%A1%20r%CC%BAAssnesku.pdf> (29.12.2019). Также этот доклад был прочитан на исландском языке на литературном вечере Общества *MÍR* (о его деятельности см. ниже) 21 ноября того же года.

⁴⁵ *Sigfús Blöndal*. Alexander Sergejevitsj Púsjkín. Bls. 88 (примечание 1), 89 (примечание 1).

⁴⁶ Источником этих сведений отчасти послужила существующая библиография переводов стихов русских поэтов на исландский: *Natalia Demidova*. Drög að skrá yfir íslenskar þýðingar rússneskra ljóðverka eftir birtingaráni // Milli mála. 2014. Árg. 6. Bls. 197–267. URL: <http://millimala.hi.is/wp-content/uploads/2016/01/Dro%CC%88g-a%CC%B0-skra%CC%81-yfir-%CC%81slenskar-%CC%83%BFy%CC%81%CC%B0ingar-ru%CC%81ssneskra-ljo%CC%81%CC%B0verka-efur-birtingara%CC%81ni.pdf> (25.05.2019). Она озаглавлена «Материалы к библиографии», а значит, не являясь исчерпывающей. Например, в ней отсутствуют переводы стихотворений «Я помню чудное мгновенье...» (опубликованный в 1900 г. и уже упоминавшийся выше) и «Деревня»: *Pusjkin A. Sveitaljóð / Þýð. Geir Jónasson // Skinfaxi*. 1937. Árg. 28. Tbl. 2. Bls. 97–98. URL: http://timarit.is/view_page_init.jsp?pageId=4212204 (28.05.2019). (С какого языка был сделан последний перевод, не упоминается.)

⁴⁷ Общество культурных связей Исландии и Советского Союза (*Menningartengsl Íslands og Ráðstjórnaríkjanna*, сокращённо — *MÍR*) было основано в 1950 г. в Рейкьявике. В первые 18 лет существования организации её председателем был Халльдоур Кильян Лакнесс, лауреат

в 1950-е гг, и помещал там свои переводы с русского и статьи о русской литературе, в т. ч. краткую статью о Пушкине⁴⁸. Из переводов Пушкина, сделанных Гейром с русского, можно назвать пролог к «Руслану и Людмиле», «У лукоморья дуб зеленый...» под заглавием «*Hin græna eik*»⁴⁹ («Дуб зелёный») и другие фрагменты этой

же поэмы, а также мелкие фрагменты из «Евгения Онегина», в т. ч. начальную строфу «Мой дядя самых честных правил...» («*Hann frændi minn ...*»⁵⁰). Также Гейр в 1954 г. пересказал поэму «Руслан и Людмила» с оригинала прозой; пересказ был озаглавлен «*Leitin að Ljúdmílu fögru*» («Поиски прекрасной Людмилы»)⁵¹. Он вышел отдельным изданием, которое сейчас недоступно. Стихотворные переводы Гейра и других переводчиков часто и активно переиздавались в различных стихотворных сборниках и антологиях.

«Каменный гость» («*Steingesturinn*») переводился дважды. Первый перевод (1959?) принадлежит Кристьяуну Ауртнасону (*Kristján Arnason*, 1934–2018), литературоведу и переводчику, и выполнен, может быть, с немецкого⁵². Ингибьёрг Харальдсдоттир (*Ingibjörg Haraldsdóttir*, 1942–2016), поэтесса и одна из самых продуктивных переводчиков с русского в Исландии, сделала новый перевод для исполнения по радио в 1992 г.⁵³ Сейчас он существует лишь в виде

Нобелевской премии по литературе. В 1992 г. официальное название было заменено на *Félagið MÍR* (Общество MÍR), а аббревиатура стала расшифровываться как «Культурные связи Исландии и России» (*Meningartengsl Íslands og Rússlands*). Журнал общества «Тимарит МИР» (*Tímarit MÍR*) выходил с 1950 по 1959 г. Гейр Кристьяунссон, долгое время бывший его редактором, перевёл множество стихов Блока, Есенина, Пастернака, Маяковского (в т. ч. «Облако в штанах», 1965), Анны Ахматовой и др. Кроме того, он перевёл на исландский некоторые русские пьесы, автобиографию Пастернака (с английского: *Pasternak B. L. Tilraun til sjálfsævisögu / Þýd. Geir Kristjánsson. Reykjavík, 1961*), а также рассказы Гоголя, Чехова, Горького и др.

⁴⁸ *Geir Kristjánsson. Alexander Púshkín // Tímarit MÍR. 1951. Árg. 2. Tbl. 5–6. Bls. 5–6.*

⁴⁹ *Púshkín A. Hin græna eik / Þýd. Geir Kristjánsson // Ibid. Bls. 3–4.*

⁵⁰ *Idem. Hann frændi minn... / Þýd. Geir Kristjánsson // Til Kristins E. Andréssonar 12. júní 1961. Reykjavík, 1961. Bls. 92.*

⁵¹ *Idem [Púshkín A.] Leitin að Ljúdmílu fögru: Ævintýri / Geir Kristjánsson þýddi og endursagði úr frummálinu. Reykjavík, 1954.*

⁵² Из объявлений в газетах видно, что рейкьявикский «Экспериментальный театр» в 1959 г. поставил это произведение в переводе Кристьяуна Ауртнасона. В исландской библиотечной системе год создания рукописи не упоминается. Единственный существующий экземпляр, который должен находиться в библиотеке Художественного института Исландии (*Listabáskóli Íslands*), обнаружить не удалось.

⁵³ *Idem [Púshkín A.] Steingesturinn / Þýd. Ingibjörg Haraldsdóttir. Reykjavík, 1992. Неопубликованная рукопись пьесы. Ингибьёрг в основном переводила художественные произведения с испанского*

неопубликованной рукописи. Он ясен и довольно точен по отношению к оригиналу. В период между созданием двух указанных переводов интерес к Пушкину в Исландии был невелик. Всё же отдельные издания появлялись. Кроме того, например, в литературном приложении к газете «Лесбоук Моргюнбладсинс» (*Lesbók Morgunblaðsins*) за 7 февраля 1981 г. вышла большая статья о Пушкине и декабристах, скомпилированная из материала журнала «Штерн». В центре внимания автора статьи — причины и последствия восстания, связи Пушкина с декабристами и его взаимоотношения с властями, но о его творчестве там говорится мало. Пушкин описывается как весельчак и дамский угодник, а подпись под помещённым здесь его портретом гласит: «Великий поэт Александр Пушкин — гений, игрок, донжуан»⁵⁴. Статья завершается знакомыми фразами: «10 февраля 1837 года любимейший поэт России погиб. Он прожил ровно столько же, сколько и Йоунас Хатльгримссон»⁵⁵. Статью сопровождает «рассказ» Пушкина «*Saga af presti og þjóni hans Balda*» — прозаический перевод «Сказки о попе и о работнике его Балде». По всей видимости, он также сделан с текста, напечатанного в журнале «Штерн», и там это тоже был прозаический перевод.

Роман в стихах «Евгений Онегин», за исключением вышеупомянутых фрагментов, никогда не публиковался на исландском языке. Однако философ и переводчик Торстейн Гильвасон (*Dorsteinn Gylfason*, 1942–2005) перевёл на исландский либретто, когда Исландская опера ставила «Евгения Онегина» в 1993–1994 гг. (реж. Джон Коупли). В связи с постановкой была напечатана весьма объёмная программа, в которой опера Чайковского и роман в стихах Пушкина рассматриваются с разных точек зрения. В конце приводится полный перевод всего текста оперы. О своей работе сам переводчик

и русского. С русского она перевела, например, стихи Марины Цветаевой (в т. ч. «Поэму конца», 1995), Анны Ахматовой (в т. ч. «Реквием», 1998), рассказы Людмилы Петрушевской («Бессмертная любовь», 1993), романы и новеллы Михаила Булгакова («Мастер и Маргарита», 1981, «Роковые яйца», 1989, «Собачье сердце», 1992), Анатолия Рыбакова («Дети Арбата», 1989), Фёдора Достоевского («Преступление и наказание», 1984, «Идиот», 1986–1987, «Братья Карамазовы», 1990–1991, «Двойник», 1994, «Записки из подполья», 1997, «Бесы», 2000, «Игрок», 2004), а также множество пьес для радио и театра.

⁵⁴ *Svá [Sveinn Ásgeirsson]. Púsikin og samsærismennirnir // Lesbók Morgunblaðsins. 1981. 7. Febrúar. Bls. 9–11, 20. URL: http://timarit.is/view_page_init.jsp?pageId=3301319 (29.05.2019). (Портрет напечатан на с. 9.)*

⁵⁵ *Ibid.* Bls. 20.

занимательно рассказывает в газете «Моргунблаðið» (*Morgunblaðið*) от 24 декабря 1993 г.:

«Собственно, я переводил с русского — хотя и не знаю этого языка, — для того, чтобы лучше прочувствовать слова. Я получил от моей подруги из Метрополитен-оперы копию рукописи, содержащую ноты и соответствующий текст подлинника с параллельным пословным переводом на английский. Затем я ознакомился с различными печатными переводами, на французский, немецкий и английский. Искусство здесь заключается в том, чтоб уловить верный оттенок значения и одновременно следовать стихотворному размеру Пушкина и музыке Чайковского»⁵⁶.

О пушкинском тексте переводчик пишет в оперной программе следующее: «В исландском переводе все рифмы Пушкина сохранены и распределены согласно его правилам»⁵⁷. Торстейну это хорошо удалось. То же относится и к переводам Гейра Кристьяунссона.

Ауртни Бергманн (*Arni Bergmann*), редактор, университетский преподаватель, филолог-русист и переводчик, помещает пушкинский роман в стихах в исторический и литературный контекст. Здесь мы, вероятно, впервые встречаем отзыв, написанный учёным — специалистом по русской литературе, свободно читающим по-русски. Его отзыв очень информативный и живой. Там говорится о цензуре в России и о её влиянии; о том, как Онегин, подобно многим другим, ступевался на свидании с девушкой, готовой связать с ним жизнь; об Онегине как «лишнем человеке»; об идеализации Татьяны; о весёлом и игривом тоне рассказчика и о многом другом. Здесь тоже не обходится без Йоуна Хатльгримссона. Например, о «лишних людях» Ауртни говорит, что «они не находят себе места ни в “большом” мире, ни в “малом” (частной жизни) и могли бы подписаться под утверждением Йоунаса Хатльгримссона: “время не хочет установить со мною связь” [исл. “tíminn vill ei tengja sig við mig”]»⁵⁸. Также Ауртни цитирует весьма известную начальную строку из стихотворения другого исландского поэта,

⁵⁶ *Dórunn Þórsdóttir*. Jevgení Ónegín // *Morgunblaðið* B: Menning og listir. 1993. 24. desember. Bls. 1–3. URL: https://timarit.is/view_page_init.jsp?pageId=1798336 (29.12.2019). (Цитируемый фрагмент — на с. 3.)

⁵⁷ *Þorsteinn Gylfason*. Formáli // *Leikskrá Íslensku óperunnar: Évgení Ónegín: Svipmyndir til söngs*. Reykjavík, 1993. Bls. 46.

⁵⁸ *Arni Bergmann*. Ljóðsaga Púshkíns og afdrif persóna hennar í rússneskri menningu // *Ibid.* Bls. 23–28. (Цитируемые слова — на с. 25.) Приведённые строки взяты из стихотворения «*Svo rís um aldir árið hvurt um sig*» (1845). Ауртни Бергманн — плодовитый переводчик русской литературы на исландский язык. Среди его переводов можно назвать «Слово о полку Игореве» с подробными комментариями (1997), отрывки из «Повести временных лет» с подробными комментариями (2009), несколько рассказов Антона Чехова, романы Бориса Акунина («Левиафан», 2005, «Азазель», 2004, «Турецкий гамбит», 2004, «Коронация, или последний из Романов», 2003, «Статский советник», 2001), два рассказа Нины Берберовой («Чёрная болезнь», 1991, «Акомпаниаторша», 1990) и многочисленные пьесы для театра и радио.

Йоуханна Йоунссона: «Как дни моей жизни стали бесцветны!» (исл. «Hvar hafa dagar lífs þíns lit sínum glatað»⁵⁹). Эта строка с первого дня стала крылатой; она на удивление похожа на начальную строку печального стихотворения Ленского накануне дуэли: «Куда, куда, / Куда вы удалились, / Весны моей златые дни?» (исл. «Ó hvert, ó hvert, er vor mitt horfið»⁶⁰). Отмечая указанное сходство, а также черты, свойственные людям во все времена, Ауртни связывает свою тему с тем, что в Исландии «известно всем», и приближает Пушкина к читателю.

Постановка оперы вызвала большой интерес прессы, но всё же объектом интереса прежде всего стала сама опера и композитор, но не Пушкин: он, несмотря ни на что, так и остался в Исландии малоизвестным автором. Причины этого хорошо объяснены в превосходной статье о Пушкине 1950 г., написанной директором учебного заведения и главным редактором радио Вильхьяльмом Т. Гильфасоном (*Vilhjálmur Þ. Gylfason*, 1897–1982). Он пишет: «...очевидно, ни один из крупных европейских поэтов не известен у нас так мало, как Пушкин, и причины этого, разумеется, в том, что он сам далёк от нас, а также, в известной степени, что от нас далеки его темы и язык, а кроме того — что его основные произведения написаны стихами»⁶¹. Надо заметить, что в 1980-е и 1990-е гг. на первый план выходят Булгаков и Достоевский в переводах Ингибьёрг Харальдсдоттир, а многие другие переводы с русского и русские авторы остаются в тени.

Та же опера вновь была поставлена в 2016 г. режиссёром Энтони Пилавачи. Большинство певцов были исландцами, однако было принято решение петь по-русски и транслировать исландский текст на экран. Постановка снискала похвалу как у зрителей, так и у критиков, пение и произношение певцов было сочтено выдающимися — недаром ей была присуждена Исландская музыкальная премия в номинации «Музыкальное событие года, классическая/современная музыка–2016». В связи с этой постановкой в Национальной библиотеке Исландии⁶² была проведена выставка «*Skáldskapurinn vaknar inn í mér*» («И пробуждается поэзия во мне», 21 октября — 31 декабря 2016 г.), где экспонировались иллюстрации Ю. М. Игнатьева к «Евгению Онегину». В день открытия выставки состоялся симпозиум, посвящённый Пушкину. В частности, там можно было услышать доклады об исландских переводах Пушкина и о «Евгении Онегине», а также чтение

⁵⁹ Стихотворение «*Söknuður*» (1928).

⁶⁰ *Árni Bergmann*. Ljóðsaga Púshkíns... Bls. 28.

⁶¹ *Vilhjálmur Þ. Gíslason*. Alexander Pushkin // Almanak um árið 1950 eftir Krists fæðingu. Reykjavík, 1949. Bls. 25–35. (Цитируемый фрагмент — на с. 26.)

⁶² См.: *Skáldskapurinn vaknar inn í mér: Sýning í Þjóðarþóklöðu* // Landsbókasafn Íslands — Háskólabókasafn. 2016. URL: https://landsbokasafn.is/index.php?mact=News.cntnt01_detail0&cntnt01articleid=969&cntnt01origid=59&cntnt01_detailtemplate=LBS_ExhibitionDetail&cntnt01returnid=59 (29.12.2019).

стихов Пушкина в оригинале и в переводе. В мероприятии приняли участие гости из Музея-заповедника «Михайловское», рассказавшие о работе своего музея. На конференции было много слушателей, которым в заключение было предложено попробовать писать гусиным пером, как Татьяна.

Исландцы не обошли вниманием и двухсотлетний юбилей Пушкина. 26 мая 1999 г. в Национальной библиотеке была открыта выставка произведений Пушкина, и одновременно там же общество *MÍR* и Национальной библиотекой была организована посвящённая Пушкину программа. В сентябре, в помещении *MÍR*, открылась выставка изображений поэта, сделанных Арленом Кашкуревичем, и его же иллюстраций к «Евгению Онегину». Общество *MÍR* на протяжении многих десятилетий глубоко чтит память Пушкина посредством выставок, подобных этой, кинопоказов и литературных вечеров.

В юбилейный год о Пушкине вышло по крайней мере две содержательных публикации на страницах исландских газет. Одна из них принадлежала перу Ауслейт Агнарсдоттир и открывалась сравнением Пушкина с Йоунасом Хатльгримссоном⁶³, а другая была написана Ауртни Бергманном, и в ней речь шла главным образом

о «Евгении Онегине»⁶⁴. Также Ауртни опубликовал информативную статью в журнале «Тимарит Маульс ог меннингар» (*Tímarit Máls og menningar*), где за отправную точку берётся стихотворение «Памятник» и с его помощью связываются друг с другом разные нити в творчестве и жизни Пушкина, его взаимоотношения с властями, его судьба и наследие в России и его восприятие различными русскими писателями, композиторами и художниками. Статья сопровождается переводом «Памятника» (под названием «*Bautasteinn Púshkíns*»), принадлежащим Халльдоуру Кильяну Лакнессу (*Halldór Kílján Laxness*, 1902–1998) 1949 г., но специально этот перевод не обсуждается⁶⁵.

⁶³ *Áslaug Agnarsdóttir*. Rússneska þjóðskáldið Alexander Púshkín // Lesbók Morgunblaðsins. 1999. 29. maí. Bls. 4–5. URL: http://timarit.is/view_page_init.jsp?pageId=3314526 (01.06.2019).

⁶⁴ *Árni Bergmann*. Jevgení Onegín og gullöld rússneskrar skáldsögu // Ibid. 1999. 27. nóvember. Bls. 12–13. URL: http://timarit.is/view_page_init.jsp?pageId=3315022 (01.06.2019).

⁶⁵ *Idem*. Minnisvarði Púshkíns // *Tímarit Máls og menningar*. 1999. Árg. 60. Tbl. 2. Bls. 24–40. URL: https://timarit.is/view_page_init.jsp?pageId=6307714 (30.05.2019).

Как бы то ни было, за период 1971–2000 гг. появилось всего шесть новых переводов произведений Пушкина, и потом их, насколько можно судить, не было до 2014 г. Затем, как уже говорилось, вышло целых четыре новых перевода пушкинской прозы — последний в 2018 г. Насколько нам известно, с тех пор новых переводов каких-либо русских художественных произведений на исландский не было. Таким образом, сейчас, когда пишутся эти строки, можно сказать, что Пушкин — начало и конец переводов русской литературы на исландский.

Последние новости о Пушкине в Исландии таковы: 6 июня 2019 г., в День русского языка, в помещении русской православной церкви в Рейкьявике состоялось официальное открытие «Русского кабинета». Посол российской Федерации в Рейкьявике, Антон Всеволодович Васильев, обратился к публике с речью. А молодой русский, проживающий в Исландии, читал отрывки стихов Пушкина по-русски и по-исландски. Также были исполнены две песни на стихи Пушкина. В том числе «Я вас любил ...». Это произведение само по себе уже является хорошим напоминанием об исключительном таланте и волшебной силе красоты.

Пер. с исл. О. Маркеловой

К***

<KERN>

TIL A. P. KERN

(Anna Petrovna Kern)

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолётное виденье,
Как гений чистой красоты.

Ég man það undra augnablikið,
er óþekkt mér þú birtist þar,
sem óðfleyg draumsjón, óðar horfin,
sem andi hreinnar fegurðar.

В томленьях грусти безнадежной,
В тревогах шумной суеты,
Звучал мне долго голос нежный,
И снились милые черты.

Í örventandi andans kvölum,
í óróans og starfsins glaum
rödd þína blíða ég heyrði oft hljóma,
þinn hreina svip ég leit í draum.

Шли годы. Бурь порыв мятежный
Рассеял прежние мечты.
И я забыл твой голос нежный,
Твои небесные черты.

Og árin liðu. Í lífsins hríðum
sái ljúfi draumur mér hvarf úr sýn,
mér gleymdist röddin gullinhreina,
mér gleymdist himnesk fegurð þín.

В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви.

Mín æfi leið í útlegð dimmri,
í afkima og kyrrð mig bar,
án guðstrúar, án andagiftar,
án ástar, lífs og tára ég var.

Душе настало пробужденье:
И вот опять явилась ты,
Как мимолётное виденье,
Как гений чистой красоты.

En sál mín átti að endurvakna,
og aftur mér þú birtist þar,
sem óðfleyg draumsjón, óðar horfin,
sem andi hreinnar fegurðar.

И сердце бьётся в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

1825

Og aftur barðist hjartað hrífið,
í huga blómgast mér af því
guðstrú og andagiftin aftur
og ást og líf og tár á ný.

Перевод Сигфуса Блэндаля
(Skírnir. 1937. Bls. 101)

Список литературы

[Ауслейг Агнарсдоттир.] Йонас Халлгримссон и Александр Пушкин — два национальных поэта : Jónas Hallgrímsson og Alexander Púshkín — tvö þjóðskáld / [Ауслейг Агнарсдоттир] // Jónas Hallgrímsson. 16. nóvember 1807 — 26. maí 1845 [Электронный ресурс]. — 2007. — URL: <https://jonashallgrimsson.is/uploads/ymsarskrar/J%C3%B3nas%20%C3%A1%20r%C3%BAssnesku.pdf>. — (29.12.2019).

Alexander Sergejevítj Púshkín 1799–1999 : sýning í Þjóðarbókhöfðu 26. Maí — 30. júní 1999 / sýning og textagerð Áslaug Agnarsdóttir *et al.* — Reykjavík : Landsbókasafn Íslands — Háskólabókasafn, 1999. — 4 bls.

Árni Bergmann. Ljóðsaga Púshkíns og afdrif persóna hennar í rússneskri menningu / Árni Bergmann // Leikskrá Íslensku óperunnar : Évgení Ónegín : svipmyndir til söngs. — Reykjavík : Félagsprentsmiðjan, 1993. — Bls. 23–28.

Árni Bergmann. Jevgení Ónegín og gullöld rússneskrar skáldsögu / Árni Bergmann // Lesbók Morgunblaðsins. — 1999. — 27. nóvember. — Bls. 12–13. — URL: http://timarit.is/view_page_init.jsp?pageId=3315022. — (01.06.2019).

Árni Bergmann. Minnisvarði Púshkíns / Árni Bergmann // Tímarit Máls og menningar. — 1999. — Árg. 60, tbl. 2. — Bls. 24–40. — URL: http://timarit.is/view_page_init.jsp?pageId=6307714. — (30.05.2019).

Áslaug Agnarsdóttir. Rússneska þjóðskáldið Alexander Púshkín / Áslaug Agnarsdóttir // Lesbók Morgunblaðsins. — 1999. — 29. maí. — Bls. 4–5. — URL: http://timarit.is/view_page_init.jsp?pageId=3314526. — (01.06.2019).

Ástráður Eysteinnsson. Bókmenntir og þýðingar / Ástráður Eysteinnsson // Skírnir. — 1984. — Árg. 158, tbl. 1. — Bls. 19–65. — URL: http://timarit.is/view_page_init.jsp?gegnirId=000505515. — (29.12.2019).

Geir Kristjánsson. Alexander Púshkín / Geir Kristjánsson // Tímarit MÍR. — 1951. — Árg. 2, tbl. 5–6. — Bls. 5–6.

Milli mála : tímarit um erlendar bókmenntir og menningu [Электронный ресурс]. — URL: <http://millimala.hi.is/en/front-page/>. — (29.12.2019).

Natalia Demidova. Drög að skrá yfir íslenskar þýðingar rússneskra ljóðverka eftir birtingarári / Natalia Demidova // Milli mála. — 2014. — Árg. 6. — Bls. 197–267. — URL: <http://millimala.hi.is/wp-content/uploads/2016/01/Dro%C3%88g-a%C3%B0-skra%C3%81-yfir-i%C3%81slenskar-%C3%BEy%C3%81%C3%B0ingar-ru%C3%81ssneskra-ljo%C3%B0verka-efir-birtingara%C3%81ri.pdf>. — (25.05.2019).

Pasternak, B. L. Tilraun til sjálfsævisögu / B. L. Pasternak ; þýd. Geir Kristjánsson. — Reykjavík : Helgafell, 1961. — 136 bls.

Puschin, A. Hrafnarnir // Þýdd ljóð / A. Puschin ; þýd. Magnús Ásgeirsson. — Reykjavík : Menningarsjóður, 1936. — Tbl. V. — 168 bls.

Puschkin A. Draugaveizlan / A. Puschkin // Íðunn. — 1885. — Bd. 3, h. 1. — Bls. 36–47. — URL: http://timarit.is/view_page_init.jsp?pageId=4714750. — (29.12.2019).

Puschkin, A. Aðalsmanns dóttir í dularbúningi / A. Puschkin // Þjóðólfur. — 1888. — Tbl. 45–50, 52–55. — URL: http://timarit.is/view_page_init.jsp?pageId=2029073. — (29.05.2019).

Puschkin, A. Pétur og María / A. Puschkin // Ísafold. — 1915. — Tbl. 39. — Bls. 4. — URL: http://timarit.is/view_page_init.jsp?pageId=3951493. — (29.12.2019).

Pushkin, A. Spaða-drottning / A. Pushkin // Þjóðviljinn. — 1903. — Tbl. 8–17. — URL: https://timarit.is/view_page_init.jsp?pageId=2176275. — (30.05.2019).

Pushkin, A. Spaða-drottning / A. Pushkin // Sögusafn Þjóðviljans X. — Reykjavík : Prentsmiðja Þjóðviljans, 1903. — Bls. 31–69.

Pushkin, A. Hjónavígslan / A. Pushkin // Nýjar Kvöldvökur. — 1915. — Árg. 9, tbl. 10. — Bls. 205–255. — URL: http://timarit.is/view_page_init.jsp?pageId=4784940. — (29.05.2019).

Pushkin, A. Hríð / Pushkin A. ; þýd. Árni Óla // Ísafold og Vörður. — 1930. — 15. janúar — 22. febrúar.

Pushkin, A. Hríð / A. Pushkin ; þýd. Árni Óla // Úrvalssögur I. — Reykjavík : Ísafoldarprentsmiðja, 1930. — Bls. 15–34.

Pushkin, A. Hríðarveður / A. Pushkin // Vísir Sunnudagsblað. — 1942. — 15. mars. — Bls. 1–5. — URL: https://timarit.is/view_page_init.jsp?pageId=3543265. — (01.06.2019).

Pushkin, A. Kona fiskimannsins / A. Pushkin // Æskan. — 1966. — Árg. 67, tbl. 11–12. — Bls. 422–426. — URL: http://timarit.is/view_page_init.jsp?pageId=4618375. — (29.12.2019).

Pusjkin, A. Lökkistusmiðurinn / A. Pusjkin ; þýd. Þór[arinn] Guðnason // Dvöl. — 1937. — Árg. 5, tbl. 3–4. — Bls. 83–90. — URL: http://timarit.is/view_page_init.jsp?pageId=4986644. — (29.05.2019).

Pusjkin, A. Sveitaljóð / Pusjkin A. ; þýd. Geir Jónasson // Skinfaxi. — 1937. — Árg. 28, tbl. 2. — Bls. 97–98. — URL: http://timarit.is/view_page_init.jsp?pageId=4212204. — (28.05.2019).

Pusjkin, A. Spaðadrottningin / A. Pusjkin // Alþýðuhelgin. — 1949. — Árg. 1, tbl. 20–21. — URL: http://timarit.is/view_page_init.jsp?pageId=5968855. — (05.06.2019).

Puskin, A. Draugaveizlan / A. Puskin // Undir sagnamána : Steingrímur Thorsteinsson þýddi og frumsamdi / Steingrímur Thorsteinsson ; umsjón með útgáfu Þorsteinn Antonsson og María Anna Þorsteinsdóttir. — Reykjavík : Sagnasmíðjan, 2007. — Bls. 83–91.

Púschkín, A. Hólmangan / A. Púschkín // Ísafold. — 1878. — Tbl. 4–5, 7, 9–10. — URL: http://timarit.is/view_page_init.jsp?issId=273146. — (01.05.2019).

Púshkín, A. Hin græna eik / A. Púshkín ; þýd. Geir Kristjánsson // Tímarit MÍR. — 1951. — Árg. 2, tbl. 5–6. — Bls. 3–4.

Púshkín, A. Hann frændi minn... / A. Púshkín ; þýd. Geir Kristjánsson // Til Kristins E. Andréssonar 12. júní 1961. — Reykjavík : s. n., 1961. — Bls. 92.

Púschkín, A. Líkkistusmiðurinn / Púschkín A. ; þýd. Rebekka Þráinsdóttir // Milli mála. — 2014. — Árg. 6. — Bls. 141–149. — URL: <http://millimala.hi.is/wp-content/uploads/2016/01/Li%CC%81kkistusmi%CC%81urinn.pdf>. — (29.12.2019).

Púschkín, A. Skotið / Púschkín A. ; þýd. Rebekka Þráinsdóttir // Milli mála. — 2014. — Árg. 6. — Bls. 151–164. — URL: <http://millimala.hi.is/wp-content/uploads/2016/01/Skoti%CC%81.pdf>. — (25.05.2019).

Púshkín, A. S. Spaðadrottningin / A. S. Púshkín // Sögur frá Rússlandi / þýd. Áslaug Agnarsdóttir. — Reykjavík : Uglá, 2017. — Bls. 7–45.

Púshkín, A. Stöðvarstjórinn / A. Púshkín ; þýd. Rebekka Þráinsdóttir // Milli mála. — 2018. — Árg. 10. — Bls. 139–151. — URL: <http://millimala.hi.is/wp-content/uploads/2019/03/2018Sto%CC%88%CC%81varstjo%CC%81rinn.pdf>. — (28.05.2019).

Púsjkín, A. Skotið / A. Púsjkín ; þýd. Baldur Óskarsson // Sunnudagblaðið. — 1965. — 14. nóvember. — Bls. 577–582. — URL: https://timarit.is/view_page_init.jsp?pageId=3617123. — (04.06.2019).

Púskin, A. Leitinn að Ljúdmílu fögru : ævintýri / Geir Kristjánsson þýddi og endursagði úr frummálinu. — Reykjavík : Heimskringla, 1954. — 29 bls.

Púskin, A. Steingesturinn / A. Púskin ; þýd. Ingibjörg Haraldsdóttir. — Reykjavík : s. n., 1992. — 39 bls. (Неопубликованная рукопись.)

Rebekka Þráinsdóttir. Um Alexander Púshkín og Sögur Belkíns / Rebekka Þráinsdóttir // Milli mála. — 2014. — Árg. 6. — Bls. 135–140. — URL: <http://millimala.hi.is/wp-content/uploads/2016/01/Um-Alexander-Pu%CC%81shki%CC%81n-og-So%CC%88gur-Belki%CC%81ns..pdf>. — (29.012.2019).

Rússnesk skáld : (Tekið að miklu leyti úr »rýska Skaldeportrætt«) // Framsókn. — 1900. — Árg. 6., tbl. 2. — Bls. 6–7. — URL: http://timarit.is/view_page_init.jsp?pageId=2221871. — (29.12.2019).

Sigfús Blöndal. Alexander Sergejevitsj Púsjkín : nokkur minningarorð / Sigfús Blöndal // Skírnir. — 1937. — Árg. 111, tbl. 1. — Bls. 84–102. — URL: https://timarit.is/view_page_init.jsp?pageId=4655995. — (29.012.2019).

Sigurður Einarsson. Alexander Pusjkin : 1799–1837–1937 / Sigfús Blöndal // Dvöl. — 1937. — Árg. 5, tbl. 3–4. — Bls. 77–83. — URL: https://timarit.is/view_page_init.jsp?pageId=4986638. — (29.12.2019).

Skáldið Alexander Pusjkin // Alþýðuhelgin. — 1949. — Árg. 1, tbl. 20. — Bls. 161–162. — URL: https://timarit.is/view_page_init.jsp?pageId=5968853. — (04.06.2019).

Skáldskapurinn vaknar inni í mér : sýning í Þjóðarbókhöfuð // Landsbókasafn Íslands — Háskólabókasafn [Электронный ресурс]. — 2016. —

URL: https://landsbokasafn.is/index.php?mact=News,cntnt01,detail,0&cntnt01articleid=969&cntnt01origid=59&cntnt01detailtemplate=LBS_ExhibitionDetail&cntnt01returnid=59. — (29.12.2019).

Svanfríður Larsen. Af erlendri rót : þýðingar í blöðum og tímaritum á íslensku 1874–1910 / Svanfríður Larsen. — Reykjavík : Háskólaútgáfan, 2006. — 284 bls.

Svá [Sveinn Ásgeirzon]. Púsjkin og samsærismennirnir / Svá [Sveinn Ásgeirzon] // Lesbók Morgunblaðsins. — 1981. — 7. Febrúar. — Bls. 9–11, 20. — URL: http://timarit.is/view_page_init.jsp?pageId=3301319. — (29.05.2019).

Tolstoi, L. Anna Karenina / L. Tolstoi. — Reykjavík : Menningarsjóður, 1941. — Bd. 1 / þýd. Magnús Ásgeirsson. — 255 bls.; 1942. — Bd. 2 / þýd. Magnús Ásgeirsson. — 223 bls.

Þorsteinn Gylfason. Formáli / Þorsteinn Gylfason // Leikskrá Íslensku óperunnar : Évgení Ónegín : svipmyndir til söngs. — Reykjavík : Félagsprentsmiðjan, 1993. — Bls. 46.

Þórunn Þórsdóttir. Jevgení Ónegín / Þórunn Þórsdóttir // Morgunblaðið B : menning og listir. — 1993. — 24. desember. — Bls. 1–3. — URL: https://timarit.is/view_page_init.jsp?pageId=1798336. — (29.12.2019).

Vilhjálmur Þ. Gíslason. Alexander Pushkin / Vilhjálmur Þ. Gíslason // Almanak um árið 1950 eftir Krists fæðingu. — Reykjavík : Ríkisprentsmiðjan Gutenberg, 1949. — Bls. 25–35.

Von den Fischer und seine Fru // Kinder- und Haus-Märchen / Gesammelt durch die Brüder Grimm. — Berlin : Realschulbuchhandlung, 1812. — Bd. 1. — S. 68–77. — URL: [https://de.wikisource.org/wiki/Von_den_Fischer_und_sine_Fru_\(1812\)](https://de.wikisource.org/wiki/Von_den_Fischer_und_sine_Fru_(1812)). — (02.06.2019).

НОВИКОВА Ярослава Владимировна / NOVIKOVA Iaroslava

Санкт-Петербургский государственный университет / St. Petersburg State University

Россия, Санкт-Петербург / Russia, St. Petersburg

ya.novikova@inbox.ru

ПУШКИН В ФИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

PUSHKIN IN FINNISH LITERATURE

Abstract: The paper deals with the history of translating Alexander Pushkin's literary works into Finnish. The focus is on the circumstances of the release of translations, the personality of translators, and reception of the translations by critics. The analysis of the solutions, made by the translators of *The Captain's Daughter* into Finnish, is given in the second, analytical part of the paper.

Ключевые слова / Keywords: А. С. Пушкин, финская литература, переводы, «Капитанская дочка», теория нового перевода / Alexander Pushkin, Finnish literature, translations, *The Captain's Daughter*, retranslation theory

Вехи в истории переводов

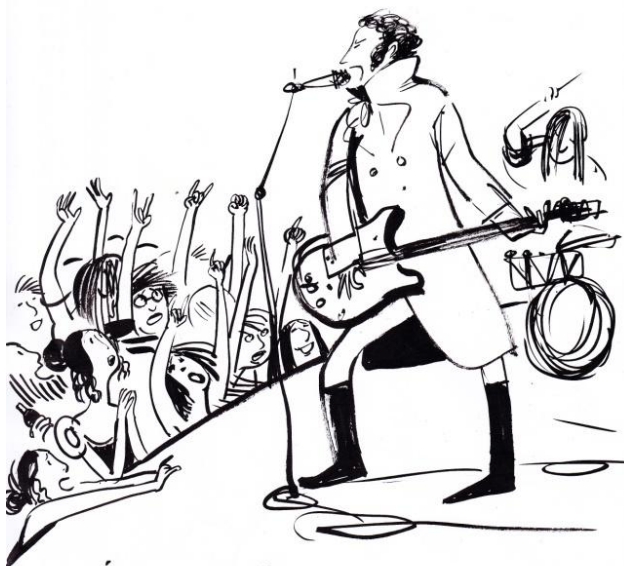
В 40-х гг. XIX в. национальный финский философ и фенноман Й. В. Снельман (*J. V. Snellman*, 1806–1881) подчёркивал, что «непременным условием создания национальной литературы является использование опыта более развитых литератур мира. <...> Финнам нужно больше переводить лучших иностранных авторов, чтобы усвоить и научиться выражать на родном языке "чувства, образы и стремления нового времени"». Снельман имел в виду переводы на финский язык¹.

Тем не менее, как отмечает специалист по литературе Финляндии Э. Г. Карху (1923–2008), в первой половине XIX в. финнам приходилось читать иностранных авторов, в том числе и русских, в шведских, а не в финских переводах. Так, в Швеции вышли переводы «Ивана Выжигина» (1830) и «Дмитрия Самозванца» (1838) Ф. Булгарина, «Ледяной дом» И. Лажечникова (1840). В начале 1840-х гг. в Стокгольме вышли переводы повестей А. Марлинского «Аммалат-бек», «Мулла-Нур», «Роман и Ольга», «Латник». Некоторые из этих произведений были

¹ Цит. по: Карху Э. Г. Финляндская литература и Россия: 1800–1850. Таллин, 1962. С. 272–273.

переведены Отто Мёрманом (*Otto Meurman*), преподавателем русского языка в Гельсингфорсе. Он также перевёл на шведский язык «Капитанскую дочку» (1841) и «Героя нашего времени» (1844), причём последний роман был издан в Гельсингфорсе. В Финляндии в переводе отдельными изданиями вышли также повести «Наденька» Н. Кукольника (Гельсингфорс, 1846), «Кокетка» А. Рахманного (Выборг, 1846), роман М. Загоскина «Рославлев» (Або, 1850)². Преподававший в 1830-х гг. в Финляндском кадетском корпусе Фредрик Сигнеус (*Fredrik Cygnaeus*) в 1833 г. опубликовал свой перевод на шведский язык стихотворения Пушкина «Галисман»³. В том же году появился перевод «Цыган». Сигнеус и будущий национальный поэт Финляндии Й. А. Рунеберг (*J. L. Runeberg*, 1804–1877), каждый в отдельности, перевели в 1841 г. стихотворение «Ворон к ворону летит»⁴. В 1825 г., спустя лишь несколько лет после выхода оригинала, был опубликован перевод на шведский язык поэмы Пушкина «Кавказский пленник», выполненный Ф. А. фон Платеном (*F. A. Von Platen*). Во время Русско-шведской войны 1808–1809

Пушкин
Песни западных славян

гг. Платен был взят в плен и впоследствии несколько лет проработал в Петербурге чиновником по делам Финляндии⁵. В 1841 г. в газете «Хельсингфорс Моргонبلاد» (*Helsingfors Morgonblad*) вышли выполненные Юлиусом Лундалем (*Julius Lundahl*) переводы песен «Видение короля», «Песнь о Георге Черном», «Сестра и братья» и «Влах в Венеции» из пушкинского цикла «Песни западных славян»⁶.

Первые переводы русской литературы на финский язык были опубликованы в газетах фольклориста и фенномана К. А. Готлунда (*K. A. Gotlund*) «Суомалайнен» (*Suomalainen* — «Финн») и «Суоми» (*Suomi* — «Финляндия»). Речь идёт о переводах очерка В. Даля «Чухонцы в Петербурге» (1846), повести В. Одоевского «Южный берег Финляндии в начале XVIII столетия» (1847), повести Н. Кукольника «Эрик Сильвановский, или завоевание Финляндии во

² Там же. С. 273–274.

³ Jänis M., Pesonen P. Venäläinen kirjallisuus // Suomennoskirjallisuuden historia / Toim. Riihonen H. K. et al. Helsinki, 2007. Vol. 2. S. 189.

⁴ Карху Э. Г. Финляндская литература и Россия. С. 275.

⁵ Jänis M., Pesonen P. Venäläinen kirjallisuus. S. 189.

⁶ Карху Э. Г. Финляндская литература и Россия. С. 275.

времена Петра Первого» (1848, 1849), отрывков из книги Я. Грота «Переезды по Финляндии от Ладожского озера до реки Торнео» (1847)⁷.

Таким образом, русская литература переводится на финский язык уже более 170 лет. Темп переводам задавали политические отношения между Финляндией и Россией/СССР. Интерес к языку, культуре и литературе восточного соседа был то слабым, то целенаправленным и оживлённым. В русской литературе финны также ищут объяснение тому, что такое русская душа и ментальность, и сквозь призму литературы интерпретируют поворотные моменты российской политической истории. Прочтение и передача русской литературы как части европейской литературной традиции — более редкое явление, хотя и небезызвестное⁸.

Владение русским языком в Финляндии находится на незначительном уровне, если учитывать соседское расположение стран. Однако переводчики с русского были всегда. Многие из них выучили русский язык и познакомились с русской культурой ещё в детстве: дома говорили на русском, семья жила в России, в том числе в Ингерманландии. Часто сведения о русской литературе достигали Финляндии через Скандинавию и другие европейские страны быстрее, чем напрямую из России⁹. Так, Э. Г. Карху отмечает, что «ещё со времён Портана (видный финский деятель эпохи Просвещения. — Я. Н.) финны нередко читали русских авторов в немецких и французских переводах, с которых позднее стали переводить и на шведский язык»¹⁰.

Русский язык начали преподавать в университете после присоединения Финляндии к Российской империи в статусе Великого княжества Финляндского. В начале 1840-х гг. профессором истории России, русского языка и литературы Императорского Александровского университета стал петербуржец Яков Грот (1812–1893). Грот представил российской читательской аудитории творчество Й. Л. Рунеберга и карело-финский эпос «Калевала»¹¹. Карху пишет: «Грот, а через него Плетнев (П. А. Плетнёв, 1792–1865, критик, поэт, профессор и ректор Императорского Санкт-Петербургского университета. — Я. Н.), много сделали для пропаганды русской литературы и прежде всего Пушкина в Финляндии. Грот читал лекции о поэте и радовался, когда студенты увлекались пушкинскими стихами». Ещё в студенческие годы, в третьем десятилетии XIX в., будущий создатель эпоса «Калевала» Элиас Лённрот (*Elias Lönnrot*, 1802–1884)¹² переписывал на языке оригинала стихи Пушкина «Черная шаль» и «Утопленник»: «В пушкинской поэзии внимание финнов долгое время приковывали те её стороны, которые прямо

⁷ Там же. С. 286, 290.

⁸ *Jänis M., Pesonen P. Venäläinen kirjallisuus*. S. 189.

⁹ *Ibid.*

¹⁰ Карху Э. Г. Финляндская литература и Россия. С. 273–274.

¹¹ *Jänis M., Pesonen P. Venäläinen kirjallisuus*. S. 189–190.

¹² См.: *Majamaa R. Lönnrot, Elias (1802–1884) // Kansallisbiografia* [Электронный ресурс]. 1997. 16. syyskuuta. URL: <https://kansallisbiografia.fi/kansallisbiografia/henkilo/2836> (30.09.2019).

или косвенно могли быть согласованы с романтическими веяниями, как они воспринимались в Финляндии»¹³.

Общество финской литературы (*Suomalaisen Kirjallisuuden Seura*) опубликовало в 1876 г. перевод на русский язык романа А. С. Пушкина «Капитанская дочка». Переводчиком выступил Самули С. (*Samuli S.*). За псевдонимом скрывался сын переехавшего в Петербург финского ювелира Карл Густав Самули Суомалайнен (*Karl Gustaf Samuli Suomalainen*, 1850–1907). Значение Самули С. для истории переводов русской литературы на финский язык очень велико¹⁴. В конце XIX — начале XX вв. Суомалайнен, благодаря своему языковому чутью и всесторонней одарённости, задавал направление для всей переводческой работы того времени. Он один из тех немногих начавших свою деятельность в XIX в. переводчиков, чьё творчество по-прежнему читают и ценят. Одарённость ребёнка заметили в единственной финской школе Петербурга — приходской, — откуда его отправили учиться дальше в единственную на тот момент в Финляндии финноязычную общеобразовательную школу в г. Ювяскюля. В Гельсингфорсском университете он изучал впоследствии как гуманитарные, так и математические науки. В 1880–1906 гг. Суомалайнен преподавал математику и природоведение в педагогическом училище г. Сортавала. В том же городе он учредил и возглавил газету «Лаатокка» (*Laatokka* — «Ладога»), а также принимал участие в формировании фондов городской библиотеки. Помимо переводческой деятельности Суомалайнен писал также сам: он является автором как небольших рассказов и пьес, так и школьных тетрадей с упражнениями по математике¹⁵.

Будучи уроженцем Петербурга, Суомалайнен имел естественные связи с Россией. Он известен прежде всего как первый проводник в «странный мир» русской литературы. Его перевод романа «Капитанская дочка» был принят критиками с большой похвалой. В 1877 г. критик литературного альманаха «Кирьяллинен Куукауслеhti» (*Kirjallinen Kuukauslehti*) восхищался живым языком перевода и отмечал выбор в качестве переводчика Самули С. Как большую

¹³ Карху Э. Г. Финляндская литература и Россия. С. 275–276.

¹⁴ Jänis M., Pesonen P. Venäläinen kirjallisuus. S. 190.

¹⁵ Ibid.; Kivistö S., Paloposki O. Samuli Suomalainen (1850–1907) // Suomennoskirjallisuuden historia. Helsinki, 2007. Vol. 1. S. 207–211.

удачу¹⁶. Впоследствии перевод публиковался ещё четыре раза в виде отдельных изданий в 1910, 1922, 1949 и 1990 гг., а также был включён в антологию русской прозы, изданную в 1971 г. и переизданную в 1973 г.¹⁷

Особой благодарности удостоился выполненный Суомалайненем перевод романа Н. Гоголя «Мёртвые души» (1882), ставший классиком переводной финноязычной литературы. Литературовед-русист Пекка Песонен (*Pekka Pesonen*) называет этот перевод по-прежнему живым, богатым и едва ли не равным в языковом отношении оригиналу. Его новое издание вышло в 1977 г.¹⁸ Славу хорошего переводчика Суомалайнену удалось снискать довольно рано. Издательство «Отава» (*Otava*) использовало его имя как гарантию качества в своей рекламе, а критики постоянно упоминали в рецензиях «известное мастерство» Суомалайнена и «слаженность» его переводов¹⁹. Суомалайнену доверяли как читатели и издатели, так и писатели, которых он переводил. Он находился в личной переписке со многими авторами. Суомалайнен переводил быстро, однако это не сказывалось на качестве работы. Его можно охарактеризовать как творческого и органичного писателя, который использовал свободный, живой язык. В переписке он совсем не рассуждал о своих переводческих решениях. Возможно, он был из тех, у кого текст рождается естественно и без особой доработки. Его письма свидетельствуют о том, что он не всегда даже прочитывал оригинальный текст до конца, а сразу приступал к переводу²⁰.

Суомалайнен перевёл свыше 60 томов художественной и научно-популярной литературы, в том числе произведения Н. Гоголя, М. Горького, Дж. Свифта, И. Тургенева, Ж. Верна, А. Франса, Л. Толстого и Г. Уэллса. В период с 1872 по 1882 г. Суомалайнен выпускал одно–два художественных произведения каждый год. Помимо русских писателей в эти годы он переводил также Мольера, Б. Ауэрбаха и З. Топелиуса. Затем настал длительный период переводческого затишья, длившийся до 1898 г. Период характеризуется переездом в Сортавалу и получением там ответственных должностей, появлением семьи и накоплением долгов. Долги сопровождали Суомалайнена до конца жизни, как и болезни, что вынудило его впоследствии активно заниматься переводами и постоянно просить у издательств новую работу, которая прославила автора, хотя и не принесла богатства²¹.

¹⁶ Kivistö S., Paloposki O. Samuli Suomalainen (1850–1907). S. 208.

¹⁷ Puškinista Peleveniin: Venäläisen kaunokirjallisuuden suomennosten bibliografia 1876–2007 / Toim. B. Hellmann. Helsinki, 2008. S. 256–257.

¹⁸ Kivistö S., Paloposki O. Samuli Suomalainen (1850–1907). S. 208–209.

¹⁹ Ibid. S. 209.

²⁰ Ibid. S. 210.

²¹ Ibid. S. 208, 211.

1880-е гг. были временем очень активной переводческой деятельности, и произведения русской литературы начали рассматриваться как часть мировой литературы, которую в Финляндии необходимо было читать для развития своей национальной литературы. О расцвете русской литературы узнавали от финнов, учившихся в России, а также из Скандинавии, за литературой и критикой которой в Финляндии пристально следили. Так, датский литературовед Георг Брандес (*Georg Brandes*, 1842–1927) опубликовал в 1888 г. произведение «Русские впечатления», а годом ранее читал в Гельсингфорсе лекции по русской литературе, особенно отмечая значение Л. Толстого и Ф. Достоевского²². В это время были переведены произведения Гоголя «Тарас Бульба» (1878) и «Мертвые души» (1882) (переводчик Самули С.). С 1879 г., вследствие популярности в западноевропейских странах, активно переводился Тургенев. Однако в отношении творчества Пушкина переводческая деятельность после выхода в 1876 г. перевода «Капитанской дочки» практически прекратилась. В 1880-х гг. вышел только один перевод — «Пиковая дама» («*Patarowwa*», 1883), выполненный Мартти Вуори²³. Мартин (Мартти) Алексиус Берг-Вуори [*Martin (Martti) Alexius Bergh-Wuori*, 1858–1934], использовавший в своей литературной деятельности псевдоним Мартти Вуори (*Martti Wuori*), был финским чиновником, губернатором, писателем и переводчиком. Он окончил лицей в г. Ювяскюля. С 1880 по 1884 г. изучал русский язык в Московском университете. Степень магистра философии получил в Гельсингфорсском университете в 1890 г. С 1885 по 1903 г. работал чиновником в императорской канцелярии по делам Финляндии. С 1903 по 1905 г. занимал должность губернатора Куопиоской губернии. В 1905 г. был возведен в чин действительного статского советника²⁴. Мартти Вуори переводил русскую и французскую литературу, в том числе произведения М. Лермонтова, Л. Толстого, Г. де Мопассана, А. де Мюссе. Собственное литературное творчество Вуори представлено в основном пьесами.

В 1895 г. вышло сразу два перевода романа «Дубровский» — «*Aatelisrosvo Dubrowskij*» («Разбойник-дворянин Дубровский»), перевод Сасси (*Sassi*), и «*Dubrowski*», перевод Арвида Ярнефельта. Перевод Сасси был издан книжным магазином области Сатакунта (*Satakunnan kirjakauppa*) в г. Пори (Западная Финляндия) и включал 94 страницы²⁵. Перевод доступен в интернете, однако о самом переводчике информации нет. Он не упоминается также и в антологии «История переведённой

²² Jänis M., Pesonen P. Venäläinen kirjallisuus. S. 190.

²³ Ibid. S. 190–191.

²⁴ Ylioppilasmatrikkeli 1853–1899 // Helsingin yliopisto [Электронный ресурс]. URL: <https://ylioppilasmatrikkeli.helsinki.fi/1853-1899/henkilo.php?id=20380> (29.12.2019); Соини Е. Г. Взаимопроникновение русской и финской литературы в первой половине XX века. М., 2017. С. 80.

²⁵ Puškinista Peleveniin. S. 255–256.

на финский язык литературы»²⁶. Различия между переводами можно наблюдать уже в заголовках произведений. Сасси поясняет финскому читателю незнакомую реалию — иностранную фамилию, добавляя к ней сложное определение, указывающее одновременно на социальное происхождение и род занятий героя. Определение придумано переводчиком и свидетельствует о коммуникативной направленности перевода. Перевод Арвида Ярнефельта был опубликован издателями К. Ф. Виртамо и Й. Марккула (*K. F. Wirtamo* и *J. Markkula*) в г. Лаппеенранта (Восточная Финляндия) и включал 99 страниц²⁷. Ярнефельт отказался от стратегии экспликации. Что касается транслитерации имён, фамилий и названий, то во всех ранних переводах русской литературы на финский язык наблюдается значительная нерегулярность, что было обусловлено ориентацией переводчиков на разные способы передачи русских имён собственных в немецком, французском и шведском языках²⁸. В XIX в. написание *Dubrowskij* представляло шведскую и немецкую практическую традицию, *Dubrowski* — французскую (ср., например, передачу фамилии Чайковский на этих языках или перевод на них названия романа «Дубровский»). Выбор Сасси первого варианта был обусловлен, вероятно, географическим расположением региона, в котором вышел перевод. Западная Финляндия и физически, и культурно ближе к Швеции и Германии, чем к Санкт-Петербургу, поэтому её жители в XIX в., судя по принятому переводчиком решению, нуждались в подсказке относительно значения имени собственного, вынесенного в название произведения. Отказ от экспликации иностранной реалии и французское написание русской фамилии — стратегии, выбранные Арвидом Ярнефельтом, — объясняются биографией переводчика.

Родившийся в Пулково Арвид Ярнефельт (*Arvid Järnefelt*, 1861–1932), финский писатель, переводчик, юрист, мыслитель и самый известный «толстовец» в Финляндии, познакомился с русской литературой через свою мать Елизавету Константиновну Ярнефельт (*Elisabeth Järnefelt*, 1839–1929), принадлежавшую к дворянскому роду обосновавшихся в Петербурге балтийских немцев Клодтов фон Юргенсбургов. Елизавета Константиновна вышла замуж за обучавшегося в Петербурге финна Александра Ярнефельта, истого фенномана, и переехала с ним в Финляндию, где выучила финский — родной язык своих талантливых детей, среди которых критик, переводчик и преподаватель русского языка Каспер Ярнефельт, писатель и переводчик Арвид Ярнефельт, художник Ээро Ярнефельт, композитор и дирижер Армас Ярнефельт, а также ставшая впоследствии супругой Сибелиуса Айно Ярнефельт.

²⁶ Suomennoskirjallisuuden historia. Vol. 1–2.

²⁷ Puškinista Peleveniin. S. 256.

²⁸ Jänis M., Pesonen P. Venäläinen kirjallisuus. S. 195.

Во второй половине 1880-х гг. Александр Ярнефельт занимал пост губернатора г. Куопио. Елизавета Константиновна оказала значительное влияние на литературную жизнь города, бурно развивавшуюся в тот период, в частности выступая проводником русского реализма в Финляндию. Подружившись с финским писателем Юхани Ахо (*Juhani Aho*, 1861–1921), она пересказывала ему шедевры Гоголя, Достоевского, Пушкина и Толстого. Принимая участие в проводившихся в доме Ярнефельтов литературных беседах, известных в истории культуры Финляндии как «школа Ярнефельтов» и «салон Элизабет», Ахо познакомился с теорией реализма и понятиями «типов» и «типического», разработанными критиком В. Белинским. Очевидно, что русские типы стали прообразами народных персонажей произведений классиков финской литературы Ахо, Минны Кант (*Minna Canth*, 1844–1897) и Теуво Паккалы (*Teuvo Pakkala*, 1862–1925)²⁹. Географическое расположение издательства в Лаппеенранте, а именно близость многонационального столичного Петербурга и аристократической дачной культуры Карельского перешейка, вероятно, способствовало единодушию издателей и переводчика в вопросе выбора стратегии при переводе названия произведения.

Роман «Дубровский» был переведён ещё три раза: в 1911 г. — «*Dubrovskij*», пер. Тойво Т. Кайлы (*Toivo T. Kaila*); в 1962 г. — «*Dubrovskij*», пер. Юхо Холло (*Juhon Hollo*) (в составе антологии) и в 1971 г. — «*Dubrovskij*», пер. Тертту Эло (*Terttu Elo*) (также в составе антологии)³⁰. Во всех переводах романа, выполненных в XX в., наблюдается единообразие способа транслитерации, соответствующего современному международному научному стандарту³¹, и реалия в названии произведения не поясняется, что можно объяснить в том числе повысившейся со временем степенью освоенности в Финляндии реалий русской культуры.

Неприятие русской культуры и литературы, связанное с политическими событиями конца XIX — начала XX вв., а именно с политикой русификации Финляндии и постепенного лишения её привилегий автономии в составе Российской империи, очень скоро оборвало культурные связи и интерес к соседней стране после обретения Финляндией независимости³². Однако в 1920-х гг. переводы на финский язык русской литературы XIX в. ещё довольно активно издавались. Некоторые произведения переводились заново, некоторые прежние переводы выдерживали новые издания, например переведённый Самули Суомалайненом роман Пушкина «Капитанская дочка» издали в третий раз в 1922 г. После Суомалайнена также и другие дети работавших в Петербурге финнов-ремесленников

²⁹ Ibid. S. 191–192.

³⁰ Puškinista Peleveniin. S. 256–257, 260.

³¹ Jänis M. Venäjistä suomeksi ja suomesta venäjäksi. Helsinki, 2006. S. 79.

³² Jänis M., Pesonen P. Venäläinen kirjallisuus. S. 196.

заялись активной переводческой деятельностью. Так, в 1920-х гг. выходят переводы романов Достоевского «Братья Карамазовы» и «Идиот», выполненные В. К. Трастом (*V. K. Trast*)³³. Для антологии «Золотая книга славянских литератур» (*Slaavilaisten kirjallisuksien kultainen kirja*), вышедшей в 1936 г., он переведёт стихотворения Пушкина «Телега жизни» (*«Elämän rattaat»*), «Я памятник себе воздвиг нерукотворный» (*«Ehegi monumentun»*), «Элегия» («Безумных лет угасшее веселье») (*«On mennyt nuoruusvuotten»*), «Поэту» (*«Runoilijalle»*), «Стансы» (*«Stansseja»*), «Зимний

вечер» (*«Talvi-ilta»*), «26 мая 1828» (*«Toukokuun 26 päivänä 1828»*), отрывок из романа в стихах «Евгений Онегин» (*«Jevgenij Onjegin»*) и трагедию «Моцарт и Сальери» (*«Mozart ja Salieri»*)³⁴. Русской литературе посвящена треть антологии, а тридцатистраничная вступительная статья Траста, освещающая развитие литературы в России и содержащая биографии писателей и перечни их наиболее важных произведений, оканчивается распространённой среди финских специалистов-русистов мыслью о том, что русская литература — ключ к пониманию русских³⁵. Окончив школу в Финляндии, Траст учился в Москве в

1902–1904 гг. Наряду с работой переводчиком он впоследствии преподавал русский, немецкий и финский языки в финских школах³⁶.

В закупках книг для библиотек также видна непопулярность переведённой с русского языка литературы. Если вплоть до 1910-х гг. доля такой литературы составляла 11% от всех закупок, то в 1920-х гг. показатель был уже 2%. В 1930-х гг. процент был ещё ниже. И если в 1920-х гг. русская классическая литература ещё продавалась, то в 1930-х гг. спрос на неё был очень низким³⁷.

Тем не менее в 1936 г. в издательстве «Отава» вышел перевод романа «Евгений Онегин» (*Jevgeni Onegin*), выполненный Лаури Кемиляйненем (*Lauri Kemiläinen*). На сегодняшний момент это единственный полный перевод произведения

³³ Ibid.

³⁴ Puškinista Peleveniin. S. 261–262.

³⁵ Jänis M., Pesonen P. Venäläinen kirjallisuus. S. 198–199.

³⁶ Ibid. S. 196.

³⁷ Ibid.

на финский язык, выпущенный в свет издательством³⁸. Он переиздавался в 1970 и 1999 гг.³⁹ Как пишет в своём блоге финский историк, доктор философии, директор Института Финляндии в Санкт-Петербурге в 1998–2000 гг. Тимо Вихавайнен (*Timo Vihavainen*), «перевод Лаури Кемияйнена отличный, хотя в сравнении с оригинальным произведением — лишь его бледная тень»⁴⁰. В своей книге исторических эссе «Столетия соседства. Размышления о финско-русской границе» (2012) Вихавайнен так говорит о Пушкине: «Образ Пушкина в истории России может послужить хорошим исходным пунктом для рассмотрения характерных именно для российской культуры черт. <...> Для русского человека Пушкин отнюдь не был личностью, для которого писательский труд являлся средством к существованию, но некой творческой стихией, значение которой неизмеримо. Гениальность Пушкина, с точки зрения русского, не только человеческая, она божественная. Он — посредник, который пребывает в суровых местах обитания высочайшего мира, но при этом остаётся среди обычных людей — русских. Дар, талант неизменно вызывает в России интерес, но пусть остережётся кто-нибудь сказать русскому, что Пушкин был (только) талантом»⁴¹. В 2009 г. в формате самиздата вышел перевод «Евгения Онегина», выполненный Пирккой Пелтола (*Pirkka Peltola*).

В политизированной обстановке 1930-х гг. призыв лингвиста и переводчика Яло Калимы (*Jalo Kalima*, 1884–1952) не путать культуру и политику не нашёл отклика в среде специалистов. В 1935 г. в журнале «Кирьяллисууслеhti» (*Kirjallisuussehti* — «Литературный журнал») была опубликована разгромная критическая статья левого журналиста и литературоведа Рауля Пальмгрена (*Raoul Palmgren*, 1912–1995), посвящённая учебнику по истории литературы за авторством Эйно Райло (*Eino Railo*, 1884–1948), доцента Университета Хельсинки. В сочинении Райло политические

³⁸ Ibid. S. 198.

³⁹ Puškinista Peleveniin. S. 256.

⁴⁰ *Vihavainen T. Tatjana // Vihavainen [Электронный ресурс]. 2015. 4. maaliskuuta. URL: <http://timo-vihavainen.blogspot.com/2015/03/tatjana.html> (29.12.2019).*

⁴¹ *Вихавайнен Т. Столетия соседства: Размышления о финско-русской границе / [Пер. А. И. Рупасова]. СПб., 2012. С. 32. URL: <http://elibrary.karelia.ru/book.shtml?pid=16121#t20c> (29.12.2019).*

тенденции десятилетия были доведены до крайности. Русской литературе в шестой части учебника, вышедшей в 1937 г., была отведена очень маленькая второстепенная роль, а, например, многословность персонажей романов Толстого и Достоевского характеризовалась Райло как русская, отрицательная черта⁴².

В 1943 г. была опубликована статья выдающегося библиотековеда Финляндии Хелле Каннила (*Helle Kannila*) «О переводах на финский язык художественной литературы, вышедшей в этом столетии» («*Tällä vuosisadalla ilmestyneen kaunokirjallisuuden suomennokeksista*). Русская литература упоминается в самом конце статьи. Из классиков автор называет только Д. Мережковского и Л. Толстого⁴³.

После окончания войны между Финляндией и СССР в 1944 г. страны начали налаживать сотрудничество в сфере культуры. В феврале 1945 г. Финляндию посетила делегация деятелей культуры из СССР, а осенью финны нанесли ответный визит. Сразу после войны вышло невиданное ранее количество переводов русской литературы на финский язык. Непродолжительный период расцвета пришёлся на 1945–1946 гг., когда доля переведённых с русского языка произведений приближалась к 20% от общего объёма переведённой на финский язык литературы⁴⁴.

В 1946 г. под редакцией поэта и литературоведа Лаури Вильянена (*Lauri Viljanen*, 1900–1984) и финляндского лингвиста русского происхождения Валентина Кипарского (*Valentin Kiparsky*, 1904–1983) вышла антология русской поэзии «Русская муза» («*Venäjän runotar*»), включавшая такие стихотворения Пушкина в переводе Лаури Кемиляйнен, как «Элегия», «Для берегов отчизны дальней», «Брожу ли я вдоль улиц шумных», «Я памятник себе воздвиг нерукотворный» и др. Во вступительном слове редакторов представлен обзор русской поэзии от Пушкина до советских поэтов, а также анализ развития форм русского поэтического языка. Авторы отмечают, что русская поэзия вернулась к традиционному стихотворному размеру, а модернистские опыты начала столетия остались в прошлом⁴⁵.

В 1950-х гг. русская литература была представлена в основном переводами громко прозвучавших произведений: «Не хлебом единым» В. Дудинцева (1957), «Доктор Живаго» Б. Пастернака (1958) и романами М. Шолохова «Тихий Дон» (1956) и «Поднятая целина» (1959)⁴⁶.

В 1960-х гг. начали свою работу два самых плодотворных переводчика следующих десятилетий — Эса Адриан (*Esa Adrian*, 1939–2007) и Улла-Лииса Хейно (*Ulla-Liisa Heino*, род. 1934). Впереди были самые интенсивные в отношении

⁴² Jänis M., Pesonen P. Venäläinen kirjallisuus. S. 198–199.

⁴³ Ibid. S. 199.

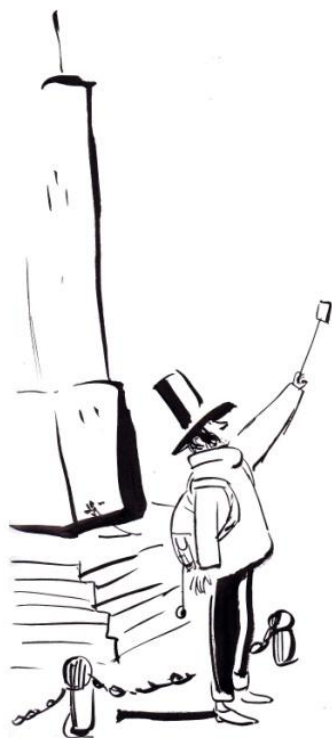
⁴⁴ Ibid.

⁴⁵ Ibid. S. 200; Puškinista Peleveniin. S. 262.

⁴⁶ Jänis M., Pesonen P. Venäläinen kirjallisuus. S. 201.

переводов русской литературы на финский язык годы⁴⁷. Адриан и Хейно пришли на смену практически монополизировавшему русскую литературу переводчику ингерманландского происхождения Конкке (*Juhani Konkka*, 1904–1970), чьи переводы и доминирование в этом сегменте переводной литературы начали в 1970-х подвергаться критике. Так, классик финской литературы Мика Валтари (*Mika Waltari*, 1908–1979) в 1970 г. писал в своём дневнике о слабом уровне переводов русской литературы на финский язык, ссылаясь на переводы произведений А. Чехова, косвенно подразумевая таким образом переводы Конкки⁴⁸. Адриан, Хейно и Конкка — большие имена в истории переводной литературы Финляндии, однако сочинения Пушкина эти выдающиеся переводчики не переводили.

Классики русской литературы XIX в. активно переводились и переиздавались в течение 1970–1980-х гг. В 1990–2000-х гг. объёмы переводов русской литературы снизились до нескольких произведений в год, а перевод классиков практически прекратился⁴⁹. В период с 1992 по 2005 г. в Финляндии было опубликовано 179 наименований произведений, переведённых с русского языка, — либо переизданий, либо незначительных переработок старых переводов. Самыми

популярными авторами в это время были Ф. Достоевский, Л. Толстой, А. Чехов, Б. Акунин, Э. Успенский, Н. Гоголь и А. Маринина⁵⁰. Среди немногочисленных исключений — две долгожданные антологии поэзии Пушкина, выпущенные в год двухсотлетия поэта и представляющие собой новые переводы: «*Kertovia runoelmia*» («Поэмы», в том числе «Бахчисарайский фонтан», «Сказка о рыбаке и рыбке», «Кавказский пленник», «Руслан и Людмила», «Медный всадник» и др.), переводчик Аарно Салева (*Aarno Saleva*), и «*Muistomerkki: runoja*» («"Памятник": стихи», в том числе «27 мая 1819», «Предчувствие», «Арион» и др.),

⁴⁷ Ibid. S. 202.

⁴⁸ Jänis M. Juhani Konkka (1904–1970) // Suomenoskirjallisuuden historia. Vol. 2. S. 475.

⁴⁹ Jänis M., Pesonen P. Venäläinen kirjallisuus. S. 203.

⁵⁰ Ibid. S. 204; Virtanen T. Venäläisen kaunokirjallisuuden kääntäminen ja julkaiseminen Suomessa Neuvostoliiton romahduksen jälkeen vuosina 1992–2005: Pro gradu -tutkielma. Tampere, 2006. S. 2. URL: <https://trepo.tuni.fi/bitstream/handle/10024/94012/gradu01432.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (29.12.2019).

переводчики Илпо Тиихонен (*Ilpo Tiibonen*, род. 1950) и Юкка Маллинен (*Jukka Mallinen*, род. 1950)⁵¹.

В посвящённой Пушкину статье, опубликованной 29 декабря 1999 г. в главной газете Финляндии «Хельсингин Саномат» (*Helsingin Sanomat*), П. Песонен отмечает, что Пушкина на финском языке мало, а его поэзии до настоящего времени — не было вообще⁵². О том же пишет и доктор филологических наук, специалист по литературе Финляндии Е. Г. Соини в своей монографии «Взаимопроникновение русской и финской литературы в первой половине XX века» (2017): «К поэзии Пушкина финны обращались разве что с желанием узнать, что он писал о финнах, живших раньше на берегах Невы. Суло Халтсонен, опубликовавший в 1937 году, в столетнюю годовщину со дня гибели поэта, исследование о Пушкине, повторяет многих финских критиков XIX века, искавших в стихах Пушкина финские черты»⁵³.

Песонен так описывает празднование юбилейного года в Финляндии: «Юбилей Пушкина праздновали в Финляндии широко: специально учреждённая комиссия организовала торжества, министры произнесли речи, хоры и танцевальные коллективы выступили со своей программой, образовательные учреждения получили необходимые обучающие материалы». Комиссия также предложила Министерству образования Финляндии создать рабочую группу, которая бы контролировала процесс срочного перевода творчества Пушкина на финский язык. Песонен уверен, что, несмотря на факт существования этой гражданской инициативы, первые в истории финской литературы антологии поэзии Пушкина появились благодаря личной увлечённости переводчиков творчеством поэта. Илпо Тиихонен, выполнивший переводы на основе подготовленных Юккой Маллиненем подстрочников, составил своё представление о поэте: «Пушкин, по-видимому, был профессионалом, однако всё-таки не пророком. Он вечный, конечно, вследствие своих противоречий. В погоне за красотой ироничный, добрый, очарованный самим собой, серьёзный, любимый, негодяй, дамский угодник, наркоман, расчётливый, невыносимый, одним

⁵¹ Jänis M., Pesonen P. Venäläinen kirjallisuus. S. 203; Puškinista Peleveniin. S. 257–258.

⁵² Pesonen P. ”He sankaria seuraten löi, hakkas — kuole, mahometti!” // Helsingin Sanomat. 1999. 29. joulukuuta. URL: <https://www.hs.fi/kulttuuri/art-2000003852087.html> (27.09.2019).

⁵³ Соини Е. Г. Взаимопроникновение русской и финской литературы в первой половине XX века. С. 81.

словом — интересный». Переводы Тиixonена выполнены в духе этой характеристики, а потому, по мнению Песонена, являются живыми и читать их необходимо такими, какие они есть, пусть даже они не всегда совпадают с оригиналом — зато звучат своим голосом и как целое представляют собой ни на что не похожую классику. «*Muistomerkki: runoja*» — тоненькая книга из 93 страниц, стихотворения не датированы и отбирались по вкусу составителей-переводчиков⁵⁴.

По мнению Песонена, Тиixonену наиболее удалось короткие, интимные стихи. Критик отмечает также способность переводчика соединять классический размер и современную речь. Ритм и слово находятся в особенной гармонии в стихотворении «Осень» и маленьких любовных стихах, начисто лишённых архаичности⁵⁵.

В переведённом Аарно Салевой сборнике «*Kertovia runoelmia*» собраны все великие поэмы Пушкина, за исключение романа в стихах «Евгений Онегин». Эту работу Песонен называет «настоящим культурным свершением», а переводчика — «умелым и внимательным». Для Салевы главным было сохранить ритм и размер оригинальных произведений. Различия между языками составили основную проблему при решении задачи эквиритмичности, о чём переводчик сообщает во введении. Салева решает проблему, прибегая к архаичной лексике и грамматическим формам, что, как считает Песонен, невольно создаёт комический эффект. Салева по образованию филолог-классик, и его переводы, по мнению Песонена, вызывают те же вопросы, что и переводы, выполненные другими специалистами по античности: филологическая точность или живость? филолог или поэт? В конце статьи Песонен не оставляет надежды на то, что «живые» переводы Пушкина на финский язык ещё появятся, и цитирует Пушкина в переводе Тиixonена:

Ja liehuvat ajatukset päässä urhein elkein, И мысли в голове волнуются в отваге,
 ja riimit säntää niitä vastaanottamaan, И рифмы лёгкие навстречу им бегут,
 ja sormet pyytää kynän, itseksensä melkein И пальцы просятся к перу, перо к бумаге,
 kirjoittaa — ja säkeet juoksee luonnostaan. Минута — и стихи свободно потекут.

⁵⁴ Pesonen P. ”He sankaria seuraten löi, hakkas — kuole, mahometti!”.

⁵⁵ Ibid.

Наряду с двумя антологиями поэзии Пушкина в период с 1992 по 2005 г. вышли переводы следующих произведений поэта: «Борис Годунов» (пер. Мартти Хянникяйнена, 2003), «Евгений Онегин» (пер. Лаури Кемиляйнена, 3-е изд., 1999) и сборник «*Romaanit ja kertomukset*» («Романы и повести», пер. Юхо Холло, пер. стихов Микко Килпи, 2-е изд., 2000)⁵⁶. В 2006 г. вышел перевод произведения «Путешествие

в Арзрум во время похода 1829 года», выполненный профессором русского языка и литературы, пушкиноведом Эрkki Пеураненом (*Erkki Peuranen*, 1939–2006).

В 2013 г. в издательстве «Тамми» (*Tammi*) вышел роман писателя, поэта и большого знатока России Ханну Мякеля (*Hannu Mäkelä*, род. 1943) «*Puškkinin enkeli*» («Ангел Пушкина»). В предисловии автор сообщает, что все переводы на финский язык в романе, включая поэзию Пушкина, выполнены им самим, и заявляет: Пушкина, как и великого финского классика Алексиса Киви (*Aleksis Kivi*, 1834–1872), надо читать в оригинале.

миги работает!

Разбор одного случая: переводы романа «Капитанская дочка» на финский язык

Как, цитируя Ю. Лотмана, указывает в своём исследовании Анна Левенберг, «Капитанская дочка» — самое глубокое и самое совершенное в художественном плане произведение Пушкина. На данный момент существует четыре перевода романа на финский язык. В переводах не наблюдается таких элементов, которые бы указывали на то, что они выполнены для обслуживания какого-либо политического или общественного заказа. Новые переводы не появлялись как ответ на требования политической ситуации и не использовались в идеологических целях. Они отличаются друг от друга в основном по стилю и переводческим стратегиям⁵⁷.

⁵⁶ Virtanen T. Venäläisen kaunokirjallisuuden kääntäminen ja julkaiseminen Suomessa... S. 97.

⁵⁷ Levenberg A. Uusi käännös, miksi sitä tarvitaan? Puškinin Kapteenin tytär ja sen neljä suomennosta: Pro gradu -tutkielma. Tampere, 2016. S. 7. URL: <https://trepo.tuni.fi/bitstream/handle/10024/98601/GRADU-1456126063.pdf?sequence=1> (29.12.2019).

Три из четырёх переводов выдержали несколько публикаций. Первый востребован до сих пор. Все четыре перевода независимы, они не являются отредактированными версиями или обновлениями предыдущих переводов. Они верны оригиналу и не отражают личностные особенности переводчика⁵⁸.

Согласно теории нового перевода (ретрансляции) (*retranslation*), автор первого перевода, борясь за читательскую аудиторию, максимально доместицирует (одомашнивает) перевод, ориентируясь, таким образом, на читателя, в то время как авторы последующих переводов стремятся ко все большей форенизации, поскольку произведение уже знакомо принимающей культуре и в него можно включить чужеродные элементы, и ориентируются, таким образом, на исходный текст. В переводах «Капитанской дочки» наблюдаются следующие стратегии: доместикация, форенизация, опущение, замена и экспликация. Опущение использовалось всеми четырьмя переводчиками: Самули Суомалайненом (1876), Сири Ханникайнен (1935), Юусо Мустоненем (1946) и Юхо Холло (1962) (как мы видим, последние три перевода были сделаны внутри временного промежутка в 27 лет)⁵⁹.

Немецкие романтики, в особенности И. В. Гёте, в свою очередь, считали, что первый перевод — часто буквальный; затем следуют переводы, которые борются за читательскую аудиторию и меньше всего верны оригиналу; и только после них появляется идеальная версия, которая на долгое время останавливает поток новых переводов⁶⁰.

В постструктуралистской теории нарратива центральным является рассказывание заново в новом контексте, который включает нового толкователя, другой временной период, другой концептуальный подход, другой общественный заказ, новую целевую аудиторию и др.⁶¹

Рассматриваемые переводы «Капитанской дочки» появились в разных обстоятельствах. Общественно-политические условия в 1876 г. были иными, нежели в XX в., когда вышли остальные три перевода, которые можно объединить в одну группу переводов, выполненных после обретения Финляндией независимости.

⁵⁸ Ibid. S. 9, 37.

⁵⁹ Ibid. S. 9, 12, 26.

⁶⁰ Ibid. S. 12.

⁶¹ Ibid. S. 13.

С другой стороны, между 1935 и 1962 г. ситуация также поменялась кардинальным образом: в 1939–1940 и в 1941–1944 гг. СССР и Финляндия находились в состоянии войны. Сближение отношений началось в 1960-х гг.⁶²

В XIX в. происходило становление финского литературного языка как официального языка национального большинства в Финляндии. Язык переживал период стандартизации, и многие нормы того времени сегодня кажутся устаревшими. Перевод Суомалайнена является качественным и выполнен напрямую с языка оригинала, а не через язык-посредник, как многие переводы в то время. В XX в. финский язык развивался стремительно, чем можно объяснить необходимость в новом, втором, переводе, появившемся спустя 70 лет после первого⁶³. Однако поиск более удачной языковой эквивалентности больше не может быть объяснением для возникновения последующих переводов, вышедших вскорости после третьего — в 1946 и 1962 гг.⁶⁴

В романе Пушкин часто использует пословицы, поговорки, сказки, былины и песни с целью изобразить простой народ, крестьянский мир. В начале каждой главы даётся эпитафия, представляющий собой строки из сочинений поэтов-аристократов XVIII в. или из произведений народного творчества. Писатель показывает читателю два не пересекающихся друг с другом мира — мир аристократов и мир простого народа — и социальное противоречие между ними.

Ключом к решению этого противоречия Пушкин видит гуманность, человечность, потенциально свойственную, как показано в романе, представителям обоих классов. Романтическая идея милости, помилования, духовности — а не справедливости, как в традиции Просвещения — проходит через весь роман и подчёркивается эпитафиями из фольклора — творчества чистого душой народа. И если представители каждого из двух классов проявят человечность, как это сделали Гринёв и Пугачёв, взаимопонимание между классами будет достигнуто⁶⁵.

⁶² Ibid. S. 10.

⁶³ Ibid. S. 10, 26.

⁶⁴ Ibid. S. 27.

⁶⁵ Ibid. S. 36.

В романе «Капитанская дочка» больше пословиц и поговорок, чем в любом другом произведении Пушкина⁶⁶. По мнению Лотмана, пословицы и поговорки демонстрируют глубокую сущность народа. С их помощью Пушкин высказывает свои представления о причинах восстания Пугачёва. Фольклорные элементы в романе образуют единый исследовательский материал и основу размышлений Пушкина о характере русского народа, и на их основе можно построить выводы о том, что писатель на самом деле хотел сказать о ситуации в обществе. Итак, есть ли разница в том, как переводчики перевели фольклорные элементы в эпиграфах к главам романа? Действительно ли всегда необходимо переносить народный характер эпиграфа и в переводной текст и адекватно ли он переносится? Важно отметить, что народная речь в системе финского языка не значит то же самое, что в системе русского языка, в особенности в условиях реалий XVIII и XIX вв. В финском языке существуют различные диалекты, в то время как русский язык (литературный язык, общелитературный язык) просто очень вариативен, а диалектные различия незначительны⁶⁷.

Первая пословица предваряет все произведение и является эпиграфом ко всему роману. Задача данного эпиграфа заключается в направлении читателя в чтении и толковании романа. Пушкин эффектно использует такое вступление, чтобы подчеркнуть важность сохранения чести представителями аристократии⁶⁸.

Поняли ли переводчики роль и смысл этого фольклорного элемента, и какие стратегии применили? Проанализируем переводы пословицы с точки зрения восприятия их носителем русского языка.

Оригинал:

«Береги честь смолоду».

Переводы:

1. Самули Суомалайнен: эпиграф к роману отсутствует.
2. Сири Ханникайнен: «Säilytä maineesi pienestä pitäen» (букв. «Сохрани репутацию с малолетства»).
3. Юусо Мустонен: «Vaali mainettasi nuoruudesta lähtien. Sananlasku» (букв. «Береги репутацию начиная с молодости. Пословица».)
4. Юхо Холло: «Varjele kunniasi nuoruudesta alkaen. SANANPARSI» (букв. «Береги честь начиная с молодости. ПОГОВОРКА»)⁶⁹

⁶⁶ Ibid. S. 66.

⁶⁷ Ibid.

⁶⁸ Ibid. S. 67.

⁶⁹ Переводы цит. по: Ibid.

Самули Суомалайнен опустил первый эпитаф. У остальных трёх переводчиков концепт чести переведён на финский язык двумя словами: *maine* и *kunnia*. *Maine* в финском языке означает прежде всего репутацию и славу и ассоциируется с обществом. Без оценки одного человека другим нет *maine*. Слово подразумевает известность — это хорошая молва о человеке, популярность. *Maine* относится к феноменальному миру. *Kunnia* означает понятие более высокого порядка, это морально-нравственный концепт чести, апеллирующий к совести и носящий непреходящий характер. *Kunnia* добывается подвигами, великими заслугами, мудростью, и потерять её — непоправимая трагедия. Для русскоязычного мира честь — это концепт, означающий высокую духовность. Переводить его на финский язык словом *maine* неверно, т. к. при таком переводе утрачивается трансцендентальная природа понятия. Фатальный характер эпитафа усиливается усечённостью формы, лишённой указывающей на вещный мир параллельной части: «Береги (платье снову, а) честь смолоду».

Что касается падежа прямого дополнения (честь), в переводах также наблюдаются различия. Сири Ханникайнен и Юхо Холло выбрали аккузатив, обозначающий завершённость действия и тотальность объекта, в то время как Юусо Мустонен остановился на партитиве, обозначающем продолжающийся характер действия и, таким образом, отсутствие результата, т. к. действие не завершено. В русском языке отношения результативности/нерезультативности и завершённости/незавершённости выражаются видом глагола (совершенный, несовершенный). В оригинале используется форма несовершенного вида, означающая непрерывающийся характер действия — действие длится всю жизнь («береги», а не «сбереги»), что передано эквивалентно только в третьем переводе. Кроме того, переводчики выбрали разные глаголы: *säilyttää* (сохранять в целостности, количественно и статично, законсервировать, ср. *säilytyslokero* ‘камера хранения’ и однокоренной глагол *säilöä* ‘консервировать’), *vaalia* ‘беречь’ (ср. *vaalia arvoja* ‘беречь ценности’), *varjella* ‘охранять от опасности’ (ср. *Jumala varjelkoon* ‘боже сохрани, боже избавь’). Глагол *säilyttää* семантически указывает в первую очередь на нечто вещное, конкретное или же означает ‘сохранить, не растерять, не утратить’ применительно к абстрактным понятиям (ср. *säilyttää rehellisyytensä* ‘сохранить честность; остаться честным, будучи таковым изначально’); глагол *vaalia* указывает на бережное отношение к чему-то абстрактному, глагол экспрессивен, апеллирует к эмоциям

и стилистически окрашен (возвышенный стиль); глагол *varjella* подразумевает опасность и защиту от неё. Проанализируем коллокацию «беречь честь». Честь — абстрактное понятие. Глагол *säilyttää* подразумевает в коллокации сохранение уже имеющейся чести в целостности (ср. использование аккузатива). Глагол *vaalia* указывает на бережное отношение к чести, заботу о ней, длящуюся всю жизнь; указание на активную угрозу извне отсутствует. Глагол *varjella* указывает на наличие явной активной внешней опасности, угрозы и подразумевает противостояние, требующее волевых усилий и стойкости духа. Учитывая контекст, в который помещена коллокация, — сюжет произведения, четвёртый перевод оказывается наиболее эквивалентным на уровне словосочетания, поскольку является по сути своей предостережением.

Разберём перевод обстоятельства «смолоду», чтобы выявить наиболее эквивалентный перевод. Сири Ханникайнен использует словосочетание *pienestä pitäen* ‘с малолетства’. Обратный буквальный перевод её текста следующий: «Сохрани репутацию с малолетства» (в значении «унаследуй с малолетства и пронеси сквозь жизнь»). Фраза звучит комично, поскольку репутация (слава, известность) приобретается с опытом, в результате определенных достижений и поведения. Дети же невинны, а их поведение и характер меняются с возрастом, т. е. не статичны.

Перевод Юусо Мустонена «*Vaali mainettasi nuoruudesta lähtien*» — «Береги репутацию начиная с молодости» содержит словосочетание «начиная с молодости». Перевод обстоятельства семантически эквивалентен обстоятельству в оригинале. Однако в переводе, вследствие выбора глагола *vaalia*, отсутствует атмосфера напряжённости и конфликта, а лексема *maine* придает высказыванию имманентный характер.

Перевод Юхо Холло всего предложения «*Varjele kunniasi nuoruudesta alkaen*» — «Береги честь начиная с молодости» наиболее концептуально близок оригиналу, поскольку перевод и прямого дополнения, и обстоятельства семантически эквивалентен исходному тексту. Однако на формальном уровне, так же, как и в переводе Сири Ханникайнен, наблюдается аграмматизм. Глагол *varjella* имеет фреквентативный суффикс *-ele-* (*varjele-*), указывающий на повторяемость, продолжительность действия и требующий партитивной формы прямого дополнения, указывающей на отсутствие результата, однако для прямого дополнения Холло выбирает результативный аккузатив, который, в свою очередь, не сочетается с указывающей на длящееся действие послеложной формой *alkaen* ‘начиная с’. Тот же парадокс содержится и в переводе Сири Ханникайнен: результативный аккузатив прямого дополнения противоречит обстоятельству, включающему послеложную форму *pitäen* ‘с (начиная с)’. С грамматической точки

зрения третий перевод, принадлежащий Юусо Мустонену, является наиболее корректным.

В оригинале Пушкин указывает жанр, в котором представлен эпиграф, — это пословица. Первая буква текста прописная, остальные — строчные, и весь текст выделен курсивом. Во втором переводе эта информация опускается, как и точка после самой пословицы. В третьем переводе дано верное определение жанра, курсив убран. В четвёртом переводе название жанра переведено как «поговорка», что терминологически неверно, и весь текст набран прописными буквами.

Какой же перевод наиболее удачен? Современные теория и практика перевода, описывая эволюцию вопроса, констатируют переход от статической эквивалентности (семантического, эквивалентного перевода) к динамической (функциональный, коммуникативный, адекватный перевод). Задача переводчика заключается не в поиске эквивалентов в переводящем языке, а во вписывании переводимого текста в принимающую культуру таким образом, чтобы переводческая коммуникативная цель (скопос), т. е. идентичность эффекта, оказываемого оригинальным текстом и переводом на читателя, была достигнута. Применима ли скопос-теория к экспрессивным текстам, к которым относится художественная литература? Ведь тексты этого типа не поддаются унификации и содержат концепты, которые требуют переноса в принимающую культуру в первую очередь, иначе коммуникация не состоится или будет неполной. Ответ на этот вопрос предлагает в том числе гипотеза ретрансляции, т. е. выполненного заново перевода, когда каждый последующий перевод пытается исправить неточности именно концептуального характера, свойственные предыдущим переводам.

Если вернуться к разобранным выше трём переводам эпиграфа к роману «Капитанская дочка», можно увидеть, что гипотеза ретрансляции в этом случае подтверждается. Сири Ханникайнен была первой, кто перевёл эпиграф (в 1935 г.). Ей не на что было опереться при принятии переводческого решения, т. к. в предыдущем переводе 1876 г. эпиграф был опущен. Юусо Мустонен в 1946 г. попытался исправить смысловую неточность предыдущего перевода, заменив глагол. Однако существенного изменения в послании не произошло. Вполне вероятно, что решение перевести роман ещё раз было продиктовано обнаружением переводчиком Юхо Холло концепта «честь» и осознанием того, что предыдущим переводам не удалось передать этот концепт финскому читателю вследствие неправильного выбора эквивалентов. Холло смог почувствовать духовность, заключённую в первом эпиграфе и определяющую идею всего произведения, а значит, настроить читателя на нужный лад.

Переводческая деятельность профессора Юхо Холло (*J. A. Hollo*, 1885–1967) характеризуется удивительной стремительностью и продуктивностью. Он быстро

получил диплом магистра, после чего работал школьным учителем в том числе в городах Вааса и Хельсинки. В 1919 г. Холло защитил диссертацию на тему «Воображение и его развитие» (1918–1919, ч. I–II) и в следующем году получил звание доцента педагогики. В 1920–1925 гг. учился за границей. Холло активно занимался литературной критикой. Многие из критических эссе Холло посвящены авторам и произведениям, которые он сам перевёл на финский язык: «Дон Кихот» (перевод 1927–1928 гг.), книги Дж. Свифта, И. В. Гёте, Ч. Диккенса, Ф. Достоевского и А. Франса. В своих сочинениях Холло рассматривал в том числе вопросы интертекстуальности переводов и взаимопроникновения ролей переводчика и поэта⁷⁰.

Большое количество переведённых Холло работ касаются педагогики и философии. Так, он перевёл, например, сочинения И. Г. Песталоцци и Марии Монтессори. Из философов Холло переводил в том числе А. Бергсона, С. Кьеркегора, Й. В. Снельмана, Б. Рассела, Р. Декарта, Платона и Ф. Ницше. В области художественной литературы Холло перевёл целый ряд признанных классическими произведений и тем самым сделал их доступными финскому читателю. К ним относятся, например, «Тысяча и одна ночь» (1930), «Красное и черное» Стендаля (1956), «Кандид» Вольтера (1953), «Манон Леско» Аббата Прево (1954) и «Золотой осёл» Апулея (1957). Холло работал очень быстро, что в основном не сказывалось на качестве его переводов. Так, роман Гёте «Избирательное сродство» объёмом 350 страниц Холло перевёл за 30 дней. Этот перевод, вышедший в 1923 г. в издательстве «Отава», был опубликован без изменений ещё два раза — в 1932 и 1967 гг.⁷¹

Для издательства *WSOY* Холло перевёл «Преступление и наказание» Достоевского (1922) и «Войну и мир» Толстого (1924). Его переводческая работа количественно является одной из самых обширных в Финляндии, а в качестве личного достижения одного переводчика объём переведённых Холло произведений, очевидно, наибольший в стране: в 1953 г. он сам оценил, что перевёл за 40 лет около 170 книг. Позже вышло ещё 46 переводов. Таким образом, общее число переводов составляет 220–300 наименований. Точное число переводов, выполненных Холло, однако не известно. Предпосылкой такой плодотворной работы была увлечённость Холло множеством иностранных языков — он переводил с шестнадцати языков. По собственному признанию в интервью, с наибольшим удовольствием Холло переводил с романских языков и русского⁷².

⁷⁰ Kovala U. J. A. Hollo (1885–1967) // Suomenoskirjallisuuden historia. Vol. 1. S. 587.

⁷¹ Ibid. S. 588.

⁷² Ibid. S. 589.

В послевоенных переводах Холло заметны гуманистический интерес к истории и философии жизни, а также предпочтение Ренессансу и Античности. Его любимыми писателями были Достоевский и Гёте. Качество переводов Холло в основном снискало похвалу. Даже самые ранние из них до сих пор более актуальны, чем переводы его современников в среднем. Многие его переводы переизданы в 1990-х гг. и на рубеже XXI в. Хотя некоторые из переведённых им произведений были переведены заново, например «Война и мир», «Преступление и наказание» (оба — Эсой Адрианом) или «Манон Леско» (Уллой Суммала). У Холло тоже не всегда все получалось. В своей рецензии на выполненный Эсой Адрианом перевод романа «Война и мир» литературовед Пекка Таркка (*Pekka Tarkka*) продемонстрировал на конкретных примерах, что в переводе Холло диалоги лишены стилистической вариативности, столь важной для текстов Толстого, который стремится к «индивидуализации языкового выражения» своих героев. Переводы Холло изобилуют также русизмами, которые исказили образ русской литературы, существующий в Финляндии. Особенно много их в обращениях⁷³. Например, только Холло переводит используемое в романе «Капитанская дочка» обращение «ваше благородие» как *teidän jalosukuisuutenne*, т. е. методом кальки. В то время как другие переводчики выбрали знакомые финскому читателю обращения *hyvä herra* («уважаемый господин») и *teidän ylhäisyytenne* («ваше высочество»). Холло учитывал смысл слова и переводил прежде всего именно его. Эти решения можно критиковать как слишком громоздкие, устаревшие и т. д., но такая стратегия гарантирует достижение содержательной эквивалентности. Ему были свойственны склонность к форенизации, желание быть ближе к оригинальному тексту и стремление принимать новаторские переводческие решения⁷⁴.

В переводах Холло отчётливо слышен «собственный голос»⁷⁵. С одной стороны, это свидетельствует об уверенном подходе к переводу и переводимому тексту и об определённой динамичности переводческих решений. С другой стороны, собственный голос переводчика может заглушить голос произведения. Филолог-классик Тейвас Оксала (*Teivas Oksala*, 1936–2018) заметил, что «Холло — наш великий переводчик — переводит Платона, Фукидида и Сенеку в том же стиле, что и все свои остальные сто переводческих работ», а не в стиле соответствующих авторов. В качестве переводов Холло можно заметить также некоторую нестабильность. Но несмотря ни на что, переводческий стиль Холло последователен и в основном актуален и по сей день. В 1985 г. был опубликован дневник Холло «Странствие души» («*Sielun vaellus*»), который хорошо освещает

⁷³ Ibid. S. 590.

⁷⁴ *Levenberg A.* Uusi käänös, miksi sitä tarvitaan? S. 80.

⁷⁵ *Kovala U. J. A.* Hollo (1885–1967). S. 590.

особенности личности этого одинокого труженика. Наиболее впечатляющим в дневнике являются свидетельства невероятной трудоспособности и глубоко укоренившейся в личности автора трудовой философии, выраженной в афоризме, который Холло записал в 1965 г.: «Ограниченное время ускоряет творческую работу, неограниченное — останавливает её. Это определяет ценность заказанных произведений искусства». Переводил же Холло по ночам — днём он работал в университете⁷⁶.

Пример перевода

А. С. Пушкин, «В степи мирской, печальной и безбрежной» («Три ключа») (1827). Пер. на финский язык Оску Велхо (*Osku Velho*, 1895–1917), цит. по: [*Velho O.*] ”Umpimähkään”: O. Velhon elämäntyön pirstaleita. Porvoo, 1922. URL: https://fi.wikisource.org/wiki/Kolme_1%C3%A4hdett%C3%A4 (29.12.2019).

Три ключа

В степи мирской, печальной и безбрежной,
Таинственно пробилась три ключа:
Ключ юности, ключ быстрый и мятежный,
Кипит, бежит, сверкая и журча.
Кастальский ключ волною вдохновенья
В степи мирской изгнанников поит.
Последний ключ — холодный ключ забвенья,
Он слаще всех жар сердца утолит.

Kolme lähettä

Elämän aromaalla aukealla
salassa kolme soluu lähettä.
Siell' lähde nuoruuden soi pauhinalla,
tuo kuohuvainen, vaahdon-välkkyvä.
Ja runon lähde tarjoo lohdutusta,
kun elon mailla kuljet harhaten,
Mut unhon lähde, kylmä, kolkko, musta,
sydämen tulta jäähtää parhaiten.

Список литературы

Вихавайнен, Т. Столетия соседства : размышления о финско-русской границе / Т. Вихавайнен ; [пер. А. И. Рупасова]. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2012. — 248 с. — URL: <http://elibrary.karelia.ru/book.shtml?id=16121#t20c>. — (29.12.2019).

Карху, Э. Г. Финляндская литература и Россия: 1800–1850 / Э. Г. Карху. — Таллин : Эстонское государственное издательство, 1962. — 343 с.

Сойни, Е. Г. Взаимопроникновение русской и финской литературы в первой половине XX века / Е. Г. Сойни. — М.: Языки славянских культур, 2017. — 464 с.

⁷⁶ Ibid. S. 591.

Puškinista Peleveniin : venäläisen kaunokirjallisuuden suomennosten bibliografia 1876–2007 / B. Hellman. — Helsinki : Yliopistopaino, 2008. — 410 p.

Jänis, M. Venäjästä suomeksi ja suomesta venäjäksi / M. Jänis. — Helsinki : Gummerus Kirjapaino, 2006. — 194 p.

Jänis, M. Juhani Konkka (1904–1970) / M. Jänis // Riikonen, H. K. Suomensuomen kirjallisuuden historia / H. K. Riikonen, U. Kovalo *et al.* — Helsinki : SKS, 2007. — S. 473–476.

Jänis, M. Venäläinen kirjallisuus / M. Jänis, P. Pesonen // Suomensuomen kirjallisuuden historia / toim. H. K. Riikonen, U. Kovalo *et al.* — Helsinki : SKS, 2007. — Vol. 2. — S. 189–205.

Kivistö, S. Samuli Suomalainen (1850–1907) / S. Kivistö, O. Palolposki // Suomensuomen kirjallisuuden historia / toim. H. K. Riikonen, U. Kovalo *et al.* — Helsinki : SKS, 2007. — Vol. 1. — S. 207–211.

Kovala, U. J. A. Hollo (1885–1967) / U. Kovala // Suomensuomen kirjallisuuden historia / toim. H. K. Riikonen, U. Kovalo *et al.* — Helsinki : SKS, 2007. — Vol. 1. — S. 587–591.

Levenberg, A. Uusi käänös, miksi sitä tarvitaan? Puškinin Kapteenin tytär ja sen neljä suomennosta : pro gradu –tutkielma / A. Levenberg. — Tampere : Tampereen yliopisto, 2016. — 107 s. — URL: <https://trepo.tuni.fi/bitstream/handle/10024/98601/GRADU-1456126063.pdf?sequence=1>. — (29.12.2019).

Majamaa, R. Lönnrot, Elias (1802–1884) / R. Majmaa // Kansallisbiografia [Электронный ресурс] — 1997. — 16. Syyskuuta. — URL: <https://kansallisbiografia.fi/kansallisbiografia/henkilo/2836>. — (30.09.2019).

Pesonen P. ”He sankaria seuraten löi, hakkas — kuole, mahometti!” / P. Pesonen // Helsingin Sanomat. — 1999. — 29. joulukuuta. — URL: <https://www.hs.fi/kulttuuri/art-2000003852087.html>. — (27.09.2019).

[Velho, O.] ”Umpimähkään” : O. Velhon elämäntyön pirstaleita / O. Velho. — Porvoo : WSOY, 1922. — 110 s. — URL: https://fi.wikisource.org/wiki/Kolme_l%C3%A4hdett%C3%A4. — (29.12.2019).

Vihavainen, T. Tatjana / T. Vihavainen // Vihavainen [Электронный ресурс]. — 2015. — 4. maaliskuuta. — URL: <http://timo-vihavainen.blogspot.com/2015/03/tatjana.html>. — (29.12.2019).

Virtanen, T. Venäläisen kaunokirjallisuuden kääntäminen ja julkaiseminen Suomessa Neuvostoliiton romahduksen jälkeen vuosina 1992–2005 / T. Virtanen : Pro gradu –tutkielma. — Tampere : Tampereen yliopisto, 2006. — 109 s. — URL: <https://trepo.tuni.fi/bitstream/handle/10024/94012/gradu01432.pdf?sequence=1&isAllowed=y>. — (29.12.2019).

Ylioppilasmatrikkeli 1853–1899 // Helsingin yliopisto [Электронный ресурс]. — URL: <https://ylioppilasmatrikkeli.helsinki.fi/1853-1899/henkilo.php?id=20380>. — (29.12.2019).

**МАТЕРИАЛЫ НАУЧНЫХ
КОНФЕРЕНЦИЙ
PAPERS OF THE ACADEMIC
CONFERENCES**

**ПЕРВЫЙ РОССИЙСКО-ФИНЛЯНДСКИЙ СЕМИНАР
МОЛОДЫХ ИСТОРИКОВ (9 ОКТЯБРЯ 2019 Г., МОСКВА)**

THE FIRST RUSSIAN-FINNISH SEMINAR OF YOUNG HISTORIANS
(OCTOBER 9, 2019, MOSCOW)

ЛИМАН Игорь Геннадиевич / LIMAN Igor

Петрозаводский государственный университет / Petrozavodsk State University

Россия, Петрозаводск / Russia, Petrozavodsk

igorlim@gmail.com

ISOVIHA В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ФИНЛЯНДИИ
ISOVIHA IN THE HISTORICAL MEMORY OF FINLAND

Abstract: The article deals with the Finnish historical memory of the period of Russian occupation of Finland that took place during the Great Northern War (1714–1721) and became known in Finnish historiography as *Isoviha* (lit. “the Great Hatred”). The author aims to deconstruct the ideological implications included in the *Isoviha* period as an identity-shaping symbol and to study the tools used to form and preserve memories of the period.

Ключевые слова / Keywords: Великая Северная война, Великое Лихолетье, кивики, кивикесы, историческая память / Great Northern War, *Isoviha*, the Great Hatred, *kivekkäät*, historical memory

Во время Великой Северной войны на территории Финляндии развернулись военные действия между Россией и Швецией (1710–1714 гг.), после завершения которых последовал период русской оккупации (1714–1721 гг.) — в финляндской историографии он получил название «*Isoviha*» (дословно «Большая ненависть»); в российской историографии — «Великое Лихолетье». В процессе формирования финской нации исторический опыт периода *Isoviha* был отделен от конкретных условий его формирования и преобразован во вневременное повествование; он стал одним из национальных мифов¹. Целью данной работы является деконструкция идеологических импликаций, включенных в период *Isoviha* как создающего идентичность символа, а также исследование инструментов формирования и поддержания памяти о нем.

Период *Isoviha* занимает заметное место в творчестве Сакари Топелиуса (1818–1898 гг.), что не является случайностью; история его семьи представляет собой один из примеров тех трагических случаев, которые были распространены в то время. Согласно этой истории, один из предков Сакари Топелиуса — Кристоффер Топелиус, сын таможенника, в 1714 году был пленен русскими в Оулу, а спустя

¹ *Асман А.* Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М., 2014. С. 38.

некоторое время отправлен в имение русского дворянина, которое находилось в Ингерманландии. Условия его жизни были весьма приличными, но тревога не покидала Кристоффера, поэтому он сбежал во время одной из школьных поездок. Его пытались поймать, но он смог добраться до Финляндии даже с незначительными запасами пищи благодаря помощи добрых людей, которые встретились ему по пути; затем он отправился в Стокгольм, где смог быстро найти свою мать. Данная история не является уникальной, она имеет множество аналогов в семейных историях крестьян XIX–XX веков — современников Сакари Топелиуса; все они повествуют о предках, сбежавших из русского плена. Особенностью таких историй является то, что нахождение в русском плену не являлось чем-то отвратительным, страшным, но их общая черта — тоска пленников по Родине даже в хороших жизненных условиях. Данное обстоятельство позволило Сакари Топелиусу превратить свою семейную историю в инструмент воспитания в финнах любви к родному краю². Она нашла свое воплощение в сказке «Березка и звезда» («Koivu ja tähti»)³, которая является одной из самых известных в его творчестве.

В историческом романе «Рассказы фельдшера» («*Välskärin kertomuksia*»), который повествует о важнейших событиях финско-шведской истории XVII–XVIII веков, Топелиус вновь уделяет особое внимание периоду *Isoviha*. Он подробно рассказывает о разрушениях, которыми сопровождалось завоевание Финляндии, причем указывается, что разрушали города как русская, так и шведская армии. Ключевым моментом в обороне края стала осада Выборгской крепости, которая являлась единственным препятствием на пути к завоеванию остальной части Финляндии, но шведский военачальник Георг Любекер не решается вступить в бой с русской армией, несмотря на мужество финских солдат, проявленное во время обороны крепости, и их желания до последнего защищать Выборг⁴.

Сакари Топелиус приходит к выводу, что к 1714 году война потеряла свой смысл и была лишь отчаянной попыткой Швеции вернуть свое былое величие, но впереди предстояло еще 7 лет оккупации, подобных которым Финляндия никогда не знала прежде. Автор подчеркивает атмосферу постоянной угрозы и страха, которая пришла в Финляндию вместе с русской армией; теперь никто не мог быть уверен, что доживет до утра⁵. Сохранение в исторической памяти народа информации о преодолении им трудных времен — это один из ключевых факторов его единения в настоящем.

² *Vilkuna K. H. J. Viha: perikato, katkeruus ja kertomus isostavivhasta*. Helsinki, 2005. S. 519.

³ *Топелиус С.* Березка и звезда [Электронный ресурс] // Скандинавские сказки. 2008. URL: <http://s-skazka.org.ua/index.php?id=topelius&sk=15> (29.08.2019).

⁴ *Topelius Z.* Välskärin kertomuksia // The Project Gutenberg [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gutenberg.org/cache/epub/36328/pg36328.html> (29.08.2019). (Изд. 1896 г.)

⁵ *Ibid.*

Несколько позднее Бетти Элфвинг (1837–1923 гг.) в своем дебютном историческом романе «*Härkmanin pojat*»⁶ (1887 г.) подобным образом, как и Сакари Топелиус, освещала период *Isoviha*, но отличительной особенностью ее произведения является наличие подробных исторических справок, которые погружают читателя в контекст событий, в результате чего историческая реальность и художественный вымысел переплетаются между собой, создавая абсолютно новый образ минувшего прошлого.

Период «*Isoviha*» был превращен в символ, который указывал на существующее противопоставление «мы» — «они», в результате чего был создан образ исторического врага в лице представителей конкурирующей русской нации. В этом смысле исторический опыт периода *Isoviha* оказался весьма функциональным, потому что ни один национализм не развивается вне противостояния другому, а иногда и целому ряду других национализмов⁷. В таком случае ненависть превращается в средство — инструмент, с помощью которого можно достигнуть нужной цели, потому что именно это эмоциональное состояние предполагает борьбу. В свою очередь, преувеличенный финский «героизм» являлся средством пробуждения оппозиционного духа финнов, чтобы в момент «опасности» они были готовы восстать против русских⁸. Данный символ был вполне понятен каждому финну, но его развитие по пути радикализации с момента появления во второй половине XIX века было постепенным и определялось текущей общественной ситуацией.

В начале XX века произошли изменения в нарративе *Isoviha*, которые нашли свое отражение в историческом романе Кюэсти Вилкуны (1879–1922 гг.) «Приключения Тапани Лёвлинга»⁹, который был издан в двух частях в 1911–1912 годах. В предисловии к роману автор обращает внимание читателя на важность периода *Isoviha* в истории Финляндии; подчеркивает, что он является одним из этапов многовековой борьбы финнов за создание собственного независимого государства¹⁰.

Кюэсти Вилкуна повествует о знакомых нам из творчества Сакари Топелиуса и Бетти Элфвинг сюжетах: всеобщий страх населения и поток беженцев на запад, вызванный наступлением русской армии; ошибки шведского военачальника Георга Любекера, который не смог организовать оборону Финляндии. Кроме того,

⁶ *Elfvig B.* Härkmanin pojat // The Project Gutenberg [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gutenberg.org/cache/epub/15637/pg15637.html> (29.08.2019). (Изд. 1908 г.)

⁷ *Миллер А. П.* Нация, или Могущество мифа. СПб., 2016. С. 129.

⁸ *Вихавайнен Т.* Восточная граница исчезает. Два столетия России и Финляндии. СПб., 2012. С. 74.

⁹ *Wilkinen K.* Tapani Löfvingin seikkailut // The Project Gutenberg [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gutenberg.org/cache/epub/13171/pg13171.html> (29.08.2019). (Изд. 1918 г.)

¹⁰ Ibid.

появляются подробности о том ущербе, который русская армия нанесла мирному финскому населению. В работах Сакари Топелиуса и Бетти Элфвинг данный сюжет был только намечен, но в произведении Вилкуны он освещается весьма подробно. Читатель узнает о многочисленных грабежах населения русской армией, о принуждении финнов воевать против своих соотечественников¹¹. Появление данной информации свидетельствует о радикализации общественных настроений в начале XX века, что связано с наступлением России на автономию Великого княжества Финляндского.

Важное место в художественной литературе, посвященной периоду *Isoviha*, занимает финское партизанское движение, участники которого известны как «кивикесы», или «кивики». Внимание национальных писателей было сосредоточено на заслугах партизан в военных действиях. Соответственно, вниманию читателя предлагается их весьма симпатичный образ — храбрые, сообразительные герои, которые безупречно знали все окрестности и без сомнения шли в бой с более сильным врагом. Указывается на то, что именно эти отряды более, чем кто-либо, спугали хорошо продуманный план военных действий противника¹².

Сакари Топелиус в своей работе «Книга о нашем крае» («*Maamme kirja*»), которая долгие годы, вплоть до 1940-х годов, являлась школьным учебником¹³, посвящает одну из глав Тапани Лёвингу¹⁴, а в историческом романе Кюэсти Вилкуны партизан стал центральным персонажем. Основу их произведений составляют сведения из «Дневника» Лёвинга¹⁵, в котором содержатся краткие заметки о событиях, произошедших с ним за период его партизанской деятельности. Национальные писатели создали романтизированный образ Тапани Лёвинга, в котором читатели должны были увидеть не просто «одного из многих» представителей финской нации, а воплощение в себе ее лучших качеств.

Отмечу один важный эпизод из биографии Вилкуны: он был вербовщиком тайной военной организации «егерей», которая ставила перед собой задачу начать народное восстание против России¹⁶. Данное обстоятельство объясняет ту симпатию, с которой автор относится к финским партизанам. В своем произведении Кюэсти Вилкуна отмечает, что мирное население материально поддерживало Лёвинга и сообщало ему сведения о русской армии, что происходило наперекор

¹¹ Ibid.

¹² *Topelius Z. Välskärin kertomuksia.*

¹³ *Лескинен М. В. Путешествие по родной стране: описание как способ национальной репрезентации. Финляндия и финны в изображении З. Топелиуса // Одиссей: Человек в истории / Гл. ред. А. О. Чубарьян. М., 2010. С. 185.*

¹⁴ *Topelius Z. Maamme kirja: lukukirja suomen alimmille oppilaitoksille. Porvoo, 1929. S. 375.*

¹⁵ *Löfving J. Päiväkirja // The Project Gutenberg [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gutenberg.org/cache/epub/22361/pg22361.html> (29.08.2019). (Изд. 1882 г.)*

¹⁶ *Расила В. История Финляндии. Петрозаводск, 2006. С. 169–170.*

распоряжению российских властей не помогать партизанам — это грозило жестокой расправой всем, кто проигнорирует данное требование¹⁷. Основная мысль Вилкуны сводится к тезису о единстве народа перед лицом врага.

Касаясь личных качеств другого финского партизана, Танели Луккойнена, в художественной литературе, то Сакари Топелиус говорит о нем, как о крестьянине с добрыми помыслами, которые ставят его выше любого графа Швеции; он представляет его, как самого лучшего из людей на территории между реками Сестра (*Rajajoki*) и Аурайоки¹⁸, т. е. на территории от Карельского перешейка до Юго-Западной Финляндии (*Varsinais-Suomi*). В вымышленной сцене, где встречаются Петр I и Танели Луккойнен, из уст царя звучит следующая характеристика партизанских отрядов: «...они [партизаны] ему нравятся... они выучили кадры для его [русской] армии...»¹⁹. Лестная фраза из речи победителя над побежденным говорит о том, что автор стремится подчеркнуть особую значимость их действий, которую признавал даже враг.

Еще одним важным символическим фрагментом символического целого является нарратив о братьях Херпман — партизанах, действовавших в период *Isoviha* на территории Центральной Финляндии в окрестностях Кеуруу. Их случай в некоторой степени исключительный, потому что большинство их подвигов не являются установленными историческими фактами, а известны нам из народных преданий, но ключевую роль в легитимации памяти о них выполнила именно художественная литература.

Бетти Элфвинг в своем романе «*Härkmanin pojat*»²⁰ использует их в качестве прототипа для главных персонажей, которые представляются нам в роли истинных патриотов Финляндии. В условиях повсеместного распространения страха и отчаяния в период *Isoviha* нужна была сила, которая смогла бы продемонстрировать, что еще не все потеряно, и надежда на лучшее сохраняется. Такой силой в ее романе выступают братья Херпман, которые своим примером вдохновляют других.

Шведская армия в Финляндии, возглавляемая Георгом Любекером, постоянно отступает из-за страха командующего перед русскими, поэтому многие солдаты бежали из нее, что является прямым следствием «обмана» со стороны Любекера не только финнов, но и короля, который приказал защищать Финляндию²¹. Речь Миихкали, прототипа одного из братьев Херпман, вдохновляет их вернуться в строй. Хотя в душе он согласен с обвинениями солдат в адрес Любекера, но призывает их не позорить имя «финского воина», потому что их побег — это

¹⁷ *Wilkuna K.* Tapani Löfvingin seikkailut.

¹⁸ *Topelius Z.* Välskärin kertomuksia.

¹⁹ *Ibid.*

²⁰ *Elfvig B.* Härkmanin pojat.

²¹ *Ibid.*

предательство своей страны. Не только слова Миихкали, но и его готовность пожертвовать собой вновь вернули армию в боеспособное состояние. Братья Херпман считают защиту Финляндии своей обязанностью; остаться безучастным в такой момент — это «грех и позор»²². Даже после поражения регулярной армии партизаны не намерены сдаваться; вернувшись в Кеуруу, они продолжают борьбу, а предложения прекратить сопротивление считают предательством своей Родины. В своем романе Элфвинг указывает, что сопротивление завоевателям оказывается повсеместно: на севере действует Пиетари Лонгстрём, на юге — Тапани Лёвинг, в центре страны — братья Херпман.

Почти столетие спустя в национальной литературе появилась работа «*Kolme sissii*»²³ (1980 г.), написанная Аско Мартинхеймо, где братья Херпман вновь стали центральными персонажами. Автор смещает акцент в сторону подвигов партизан, которые хотели «защитить свою Родину»²⁴. В то же время появляются упоминания о негативных последствиях их деятельности: жестокость русской армии по отношению к мирным жителям, которая стала ответом на действия партизан²⁵, хотя описания тех разрушений, которым подверглась Финляндия в период *Isoviha*, практически исчезают из поля зрения автора. На первое место выдвигаются личные качества партизан, проявленные в борьбе с врагом, в образе которого русская армия утратила свое прежнее значение.

Инструментом утверждения памяти о партизанах послужила не только художественная литература, но и другие способы коммеморации, в первую очередь, организация музейных выставок и сооружение памятников, которые являются проводником государственного дискурса, что говорит нам о сознательном закреплении в памяти определенного исторического опыта, который играет важную роль в «воображении» нации. Например, в 2014 году, в юбилейный год *Isoviha*, в некоторых городах Финляндии прошла музейная выставка, посвященная братьям Херпман²⁶; она имела нарративный характер. Личность Тапани Лёвинга также не была забыта. Ежегодно проводятся лыжные гонки (с 1957 года), названные в его честь, а усадьба партизана в Порвоо стала музеем памяти²⁷.

В настоящее время историки сходятся во мнении, что вклад партизанского движения в военные действия оказался незначительным, а достоверность подвигов братьев Херпман даже вызывает сомнения, но мы обнаруживаем, что не

²² Ibid.

²³ *Martinheimo A. Kolme sissii*. Helsinki, 1980.

²⁴ Ibid. S. 6.

²⁵ Ibid. S. 39–40.

²⁶ *Rokkonen H. Sankareita kaikki — Herpmanin poikien tarina* // DIGI — Yleisten kirjastojen digitoimaa aineistoa [Электронный ресурс]. 2015. S. 34. URL: <http://digi.kirjastot.fi/items/show/121297> (29.08.2019).

²⁷ *Ruohonen M. Sissipäällikkö Tapani Löfving ja Karuna* // *Karunan Kynttilä*. 2016. № 18. S. 8.

партизанская деятельность, а факт ее коммеморации оказался гораздо важнее для идентификации финнов себя как нации. Ценностно-смысловые ориентиры, обозначенные в работах национальных писателей, помогли финнам в борьбе за свою независимость; исторические, а не абстрактные герои их произведений стали примером для многих поколений финского народа.

Исторический роман, который является одной из форм «репрезентирования» того вида воображаемого сообщества, которым является нация, выполнил роль «приглашения» широких масс в историю²⁸, что было необходимо для их вовлечения в национальное движение. Также важно обратить внимание на активную роль профессиональных историков как «инженеров-конструкторов» исторического нарратива и «изобретателей» создающей идентичность традиции²⁹. В настоящий момент я выделяю три периода в развитии финляндской историографии *Isoviha*: 1) «функциональный» (1865–1943 гг.); 2) «постпамять» — «постфункциональный» (1944 год — начало XXI века); 3) «дисфункциональный» (с начала XXI века). Основным критерием классификации стало их отношение к формированию национальной идентичности помнящей группы.

В процессе становления финской нации историки сыграли важную роль в конструировании памяти о периоде «*Isoviha*», который в научных исследованиях «функционального» периода был утвержден в качестве национального мифа, что нашло свое отражение в работах Ирвё Сакари Ирвё-Коскинена³⁰, Карла Улофа Линдеквиста³¹ и Вильо Раута³². Внутри данного периода также можно выделить отдельные этапы: важный рубеж — 1917 год, обретение Финляндией независимости. Данное разделение не характеризуется появлением качественно нового подхода в исследованиях, но в изменившихся общественных условиях произошла радикализация взглядов в освещении периода «*Isoviha*», а также возросло его влияние как символа прошлого.

Образ «*Isoviha*», который является характерным для данного периода развития финляндской историографии, нашел свое отражение в работе «*Suomen historia*»³³, автором которой является Карл Улоф Линдеквист. Тема диссертации историка посвящена исследованию периода *Isoviha*, что говорит о его сосредоточенности на данной проблеме. Он обладал не только обширными знаниями о «содержании»

²⁸ Anderson B. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. С. 46.

²⁹ Шенк Ф. Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000). М., 2007. С. 12.

³⁰ Yrjö-Koskinen Y. S. Lähteitä ison vihan historiaan. Helsinki, 1865. 474 s.

³¹ Lindeqvist K. O. Suomen historia. Porvoo, 1926. 558 s.

³² Rauta V. Isoviha. Helsinki, 1943. 139 s.

³³ Lindeqvist K. O. Suomen historia.

периода, но мог в должной мере оценить его значение как символа прошлого в современных ему условиях.

В своей работе он подчеркивает малочисленность армии в Финляндии на этапе завоевательной кампании; ее было недостаточно для ведения оборонительных действий, что является следствием активного привлечения финнов к участию в военных действиях за пределами Финляндии, поэтому, когда враг оказался у них «дома», то не было обнаружено достаточного количества мужчин. В свою очередь вновь мобилизованные солдаты не смогли за короткий промежуток времени, 4–5 недель, получить необходимые навыки³⁴; также Линдеквист указывает на недостаточное снабжение армии, слабость ее вооружения.

В этих условиях возникло партизанское движение, которое рассматривается только с положительной стороны; его представители характеризуются как «храбрые», «прославленные» воины³⁵, что перекликается с характеристикой, которую кивикесы получили в творчестве национальных писателей. Однако указывается, что их деятельность не могла быть регулярной. Это ставит под сомнение значимость их вклада в ход военных действий, но в то же время Линдеквист высоко оценивает побуждения партизан; какая-либо отрицательная характеристика по отношению к ним отсутствует.

Особый акцент Линдеквист делает на жестокости русской армии, страх перед которой стал причиной возникновения потока беженцев, а ее продвижение по территории Финляндии сопровождалось значительными разрушениями, которые в разной степени затронули все ее области: историк предоставляет сведения о каждой из них, что подчеркивает общность судьбы всех финнов в этой войне. Линдеквист указывает, что само название периода — *Isoviha*, вполне соответствует действительности³⁶. Вывод, к которому приходит историк, можно выразить в одном предложении из его работы: «Участь финского народа выглядела наиболее мрачно [в этот период], чем когда-либо»³⁷.

Таким образом, в XIX веке возникла не только современная историческая наука, но также появились национальные мифы, в которых прошлое усваивалось путем выделения наиболее значимых моментов внутри нарратива, формирующего идентичность, а исторические научные исследования зачастую превращались в инструмент формирования национальной памяти³⁸. Финляндская историография в течение «функционального» периода была одним из инструментов утверждения памяти о периоде *Isoviha*, который стал особенной частью национального нарратива,

³⁴ Ibid. S. 330.

³⁵ Ibid.

³⁶ Lindeqvist K. O. Suomen historia. S. 332–334.

³⁷ Ibid. S. 339.

³⁸ Асман А. Длинная тень прошлого... С. 41.

потому что смог обеспечить прочные эмоциональные основы нации; ведь еще Эрнест Ренан указывал, что страдания и траур консолидируют сильнее, чем триумф и успех³⁹. Период *Isoviha* обладал не только мощной объединительной силой, но также был превращен в символ, указывающий на историческую враждебность между русскими и финнами.

В свою очередь, если нация возникает как сообщество для достижения политических целей, то главной из них становится осуществление мечты каждой нации — получение свободы, залогом и символом которой является суверенное государство⁴⁰; нация находит свое выражение в нем. Соответственно, присутствие периода *Isoviha* в национальном нарративе, увеличение его влияния как символа прошлого после обретения Финляндией независимости, предопределило конфронтационный вектор развития отношений с восточным соседом.

Под влиянием результатов Второй мировой войны для Финляндии произошли изменения в национальном нарративе, в котором не оказалось места для элемента «*Isoviha*». Данное обстоятельство указывает на начало нового периода в развитии финляндской историографии, точкой отсчета которого является 1944 год, хотя остатки «ненависти к русоя» (*Ryssäviha*) сохранялись вплоть до 1960-х годов⁴¹. Соответственно, я предлагаю обозначить данный период как «постпамять» — «постфункциональный», где первая составляющая указывает на момент разрыва, а также позволяет уловить специфику отношений между поколениями⁴², в свою очередь, вторая подчеркивает переходный характер данного периода в развитии историографии.

На некоторое время период *Isoviha* был забыт, что является важным проявлением политики памяти⁴³, а в момент своего нового появления он утратил прежнее символическое значение. Появляются исследования по истории отдельных местностей в период *Isoviha* (Микко Юва, Аулис Оя и др.), потому что в разных частях страны в разные годы положение сильно менялось, что, по мнению Эйно Ютиккала, сильно затрудняет создание общей картины периода *Isoviha*⁴⁴.

Вновь заметное место занимают сюжеты о жестокости русской армии, даже говорится о политике террора, проводимой оккупационной властью, но указывается, что данные действия имели стратегическую подоплеку⁴⁵, а оценка проводится с точки зрения их эффективности; в большинстве своем они признаются

³⁹ Там же.

⁴⁰ Андерсон Б. Воображаемые сообщества... С. 32.

⁴¹ Вихавайнен Т. Восточная граница исчезает. С. 152.

⁴² Сафронова Ю. А. Историческая память: введение. СПб., 2019. С. 161.

⁴³ Миллер А. II. Россия: власть и история // Pro et Contra. 2009. № 3–4 (46). С. 7.

⁴⁴ Кууйо Э. Финляндия во время Великой Северной войны // Труды VIII советско-финляндского симпозиума историков / под ред. В. И. Буганова [и др.]. Л., 1985. С. 12–14.

⁴⁵ Мейландер Х. История Финляндии. Линии, структуры, переломные моменты. М., 2017. С. 55.

бессмысленными, потому что стали причиной возникновения сложностей с обеспечением русской армии на оккупированной территории⁴⁶. Историки не предпринимают каких-либо попыток актуализировать результаты своих научных исследований.

Нарратив о финских партизанах, кивикесах, претерпевает кардинальные изменения в финляндской историографии. Теперь историки делают акцент на отрицательных сторонах партизанского движения: жестокие наказания мирных жителей со стороны русской армии из-за деятельности партизан. Соответственно, появляются указания на отсутствие их повсеместной поддержки и даже на существование ненависти к ним⁴⁷, причем часто эта враждебность была направлена ко всей прежней шведской власти, которая привела страну к гибели⁴⁸. Также четко указывается, что действия партизан не внесли значительного вклада в ход военных действий⁴⁹.

В 2005 году появилось исследование Кустаа Вилкуны «*Viha: perikato, katkeruus ja kertomus isostavibasta*»⁵⁰, которое демонстрирует новое восприятие периода *Isoviha* как символического элемента прошлого. Одной из его задач стало изучение причин, которые побудили финнов охарактеризовать период как *Isoviha*. Речь идет об исторических нарративах, которые способствовали утверждению «мифа», превращении «периода в эпоху»⁵¹, что позволяет охарактеризовать его исследование как открывающее качественно новый период, потому что изучать традицию — значит быть более не в силах однозначно распознать ее носителей⁵²; финны больше не идентифицируют себя с наследием периода *Isoviha*. Соответственно, данный период я обозначил как «дисфункциональный», но его хронологические рамки весьма условны, потому что в данном случае не произошло разрыва, а наблюдается континуитет в развитии историографии.

Я прихожу к заключению, что в своем символическом значении период *Isoviha* обладал не только мощной объединительной силой, но также указывал на историческую враждебность между русскими и финнами, а важным элементом периода *Isoviha* как символического целого стали финские партизаны — кивикесы, образ которых задал критерии для определения своей принадлежности к одному сообществу — финской нации. В настоящее время они не исчезли из исторической памяти финнов, а их образ продолжает выполнять идентификационную функцию.

⁴⁶ Karonen P. Pohjoinen suurvalta. Ruotsi ja Suomi 1521–1809. Porvoo, Helsinki, Juva, 1999. S. 319.

⁴⁷ Mäntylä I. Suurvaltakausi // Suomen historian pikkujättiläinen / Ed. by S. Zetterberg. Helsinki, 2003. S. 266.

⁴⁸ Кууйо Э. Финляндия во время Великой Северной войны. С. 15.

⁴⁹ Mäntylä I. Suurvaltakausi. S. 266.

⁵⁰ Vilkuna K. H. J. Viha: perikato, katkeruus... 623 s.

⁵¹ Ibid. S. 13.

⁵² Франция–память. СПб., 1999. С. 23.

В свою очередь, нарратив *Isoviha* оказался дисфункционален, но даже его забвение является важным маркером ценностно-смысловых ориентиров национального сообщества.

Список литературы

Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон ; пер. с англ. В. Г. Николаева. — Москва : «КАНОН-пресс-Ц» ; «Кучково поле», 2001. — 288 с.

Ассман, А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / А. Ассман ; пер. с нем. Бориса Хлебникова. — Москва : Новое литературное обозрение, 2014. — 328 с.

Вихавайнен, Т. Восточная граница исчезает. Два столетия России и Финляндии / Т. Вихавайнен ; пер. с фин. А. И. Рупасова. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2012. — 248 с.

Кууйо, Э. Финляндия во время Великой Северной войны / Э. Кууйо // Труды VIII советско-финляндского симпозиума историков / под ред. В. И. Буганова [и др.]. — Ленинград : Изд-во «Наука», 1985. — С. 12–15.

Лескинен, М. В. Путешествие по родной стране: описание как способ национальной репрезентации. Финляндия и финны в изображении З. Топелиуса / М. В. Лескинен // Одиссей : человек в истории / Ин-т всеобщ. истории РАН ; [гл. ред. А. О. Чубарьян ; сост. С. И. Лучицкая]. — Москва : Наука, 2010. — С. 175–204.

Мейнандер, Х. История Финляндии. Линии, структуры, переломные моменты / Х. Мейнандер ; пер. со швед. З. Линден, С. Машкова. — Изд. 2-е, доп. и испр. — Москва : Изд-во «Весь Мир», 2017. — 256 с.

Миллер, А. И. Россия: власть и история / А. И. Миллер // Pro et Contra. — 2009. — № 3–4 (46). — С. 6–23.

Миллер, А. И. Нация, или Могущество мифа / А. И. Миллер. — Санкт-Петербург : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2016. — 146 с.

Расила, В. История Финляндии / В. Расила ; пер. с фин. Л. В. Суни. — Изд. 2-е, доп. и испр. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2006. — 360 с.

Сафронова, Ю. А. Историческая память: введение : учеб. пособие / Ю. А. Сафронова. — Санкт-Петербург : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. — 220 с.

Топелиус, С. Березка и звезда / С. Топелиус // Скандинавские сказки [Электронный ресурс]. — 2008. — URL: <http://s-skazka.org.ua/index.php?id=topelius&sk=15>. — (29.08.2019).

Франция—память / П. Нора [и др. ; пер. с фр. Д. Хапаевой]. — Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 1999. — 328 с.

Шенк, Ф. Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000) / Ф. Б. Шенк ; пер. с нем. Е. Земсковой, М. Лавринович. — Москва : Новое литературное обозрение, 2007. — 592 с.

Elfving, V. Härkmanin rojat / V. Elfving // The Project Gutenberg [Электронный ресурс]. — 1908. — URL: <http://www.gutenberg.org/cache/epub/15637/pg15637.html>. — (29.08.2019).

Karonen, P. Pohjoinen suurvalta. Ruotsi ja Suomi 1521–1809 / P. Karonen. — Porvoo ; Helsinki ; Juva : WSOY, 1999. — 533 s.

Lindeqvist, K. O. Suomen historia / K. O. Lindeqvist. — Porvoo : WSOY, 1926. — 558 s.

Löfving, S. Päiväkirja / S. Löfving // The Project Gutenberg [Электронный ресурс]. — 1882. — URL: <http://www.gutenberg.org/cache/epub/22361/pg22361.html>. — (29.08.2019).

Martinheimo, A. Kolme sissia / A. Martinheimo. — Helsinki : Kirjayhtymä, 1980. — 88 s.

Rauta, V. Isoviha / V. Rauta. — Helsinki : Sanatar, 1943. — 139 s.

Rokkonen, H. Sankareita kaikki — Herpmanin poikien tarina / H. Rokkonen // DIGI — Yleisten kirjastojen digitoimaa aineistoa [Электронный ресурс]. — 2015. — S. 32–34. — URL: <http://digi.kirjastot.fi/items/show/121297>. — (29.08.2019).

Ruohonen, M. Sissipäällikkö Tapani Löfving ja Karuna / M. Ruohonen // Karunan Kynntilä. — 2016. — № 18. — S. 7–8.

Mäntylä, I. Suurvaltakausi / I. Mäntylä // Suomen historian pikkujättiläinen / ed. By S. Zetterberg. — Helsinki : WSOY, 2003. — S. 181–272.

Topelius, Z. Maamme kirja: lukukirja suomen alimmille oppilaitoksille / Z. Topelius. — Porvoo : WSOY, 1929. — 511 s.

Topelius, Z. Välskärin kertomuksia / Z. Topelius // The Project Gutenberg [Электронный ресурс]. — Porvoo : WSOY, 1896. — URL: <http://www.gutenberg.org/cache/epub/36328/pg36328.html>. — (29.08.2019).

Vilkuna, K. H. J. Viha: perikato, katkeruus ja kertomus isostavihasta / K. H. J. Vilkuna. — Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2005. — 623 s.

Wilkuna, K. Tapani Löfvingin seikkailut / K. Wilkuna // The Project Gutenberg [Электронный ресурс]. — 1918. — URL: <http://www.gutenberg.org/cache/epub/13171/pg13171.html>. — (29.08.2019).

Yrjö-Koskinen, Y. S. Lähteitä ison vihan historiaan / Y. S. Yrjö-Koskinen. — Helsinki, 1865. — 474 s.

ПЛЕХ Олеся Анатольевна / PLEKH Olesia

Институт российской истории РАН / The Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences

Россия, Москва / Russia, Moscow

plekh@mail.ru

ЧИСЛЕННОСТЬ СЛУЖАЩИХ ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.*

THE NUMBER OF EMPLOYEES IN OLONETS PROVINCE IN THE FIRST HALF OF THE 19th CENTURY

Abstract: The article deals with the quantitative values of the administration employees of Olonetsk province in the first half of the 19th century. Based on archival materials, the discovered that the number of employees under Alexander I decreased by half, and under Nicholas I increased almost four times. Generally, the growth of the administration employees from 1803 to 1850 estimated 52%. The analysis employees staff considering their organizational affiliation to allows us to see that the Central government sought to strengthen the personnel of administrative, police and financial institutions, giving priority to the latter. Based on the data presented in the article, the author concludes that during the studied period the personnel policy of the state has undergone qualitative changes. If in the first quarter of the 19th century central power sought to unify legal regulation, while not taking into account regional specifics of evolution of administrative staff, and this fact largely exacerbated personnel problems in Olonetsk province, in the second quarter of the 19th century, central power, while accepting the need to take into account regional specifics upon administering quality and structure of local civil institutions, was forced to initiate measures, aimed to overcome persistent lack of civil personnel. However, in the middle of the century, the number of staff positions in the Olonets province exceeded the number of those wishing to fill them in.

Ключевые слова / Keywords: Чиновничество, кадровый состав, гражданская служба, местное управление, провинция, Олонецкая губерния / Bureaucrasy, personnel, civil service, local government, province, Olonets province

Изучение бюрократического аппарата Российской империи, как центрального, так и местного, неизбежно сталкивает исследователей с проблемой определения его общей численности. Впервые этот вопрос был затронут в 1960–1980-е гг. в публикациях Н. Ф. Демидовой, С. М. Троицкого, Х.-Й. Торке, П. А. Зайончковского, Н. П. Ерошкина, которым удалось получить довольно точные данные на середину XVIII и середину XIX вв.¹ и примерные показатели, касающиеся

* Публикация подготовлена при поддержке гранта Президента РФ для молодых российских ученых (проект № МК-1194.2018.6).

¹ Демидова Н. Ф. Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма в XVII–XVIII вв. // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.). М., 1964. С. 225, 239–240; Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в.: Формирование бюрократии. М., 1974. С. 176–177;

табельного чиновничества начала XIX в.² Однако в трудах указанных авторов практически не затрагивались вопросы, связанные с численностью служащих провинциальных учреждений. К ним обратились только в последние десятилетия и в рамках общих работ по истории государственного управления³, и в ходе изучения местного аппарата управления. При этом выявить источники, которые сообщили бы точные данные о численности провинциальных служащих первой половины XIX в., по сей день не удалось, а многочисленные диссертационные исследования по местному чиновничеству содержат лишь отрывочные данные по отдельным губерниям и регионам⁴. Кроме того, в литературе имеются значительные разночтения относительно методики расчета показателей, а терминологическая разногласия порождает путаницу при интерпретации данных.

Между тем интерес к численности государственного аппарата подогревается активно обсуждаемой проблемой недоуправляемости империей⁵. Этот тезис впервые был выдвинут зарубежными исследователями⁶, проводившими параллели между развитием Западной Европы и России. Они полагали, что недоуправляемость служила причиной отставания и медленной модернизации. При этом отмечалась и крайняя неравномерность распределения административных ресурсов на территории Российской империи⁷, что, в свою очередь, актуализирует проблему установления численности бюрократии в разных регионах.

Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 67–71, 221.

² Torke H. J. Das Russische Beamtentum in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. 1967. Bd. 13. S. 135; Pintner W. M. The Evolution of Civil Officialdom, 1755–1855 // Russian Officialdom. The Bureaucratization of Russian Society from the 17th to the 20th century. Chapel Hill (N.C.), 1980. P. 192; Ерошкин Н. П. Крепостническое самодержавие и его политические институты (Первая половина XIX в.). М., 1981. С. 63.

³ В частности, Л. Ф. Писарькова установила, что в 1780-е гг. в местных учреждениях насчитывалось около 49 тыс. служащих; в ходе преобразований Павла I это число заметно сократилось и к 1801 г. не превышало 30–33 тыс. Подробнее см.: Писарькова Л. Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века: Эволюция бюрократической системы. М., 2007. С. 431–432, 506.

⁴ Вакилев Т. Р. Провинциальное чиновничество в системе государственного управления во второй четверти XIX века (на материалах Пензенской губернии): дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2017. С. 310; Иванов В. А. Источники о численном составе чиновников местных московских учреждений середины XIX века // Отечественная история. 2007. № 5. С. 175–187; Мельникова И. Г. Чиновничество верхневолжских губерний в первой четверти XIX века: дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2010. С. 120–127; Мерзлякова А. В. Чиновничество Вятской губернии первой половины XIX века (опыт социально-политической характеристики): дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 1997. С. 60–61; Пискачев Т. А. Провинциальное чиновничество России в последней четверти XVIII — первой половине XIX вв. (на материалах Рязанской губернии): дис. ... канд. ист. наук. Рязань, 2006. С. 251, 255–258; Токмакова Ю. Н. Провинциальное чиновничество Центральной России в 1801–1861 гг. (на материалах Курской губернии): дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2011. С. 34–37; и др.

⁵ Подробнее см.: Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 2. СПб., 2015. С. 422–489.

⁶ См., например: Starr S. F. Decentralization and Self-Government in Russia, 1830–1870. Princeton (N.J.), 1972.

⁷ Velychenko S. The Size of the Imperial Russian Bureaucracy and Army in Comparative Perspective // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2001. Bd. 49. H. 3. S. 346–362.

В центре внимания настоящего исследования — служащие Олонецкой губернии первой половины XIX в.: численность и ее динамика. Документальную основу исследования составляют хорошо известные специалистам материалы архивной коллекции Российского государственного исторического архива (РГИА. Ф. 1349), включающие материалы систематического учета чиновничества. Несмотря на то, что историки, занимающиеся проблемами кадрового обеспечения местных учреждений, активно обращаются к этим источникам, данные групповых формулярных списков чиновников Олонецкой губернии еще не вводились в научный оборот.

При изучении местного аппарата управления проблема определения его количественных показателей представляется одной из наиболее сложных. Как уже было сказано, историкам еще не удалось обнаружить документы, содержащие показатели численности служащих первой половины XIX в., что объясняется как недостаточной разработанностью источниковой базы, так и ее фрагментарностью⁸. Групповые формулярные списки из фондов РГИА также не могут сообщить точных показателей, поскольку в них предписывалось включать только служащих чиновников, а сведения о лицах, не имевших классов чинов (городские и сельские выборные, канцелярские служители), присылать не требовалось. Конечно, в отдельных случаях встречается информация и о канцелярских служителях, однако это следует расценивать как исключение. Поэтому при определении численности служащих наиболее предпочтительным представляется подход, уже апробированный на материалах Вологодской губернии⁹: сопоставление данных, полученных в результате обработки групповых формулярных списков, со штатными расписаниями, закреплявшими предполагаемый правительством состав местных учреждений. Следует, конечно, учитывать, что штаты, издававшиеся в первой четверти XIX в. фиксировали только должности присутствующих лиц и секретарей и не отражали численность канцелярских служителей. В процессе усложнения структуры местных учреждений в штатные расписания постепенно включались и канцелярские должности, однако и к середине века их список был неполным, а на протяжении всего изучаемого периода за управляющими учреждениями сохранялось право регулировать численность этих служащих «по мере надобности». Следовательно, предлагаемый подход не позволяет получить точные данные, однако

⁸ В частности, в региональных архивах делопроизводственная документация конца XVIII — первой половины XIX в. сохранилась довольно плохо, что во многом связано с неудовлетворительной организацией хранения архивных дел в дореволюционное время, а также кампанией «по разбору и уничтожению старых дел», проводившейся в губерниях с 1845 г. Подробнее см.: *Виноградова Т. В.* Организация делопроизводства губернских административных учреждений Российской империи в первой половине XIX века: на материалах Олонецкой губернии: дис. канд. ... ист. наук. М., 2004. С. 172–181.

⁹ *Плех О. А.* Местное управление в Вологодской губернии в первой половине XIX века: дис. ... канд. ист. наук. М., 2016. С. 94–104.

дает возможность частично компенсировать пробелы, обнаруженные в основном источнике.

В ходе настоящего исследования изучены групповые формулярные списки за 1803, 1826, 1844 и 1850 гг.¹⁰ При выборе хронологических срезов учитывались, с одной стороны, полнота источников, а с другой — имеющиеся данные по другим губерниям Европейского Севера России (Архангельской и Вологодской), что создает основу для компаративного анализа¹¹. Групповой формулярный список, датированный 1803 г., — самый ранний, из представленных в фонде 1349 РГИА. Он включает не только чиновников, но и канцелярских служащих, что является большой редкостью для данного источника¹². По всей видимости, это список, в котором нашли отражение результаты укомплектования местных учреждений на момент восстановления губернии¹³. Групповые формулярные списки за 1826 и 1850 гг. позволяют судить о результатах кадровой политики правительств Александра I и Николая I. Однако и тот и другой списки содержат информацию только о чиновниках. В связи с этим еще были привлечены документы за 1844 г., которые, так же как и материалы 1803 г., включают полный состав служащих (и чиновников, и нечиновников). В таблице 1 представлены результаты обработки групповых формулярных списков.

Таблица 1

Численность служащих Олонецкой губернии по данным групповых формулярных списков

Год	Служащие в составе присутствий учреждений		Служащие в составе канцелярий учреждений				Всего	
			канцелярские чиновники		канцелярские служащие			
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
1803	93	34,9	68	25,6	105	39,5	266	100
1826	90	85,7	15	14,3	0	0,0	105	100
1844	146	31,0	130	27,6	195	41,4	471	100
1850	164	40,3	239	58,7	4	1,0	407	100

¹⁰ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1349. Оп. 4. 1803. Д. 54. Л. 1 об.–175; 1826. Д. 133. Л. 1 об.–314; 1844. Д. 514. Ч. 1. Л. 1 об.–644; Ч. 2. Л. 1 об.–450; Оп. 5. Д. 78. Л. 1 об.–24; Д. 6644. Л. 1 об.–70; Д. 6972. Л. 1 об.–690; Д. 7589. Л. 1 об.–532; Д. 7951. Л. 1 об.–305.

¹¹ Результаты исследования по Архангельской и Вологодской губерниям частично отражены в диссертации и в ряде публикаций автора настоящей статьи.

¹² Здесь и далее понятия «чиновник», «канцелярский чиновник» и «канцелярский служащий» употребляются в соответствии со смысловым значением, которое они имели в изучаемую эпоху: чиновник — это лицо, имевшее классный чин; канцелярский чиновник — лицо, имевшее классный чин и состоявшее на канцелярской должности; канцелярский служащий — лицо, не имевшее классного чина и состоявшее на канцелярской должности.

¹³ Олонецкая губерния была упразднена при Павле I и восстановлена при Александре I по указу от 9 сентября 1801 г. «О восстановлении пяти губерний и о подчинении пограничных губерний военным губернаторам». См.: Полное собрание законов Российской империи: Собрание I (ПСЗ–I). Т. 26. № 20 004.

Примечание. Согласно действовавшему в изучаемый период законодательству, во внутреннем устройстве местных учреждений выделялись «руководящее» присутствие и подчиненная ему канцелярия. Присутствия формировались из лиц, назначаемых правительством, и выборных сословных представителей (дворянских, городских и сельских). Эти служащие в настоящей статье именуются присутствующими лицами. К ним также отнесены занимавшие близкие по значению должности специалисты: землемеры, лекари, архитекторы, гражданские инженеры, а также иные должности, не связанные с канцелярской работой (уездные казначеи, уездные стряпчие, городничие, частные приставы, чиновники особых поручений, соляные и винные приставы и т.п.). Лица, непосредственно занимавшиеся делопроизводственной работой, относятся к категории служащих канцелярий.

Составлено по: РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1803. Д. 54. Л. 1 об.–175; 1826. Д. 133. Л. 1 об.–314; 1844. Д. 514. Ч. 1. Л. 1 об.–644; Ч. 2. Л. 1 об.–450; Оп. 5. Д. 78. Л. 1 об.–24; Д. 6644. Л. 1 об.–70; Д. 6972. Л. 1 об.–690; Д. 7589. Л. 1 об.–532; Д. 7951. Л. 1 об.–305.

Взятые за основу групповые формулярные списки были сопоставлены со сведениями, полученными в ходе изучения штатных расписаний, что позволило скорректировать показатели. Согласно групповому формулярному списку 1803 г., в Олонецкой губернии служило 266 человек, из которых 93, или 34,9%, занимали должности в присутствиях учреждений или относились к категории специалистов, а 173 (65,1%) — в канцеляриях; среди последних 68 человек (25,6%) являлись канцелярскими чиновниками, остальные 105 (39,5%) — канцелярскими служащими¹⁴. Отметим то, что в первое десятилетие XIX в. в Олонецкой губернии проводились дворянские выборы¹⁵, по результатам которых заполнялась 31 должность. Полный комплект «дворянских» выборных должностей был представлен в губернских судебных палатах, совестном суде и в учреждениях Вытегорского, Каргопольского и Лодейнопольского уездов; в Петрозаводском и Олонецком уездах действовал усеченный вариант выборного представительства, а в Пудожском и Повенецком уездах дворяне по выборам не служили.

Групповой формулярный список 1803 г. оказался неполным: в нем отсутствуют служащие врачебной управы и уездные лекари, губернский прокурор и стряпчие (всего 22 должности). Кроме того, не по всем учреждениям, включенным в список, имелся полный комплект служащих, и это, по всей видимости, связано с наличием вакантных мест (всего 10 должностей). Также в изучаемые списки никогда не попадали лица, служившие по городским и сельским выборам (в 1803 г. — 36 должностей)¹⁶. Итак, сравнение данных группового формулярного списка

¹⁴ РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1803. Д. 54. Л. 1 об.–175.

¹⁵ Благовещенский И. Исторические материалы о дворянах Олонецкой губернии // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1907 год. Петрозаводск, 1907. С. 243–246.

¹⁶ Здесь и далее учитываются только городские и сельские выборные лица, входившие в состав присутствий губернских судебных учреждений, уездных и земских судов.

с действовавшим в этот период штатным расписанием от 31 июля 1802 г.¹⁷ позволило установить, что в начале XIX в. численность служащих Олонецкой губернии могла достигать 334 человек: 159, или 47,6%, «присутствующих» лиц и 175, или 52,4%, служащих канцелярий (см. табл. 2).

Групповой формулярный список за 1826 г. включает всего 105 чиновников¹⁸. При этом среди них насчитывается только 15 служащих канцелярий (все занимали секретарские должности). Сравнивая эти данные со штатными расписаниями¹⁹, находим, что по учреждениям, включенным в список, пропущено 150 должностей: 54 в присутствиях, в том числе 36 выборных городских и крестьянских, и 96 — в канцеляриях. Вовсе в список не попали служащие по лесному ведомству, уездные правления питейного сбора, соляные приставы, врачебная управа и уездные лекари (всего 69 должностей). Если объединить все эти данные, то получим, что в 1826 г. численность служащих Олонецкой губернии должна была составлять 324 человека: 212, или 65,4%, «присутствующих» лиц и 112, или 34,6%, служащих канцелярий. Учитывая, что штатные расписания первой четверти XIX в. практически не включали канцелярские должности (в частности, они были представлены лишь в обновленных в 1817–1823 гг. штатах финансовых учреждений), то следует полагать, что численность служащих канцелярий получилась заниженной (она, как минимум, не должна быть меньше, чем в 1803 г.). Однако при оценке этих показателей следует учитывать ситуацию, сложившуюся на практике в изучаемой губернии.

Известно, что в первой четверти XIX в., когда ассигнационный рубль сильно обесценился, а оклады для основной массы должностей оставались неизменными с момента их утверждения в начале века, материальное положение государственных служащих заметно ухудшилось. Олонецкая губерния, не имея собственных ресурсов для укомплектования аппарата управления, суровым климатом и дороговизной жизни не привлекала чиновников из других губерний²⁰. К 1820-м гг. ситуация усугубилась настолько, что многие должности пребывали незаполненными, хронический недостаток ощущался не только в канцелярских служителях, но и среди классных чиновников и специалистов. В 1824 г. Олонецкое губернское правление в своем представлении генерал-губернатору указывало, сколько в подведомственных ему присутственных местах не хватает канцелярских служителей: «в городнических правлениях Олонецком, Лодейнопольском, Каргопольском, Пудожском и Повенецком нет ни одного, у Петрозаводского ж и Вытегорского

¹⁷ ПСЗ–I. Т. 27. № 20 353.

¹⁸ РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1826. Д. 133. Л. 1 об.–314.

¹⁹ ПСЗ–I Т. 27. № 20 353; Т. 34. № 26 764; Т. 36. № 27 668; Т. 38. № 29 694; Т. 39. № 29 953; Т. 39. № 29 961.

²⁰ Подробнее см.: *Благовецкий П.* Образование Олонецкой губернии, управление ею за столетие (1802–1902) // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1902 год. Петрозаводск, 1902. С. 188.

только по одному человеку, и затем нужно для семи городничих 12 человек, для семи уездных судов вообще недостает 39, в дворянских опеках двух по протоколисту есть, а в прочих нет, каковых нужно пять, и в земских судах за наличными недостает еще шести, итого необходимо нужно бы иметь к замещению сих ваканциев 62 человека»²¹. Губернское правление указывало и на причины острой нехватки служащих: «за весьма малоположенною в жалованье и на расход на сии места суммою, никак нельзя убедить желающих к служению, ибо жалованье в сих местах канцелярским чинам и по удвоении определенных сумм с 1821 года не превышает каждому двухсот рублей, а нижние чины должны получать от 80 руб. до 100 руб.»²². Кроме того, пустовали секретарские должности в самом губернском правлении, казенной и гражданской палатах, в двух уездных и трех земских судах («по неимению» способных к занятию этих ответственных должностей чиновников)²³. Губернская администрация ходатайствовала о разрешении принимать на службу лиц «из свободных состояний податями обложенных», а также об установлении «некоторых особенных выгод» для изъявивших желание служить в Олонецкой губернии²⁴. Однако эта инициатива получила поддержку уже при Николае I: в 1826 г. было разрешено принимать «в канцелярское звание» людей податного состояния²⁵, а с 1828 г. стали вводиться льготы для лиц, желающих отправиться на службу в Олонецкую губернию²⁶.

Следовательно, результаты политики правительства Александра I были таковы, что в 1820-е гг. местные учреждения в изучаемой губернии функционировали в условиях кадрового голода. Учитывая это, крайне сложно определить даже примерную численность аппарата управления. Очевидно, что групповой формулярный список 1826 г. неполный, он не включал ряд учреждений и должностей, и, следовательно, количество служащих было несколько больше, чем 105 человек. Но в то же время многочисленные пропущенные должности по учреждениям, вошедшим в список, по всей видимости, пребывали вакантными. В связи с этим есть все основания полагать, что к 1826 г. реальная численность служащих в губернии сократилась почти в 2 раза.

Групповой формулярный список за 1844 г. также представляет собой редкий образец документа, включающий сведения и о чиновниках, и о канцелярских служителях. Всего в него включен 471 служащий: 272 чиновника, в том числе 130 канцелярских чиновников, и 199 лиц, не имевших чинов²⁷. Вакантными были

²¹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 3. 1824. Д. 166. Л. 2 об.

²² Там же. Л. 2 об.–3.

²³ Там же. Л. 3.

²⁴ Там же. Л. 5.

²⁵ Полное собрание законов Российской империи: Собрание II (ПСЗ–II). Т. 1. № 570.

²⁶ ПСЗ–II. Т. 3. № 2 394.

²⁷ РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1844. Д. 514. Ч. 1. Л. 1 об.–644; Ч. 2. Л. 1 об.–450.

70 штатных мест (12 в присутствиях и 58 в канцеляриях). Не были учтены сведения о городских и сельских выборных лицах (34 должности). Кроме того, групповой формулярный список 1844 г. также оказался неполным: он не включал служащих по лесному ведомству, губернской строительной комиссии, губернского прокурора и стряпчих, губернского и уездных землемеров (45 должностей)²⁸. Следовательно, к середине 1840-х гг. численность служащих Олонецкой губернии могла достигать 620 человек (см. табл. 2).

Добиться такого роста аппарата управления удалось благодаря установлению льгот для лиц, желавших отправиться сюда на службу. Так, указы от 31 октября 1828 г. и 30 марта 1832 г.²⁹ рассматривались верховной властью лишь как временные меры, направленные на привлечение служащих, и были отменены в 1835 г.³⁰. К концу 1830-х гг. государство было вынуждено признать необходимым введение служебных привилегий на постоянной основе, что нашло закрепление сначала в указе от 29 апреля 1839 г.³¹, а затем — от 9 июня 1842 г.³² Кроме того, с 1838 г. на канцелярские должности в Олонецкую губернию стали направлять воспитанников из особо учрежденных при Ярославском и Полтавском приказах общественного призрения отделений для подготовки писцов (лица, выпущенные в звании младших писцов, обязаны были прослужить не менее 10 лет, старших — 8). В 1840-е гг. в губернию также командировались выпускники Александровского воспитательного заведения для бедных дворян Рязанской губернии³³. Эти меры привели к ощутимому притоку служащих, что отразилось, в первую очередь, на численности олонецкой бюрократии. Так, в групповом формулярном списке за 1844 г. насчитывалось 104 человека (т.е. 22,1% от всех учтенных лиц), воспользовавшихся льготами, а также 34 воспитанника (7,2%).

Групповой формулярный список за 1850 г. включает в основном чиновников (407 служащих, в том числе 238 канцелярских чиновников и 8 лиц, не имевших классных чинов: 4 специалиста и 4 канцелярских служителя)³⁴. В этих документах отсутствуют сведения о служащих по лесному ведомству, губернской комиссии народного продовольствия, губернском прокуроре и губернских стряпчих (25 должностей). По учреждениям, включенным в список, пропущены

²⁸ ПСЗ–II. Т. 15. Отд. 2. № 14 105; Отд. 3. № 14 107, 14 108; Т. 16. Отд. 1. № 14 552; Т. 19. Отд. 2. № 17 657.

²⁹ ПСЗ–II. Т. 3. № 2 394; Т. 7. № 5 267.

³⁰ ПСЗ–II. Т. 10. Отд. 1. № 8 164.

³¹ ПСЗ–II. Т. 14. Отд. 1. № 12 281.

³² ПСЗ–II. Т. 17. Отд. 1. № 15 731.

³³ *Благовещенский И.* Образование Олонецкой губернии, управление ее за столетие (1802–1902 гг.) существования // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1902 год. Петрозаводск, 1902. С. 192–193.

³⁴ РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 78. Л. 1 об.–24; Д. 6644. Л. 1 об.–70; Д. 6972. Л. 1 об.–690; Д. 7589. Л. 1 об.–532; Д. 7951. Л. 1 об.–305.

192 должности: среди них 45 должностей в присутствиях, в том числе 30 выборных городских и крестьянских, и 147 в канцеляриях³⁵. Учитывая показатели за 1844 г., следует полагать, что из всей этой массы штатных единиц только часть, причем часть не столь большая (не более 25%), пустовала, а подавляющее большинство было занято канцелярскими служащими, которые в 1850 г. не попали в материалы учета. Определить точное количество последних не представляется возможным, однако следует предположить, что оно было довольно значительным. По материалам 1844 г. установлено, что среди служащих канцелярий 40% составляли канцелярские чиновники и 60% канцелярские служащие. К середине века, когда еще более ощутимыми были результаты действия указов 1839 и 1842 гг., которые, помимо прочего, давали преимущества при получении классовых чинов, численность лиц, воспользовавшихся льготами, заметно возросла (только среди чиновничества они составляли 31,2%). По всей видимости, вместе с этим увеличилась доля канцелярских чиновников и сократилась канцелярских служащих. Предположим, что их удельный вес выровнялся (50/50). В таком случае количество канцелярских служащих должно было приближаться к 238. Соответственно, общая численность служащих Олонецкой губернии могла увеличиться до 695 человек.

Таблица 2

Численность служащих Олонецкой губернии в первой половине XIX в.

Категория служащих		1803 г.		1844 г.		
		чел.	%	чел.	%	
Служащие в составе присутствий учреждений	по определению от правительства*	92	27,5	183	29,5	
	по выборам	дворянства*	31	9,3	0	0,0
		купечества**	6	1,8	4	0,6
		крестьянства**	30	9,0	30	4,9
Служащие в составе канцелярий учреждений	канцелярские чиновники*	68	20,4	161	26,0	
	канцелярские служащие*	107	32,0	242	39,0	
Всего		334	100	620	100	

* Численность определена при сопоставлении данных из групповых формулярных списков и штатных расписаний.

** Численность определена по штатным расписаниям.

Составлено по: РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1803. Д. 54. Л. 1 об.–175; 1844. Д. 514. Ч. 1. Л. 1 об.–644; Ч. 2. Л. 1 об.–450; ПСЗ–I. Т. 27. № 20 353; Т. 44. Ч. 2. [К № 24 985]; ПСЗ–II. Т. 7. № 5 624; Т. 10. Отд. 2. № 8559; Т. 14. Отд. 1–2. № 12 169; Т. 15. Отд. 1–2. № 14 105; Отд. 1, 3. № 14 107, 14 108; Т. 16. Отд. 1–2. № 14552; Т. 19. Отд. 1–2. № 17 657.

В таблице 2 отражены результаты проведенных расчетов по 1803 и 1844 гг., поскольку именно за эти годы удалось определить численность служащих наиболее

³⁵ ПСЗ–II. Т. 15. Отд. 2. № 14 105; Отд. 3. № 14 107; Т. 16. Отд. 1. № 14 552; Т. 19. Отд. 2. № 17 657; Т. 20. Отд. 1. № 18 608, 18 608; Т. 23. Отд. 2. № 22 768.

близко к реально существовавшей. Эти данные позволяют прийти к выводу, что за 40 лет аппарат управления Олонецкой губернии вырос почти в 2 раза. Чтобы понять, за счет усиления каких звеньев происходил этот рост, необходимо обратить внимание на распределение численности служащих по ведомствам.

Таблица 3

**Распределение численности служащих Олонецкой губернии по
ведомствам**

Министерство	Учреждения	1803 г.		1844 г.	
		чел.	%	чел.	%
внутренних дел	губернские	38	11,4	100	16,6
	уездные*	79	23,6	145	24,1
финансов	губернские	43	12,9	73	12,1
	уездные	36	10,8	57	9,5
юстиции	губернские	42	12,6	45	7,5
	уездные	96	28,7	104	17,3
государственных имуществ	губернские	—	—	43	7,2
	уездные	—	—	35	5,8
Всего		334	100	602	100

* По Министерству внутренних дел в категорию служащие уездных учреждений отнесены городнические правления.

Во избежание искажения общей динамики из расчетов по 1844 г. исключены работники канцелярий городских сословных учреждений, которые только с 1837 г. были отнесены к разряду государственных служащих и, соответственно, не учитывались при подготовке статистики за 1803 г.

Составлено по: РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1803. Д. 54. Л. 1 об.—175; 1844. Д. 514. Ч. 1. Л. 1 об.—644; Ч. 2. Л. 1 об.—450; ПСЗ—I. Т. 27. № 20 353; Т. 44. Ч. 2. [К № 24 985]; ПСЗ—II. Т. 7. №5 624; Т. 10. Отд. 2. № 8559; Т. 14. Отд. 1—2. № 12 169; Т. 15. Отд. 1—2. № 14 105; Отд. 1, 3. № 14 107, 14 108; Т. 16. Отд. 1—2. № 14552; Т. 19. Отд. 1—2. № 17 657.

Как видно из таблицы 3, рост не был равномерным. Если в 1803 г. наибольшим было представительство служащих учреждений Министерства юстиции (41,3%), то к 1844 г. на первое место вышли административно-полицейские (40,7%), а треть местного аппарата управления занимали финансовые учреждения (Министерство финансов — 21,5%, Министерство государственных имуществ — 13,0%), причем приоритет правительство отдавало последним. Это демонстрируют показатели прироста общей численности служащих: по финансовым учреждениям он составил 62,0%, по административно-полицейским — 52,2% и всего 7,4% по судебным.

В 1803 г. самыми крупными губернскими учреждениями являлись казенная палата (43 служащих) и губернское правление (29). В последующие десятилетия состав губернского правления был расширен в 2 раза (в 1844 г. — 64 служащих), но все равно уступал финансовым учреждениям. Так, в 1844 г. в казенной палате

служило 73 человека, а с 1839 г. в губернии начал работу еще один крупный финансовый орган — палата государственных имуществ (в 1844 г. — 43 служащих). Отметим также, что к 1844 г. среди губернских учреждений Министерства внутренних дел выделяются канцелярия губернатора, получившая после издания «Наказа губернаторам» 1837 г. «нормальный штат», и особые комиссии, созданные для решения конкретных административно-хозяйственных задач (губернская строительная комиссия, губернская комиссия народного продовольствия, губернская дорожная комиссия). В то же время на уездном уровне рост административно-полицейских учреждений происходил за счет увеличения наличных сил городской полиции (численность служащих городских правлений выросла с 15 до 32) и сельской (земских судов — с 57 до 104). Уездные казначейства за 40-летний период также пополнили состав (в 1803 г. — 22 служащих, в 1844 г. — 36), возросло число винных приставов (с 7 до 16 человек), а, кроме того, в 1839 г. открылись окружные управления ведомства государственных имуществ (в 1844 г. насчитывали 34 служащих). Совершенно иная динамика наблюдается у судебных учреждений. В 1803 г. губернские судебные палаты и совестный суд в общей сумме насчитывали 39 служащих, в 1844 — 38. Эта динамика, в первую очередь, связана с тем, что по указу от 9 ноября 1835 г. в Олонецкой губернии палата гражданского суда соединялась с уголовной палатой «в одно присутствие» под наименованием палаты гражданского и уголовного суда³⁶. По численности уездных служащих судебного ведомства также не наблюдалось роста: в 1803 г. в уездных судах и дворянских опеках состояло 82 служащих, в 1844 г. — 83. Некоторое увеличение показателей, представленное в таблице 3, связано с учреждением при уездных стряпчих «особых» канцелярий: указом от 21 июня 1837 г. в обязанность нижним присутственным местам вменялось «командировать для письмоводства к уездным стряпчим одного способного канцелярского служителя, по собственному их избранию»³⁷.

Проведенное исследование позволило увидеть особенности развития аппарата управления Олонецкой губернии. С одной стороны, численность бюрократии за изучаемый период увеличилась в 2 раза (с 1803 по 1850 г. рост составил около 52%), а с другой — этот процесс не был равномерным: за первую четверть XIX в. количество служащих в губернии сократилось в 2 раза и к 1826 г. каждая четвертая штатная чиновничья должность пребывала вакантной, а канцелярии присутственных мест оказались наполовину пустыми; во второй четверти XIX в. ситуация заметно улучшилась, с 1826 по 1844 г. количество служащих увеличилось почти в 4 раза.

³⁶ ПСЗ–II. Т. 10. Отд. 2. № 8 559.

³⁷ ПСЗ–II. Т. 12. Отд. 1. № 10 356.

Представленная динамика численности служащих с учетом их ведомственной принадлежности дает основание утверждать, что центральное правительство, в первую очередь, стремилось к усилению кадрового состава административно-полицейских и финансовых учреждений, при этом наибольшее внимание уделялось последним, что свидетельствует о приоритетных задачах государства в системе местного управления: поддержание общественного порядка и безопасности, обеспечение сохранности казенного имущества и налоговых поступлений.

Подводя итоги, следует отметить, что в первой половине XIX в. кадровая политика в сфере местного управления претерпела качественные изменения. Правительство Александра I стремилось к унификации правового регулирования, допуская лишь самые вынужденные отступления от общих норм и не учитывая региональную специфику. Для Олонецкой губернии, всегда испытывавшей трудности в наполнении присутственных мест, такой подход обернулся не только острой нехваткой рядовых канцелярских служащих (недостаток которых ощущался во многих губерниях), но и отсутствием желающих занять штатные чиновничьи должности. Во второй четверти XIX в. верховная власть была вынуждена обратить более пристальное внимание на положение Олонецкой губернии и признать необходимость учета территориальных особенностей при регулировании численности и состава ее учреждений. Благодаря комплексу мероприятий, направленному как на подготовку служащих, так и на их привлечение из других губерний, в целом удалось преодолеть хронический дефицит кадров, однако и в середине века число штатных должностей превышало количество желающих их заполнить.

Список литературы

Благовещенский, И. Исторические материалы о дворянах Олонецкой губернии / И. Благовещенский // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1907 год. — Петрозаводск : Олонецкая губ. тип., 1907. — С. 243–259.

Вакилев, Т. Р. Провинциальное чиновничество в системе государственного управления во второй четверти XIX века (на материалах Пензенской губернии) : дис. ... канд. ист. наук / Т. В. Вакилев. — Пенза, 2017. — 370 с.

Виноградова, Т. В. Организация делопроизводства губернских административных учреждений Российской империи в первой половине XIX века: на материалах Олонецкой губернии: дис. канд. ... ист. наук / Т. В. Виноградова. — Москва, 2004. — 214 с.

Демидова, Н. Ф. Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма в XVII–XVIII вв. / Н. Ф. Демидова // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.) / отв. ред. Н. М. Дружинин. — Москва : Наука, 1964. — С. 206–242.

Ерошкин, Н. П. Крепостническое самодержавие и его политические институты (Первая половина XIX в.) / Н. П. Ерошкин. — Москва : Мысль, 1981. — 252 с.

Зайончковский, П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. / П. А. Зайончковский. Москва : Мысль, 1978. 288 с.

Иванов, В. А. Источники о численном составе чиновников местных московских учреждений середины XIX века / В. А. Иванов // Отечественная история. — 2007. — № 5. — С. 175–187.

Мельникова, И. Г. Чиновничество верхневолжских губерний в первой четверти XIX века: дис. ... канд. ист. наук / И. Г. Мельникова. — Ярославль, 2010. — 272 с.

Мерзлякова, Л. В. Чиновничество Вятской губернии первой половины XIX века (опыт социально-политической характеристики): дис. ... канд. ист. наук / Л. В. Мерзлякова. — Ижевск, 1997. — 228 с.

Мионов, Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 2 / Б. Н. Мионов. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2015. — 912 с.

Писарькова, Л. Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века: Эволюция бюрократической системы / Л. Ф. Писарькова. — Москва : РОССПЭН, 2007. — 743 с.

Плех, О. А. Местное управление в Вологодской губернии в первой половине XIX века: дис. ... канд. ист. наук / О. А. Плех. — Москва, 2016. — 400 с.

Поскачей, Т. А. Провинциальное чиновничество России в последней четверти XVIII–первой половине XIX вв. (на материалах Рязанской губернии): дис. ... канд. ист. наук Т. А. Поскачей. — Рязань, 2006. — 261 с.

Токмакова, Ю. Н. Провинциальное чиновничество Центральной России в 1801–1861 гг. (на материалах Курской губернии): дис. ... канд. ист. наук / Ю. Н. Токмакова. — Курск, 2011. — 190 с.

Троицкий, С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в.: Формирование бюрократии / С. М. Троицкий. — Москва : Наука, 1974. — 395 с.

Pintner, W. M. The Evolution of Civil Officialdom, 1755–1855 / W. M. Pintner // Russian Officialdom : the Bureaucratization of Russ. Soc. from the Seventeenth to the Twentieth Century / ed. by Walter McKenzie Pintner and Don Karl Rowney ; contributors: Helju Aulik Bennett et al. — Chapel Hill : Univ. of North Carolina press, 1980. — P. 190–226.

Starr, S. F. Decentralization and Self-Government in Russia, 1830–1870 / S. F. Starr. Princeton. — N. J. : Princeton Univ. Press, 1972. — 386 p.

Torke, H. J. Das Russische Beamtentum in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts / H. J. Torke // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. — 1967. — Bd. 13. — S. 7–345.

Velychenko, S. The Size of the Imperial Russian Bureaucracy and Army in Comparative Perspective / S. Velychenko // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. — 2001. — Bd. 49, H. 3. — S. 346–362.

ХОМЕНКО Денис Юрьевич / KHOMENKO Denis

Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева;
Красноярский медицинский техникум / Krasnoyarsk State Pedagogical University
named after V. P. Astafiev; Krasnoyarsk Medical Vocational School

Россия, Красноярск / Russia, Krasnoyarsk

khomenko_denis@mail.ru

ФИНСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ ВЕРХНИЙ СУЭТУК ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА: КРАТКИЙ ОБЗОР

THE FINNISH SETTLEMENT OF VERKHNI SUETUK IN THE SECOND HALF
OF THE 19th — EARLY 20th CENTURY: A BRIEF OVERVIEW

Abstract. The article deals with the history of colony for criminal exiles Verkhni Suetuk in the Yenisei region in the second half of the 19th — early 20th centuries. The author reveals peculiarities of development of the colony, the formation of elements of social infrastructure: churches and schools, ties with the historical homeland. The factors that contributed to the preservation of national identity by Siberian Finns are revealed. The author characterizes the policy in relation to the Finns.

Ключевые слова / Keywords: Финны, Енисейская губерния, лютеране, национальная идентичность, конфессиональные школы, имперская политика / Finns, Yenisei region, Lutherans, national identity, confessional schools, imperial policy

В результате присоединения Великого княжества Финляндского к Российской империи в начале XIX века на «финляндских уроженцев» стала распространяться такая мера уголовного наказания, как ссылка в Сибирь. Вследствие этого, в Сибири появились населённые пункты с преимущественно финским населением, в том числе колония Верхний Суэтук на территории Енисейской губернии. Немногочисленные дореволюционные публикации представляют собой описание истории основания колонии, быта и нравов её жителей. Советская историческая наука за редкими исключениями не занималась изучением финского населения Сибири. Несмотря на появление с конца 1980-х годов значительного количества публикаций, рассматривающих историю формирования лютеранского населения в Сибири, авторы акцентируют своё внимание на прибалтийских народах и немцах. История финского населения рассмотрена в значительно меньшей степени. Кроме того, представляется недостаточно изученной история становления и развития лютеранской инфраструктуры в Сибири. Специально посвящённая данному вопросу работа И. М. Эспер и С. С. Сярг касается в основном западно-сибирских поселений¹.

Таким образом, целью настоящей статьи является выявление особенностей становления и развития финского поселения Верхний Суэтук, способов сохранения

¹ Эспер И.М., Сярг С.С. Рыжково (первое лютеранское поселение в Сибири) и лютеранская церковь. СПб., 2013. 390 с.

финнами национальной идентичности, формирования лютеранской инфраструктуры и характеристика политики империи в отношении финского населения Сибири.

При водворении ссыльных финнов в Сибири власти учитывали их вероисповедание: в начале XIX века в Западной Сибири была основана колония Рыжково для ссыльных лютеран. Первыми поселенцами были финны-ингерманландцы из Санкт-Петербургской губернии. Позже власти стали водворять в Рыжково лютеран других национальностей: латышей, эстонцев и финнов из Великого княжества.

В Восточной Сибири до середины XIX века не существовало специального поселения для лютеран. В 1845 г. Николай I принял решение о направлении «маловажных преступников Евангелического исповедания» в колонию Рыжково. Других, «более важных преступников Евангелического исповедания, ссылаемых в Сибирь на поселение, отправлять в Енисейскую губернию, где образовать для всех их в Минусинском округе одну или две колонии»². На следующий год после указа Николая I, енисейский губернатор издал официальное приглашение для лютеранских поселенцев водвориться в Минусинском округе. На это приглашение откликнулись пять лютеранских семей, в том числе семейство Юрия Кульдема.

Весной 1850 г. Ю. Кульдем поселился в местности на побережье речки Суэтук Минусинского округа Енисейской губернии. К осени он обзавёлся хозяйством, и это событие считается основанием нового лютеранского поселения Верхний Суэтук.

Посетивший в начале 1857 г. Верхний Суэтук дивизионный пастор Коссманин выступил с предложением водворять всех лютеран, сосланных в Восточную Сибирь, в данную колонию. Данное предложение было поддержано Енисейским губернатором, и первая партия ссыльных лютеран прибыла в конце марта того же года³. Однако официальное оформленное решение о водворении ссыльных лютеран на юг Енисейской губернии было принято позже. 31 июля 1870 г. Совет Главного управления Восточной Сибири постановил: «На будущее время ссыльных лютеранского исповедания, следующих в Восточную Сибирь на поселение и проч., а также освобождённых от каторжных работ, не поселяя уже ни в Иркутской губернии, ни в Забайкальской области, причислять на поселение в Минусинский округ Енисейской губернии в колонии Верхнее-Суэтуцкую, Верхнее-Буланскую и Нижне Буланскую»⁴.

² Полное собрание законов Российской империи (далее — ПЗС РИ). СПб., 1846. Т. XX—II. С. 55–56.

³ Гаунт В. Состояние колоний ссыльных лютеранского вероисповедания в Шушенской волости Минусинского округа, 1850–1863 г. // Вторая памятная книжка Енисейской губернии на 1865–1866 гг. СПб., 1865. С. 62.

⁴ Государственный архив Красноярского края (далее ГАКК). Ф. 160. Оп. 1. Д. 686. Л. 33 об.

Среди прибывших в 1857 г. было «небольшое число латышей». На следующий год они основали отдельную колонию, в 20 верстах от Верхнего Суэтука⁵. Кроме финнов и латышей, в Верхний Суэтук в конце 1850-х годов водворялись эстонцы. Однако через некоторое время, «во избежание национальной розни с тамошними финнами, они (эстонцы. — Д. Х.) перебрались на новое место»⁶.

Таким образом, к началу 1860-х годов в лютеранских колониях юга Енисейской губернии произошло национальное размежевание: поселение Верхний Суэтук стало местом проживания финнов и эстонцев, Верхняя Буланка — эстонцев, Нижняя Буланка — латышей и немцев.

О численности финского населения имеются следующие сведения. К 1861 г., по данным генерал-губернатора Восточной Сибири, в Верхнем Суэтуке проживало до 300 «уроженцев Финляндии»⁷. В 1880 г., во время инспекции генерал-суперинтенданта А. Юргенсона, численность финнов была установлена на уровне около 280 человек⁸. Данные о численности финского населения за 1902 г. приводятся пробстом сибирских финнов Й. Гранё. В соответствии с ними, в Верхнем Суэтуке проживало 357 финнов⁹.

Существуют описания лютеранских колоний Минусинского округа, представляющие их скопищем преступного элемента, а их «внешний вид» — крайне непривлекательным. В. Гаупт указывал в 1865 г., что «нравственность колонистов, в особенности финнов, незавидна; но всё-таки должно различить в этом отношении живущих собственными домами в колониях от нанимающихся в частные работы и, особенно, идущих на золотые промыслы. Последние — самый бедовый, пьяный и развратный класс... дело нередко доходит до ножей, даже убийства ... Воровство и конокрадство часто повторяется»¹⁰. Е. К. Яковлев писал в 1900 г.: деревни, «не смотря на внешний высший культурный уровень в сравнении с окружающим русским населением поражают своим нищенским видом и грязью, а жители — низким уровнем нравственности и преступностью». В отличие от В. Гаупта, он отмечает, что именно «Буланка — центр конокрадов, любителей незаконной сидки вина и пр., и сеть различных пособников их незаконным деяния, укрывателей и попустителей

⁵ Гаупт В. Состояние колоний ссыльных лютеранского вероисповедания в Шушенской волости Минусинского округа, 1850–1863 г. // Вторая памятная книжка Енисейской губернии на 1865–1866 гг. СПб., 1865. С. 65.

⁶ Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутск, 1893. Т. IV. Вып. 2. С. 28.

⁷ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 821. Оп. 5. Д. 1218. Л. 13 об., 14 об.;

⁸ РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 159. Л. 1–2 об.

⁹ Эспер И.М., Сярг С.С. Рьжково (первое лютеранское поселение в Сибири) и лютеранская церковь. СПб., 2013 С. 199–200.

¹⁰ Гаупт В. Состояние колоний ссыльных лютеранского вероисповедания в Шушенской волости Минусинского округа, 1850–1863 г. // Вторая памятная книжка Енисейской губернии на 1865–1866 гг. СПб., 1865. С. 72.

раскинута по всей округе вплоть до административных центров... Указанные отрицательные явления — принадлежность особенно латышского населения и при том группы поселенцев»¹¹. Е. К. Яковлеву вторит А. В. Адрианов: «Несмотря на высший культурный уровень этих колоний по сравнению с окружающим их русским населением, колонии отличаются нищенским видом и низким нравственным уровнем. Колонии слывут приютом преступного элемента»¹².

О частоте и характере преступлений, совершавшихся в лютеранских колониях, позволяют судить архивные документы. В апреле 1913 г. житель Верхнего Суэтука изнасиловал девушку 16 лет¹³. В июне того же года трое жителей Верхнего Суэтука «нанесли тяжкие побои проходившему по улице сотскому»¹⁴. В сентябре 1914 г. в той же колонии у одного из жителей сгорел сарай, ущерб был оценён в 126 руб. 55 коп. В поджоге подозревали односельчанина¹⁵. Таким образом, в лютеранских колониях совершались как имущественные, так и особо тяжкие преступления против личности.

Вскоре после основания Верхнего Суэтука власти озаботились вопросом организации духовной жизни ссыльных лютеран. В 1858 г. Генеральная евангелическо-лютеранская консистория обратилась в Министерство внутренних дел с предложениями по устройству «духовного призрения ссыльнопоселенцев сего исповедания в Восточной Сибири»¹⁶. К решению этого вопроса подключилась администрация Великого княжества Финляндского.

В 1861 г. финляндский сенат обратился к императору с ходатайством «об определении в Восточной Сибири одного финского пастора и одного катихизатора, который вместе с тем исправлял бы обязанности кистера, с производством им содержания из финляндских статных сумм». Поскольку в Енисейской губернии уже было поселение Верхне-Суэтук (так в тексте. — Д. Х.), куда ссылали «исключительно... финляндских поселенцев», то сенат предлагал сделать этот же посёлок местом пребывания пастора и катихизатора¹⁷.

Таким образом, финская администрация проявляла заботу о своих соотечественниках, а не о всех лютеранах (в прошении упоминаются только «финляндские уроженцы»). Такая позиция может говорить о высоком уровне

¹¹ Яковлев Е. К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог этнографического отдела музея // Описание Минусинского музея. Вып. 4. Минусинск, 1900. С. 161–162.

¹² Адрианов А. В. Очерки Минусинского края. (Отд. оттиск из «Сибирского Торгово-Промышленного Календаря» на 1904 год). Томск, 1904. С. 38.

¹³ ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 1467. Л. 16 об.

¹⁴ Там же. Л. 154 об.

¹⁵ Там же. Д. 1471. Л. 53 об.

¹⁶ РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 1218. Л. 66.

¹⁷ Там же. Л. 1–3.

национального самосознания. Подход финских властей предлагается назвать экстерриториально-национальным.

Генерал-губернатор Восточной Сибири, отвечая на запрос министра внутренних дел по данному вопросу, сообщал, что ссыльные финны действительно проживали компактно в селении Верхний Суэтук. Однако генерал-губернатор предлагал вместо экстерриториально-национального принципа руководствоваться конфессионально-территориальным: по назначении пастора в Верхний Суэтук, подчинить всех лютеран Енисейской губернии его духовному попечению, без учёта национальной принадлежности. В первую очередь генерал-губернатор настаивал на том, чтобы будущий пастор осуществлял духовное призрение лютеран из Нижней и Верхней Буланок. При этом отмечалось, что «означенный пастор и катехизатор [должны быть]... знакомы с языками упомянутых выше племен» (т. е. латышским и эстонским)¹⁸.

Таким образом, сибирская администрация благожелательно отнеслась к идее о назначении пастора в Верхний Суэтук, но, в отличие от финских властей, руководствовалась не национальным, а территориальным принципом.

21 марта 1863 г. был издан указ Александра II о создании лютеранского прихода в селении Верхний Суэтук¹⁹. В соответствии с ним предполагалось, что нового лютеранского пастора будет назначать финляндский сенат. Помянутый пастор «должен иметь свое главное местопребывание в поселении Верхнее-Суэтук, Шущальской (так в тексте, вероятно Шущенской. — Д. Х.) волости Минусинского округа и знать шведский, финский, русский и немецкий языки. На пастора возложить духовное назидание не только находящихся в Верхнее-Суэтуке финнов, но и латышей и эстов лютеранского вероисповедания, проживающих в смежных с Суэтуком поселениях Верхней и Нижней Буланках, и вообще всех лютеран в Енисейской губернии». Жалование новому пастору устанавливалось в размере 1000 руб. в год с оплатой проезда в обе стороны. Источником финансирования были названы финляндские штатные суммы. Этим же решением в Верхний Суэтук назначался помощник пастора — катехизатор.

Таким образом, император удовлетворил все просьбы, высказанные финляндской администрацией, но вместе с тем учёл и предложения генерал-губернатора Восточной Сибири и Генеральской консистории, прежде всего в вопросе духовного попечения эстонцев и латышей. Созданную систему духовного попечения лютеран Енисейской губернии следует признать компромиссной: хотя будущему пастору и было предписано окормлять всех лютеран (конфессиональный подход), независимо от национальности, предполагалось, что он будет иметь

¹⁸ Там же. Л. 13–15 об.

¹⁹ ПСЗ РИ. СПб., 1866. Т. XXXVIII–I. С. 247.

финское происхождение, ему предписывалось знать финский язык (но не латышский и эстонский), и преимущества по службе он мог получить только в Финляндии (национальный подход).

Здание церкви в Верхнем Суэтуке.

Источник: *Granö J. Kuusi vuotta Siperiassa. Helsinki, 1893. S. 156.*

Создание лютеранского прихода совпало с началом периода Великих либеральных реформ, которые коснулись и Финляндии: с именем Александра II связан этап расширения автономии Великого княжества. В частности, в том же 1863 г. была возобновлена работа законодательного органа — Сейма²⁰. Благожелательное отношение имперских властей к нуждам сибирских финнов вписывается в финскую политику имперского правительства в указанный период.

Созданная в начале 1860-х годов система духовного попечения лютеранского населения Енисейской губернии оказалась недееспособной. Генерал-суперинтендант Московской евангелическо-лютеранской консистории А. Юргенсон, который побывал в колониях с инспекцией в 1880 г., отмечал «упадок церковной и нравственной жизни, особливо в латышской поселении Нижней Буланке, вызванный тем обстоятельством, что ни один из прежних проповедников не владел латышским языком»²¹. А. Юргенсон предложил создать отдельный приход для латышей и эстонцев, а также перенести «штаб-квартиру» финляндского пастора

²⁰ Витусновская-Каутала М. А. С. Ю. Витте, Н. Н. Герард и парламентская реформа Финляндии // Проблемы реформирования России на рубеже XIX–XX вв.: к столетию со дня смерти С. Ю. Витте: сборник статей. СПб, 2018. С. 344.

²¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 159. Л. 1 об.

из Верхнего Суэтука в такое место, «откуда он имел бы возможность посещать ежегодно многочисленных поселенных в Западной Сибири финляндских уроженцев»²². Таким образом, представитель лютеранской консистории отошёл от конфессионально-территориального подхода при организации лютеранских приходов в Сибири и предложил учитывать национальную специфику.

Финляндский сенат ожидаемо поддержал мнение о необходимости переноса «штаб-квартиры» финляндского пастора. Наиболее подходящим населённым пунктом для его размещения сенат посчитал г. Омск. Сенат предполагал вменить новому пастору в обязанность «ежегодно посещать все населённые финляндцами места в Западной Сибири до Верхнего Суэтука»²³. Таким образом, позиция Финляндского сената представляется последовательной: как и в начале 1860-х годов, финская администрация добивалась создания экстерриториально-национального прихода.

Здание церкви в Верхнем Суэтуке

Источник: *Эспер И. М., Сярг С. С. Рыжково* (первое лютеранское поселение в Сибири) и лютеранская церковь. СПб., 2013. С. 184.

Современная фотография

Результатом усилий по реформированию системы духовного попечения сибирских лютеран стало Высочайшее объявление 23 декабря 1884 г., сделанное в Гельсингфорсе. В нём Александр III распорядился «по назначении особого эстонско-латышского проповедника для поселений в окрестностях Верхнего Суэтука, постоянное местопребывание финляндского проповедника впредь до времени перенести в Омск»²⁴. По неизвестным причинам данное объявление не вошло в Полное собрание законов Российской империи. Исследователю текст объявления известен из архивной копии. В своём решении Александр III

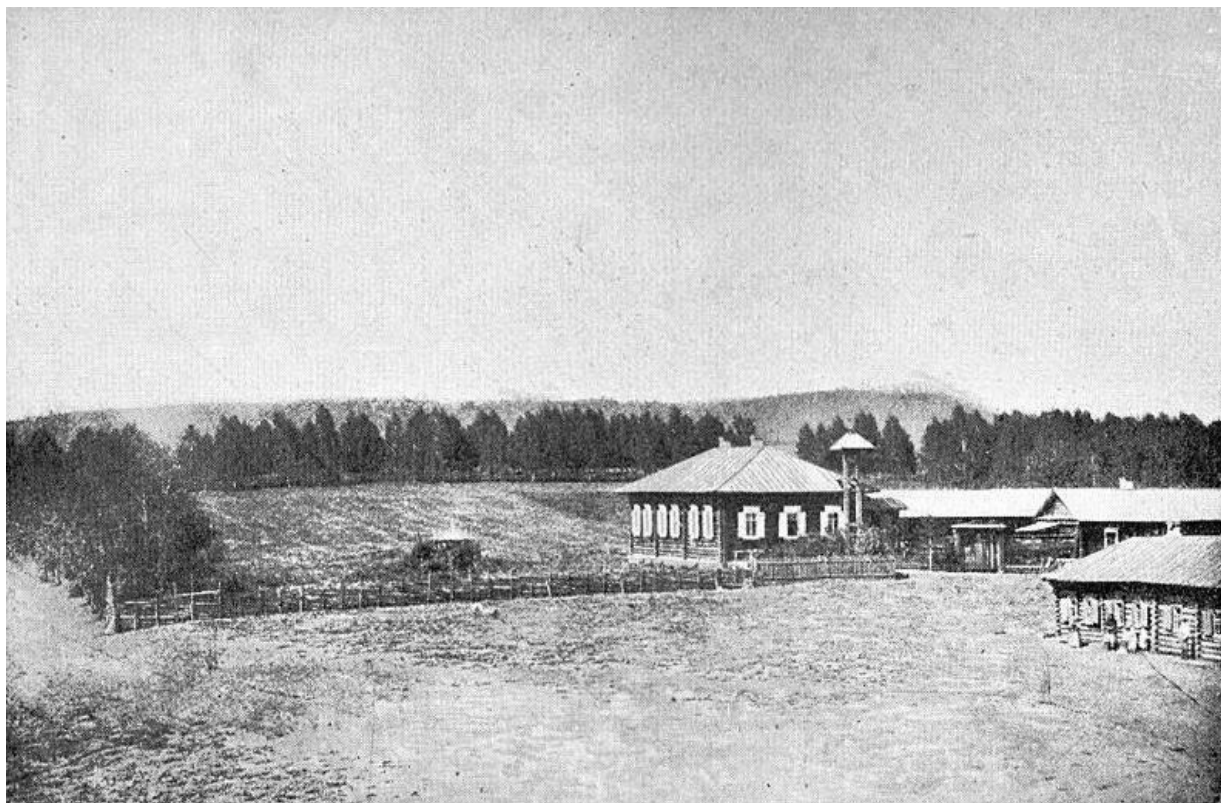
²² Там же. Л. 1–1 об.

²³ Там же. Л. 7об.–8об.

²⁴ Там же. Л. 81 об.

удовлетворил все просьбы финляндской администрации: о переносе «штаб-квартиры» финляндского проповедника, об оставлении катехизатора в Верхнем Суэтуке, о жаловании, о разъездных расходах и т. д.

Кроме церковной организации, в лютеранских колониях были созданы национальные школы. В Верхнем Суэтуке существовали две школы: одна — для финского населения, основана в 1864 г., а вторая — для эстонцев, около 1895 г.²⁵

Здание школы в Верхнем Суэтуке

Источник: *Granö J. Kuusi vuotta Siperiassa. Helsinki, 1893. S. 68.*

Все три катехизатора в лютеранских колониях выписывали «по несколько газет на национальном языке и по 1–2 газеты на немецком»²⁶. Данное замечание представляется весьма важным, т. к. демонстрирует желание жителей колоний получать новости с исторической родины, чувствовать единство со своим народом. Катехизаторы становились проводниками между исторической родиной и поселенцами.

Как отмечалось, жители колоний находились под постоянной опекой своих соплеменников в Финляндии. Это выразилось и в деле организации школьного образования: на содержание школы в Верхнем Суэтуке деньги выделялись

²⁵ Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутск, 1893. Т. IV. Вып. 2. С. 24–25.

²⁶ Там же. С. 26;

из финляндской казны (2000 марок в год)²⁷. Помещение для школы в Верхнем Суэтуке было построено на средства, выделенные Финляндским сенатом. Современники отмечали, что это здание соответствовало всем требованиям. В нём были даже «кое-какие наглядные пособия, особая от кирхи фисгармония для обучения пению»²⁸.

В свете актуальной для конца XIX — начала XX века политики и практики русификации окраин, Иркутский генерал-губернатор А. Д. Горемыкин в 1895 г. предложил реорганизовать школы, существовавшие в лютеранских колониях юга Енисейской губернии, передав их в ведение Министерства народного просвещения и переведя преподавание на русский язык (кроме Закона Божия)²⁹. Однако идеи генерал-губернатора не нашли понимания в министерстве финансов, которому пришлось бы взять на себя расходы по их содержанию³⁰. Таким образом, в начале XX века школы в лютеранских колониях оставались национальными. В 1905 г. эти школы не учтены в качестве министерских³¹, однако, в данных 1913 г. уже числятся министерские школы в Верхнем Суэтуке, Верхней и Нижней Буланки³². Надо полагать, что за означенный период национальные школы всё-таки были реорганизованы.

Здание школы в Верхнем Суэтуке

Источник: *Эспер И. М., Сярг С. С. Рыжково (первое лютеранское поселение в Сибири) и лютеранская церковь.* СПб, 2013. С. 179.

Фото 2010 г.

²⁷ Там же. С. 24; *Яковлев Е. К.* Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог этнографического отдела музея // Описание Минусинского музея. Вып. 4. Минусинск, 1900. С. 161.

²⁸ Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутск, 1893. Т. IV. Вып. 2. С. 25.

²⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 172. Д. 746. Л. 1.

³⁰ Там же. Л. 7.

³¹ Там же. Оп. 187. Д. 1185.

³² Там же. Д. 1203.

В 1915 г. при Верхнее-Суэтульской школе существовала воскресная школа, которую посещали 10 мужчин и 12 женщин. Её программа была рассчитана на 72 учебных часа, которые были распределены на 24 дня. Среди преподававшихся предметов числились: Закон Божий, чтение, письмо, арифметика³³. Другой формой образования взрослых были воскресные чтения. В Верхнее-Суэтуцком училище за 1915 г. прошло 12 чтений, во время которых читались статьи из «Сельского Вестника» и «Деревенского хозяйства». В Нижне-Буланском училище за тот же период было проведено 30 чтений о трезвости и войне. Проводились чтения усилиями учащихся означенных школ³⁴.

Жизнь финских колонистов в Верхнем Суэтуке была объектом внимания не только государственных органов, но и финляндской общественности. В 1884 г. «некоторые частные лица в Гельсингфорсе приобрели на собранные ими средства орган для употребления при богослужении и школе для сказанных колонистов (жителей Верхнего Суэтука. — Д. Х.)». Известно, что приобретение органа состоялось по ходатайству учителя из Верхнего Суэтука³⁵. Это замечание крайне важно, т. к. демонстрирует наличие связей между лютеранской колонией и исторической родиной. Наличие такой связи свидетельствует в пользу тезиса о высоком уровне национального самосознания, как сосланных финнов, так и жителей Финляндии. После приобретения встал вопрос о доставке органа в Восточную Сибирь. До Санкт-Петербурга орган был доставлен за счёт жертвователей. Доставку от столицы империи до Томска оплатила Генеральная евангелическо-лютеранская консистория³⁶. За доставку от Томска до посёлка Верхний Суэтук вновь платили жертвователи. Орган был отправлен в Томск на рубеже июня–июля 1885 г.³⁷ К сожалению, исследователю не известно доподлинно, был ли орган доставлен по месту назначения.

Данный случай показывает, что если в 1860-х годах интересы ссыльных финнов отстаивали государственные национальные структуры в лице Финляндского сената, то в 1880-х годах фиксируется внимание общества к жизни и судьбам соплеменников.

Сожительство финнов и эстонцев в Верхнем Суэтуке всегда было напряжённым. Очередной конфликт произошёл в 1915 г., когда Верхнее-Суэтуцкий евангелическо-лютеранский церковный совет обратился к Енисейскому губернатору с просьбой упразднить финский приход. Это было связано с тем, что «финский

³³ Березовский Н. П. О состоянии начального образования в Енисейской губернии за 1915 г. Общие сведения. Красноярск, 1916. С. 46.

³⁴ Там же. С. 52.

³⁵ РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 159. Л. 73.

³⁶ Там же. Л. 94 об.

³⁷ Там же. Л. 121.

катизатор (так в тексте, имеется в виду катехизатор. — Д. Х.) подстрекает наших прихожан от обязанностей» по содержанию эстонского училища³⁸. В упомянутом прошении прихожане подчёркнуто именуется эстонцами. Соответственно, соперничество между приходами носило не религиозный, а во многом этнический характер, хотя причины разногласий и крылись в экономических обстоятельствах: необходимости обслуживания училища. Как уже отмечалось, этническая идентичность была для жителей колоний важнее религиозной, и власть была вынуждена с этим фактором считаться.

Подводя итог существованию финской колонии до 1917 г., следует сослаться на слова В. Ю. Григорьева о том, что «колонисты сохранили в полной чистоте свой язык и национальные особенности»³⁹. Этому способствовали следующие факторы: изоляция колонии от окружающего русского населения; создание и деятельность элементов социальной инфраструктуры, таких как церковь и школа; поддержка со стороны администрации и общественности Великого княжества Финляндского. Политику империи в отношении сибирских финнов следует признать достаточно гибкой.

Список литературы

Витухновская-Каушала, М. А. С. Ю. Витте, Н. Н. Герард и парламентская реформа Финляндии / М. А. Витухновская-Каушала // Проблемы реформирования России на рубеже XIX–XX вв.: к столетию со дня смерти С. Ю. Витте: сборник статей. — Санкт-Петербург : издательство Европейского университета, 2018. — С. 343–364.

Эспер, И. М. Рыжково (первое лютеранское поселение в Сибири) и лютеранская церковь / И. М. Эспер, С. С. Сярг. — Санкт-Петербург : Гйоль, 2013. — 390 с.

³⁸ ГАКК. Ф. 595. Оп. 48. Д. 1042. Л. 1.

³⁹ Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутск, 1893. Т. IV. Вып. 2. С.28.

НИКОЛАЕВ Никита Иванович / NIKOLAEV Nikita

Санкт-Петербургский государственный университет / St. Petersburg State University
Россия, Санкт-Петербург / Russia, Saint-Petersburg
niknikspbu@gmail.com

ПЕРЕГОВОРЫ О ПЕРЕМИРИИ В РАЙОКИ — ПРЕЛЮДИЯ К ТАРТУСКОЙ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

THE TRUCE TALKS IN RAJAJOKI — A PRELUDE TO THE TARTU PEACE CONFERENCE

Abstract: The consultations of militaries of Finland and Soviet Russia in the border town of Rajajoki in April 1920 were the first meeting of delegations of countries after negotiations in Berlin in August 1918. For almost two years, relations between the two neighboring states were very strange. Despite the absence of an official state of war, the Finnish armed forces and volunteers repeatedly invaded the territory of Russia in Karelia and Murman. The successful operations of the Red Army in the second half of 1919 — early 1920 allowed Soviet Russia to regain control of the Northwestern territories lost during the Civil War, except for the two parishes: Rebola and Porosozero. In the spring of 1920, the Red Army reached the borders of disputed parishes. The Bolshevik leadership suspended the offensive, offering the Finns consultations with a view to concluding a truce. The meetings in Rajajoki had become an important milestone in the bilateral relations of the states on the way to the peace negotiations that were to begin a few months later in the Estonian city of Tartu.

Ключевые слова / Keywords: Внешняя политика Советской России, советско-финские отношения, гражданская война в России, Печенга / Foreign affairs of Soviet Russia, Soviet-Finnish relations, Civil war in Russia, Petsamo

1920 год стал переломным во внешней политике молодого советского государства. Гражданская война постепенно подходила к своему логическому завершению, на передний план выходил вопрос о восстановлении разрушенной экономики страны. Внутренних ресурсов было недостаточно — поэтому пришлось на время отказаться от активного продвижения идей о мировой революции на Запад и договариваться с сопредельными странами о мирном развитии взаимоотношений.

Особую роль в советской внешней политике играло балтийское направление — обеспечение торгового судоходства и безопасного положения Петрограда было главной причиной мирных инициатив большевистского руководства. Если с Эстонией удалось договориться довольно скоро (2 февраля 1920 года между страны подписали мирное соглашение), то Финляндия оказалась «крепким орешком» для Советской России. Мирные инициативы Народного Комиссариата по Иностранным Делах нашли отклик лишь весной 1920 года. Своеобразной «разведкой боем» должны были стать переговоры о перемирии.

Они начались 12 апреля 1920 года в пограничном местечке Раяйоки (ныне руины железнодорожной станции можно найти между Белоостровом и Солнечным). Русская делегация состояла из члена РВС Петроградской Трудовой Армии Михаила Михайловича Лашевича (председатель делегации), члена Полевого Штаба РВСР Александра Александровича Самойло, сотрудника Морского Генерального Штаба Евгения Андреевича Беренса. Все перечисленные имели право решающего голоса при принятии решений. Также в состав делегации входили представитель НКВД Борис Егорович Зуль и помощник начальника разведочной части Полевого Штаба Петр Кузьмич Удалов (делопроизводитель). Финская делегация включала в себя генерал-майора Мартина Ветцера (председатель делегации), майора Генерального штаба Айно Сомерсало, корвет-капитана Эйнара Шванка — все три с решающим правом голоса. Остальные члены — представитель МИД Финляндии, магистр философии Лаури Хайникайнен, представитель Финляндского временного экономического комитета инженер Альберт Рихард Энкель (делопроизводитель делегации) и лейтенант Эдуард Пилкинен (адъютант председателя и секретарь делегации)¹. Советской делегации были предоставлены жилые помещения с аппаратом «Юза» и прямым проводом в Россию, также сами члены делегации, как и курьеры, объявлялись неприкосновенными.

В первый день произошла проверка мандатов, после чего делегаты решили технические вопросы проведения переговоров. Протоколы было решено вести советской делегацией на русском языке, финской — на немецком. Также представители Финляндии и Советской России договорились на следующий день, 13 апреля, выслушать советские и финские предложения и обсудить их.

Первый день работы комиссий начался с выступления председателя советской делегации. В своей речи Лашевич заявил, что СНК и ВЦИК доказывают не только на словах, но и на деле своё миролюбие по отношению к другим государствам и не требуют приращения своей территории за их счёт. В то же время они считают, что обязаны защищать интересы российского трудового народа и неприкосновенность республики. Важно, что председатель делегации указывал² на отсутствие состояния войны между Советской Россией и Финляндией, однако отмечал, что страны фактически ведут между собой военные действия. Основной базой для ведения переговоров он назвал границу 1914 года, однако с исключением для территорий Ребольской и Поросозерской волостей — они должны стать нейтральной зоной. Относительно положения в Финском заливе предлагалось следующее: «нейтральный большой корабельный фарватер шириной в три мили считая от

¹ Холодковский В. М. Финляндия и Советская Россия. 1918–1920. М., 1975. С. 186.

² Российский государственный архив военно-морского флота (далее — РГА ВМФ). Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 776. Л. 3.

входа в Финский залив и до пункта, лежащего примерно по середине Финского залива на меридиане восточной оконечности острова Бьорке. Далее, к востоку от этого пункта к сухопутной государственной границе, выходящей на побережье, идёт демаркационная линия, за которую обе стороны взаимно не переходят»³. Пользование большим корабельным фарватером должно быть обеспечено судам всех стран. Также отмечалось, что водным пространством в районе российского побережья, в районе островов Лавенсари и Сескар, Лужской губы и Капорского залива могут пользоваться только советские суда.

Особо оговаривалось положение остатков белых армий, оказавшихся на территории Финляндии. Их требовалось разоружить и интернировать, а оружие — нейтрализовать. Личный состав этих армий недопустимо принимать в состав вооружённых сил Финляндии. Здесь налицо недостаточная осведомлённость советской делегации относительно внутреннего положения дел с русскими эмигрантами. В широких общественных кругах были сильны шовинистические настроения⁴, поэтому, даже при большом желании, русские белогвардейцы никак не могли вступать в состав вооружённых сил Финляндии, многим армейским чинам приходилось спешно покидать территорию страны.

Помимо прочего, Лашевич указывал на недопустимость при заключении перемирия нахождения в финских гаванях иностранных военно-морских и воздушных сил, враждебных Советской России.

После непродолжительного перерыва финская делегация предоставила ответ на советские предложения. Относительно белогвардейских сил на территории Финляндии председатель делегации Ветцер отметил, что они формировались не на их территории, в отличие от частей красных финнов. Более того, отряды генерала Скобельцина были разоружены и интернированы. Ветцер также обратил внимание русской делегации на то, что во время «освободительной войны 1918 года»⁵ ни один русский офицер не был принят в Финляндскую армию, несмотря на большое количество таких предложений. Напротив, в составе красных воевало большое количество русских солдат офицеров, более того — в настоящее время многие граждане Финляндии сражаются против своего государства в составе советских частей. Относительно британского флота (отметим, что Лашевич не указывал национальную принадлежность иностранного флота) председатель финской делегации отмечал, что их присутствие в Финском заливе и действия

³ Там же. Л. 4.

⁴ О теме русофобии: *Kagnas A. Beyond Russophobia: A Practice-Based Interpretation of Finnish-Russian / Soviet Relations // Cooperation and Conflict. 2001. No. 46. P. 40–59.*

⁵ РГА ВМФ. Ф. Р-1. Оп.3. Д.776. Л.6.

против советских батарей носили ответный характер после нападений на форты Ино и Пумало⁶.

Лашевич отметил, что под враждебными частями на территории Финляндии он имел в виду не только части Белой армии, но и другие формирования. В качестве примера был приведён Ингерманландский отряд. Также председатель советской делегации отрицал факт нападения красноармейских частей на финские пограничные форты.

Ветцер отметил, что эти вопросы не являются основными в работе делегаций и вернулся к обсуждению непосредственных проблем, а именно — демаркационной линии. Председатель финской делегации отметил (после того, как попросил советских специалистов показать на карте большой корабельный фарватер), что острова Сескар и Лавенсари всегда были финской территорией. После этого уточнения Ветцер вновь вернулся к вопросу о враждебных вооружённых формированиях, напоминая, что таковых на территории Финляндии нет, в то время как на территории России присутствуют вооружённые финские коммунисты. На эту претензию Лашевич ответил, что финские коммунисты на территории России уже натурализованы⁷.

После обсуждения советских предложений финская делегация предложила свой проект⁸ перемирия. Он подразумевал создание на линии соприкосновения войск охранных полос, которые очень подробно оговаривались в проекте. На Карельском перешейке она ограничивалась линией Хумалиоки — Куолеманъярви — Периярви — Кексгольм с одной стороны и Невой с северным рукавом с другой. К северу от Ладожского озера и Свири охранный полоса устанавливалась линией Сердоболь — Йоэнсуу и далее до пересечения северной границы Ребольской волости и финляндской границы, затем вдоль финляндской границы до реки Нуортиоки, далее вдоль линии Нуортиоки — Нуортиярви — Ристикеннтя — Туломайоки⁹ на расстоянии около 20 километров по водоразделу между Колой и Урабухтами до Ледовитого океана с одной стороны и Мурманской железной дорогой, линией Александров — Кандалакша, вдоль берега Белого моря до Сороки, далее вдоль железной дороги до Петрозаводска и вдоль берега Онежского озера и Свири с другой стороны. Таким образом, охранный зона непосредственно примыкала к стратегически важной Мурманской железной дороге, что было неприемлемым для советской стороны. В полосе на Карельском перешейке, согласно финскому проекту, сторонам разрешалось разместить не более

⁶ Там же. Л. 7.

⁷ Там же. Л. 8.

⁸ Там же. Л. 10.

⁹ Финны указывали, что по этой линии предлагалось делегатам на Парижской мирной конференции установить границу Печенги.

40 человек на каждый километр границы и 8 орудий на 1000 человек. В Карелии эта цифра достигала 30 человек на километр.

Также отдельно оговаривалось количество вооружённых сил с финской стороны на территориях Печенги, Ребол и Поросозера. Финляндия ограничивала свой воинский контингент до 2500 человек в обоих пунктах. Россия же, согласно проекту, не имела права располагать войска к западу от Мурманской железной дороги севернее Линтуярвийской параллели и вдоль побережья Белого моря между Кандалакшей и Сорокой. Особо оговаривался режим полётов вдоль охранной зоны.

Относительно Финского залива финская делегация предлагала запрет на переход линии Ино — Таркаланматала — Куркула. Оговаривался запрет на вылавливание мин по другую сторону линии, а также на установку новых минных заграждений в Финском заливе. Финская делегация также обратила особое внимание на нахождение у своих границ финских красных частей и потребовала удалить их от линии соприкосновения с возможностью замены на русские части. Перемирие должно было быть установлено на 3 недели с предупреждением об отмене за 10 часов.

Русской делегации предоставили текст проекта, а также разъяснения члена финской делегации Сомерсало на карте относительно охранных и нейтральных зон. Обсуждение финского и русского предложений было решено перенести на следующее заседание. Оно состоялось через 2 дня, 14 апреля. Вначале Ветцер зачитал финские возражения на советские предложения о перемирии, после чего они в печатном виде были приложены к протоколу¹⁰. Финляндия не соглашалась на нейтральную зону в Финском заливе — в случае её принятия отрезанными от остальной части государства оказывались острова Лавенсари и Сескар. Финляндия отклонила и предложенный фарватер, поскольку, сняв минные заграждения, страна оказывалась незащищённой от нападений с моря. В вопросе о Реболах, Поросозере и Восточной Карелии финны ссылались на право наций на самоопределение¹¹. После этого началось обсуждение финских предложений. Лашевич просил разъяснить, что финнами подразумевается под охранной зоной и не является это одним и тем же, что и нейтральная зона. Ветцер дал разъяснения, согласно которым в нейтральной зоне стороны не имеют право иметь войска, тогда как в охранных могут быть вооружённые силы. Также председатель русской делегации попросил разъяснений относительно Парижской мирной конференции, о которой говорилось в финском проекте:

«ЛАШЕВИЧ: О какой Парижской конференции идёт разговор?»

¹⁰ РГА ВМФ. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 776. Л. 18.

¹¹ *Холодковский В. М.* Финляндия и Советская Россия... С. 189.

ВЕТЦЕР: Финляндская мирная делегация передала в Парижскую конференцию в июле в отделение Балтийского комитета предложение для урегулирования Печенгского вопроса.

ЛАШЕВИЧ: Я думаю, что для русской делегации Парижская конференция никакого значения не имеет. <...> Мы в то время были в явно враждебных отношениях с Лигой Наций и постановление её для нас никакого значения не имеет. Я от имени Русской делегации ссылку на Парижскую конференцию отвожу, так как она не имеет для нас никакого значения»¹².

Ветцер отметил, что эта ссылка была предназначена лишь для разъяснения выбора линии границы. На это председатель советской делегации ответил, что во время этих переговоров комиссии не имеют права обсуждать проблемы границ. Лашевич также добавил, что финское предложение ставит Россию в положение более невыгодное, чем Финляндию, в связи с чем, это предложение неприемлемо. Он повторил тезис о том, что на время перемирия нужно опираться на границу 1914 года. Финские войска должны быть отведены за эту линию. Статус Ребол и Поросозера должен обсуждаться на мирных переговорах, а до этого времени территорию волостей необходимо освободить от войск обеих сторон. Лашевич также отмечал, что вопрос о сохранности финского государственного имущества, которое имелось на территории двух указанных волостей и в Печенге, можно разрешить. Так, относительно Печенги, Лашевич предлагал тот вариант, который был одобрен главкомом Каменевым ещё в конце марта — учреждение двусторонней комиссии, разрешение иметь финнам не более 100 человек милиции для охраны имущества.

После этого возник вопрос о статусе Мурманской железной дороги. Ветцер утверждал, что, несмотря на положение этой магистрали внутри охранной полосы, управление ею целиком остаётся за советской стороной. Лашевич отметил, что этого факта в первоначальных финских предложениях не было.

Затем слово взял морской эксперт Беренс. Он отметил, что советские предложения по Финскому заливу исходили из нескольких пунктов: необходимости дать возможность свободного торгового мореплавания для судов, идущих с грузом в Россию и обратно; необходимости пользования для судов РСФСР водами, прилегающими к русскому побережью; сохранения обеспечивающего безопасность Советской России военно-морского положения на время перемирия¹³. Эксперт отметил, что проблема принадлежности островов Сескар и Лавенсари должна решаться на мирных переговорах, а до их начала необходимо предоставить

¹² РГА ВМФ. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 776. Л. 12.

¹³ Там же. Л. 14.

свободное сношение финнов с упомянутыми островами, но только с помощью гражданского флота.

После Беренса слово взял военный эксперт Самойло. Он отмечал неравноценное стратегическое положение обеих сторон в финском проекте охранных зон, причём в Карелии невыгодность такого положения вырисовывается намного резче, чем на Карельском перешейке. Исходя из того, что данные переговоры являются лишь переговорами о перемирии, то необходимо установить такое положение, которое ставило стороны в одинаковые условия.

Ветцер в своём ответе на эти претензии отмечал, что Россия имеет прекрасный тыловой пункт сосредоточения войск — Петроград, который нивелирует остальные неудобства стратегического положения России. Кроме того, наличие в Карелии Мурманской железной дороги также даёт Советской России преимущество при возможной концентрации и переброски войск в районы соприкосновения. Самойло не согласился с Ветцером, подчёркивая, что Петроград не даёт никаких стратегических преференций в вопросе развёртывания и маневрирования войск.

Обсуждение военных вопросов плавно перешло к проблеме статуса Печенги. Лашевич попросил финских делегатов предоставить исторические и юридические основания на обладание этой территорией. Ветцер сослался на обещание от 1864 года предоставить Финляндии выход к океану в обмен на территорию, выделенную под строительство Сестрорецкого оружейного завода. Председатель финской делегации отметил, что фактически это был обмен территориями и утверждал, что документальное подтверждение этому есть у обеих сторон. На обсуждении этого вопроса заседание закрылось. Таким образом, за два дня переговоров обнаружились серьёзные расхождения в проблеме установления демаркационной линии. Финская делегация пыталась обсудить также территориальные проблемы, однако все попытки пресекались советскими представителями.

Переговоры возобновились на следующий день, 15 апреля. Они начались с оглашения возражений финской делегации на русские предложения. К сожалению, остаётся только догадываться, какие пункты стали предметом финских претензий. Председатель русской делегации Лашевич отметил, что первая половина финского заявления по существу выходила за пределы переговоров о перемирии¹⁴. Далее слово взял представитель НКВД Зуль. Он ещё раз подчеркнул, что вопросы об изменениях границ должны решаться на мирной конференции, а не на переговорах военных представителей. Однако он высказал своё мнение относительно притязаний Финляндии на Печенгу. Зуль отметил, что юридическое

¹⁴ Там же. Л. 31.

обоснование, выдвинутое финнами ранее (а именно проект, предложенный Парижской мирной конференции) недостаточно. Поэтому стали появляться другие обоснования, как, например, обещания русского царя.

Зуль заметил, что историческим фактом является договор между Норвегией и Россией, определивший границу двух стран. «Следовательно, мы имеем определённый исторический факт установления границы имеющим международную силу договором и длительным периодом фактических отношений между Русским и Норвежским правительством»¹⁵. Также Зуль ответил и на замечания финских делегатов относительно договора, заключённого между СНК и СНУ 1 марта 1918 года. Он отметил два обстоятельства: во-первых, нынешнее финляндское правительство не считает себя юридическим наследником СНУ. Во-вторых, разговоры ведутся лишь об одном пункте договора (о передаче Печенги), однако игнорируются другие пункты. Таким образом, Зуль пришёл к выводу, что притязания Финляндии несостоятельны и ещё раз подчеркнул, что такого рода вопросы должны рассматриваться на мирной конференции, но никак не на переговорах о перемирии. Также Зуль упомянул переговоры между Маннергеймом и генералом Миллером относительно передачи Печенги, в обмен на помощь со стороны Финляндии при наступлении на Петроград.

Ветцер отметил, что в проекте об условиях перемирия было только высказано само требование, безо всякой мотивировки. Также председатель финской делегации отметил, что всё ещё остаётся вопрос о компенсации территориальных потерь Финляндии (имея в виду территорию Сестрорецкого оружейного завода), и она имеет полное право быть вознаграждённой. Далее Ветцер указал на то, что такая постановка вопроса говорит не об оккупации территорий, а об установлении охранной полосы, обеспечивающей перемирие. Относительно же переговоров между Миллером и Маннергеймом финны отметили, что им ничего не известно о них¹⁶.

В ответ на это Зуль констатировал, что договор со СНУ от 1 марта 1918 года не может быть основанием, на котором могут строить свои претензии как та, так и другая сторона. Таким образом, складывается впечатление, что, помимо прочего, советской делегации было важно добиться отказа от рассмотрения договора 1 марта как соглашения, имеющего на данный момент какую-либо юридическую силу для того, чтобы выбить из рук Финляндии один из аргументов их претензии на Печенгу.

Относительно Печенги Зуль отмечал, что, поскольку вопрос касается также интересов Норвегии, то логичным было бы рассматривать его в трёхстороннем

¹⁵ Там же. Л. 32.

¹⁶ Там же. Л. 34.

порядке на мирных переговорах. Стоит отметить, что в норвежской прессе вопрос о статусе Печенги уже был поднят. Согласно В.М. Холодковскому, Норвегия выступала против изменений на Севере без согласия России. Также часть населения района Печенги (преимущественно финны) ходатайствовали о присоединении к Норвегии¹⁷.

Далее председатель русской делегации Лашевич подвёл итог, указав, что финская делегация не внесла существенных изменений в те предложения, которые были внесены ещё 12 апреля. Он зачитал, однако, ответ на финские предложения, после чего Ветцер попросил время для его обсуждения. Кроме того, председатель финской делегации отметил, что запросил финское правительство относительно вопроса о фарватере в Финском заливе, однако ответа до сих пор не получил. Также он указал на то, что советская делегация фактически проигнорировала вопрос о финских вооружённых коммунистах, находящихся у границы. Он отметил, что в положении сказано об обязательстве России удалить все войсковые части, составленные из финляндских красных, с правом замены русскими¹⁸. Лашевич ответил на это, что у него нет полномочий обсуждать этот вопрос. На этом заседание 15 апреля было закрыто.

Переговоры возобновились 17 апреля. Они начались с мотивировки пункта №6 финского проекта о перемирии, касающегося финских красных частей. После этого Ветцер огласил телеграмму, полученную от Карельского Правительства в Ухте. В ней сообщалось о вторжении отряда большевиков в Юскиерви. 14 апреля мужское население Ухты приняло решение сопротивляться нападению¹⁹.

Лашевич отметил, что требования финской делегации относительно пункта 6 представляются ненормальными. Он отметил, что финны требуют, чтобы части регулярной «Русской армии» (а не национальные войска) были удалены от границы. Таким образом, председатель делегации вновь указал на то, что финские коммунисты ассимилированы. Финская делегация мотивировала это требование тем, что финские части занимаются агитацией в приграничных районах, в частности, в Белоострове. Лашевич отметил, что даже если части, в составе которых есть финны, будут удалены, то агитация не прекратится²⁰. Он подкреплял это заявление тем, что советской стороне неизвестно о существовании легальных организаций, занимающихся агитацией. Таким образом, финляндским представителям, судя по всему, известно о существовании нелегальных организаций, действующих на их территории. Значит, они будут действовать вне зависимости от того, находятся ли

¹⁷ Холодковский В. М. Финляндия и Советская Россия... С. 189.

¹⁸ РГА ВМФ. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 776. Л. 36.

¹⁹ Там же. Л. 44.

²⁰ Там же. Л. 45.

финские коммунисты у границы или нет. Также в ответ на претензии финнов о том, что некоторые руководители Северной коммуны (Петрограда) поддерживают агитацию на территории Финляндии, Лашевич отметил, что, являясь членом президиума Петроградского Совета, не имеет сведений о таких лицах и просит их указать. Относительно обвинения в усилении концентрации советских частей в Олонецкой губернии председатель русской делегации отверг их, отмечая, что усиления войсковых частей не было, хотя Россия имеет на это право, поскольку перемирие ещё не заключено. Лашевич также отметил, что Россия имеет право производить перегруппировки на тех или иных участках.

В ответ на приведённую телеграмму относительно действий большевиков в районе Ухты Лашевич указал, что советская сторона не давала обязательств не занимать пунктов в этом районе, особый статус был оговорён только для Ребольской и Поросозерской волостей. В остальном Карельском районе руки у России развязаны. «...Русские войска имеют право по приказу командования занять тот или иной пункт. Что касается того, что местное население, руководимое мифическим для России Правительством, будет оказывать сопротивление, то Россия будет рассматривать его как **повстанцев** и примет по отношению к нему **соответствующие меры**»²¹.

В ответ на речь Лашевича Ветцер привёл свои возражения. Председатель финской делегации указал на требование русских коллег о разоружении и интернировании белогвардейских частей и отметил, что если бы финны потребовали того же в отношении красных финнов, то это было бы только обоюдным требованием. Однако была озвучена лишь просьба об их удалении от границы. Относительно сосредоточения русских войск в Олонецкой губернии Ветцер отметил, что не оспаривает такое право советской стороны, однако указывает на то, что эти действия идут вразрез с заявленным миролюбием РСФСР. Отправка же войск в Ухту влечёт за собой, по мнению финской делегации, напряжённость на пограничной линии, в связи с чем объясняется требование об установлении охранной полосы²².

В ответ на эти возражения Лашевич отметил, что части красных финнов не являются теми, что были прежде. Многие из них уже долгое время живут в Советской России. Также он отметил, что согласно изданному декрету, по которому предоставлено право всем иностранцам, прожившим определённое время в России, получить гражданство, указанные финны натурализованы. Относительно концентрации войск в Олонецком районе председатель советской делегации заявил, что ему об этом ничего не известно. Он отметил миролюбивый настрой советской

²¹ Там же. Л. 46.

²² Там же. Л. 47.

стороны и желание жить с Финляндией в добрососедских отношениях. «Очевидно, сведения финской делегации в этом направлении неверны и неточны»²³.

Относительно вопроса о Восточной Карелии Лашевич заявил, что на мирных переговорах должна быть выработана форма, «посредством которой Карельский народ, а не отдельные группы, ведущие агитацию в пользу Финляндии, мог выразить свою волю»²⁴. Предложение Финляндии об охранных зонах даёт финнам преимущество, так как после отвода войск Россия не сможет следить за событиями в Восточной Карелии. Лашевич также уверил финскую делегацию, что советская сторона не желает «применять никаких насильственных мер по отношению к карельскому населению, если никакие вооружённые действия не будут иметь место с его стороны»²⁵. Если окажется, что карельский народ хочет присоединиться к Финляндии, то российской правительством не стало бы подавлять волю целого народа, отметил председатель советской делегации. Однако на данный момент доказательства такой воли нет, поэтому Россия считает Восточную Карелию своей территорией, на которой ведётся финская агитация.

Относительно обвинений в агитации на территории Финляндии Лашевич в этот раз решил указать на деятельность финских агитаторов в Карелии. «Так как Финская делегация не хочет допускать коммунистической агитации в Финляндии, то и Русская Делегация может с полным правом сказать, что нельзя допустить агитации против России в области, бесспорно являющейся русской»²⁶.

Председатель финской делегации Ветцер возразил относительно незнания советской делегации о чаяниях карельского народа. Он сослался на резолюцию, принятую в Ухте 21 марта собранием депутатов Восточной Карелии. Также глава делегации указал, что предлагаемые Финляндией охранные полосы предназначены, в том числе для препятствования агитации среди местного населения, как с финской, так и с советской стороны. Относительно концентрации русских войск в Олонецкой губернии Ветцер попросил дать необходимые разъяснения члена финской делегации майора Сомерсало.

Он отметил, что передвижения советских войск в этой губернии являлись самыми значительными за последние несколько месяцев и по своей активности превышают даже аналогичные действия в период перед разгромом Северной армии Миллера. На вопрос Лашевича о том, когда эти передвижения были сделаны, Сомерсало ответил, что в последние две-три недели²⁷. Лашевич отметил, что эти войска были переброшены из Архангельска для борьбы с белыми (несмотря на то,

²³ Там же. Л. 48.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. Л. 49.

²⁷ Там же. Л. 50.

однако, что Мурманск был уже взят). Также председатель советской делегации отметил, что РСФСР никогда не вынашивала планы первой нападать на Финляндию.

Ветцер в ответ указал, что русские коммунистические газеты писали о том, что в случае победы революции в Финляндии, коммунисты Советской России сочли бы своим долгом прийти на помощь своим финским братьям. Лашевич отметил, что газетные статьи являются лишь мнением определённой группы лиц, но никак не официальной позицией государства. Напротив, на территории Финляндии существуют организации, враждебные Советской России. Ветцер напомнил, что на просьбу генерала Юденича организовать свои войска в Финляндии, правительство страны неоднократно отвечало отказом. Лашевич возразил, что генерал мобилизовывал в Финляндии русское население, на что Ветцер уточнил, что эта мобилизация проходила в Эстонии. Лашевич сослался на русские газеты в Финляндии, в которых указывалась информация о вербовке русских в армию Юденича. Также Лашевич снова напомнил финской делегации о факте переговоров между Маннергеймом и Миллером. Подытоживая, Лашевич сравнил количество враждебных актов, которые имели стороны друг против друга и заметил, что «пожалуй, окажется, что счёты наши не равны»²⁸. Ветцер попытался перевести обсуждение ближе к проблеме охранных полос, используя всё вышесказанное в качестве аргумента. Лашевич вновь, как в первый день переговоров, отметил, что установление охранных полос даёт все преимущества стратегического характера Финляндии. Также председатель советской делегации указал, что в своих предложениях РСФСР пошла на уступки финнам. Также в очередной раз Лашевич заявил о принадлежности Восточной Карелии России.

Ветцер возразил на это, указав, что карелы — финское племя, и что они сами заявили, что они финны. Также председатель финской делегации, подводя некоторый итог, указал, что финские условия мотивированы в достаточной степени, тогда как русская делегация не сделала никаких изменений в сравнении со своими изначальными предложениями. Лашевич возразил, что после того, как Финляндия отклонила линию 1914 года в качестве демаркационной, была предложена нейтральная полоса. На это предложение до сих пор не последовало ответа. Ветцер заметил, что демаркационная линия предполагает наличие нейтральной полосы, поэтому никаких изменений, по сути, нет.

Слово взял представитель НКВД Зуль, который обратил вновь внимание на вопрос о белых частях на территории Финляндии и финских коммунистах. Он указал на неверность мотивировки финскими делегатами своего требования.

²⁸ Там же. Л. 52.

Представитель НКИД указал, что об аналогии предъявленных требований можно было бы говорить, если бы советская сторона просила удалить от линии соприкосновения наиболее враждебные финские части (в пример была приведена Карельская гвардия). Также Зуль указал на некоторые общественные и иные организации на территории Финляндии, которые прямо декларируют свою враждебную политику по отношению к Советской России. В то же время реакция на такие нападки со стороны РСФСР довольно пассивна. Помимо этого, член русской делегации отметил, что в своей сути предложение финнов об охранной линии и русская инициатива проведения нейтральной полосы, в сущности, одинаковы. Вопрос лишь в размерах²⁹.

Относительно Печенги Зуль заявил, что для Советской России наиболее важной и принципиальной проблемой является сохранение общей границы с Норвегией. Представитель НКИД отметил, что решение проблемы этой территории фактически невозможно без участия в этом вопросе Норвегии, а затем заговорил о том, что цель данных заседаний — заключение перемирия и прекращение того ненормального положения, которое сложилось на русско-финляндской границе за последнее время. Также было особо подчеркнуто, что стороны ведут боевые действия при фактическом отсутствии статуса войны³⁰. Зуль также заявил, что если Финляндское правительство не будет оказывать поддержки враждебным РСФСР организациям, и вмешиваться в борьбу, то она может считать себя гарантированной от вторжения на её территорию Советских войск.

После выступления представителя НКИД финский делегат Сомерсало спросил, почему принцип неизменности границ 1914 года не распространяется на Финский залив. Лашевич ответил, что границы на море не проводились, ссылаясь на слова морского эксперта Беренса³¹. Относительно статуса финских островов председатель советской делегации указал, что этот вопрос не может быть причиной прекращения переговоров, поскольку он входит в компетенцию будущей мирной конференции. Фарватер, предложенный российскими представителями для торговых судов (не военных) является единственно возможным. Сомерсало высказал согласие с позицией русской делегации, однако возразил против утверждения, что между странами не существует морской границы. Финляндская делегация требует только охранной полосы на суше и демаркационной линии.

Беренс указал на то, что у советской делегации нет намерения устанавливать морскую границу. Вопрос заключается лишь в фарватере. Но, поскольку есть

²⁹ Там же. Л. 55.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. Л. 56.

морское побережье, то должна быть и морская граница. Сомерсало возразил, что вопрос о границе был инициирован русской делегацией. Он также обвинил советских делегатов в том, что те не хотят допустить сообщения финских судов с финляндской территорией. На это Беренс ответил, что демаркационная линия, предложенная русской делегацией, призвана дать возможность русским судам общаться с русскими гаванями.

Сомерсало и Ветцер пришли к выводам, что позиции сторон выяснены в достаточной степени и предложили обеим сторонам связаться со своими правительствами. Лашевич отметил, что с русской стороны новых предложений нет, и он ожидает таковых от финнов. После этого заседание было закрыто. Таким образом, встреча делегатов 17 апреля стало самой насыщенной на обсуждения позиций сторон, однако также осталась безрезультатной.

18 апреля Беренс связался³² по аппарату Юза с С. А. Изенбеком³³. Помимо технических моментов, морской представитель поделился со своим коллегой впечатлениями от переговоров. «Моё личное впечатление, что они перемирия хотят и пошли бы на уступки, но их смущает значительное усиление войск с нашей стороны»³⁴. Помимо этого, Беренс просил уточнить у штаба, можно ли согласиться на фарватер южнее островов Сескар и Лавенсари, который предлагала финская делегация. Также он отметил, что в будущем вопрос о морской границе и фарватере на Финском заливе будет очень сложным на мирных переговорах. «Было бы очень желательно теперь же начать собирать материалы и может быть компетентных лиц для разработки тех вариантов наших условий, на море которые потребуются при переговорах о мире, в которых вероятно примет участие и Эстляндия. Сделать этот последний момент как то было перед теперешними переговорами будет невозможно»³⁵. Таким образом Беренс указывал на то, что по морской части почти не была проведена подготовка к переговорам о перемирии с Финляндией. После морского эксперта делегации с Изенбеком имел разговор некий Бобылёв³⁶, который сообщил, что «...достал очень ценный материал показывающий с 1328 года на наше право на Печенгский район, труд был составлен известными профессорами и имеется в Европе только два экземпляра...»³⁷. Это, по словам Бобылёва, должно помочь при выработке мира при возвращении из Раяйоки.

³² Там же. Л.73.

³³ Сергей Артурович Изенбек — морской офицер, в 1920 году начальник технического управления штаба морских сил Республики.

³⁴ РГА ВМФ. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 776. Л. 73.

³⁵ Там же. Л. 74.

³⁶ По всей видимости, это Александр Константинович Бобылев, военный моряк, бывший в близких дружеских отношениях с Беренсом. Вероятно, в 1920 году он также состоял в РВСР.

³⁷ Там же.

Примерно в то же время Лашевич связывался с главкомом Каменевым. Отмечая, что финны на уступки идти не хотят, а иногда их уступки выглядят ещё хуже, чем первоначальные предложения, председатель русской делегации делился своим мнением: «Перед делегацией встал вопрос, есть ли необходимость продолжать скучную канитель, не дающую пока никаких результатов или заставить финнов каким-нибудь актом высказать определённые приемлемые для нас предложения»³⁸. Относительно дальнейших действий Лашевич просил узнать у наркоминдела. Сам Каменев сказал, что он бы шёл по пути предъявления ультиматума.

Так или иначе, жёсткая позиция, которую занимали обе стороны, не привели к непосредственным результатам. Обмен мнениями относительно проектов перемирия также не вносил кардинально новых вариантов решения установившихся проблем. В разговоре с Каменевым Лашевич указал, что представитель НКВД Зуля в ответ на одно из финских заявлений предложил следующее: «кроме слов они ничего не дадут и что мы не видим со стороны Финляндии желания скорейшего заключения перемирия и так как их предложения для нас неприемлемы и что нам необходимо сговориться с Реввоенсоветом Республики, а потому мы прерываем переговоры на неделю для поездки в Москву»³⁹.

Так и произошло. По всей видимости, НКВД одобрил идею Зуля. 24 апреля советская делегация сделала заявление, в котором поставила известность своих коллег, что вынуждена прервать переговоры до 3-го мая для непосредственного доклада РВС. Фактически это означало конец переговоров о перемирии.

Таким образом, переговоры в Раяйоках закончились безрезультатно. Однако они показали, что добиться мира вполне возможно. Как Лашевич, так и морской представитель Беренс в своих отчётах указывали на готовность финнов идти на заключение договора. Так или иначе, но после провала в Раяйоки обе стороны начали готовиться к будущим мирным переговорам. Финляндия на уровне сенатской комиссии, Советская Россия на уровне ведомственных предложений.

Список литературы

Холодковский, В. В. Финляндия и Советская Россия. 1918–1920. — Москва : Наука, 1975. — 264 с.

Рупасов, А. И. Советско-финляндская граница. 1918–1938 гг. Очерки истории / А. И. Рупасов, А. Н. Чистиков. — Санкт-Петербург : Издательство «Аврора», 2016. — 240 с.

Kagnas, A. Beyond Russophobia: A Practice-Based Interpretation of Finnish–Russian / Soviet Relations / A. Kagnas // *Cooperation and Conflict*. — 2001. — No. 46. — P. 40–59.

³⁸ Там же. Л. 83 об.

³⁹ Там же.

РЕЦЕНЗИИ
REVIEWS

BELL Jacob / БЕЛЛ Джейкоб

University of Illinois at Urbana-Champaign / Университет Иллинойса в Урбане-Шампейне

USA, Illinois, Urbana / США, Иллинойс, Урбана

jsbell3@illinois.edu

REVIEW OF: Simon Franklin, *The Russian Graphosphere, 1450–1850* (Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2019), 414 p.

РЕЦ. НА КН.: Franklin S. *The Russian Graphosphere, 1450–1850*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2019. 414 p.

Аннотация: В недавно опубликованной монографии «Российская Графосфера: 1450–1850» Саймона Франклина, который является профессором славянских исследований в университете Кембриджа и лауреатом Большой золотой медали имени Ломоносова Российской академии наук, идёт речь о новой категории анализа, которую он называет «графосфера». Темой книги является изучение важности роли публичного мира слов и технологии письма с XV по XIX в. Подтекстуально книга предлагает аргумент о том, что учёные не должны забывать о сфере книгопечатания и словесности, когда они рассматривают историю Российской имперской.

В настоящей рецензии я ставлю своей задачей показать, что понимание эффектов словесности и этой новой графосферы станет неотъемлемой частью научного дискурса. Исследования такого рода предполагают нормальность российского варианта книгопечатной революции, и потому монография Франклина опровергает культурный стереотип, в соответствии с которым Россия отставала от Европы. Если учёные будут рассуждать о России во всеобщем контексте словесности, они смогут концептуализировать растущую международную роль Российского государства в имперский период.

Keywords / Ключевые слова: Printing, literature, writing technology, contexts of words / Книгопечатание, литература, технология письма, словесность

Simon Franklin's newest monograph, *The Russian Graphosphere, 1450–1850*,¹ seeks to decode the world of words that punctuated the Russian imperial experience. Following in the footsteps of his earlier *Writing and Society in Early Rus', ca. 900–1300*,² it analyzes the multiplicity of ways in which writing, printing, and their technologies functioned in Russian society during the early imperial period, from the “replacement” of parchment with paper until the invention of the telegraph and the transformation of communication away from the perceivable word. His newly minted term “graphosphere” denotes a realm of spatial analysis, the difference between the word and the non-word which he claims to be both identifiable and mappable (pp. 2–3). The graphosphere is material inasmuch as physical objects constitute it, yet it inevitably incorporates the political, cultural,

¹ Simon Franklin, *The Russian Graphosphere, 1450–1850* (Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2019).

² Simon Franklin, *Writing Society and Culture in Early Rus', ca. 950–1300* (Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2002). (См. рус. пер.: Франклин С. Письменность, общество и культура в Древней Руси (около 950–1300 гг.) / Пер. Д. М. Буланина. СПб., 2010. — Прим. ред.)

and social mores of those who interact with and use it. The stakes and basic questions for Franklin are numerous, ranging from why the Russian empire lacked a “Gutenberg moment,” or a definitive “birth” of the printing industry, to the role of state control over censorship and production of written and printed texts and its change over time.

Franklin’s book can be divided into two distinct sections: parameters and functions. The first three chapters outline Franklin’s approach, wherein he justifies his chronological and theoretical parameters. Chapters Two and Three detail the various types of writing (primary, secondary, tertiary), from monastic copying of manuscripts to early forays into block printing prioritized under Peter I’s government. Chapter Three in particular raises the idea of words as material, rather than merely textual, artifacts; thus, “literacy” was not a pre-requisite for engagement with the graphosphere. Building off these outlines, Chapter Four begins a discernable section on the function of the graphosphere by classifying the various forms it may take, in Cyrillic and Latin scripts, in and around centers of imperial power, namely Moscow and St. Petersburg. “Chapter Five: Places and Times of the Graphosphere” interrogates the public and private role of text, and subliminally books, in the lives of Russian who viewed and used them. Keeping with the idea of the materiality of texts, Franklin highlights the naming of buildings and streets in the establishment and expansion of St. Petersburg as one omnipotent way the graphosphere functioned publicly. Chapter Six describes the interplay between handwriting and printed word, emphasizing the use of printed blanks as one way in which Russia not only matched the technological developments of the Gutenberg age in western Europe, but arguably preempted it. Finally, Chapter Seven returns to the role of hierarchies in using the graphosphere, outlining how information technology bolstered the power of the imperial government over a 400-year arc, particularly seen in the implementation of a system of internal passports. Franklin concludes on the notion that his methodology demonstrates that a synonymous relationship with printing, as expressed in western Europe, was not the only avenue of engagement with the written word and writing technologies, and that, above all, the graphosphere remained a cultural space.

The Russian Graphosphere may prove to be quite useful to think with. If we cut through the overarching theoretical frameworks which define the book, one crucial question seems to emerge from the text, a question that is reiterated tenfold in Russian imperial historiography: how did the expanding state of the early imperial period interact with its subjects? Franklin’s book seems answer to this question quite straightforwardly: one way the state interacted with its subjects was by manipulating and controlling the graphosphere, and through it, its subjects. While Franklin certainly pushes against the notion that Russia is somehow “backwards” or behind western Europe due to despotism preventing the “Gutenberg moment,” the state still features heavily in his analysis (p. 38). If, as he argues, the graphosphere in Russia predominantly derived its legitimacy (and indeed, functionality) from the state and its institutions (namely, ministries and the Church), then the state’s ability to dictate, if not outright create, the graphosphere became a primary

means of interacting with its subjects. In a sense, the state made a space for itself by engaging and expanding writing and printing technologies. The censorship and regulation of printing, the transference of graphospheric power from the Golden Hall of the Kremlin into the dissemination of the *ukazi* (указы), the act of placing mile markers across the landscape, and the naming of city streets and buildings all point to such a reading. By mediating the graphosphere, the imperial state imposed its will over a pre-existing discursive structure, in this case, the production, reproduction, and display of words.

Franklin's book bears particular interest for his connection of the formation of the Russian experience with words to the "colonization" of Karelia and northern Russia. Franklin argues that the expansion of monasteries in the White Sea and Karelia areas in the fourteenth through sixteenth centuries were crucial in linking these spaces to the Russian state, as, in the absence of the imposing presence of kremlin walls, the monastery imposed a physical marker of the growing Russian hegemony on the northern landscape. Though noting the physical distance between these structures, Franklin asserts they were intrinsically connected and in constant communication with each other through the production and exchange of hand-copied books, associating the interconnected monastic world of the book with the expansion and consolidation of the Russian polity in the northlands (p. 23). While emblematic of state power, these institutions nonetheless facilitated cultural production throughout Russia's Baltic region. For example, the dissenting Old Believer community at Vyg in Karelia produced records numbers of monastically copied books during the eighteenth century. When the community founded a sister house for women alongside the river Leksa in 1706, the women copied so many books, local officials enacted various regulations to slow them down (pp. 26–27). In pointing to Russia's northern and Baltic regions, Franklin seems to find ample examples that demonstrate the cultural and political potential of the graphosphere.

Franklin's intervention diversifies studies of the function of power by highlighting the central role of text and words in the definition of imperial spaces; yet, perhaps his greatest contribution is his invitation to use his methodology to expand the questions we ask about the role of the written word in the expansion of the Russian empire. Most notably, the scripts and languages of the graphosphere offer an open avenue of scholarly inquiry. To his credit, Franklin is very clear that the scope of his book focuses primarily on St. Petersburg and Moscow with brief forays to northern monasteries and Old Believer communities (p. 17). Thus, while it expertly points to the use of French, Latin, Russian, Church Slavonic, and German (for the benefit of Riga and the other Baltic provinces), his book stops short of an investigation into the vast linguistic terrains spanned by the Russian imperial state in the Baltic, Poland, the Balkans, Crimea, the Caucasus, Central Asia, and Siberia. Considering the sheer cartesian space of the Russian empire opens a multitude of questions about the newly minted "graphosphere." What was the role of Arabic script as a holdover from the rule

of the Golden Horde or in the lives of Russian subjects who confessed Islam, presumably a large portion of the population following Ivan IV's incorporation of the khanate of Kazan into the Russian empire and its ever-increasing growth through the seventeenth and eighteenth centuries? Would the systems of communication and relay established by the Tartar-Mongol empires be a prerequisite to the Russian graphosphere? What of the competing linguistic traditions in imperial borderlands, particularly in the Baltic world? What role did a Cyrillic or Latin-based graphosphere play in the lives of even those literate elites who were more familiar with Arabic? Franklin's book opens a door for further diversification of the ways in which scholars discuss the way words functioned across Russia's various geographic spaces.

In conclusion, by de-emphasizing the importance of a westernized notion of the printing revolution, *The Russian Graphosphere* reorients its readers towards viewing the book as an object, rather than text. Such an intellectual move works to decenter the narratives of modernity and premodernity derived from an emphasis on the precarious categories of literacy and non-literacy. Russia of the fifteenth to nineteenth century was not, then, somehow backwards or beneath Europe, but rather a space which developed its own relationship with the written and printed word. By drawing a tentative cartography of the spacial and intellectual realm of words in early imperial Russia, as well as attempting to reconstruct the context in which they existed, Franklin has successfully invited his readers and future scholars to reimagine not only the ways we view discourses of power, but also the systems of communication and information through which that power was produced.

List of secondary sources

Franklin, S. *The Russian Graphosphere, 1450–1850* / S. Franklin. — Cambridge, UK : Cambridge University Press, 2019. — 414 p.

Franklin, S. *Writing Society and Culture in Early Rus', c. 950–1300* / S. Franklin. — Cambridge, UK : Cambridge University Press, 2002. — XVI, 325 p.

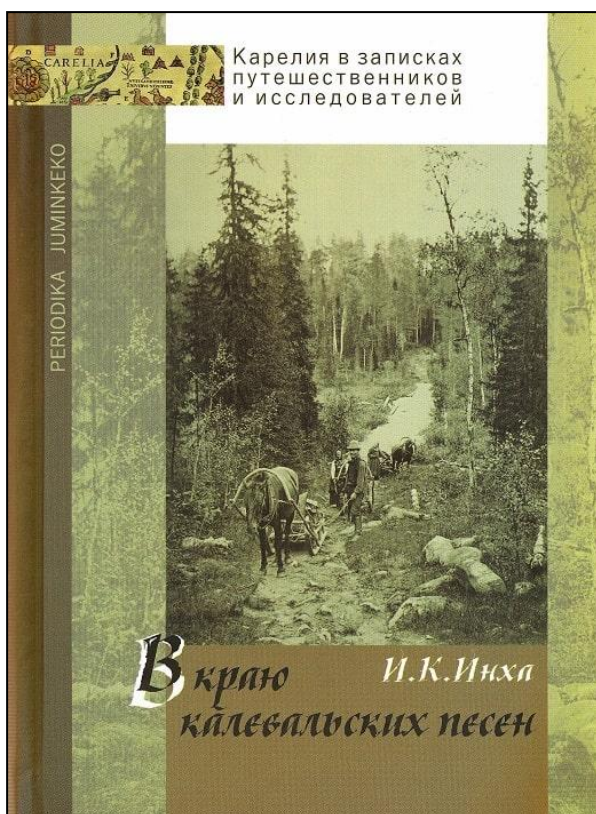
Франклин, С. Письменность, общество и культура в Древней Руси (около 950–1300 гг.) / С. Франклин ; пер. Д. М. Буланина. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2010. — 552 с.

КРИВОНОЖЕНКО Александр Фёдорович / KRIVONOZHENKO Aleksandr
Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук / Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences
Россия, Петрозаводск / Russia, Petrozavodsk
krivfed@yandex.ru

РЕЦ. НА КН.: Инха И. К. В краю калевальских песен: тропой Лённрота по Беломорской Карелии, очерк о земле Беломорской Карелии. Петрозаводск: Периодика; Кухмо: Юминкеко, 2019. 464 с.*

REVIEW OF: Into Konrad Inha, *V kraiu kalevalskikh pesen: tropoi Lyonnrota po Belomorskoj Karelii, ocherk o zemle Belomorskoj Karelii* (Petrozavodsk: Periodika; Kuhmo: Juminkeko, 2019), 464 p.

Ключевые слова / Keywords: Карелия, Кемский уезд, Беломорская Карелия, И. К. Инха, крестьянство / Karelia, Kemsy district, White Sea Karelia, Into Konrad Inha, peasantry

На рубеже XIX и XX веков Восточная Карелия стала объектом вдохновения для широких кругов интеллигенции Великого княжества Финляндского. Тогда же этот интерес оформился в идейное течение, известное как карелианизм. В то время молодая финская нация находилась в поисках своей идентичности. Вектор процесса был задан за несколько десятилетий до этого публикацией Э. Лённротом «Калеваль». Писатели, фольклористы, художники, композиторы, будучи вдохновлёнными эпосом, устремились в Карелию. Именно здесь, как было принято считать, ещё сохранились основы финской культуры, отражённые в рунопевческой традиции местного населения. Отголоски карелианизма прослеживались в общественной мысли Финляндии вплоть до Второй мировой

* Работа подготовлена в рамках выполнения плановой темы «Карелия в условиях мира и войны (от Средневековья до наших дней)». Номер госрегистрации: АААА-А18-118030190093-9.

войны¹. При этом очевидно, что через интеллигенцию влияние национального романтизма транслировалось на широкие круги населения Финляндии.

Важную роль в популяризации идей карелианизма в финском обществе сыграла визуализация образа карелов, их духовной и материальной культуры. Современные представители науки Финляндии сходятся в оценках относительно того, что по-настоящему «открыла» Карелию для жителя Великого княжества книга фотографа, журналиста, писателя и переводчика И. К. Инхи «В краю калевальских песен». Так, историк К. Катаяла указывает, что эта книга связала Карелию с «Калевалой» и сделала карелов в восприятии финских читателей носителями подлинной, первоначальной финской культуры². П. Лааксонен отмечает, что через портретные и пейзажные фотографии, сделанные И. К. Инхой, в Финляндии сформировались многие устойчивые образы «Калеваль»³.

Работы И. К. Инхи на протяжении десятилетий стоят в центре внимания исследователей из Финляндии, представляющих различные области науки. Его наследию посвящены монографии и диссертации⁴. Недавним примером неослабевающего интереса научной общественности к творчеству И. К. Инхи является значительное число докладов на прошедшей в Петрозаводске в октябре 2019 г. научно-практической конференции «Коренные народы Карелии: история и современность», в которых так или иначе анализировались работы И. К. Инхи.

Первое издание книги финского фотографа о поездке в Беломорскую Карелию⁵ вышло в свет в 1911 г. Второе, прижизненное, издание книги было осуществлено в 1921 г., а третье — в 1999 г. Русскоязычному читателю эта ставшая уже классической работа была недоступна вплоть до недавнего времени. Лишь в 2019 г. был издан перевод книги на русский язык.

Композиционно книга состоит из вступительной статьи П. Лааксонена и нескольких десятков глав, в которых описывается путешествие по Беломорской Карелии И. К. Инхи и его напарника в путешествии — студента историко-

¹ Karelianism // The Viena Karelian Folklore Villages [Электронный ресурс]. URL: <http://www.juminkeko.fi/viena/en/karelianismi.html> (03.07.2019); Лааксонен П. И. К. Инха в краю калевальских песен // Инха И. К. В краю калевальских песен: тропой Лённрота по Беломорской Карелии, очерк о земле Беломорской Карелии. Петрозаводск; Кухмо, 2019. С. 14.

² Katajala K. From Conflict to Cooperation: Paradigm Changes in Finnish Research into the History of Karelia and Eastern Border // Imagined, Negotiated, Remembered. Constructing European Borders and Borderlands / Ed.: K. Katajala, M. Lähteenmäki. Münster, 2012. P. 92.

³ Лааксонен П. И. К. Инха в краю калевальских песен. С. 7.

⁴ Vuorentaa T., Kajander. I. I. K. Inha, valokuvaaja 1865–1930. Porvoo, 1981; I. K. Inha 1894, valokuvaaja Viena Karjalassa. Helsinki, 1990; Lintonen K. Hymyilevät rannat: I. K. Inhan (1865–1930) luonnon hurmaus ja melankolia. Helsinki, 2006; Lintonen K. Valokuvallistettu luonto: I. K. Inhan tuotanto luonnon merkityksellistämässä. [Helsinki], 2011. URL: <https://helda.helsinki.fi/handle/10138/27840> (30.10.2019).

⁵ Беломорская Карелия (фин. Viena Karjala) — принятое в финляндской историографии название населённых карелами волостей Кемского уезда Архангельской губернии.

филологического отделения философского факультета Императорского Александровского университета К. Карьялайнена.

Книга является ценным историческим источником по социально-экономическому положению карелов, а также их нематериальной культуре не только конца XIX в. Во многом зафиксированная И. К. Инхой информация сохраняла свою актуальность до конца 1910-х гг., т. е. до получения Финляндией независимости и официального закрытия границы с Россией. По мнению И. К. Инхи, 17 лет, прошедших после его путешествия в Северную Карелию⁶, кардинально не поменяли социально-экономический уклад жизни этого региона. Фундаментальные изменения могли произойти лишь в нематериальной сфере жизни карельского населения⁷. Несколько позже эту же мысль повторил другой путешественник, оставивший описание поездки по Беломорской Карелии — И. В. Оленев. По его мнению, за 15 лет с 1902 по 1917 гг. «экономическое положение и бытовые черты аборигенов этого края едва ли много изменились»⁸.

Идея совершить поездку по деревням Беломорской Карелии, которые ранее посетил Э. Лённрот, возникла у И. К. Инхи за несколько лет до самого путешествия. На это решение оказали влияние две его предыдущие поездки: в 1892 г. он посетил деревню Паанаярви в окрестностях Куусамо⁹, а следующем году путешествовал по восточной части Выборгской губернии, где компактно проживало карельское население. Здесь писатель имел возможность непосредственно познакомиться с карельской рунопевческой традицией, после чего было принято решение отправиться в длительное путешествие по Беломорской Карелии. И. К. Инха формулировал главную цель этой поездки так: «Я надеялся найти в Вокнаволоке и Ухте поселение, которое, благодаря своей ещё большей отдалённости, сохранило бы большую близость к калевальским временам»¹⁰.

Поездка И. К. Инхи и его товарища К. Ф. Карьялайнена длилась с конца марта по сентябрь 1894 г. Она была хорошо организована. При её планировании фотограф обращался к описаниям аналогичных путешествий в Карелию своих предшественников. В его распоряжении были изданные к тому времени работы А. Кастрена¹¹, А. В. Эрvasti¹², А. А. Борениуса¹³, на труды которых И. К. Инха

⁶ Здесь и далее фраза «Северная Карелия» используется в качестве синонима фразы «Беломорская Карелия».

⁷ *Инха И. К.* В краю калевальских песен: тропой Лённрота по Беломорской Карелии, очерк о земле Беломорской Карелии. Петрозаводск; Кухмо, 2019. С. 18.

⁸ *Оленев И. В.* Карельский край и его будущее в связи с постройкой Мурманской железной дороги: Путевые очерки И. В. Оленева. [Гельсингфорс, 1917]. С. 5.

⁹ Паанаярвский национальный парк / Ред. Лео Коутаниemi. Куусамо, 1993. С. 123.

¹⁰ *Инха И. К.* В краю калевальских песен. С. 21.

¹¹ *Кастрен М. А.* Путешествие Александра Кастрена по Лапландии, северной России и Сибири (1838–1844, 1845–1849) М., 1860.

¹² *Ervasti A. V.* Muistelmia matkalta Wenäjän Karjalassa kesällä 1879. Oulu, 1880.

впоследствии ссылался при подготовке книги. В ходе планирования путешествия решался вопрос и о получении документов, обосновывающих пребывание финского журналиста в Российской Карелии. Первоначально И. К. Инха планировал посетить, помимо населённых пунктов Кемского уезда, деревни Ребольской волости и Сегозерья¹⁴. В связи с этим в феврале 1894 г. через канцелярию финляндского генерал-губернатора Ф. Л. Гейдена было выслано обращение олонецкому губернатору М. Д. Демидову с просьбой предоставить И. К. Инхе открытый лист для облегчения передвижения по губернии. Целью его пребывания в Карелии был указан сбор этнографического материала¹⁵. Поездка вглубь Повенецкого уезда не состоялась, однако И. К. Инха посетил ряд деревень Кимосозерского общества Ругозерской волости, т. е. местности крайней северо-западной части Олонецкой губернии.

С аналогичной просьбой канцелярия финляндского генерал-губернатора обратилась и к губернатору Архангельской губернии А. П. Энгельгардту¹⁶. В ответ был выслан требуемый документ и сопроводительная записка, в котором губернатор обещал со стороны местных властей и полицейских чинов Кемского уезда «всевозможное законное содействие <...> к успешному выполнению цели поездки»¹⁷.

Главная задача автора заключалась в описании сбора фольклорного наследия карельского народа. Этот рассказ дополнен обширными этнографическими зарисовками. Их появление — своего рода дань социальному заказу со стороны финляндского общества (по крайней мере, его просвещённой части), которое на волне национального романтизма находило крестьянскую культуру карелов экзотичной. На этом фоне наблюдения автора за социальными и экономическими аспектами жизни Беломорской Карелии выглядят органичными и необходимыми.

Сравнение крестьянских хозяйств в Северной Карелии и по ту сторону границы неизменно приводило И. К. Инху к выводу о большой нужде, в которой жили карелы. Контраст между экономическим состоянием крестьян был такой, что по возвращении на финскую сторону путешественник отмечал: «...мы даже не подумали, что находимся в бедном крае Кианта, напротив, нам показалось, что мы прибыли в зажиточную страну»¹⁸.

¹³ *Borenius A. A. Runonkeruumatkalta Venäjän Karjalassa v. 1872 // Suomi. Kirjoituksia isänmaallisista aineista. Toinen Jakso, 11 osa. Helsinki, 1876. S. 245–262.*

¹⁴ *Лааксонен П. И. К. Инха в краю калевальских песен. С. 8.*

¹⁵ Национальный архив Республики Карелия. Ф. 1. Оп. 17. Д. 43/3. Л. 120–120 об. URL: http://www.rkna.ru/projects/carelica/finnish_scientists/f.1-op.17-d.43_3/ (12.09.2019).

¹⁶ Государственный архив Архангельской области. Ф. 1. Оп. 8. Т. 1. Д. 2108. Л. 3.

¹⁷ Там же. Л. 4.

¹⁸ *Инха И. К. В краю калевальских песен. С. 446.*

По наблюдениям И. К. Инхи, земледелие являлось одним из основных занятий населения на всей территории Кемского уезда. Исключением были русские поселения на берегу Белого моря, где разрабатывались лишь небольшие огороды¹⁹. Северной границей распространения земледелия в Карелии И. К. Инха вслед за Э. Лённротом называл берега озера Пяозеро²⁰.

Затрагивая проблему нехватки в Беломорской Карелии культурных земель²¹, И. К. Инха обнаруживает достаточно глубокую осведомлённость в этом вопросе. В частности, он упоминает об указе 13 марта 1873 г., согласно которому, население Архангельской губернии получило возможность на определённых условиях расширять лесные пространства под пашню²². Однако эта мера не стала полноценной заменой подсечно-огневому земледелию²³. Приводимые И. К. Инхой сведения о нехватке посевных земель в Беломорской Карелии в конце XIX в. подтверждают мнение о неэффективности указа 1873 г.

Проблема малоземелья в карельской деревне напрямую была связана с существовавшими практиками лесопользования. Сложившаяся ситуация — следствие того, что в Архангельской губернии крестьянские и государственные леса не были размежёваны. В связи с этим подсека в Беломорской Карелии (в отличие от Олонецкой Карелии) была под запретом²⁴. И. К. Инха неоднократно отмечал принадлежность всего леса в Северной Карелии государству²⁵, а также указывал, что в Олонецкой губернии ситуация с обеспечением лесом населения обстоит лучше. В частности, он пояснил, что здесь «... деревням выделили в 1884 году лесные делянки»²⁶.

В описаниях И. К. Инхи отсутствуют указания на то, что система подсечно-огневого земледелия, разрешённая в Олонецкой губернии, создавала видимую разницу между уровнем обеспеченности зерновыми крестьян Повенецкого уезда и Беломорской Карелии. Путешественник отмечал, что жители деревни Лувозеро, как и крестьяне западных волостей Кемского уезда, отправлялись в Финляндию за запасами хлеба²⁷. Книга И. К. Инхи косвенно подтверждает мнение о том, что разграничение крестьянских и казённых земель в Олонецкой губернии повлекло за собой кризис

¹⁹ Там же. С. 205.

²⁰ Там же. С. 199, 207.

²¹ Пашни, сенокосы, выгоны, усадебные участки.

²² *Инха И. К.* В краю калевальских песен. С. 433.

²³ Подробнее о земледелии «по билету» см.: *Поляшек М.* Расчистки в Архангельской губернии // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера (далее — ИАОИРС). 1909. № 14. С. 7–12.

²⁴ История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 248.

²⁵ *Инха И. К.* В краю калевальских песен. С. 32, 235, 431.

²⁶ Там же. С. 433.

²⁷ Там же. С. 127.

подсечного земледелия²⁸. Расчистка лядин разрешалась исключительно в границах крестьянского надела. Между тем, закладываемая подсека требовала определённого ландшафта (ровное, возвышенное пространство)²⁹. Многие удобные для подсечного земледелия площади оставались в казённых лесах.

И. К. Инха указал на слабую роль животноводства в экономике крестьянского хозяйства Беломорской Карелии. В 1894 г. в Кемском уезде (без учёта Кеми и Сумского Посада) насчитывалось 8440 голов крупного рогатого скота, 3706 лошадей и 12639 овец³⁰. Сравнивая уровень развития этой отрасли сельского хозяйства в Финляндии и Карелии, автор констатировал, что то количество скота, которое содержит население целой деревни на российской стороне, в Финляндии иногда имеет лишь один хозяин³¹. Главная причина такого положения — острая нехватка сенокосных угодий в Кемском уезде.

Другим негативным фактором, сдерживающим развитие скотоводства в Кемском уезде, И. К. Инха назвал урон от нападения диких животных. Согласно его сведениям, в д. Каменозеро летом 1893 г. медведь задрал 9 коров и 1 лошадь, а в 1892 г. — 14 коров и более 50 овец³². Путешественник отметил, что в эти годы медведь давал о себе знать чаще обычного. Кроме того, по его сведениям, 1892 и 1893 гг. были неурожайными в Беломорской Карелии³³. Вероятно, активность медведей напрямую связана с отсутствием достаточной кормовой базы в лесу. Подтверждение этого тезиса можно найти в работе М. И. Бубновского, который связывал убытки крестьян д. Водосалма с активностью медведей из-за отсутствия морошки на болотах³⁴.

Заметную роль в системе животноводства Кемского уезда играло разведение оленей. В 1894 г. в крестьянских хозяйствах уезда (за исключением Кеми и Сумского Посада) насчитывалось 12282 головы оленей³⁵. Оленеводство было известно не во всех волостях Беломорской Карелии. По свидетельству И. К. Инхи, южнее д. Тихтозеро (находится на той же параллели, что и южная часть озера Топозера) оленей уже не держали³⁶. Лучше всего в пределах Карелии оленеводство было развито начиная с поселений на озере Пяозере и к северу от него³⁷.

²⁸ История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 248.; Обзор Олонецкой губернии за 1890 г. Петрозаводск: Губернская типография, [1891]. С. 8. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/35520-za-1890-god-1891>. (17.09.2019).

²⁹ Оленев И. В. Карельский край и его будущее... С. 19; Обзор Олонецкой губернии за 1890 г. С. 8.

³⁰ Обзор Архангельской губернии за 1894 год: ежегодный отчет. Архангельск, 1895. С. [111].

³¹ Инха И. К. В краю калевальских песен. С. 431.

³² Там же. С. 168.

³³ Там же С. 152.

³⁴ Бубновский М. И. Контур Архангельской Карелии // ИАОИРС. 1915. № 1. С. 16.

³⁵ Обзор Архангельской губернии за 1894 год. С. [111].

³⁶ Инха И. К. В краю калевальских песен. С. 61.

³⁷ Там же. С. 199.

Сравнивая уровень развития оленеводства по обе стороны границы, И. К. Инха пришёл к выводу о том, что в районе Куусамо оно играет более важную роль в экономике крестьянского хозяйства, чем в Беломорской Карелии³⁸. В деревнях в районе озёрной системы Куйто оленей уже не держали, но на финской стороне на этой широте оленеводство существовало. И. К. Инха привёл свидетельство Э. Лённрота, согласно которому олени становились объектом кражи, причём карельские крестьяне уводили в свои деревни и оленей финских хозяев, пасущихся на другой стороне границы: «Едва олень сунется головой по ту сторону границы или хотя бы приблизится к ней, как на русской стороне уже готовы поймать его или подстрелить»³⁹. При этом северней, где оленеводство было развито уже по обе стороны границы, такой проблемы не существовало. Сохранилась ли подобная практика в конце XIX в., И. К. Инха не уточнил.

Книга содержит сведения об организации лесоохранных мероприятий на территории Карелии в конце XIX в. Согласно лесному уставу 1876 г., крестьяне должны были принимать участие в тушении пожаров в казённых лесных дачах⁴⁰. По свидетельству И. К. Инхи, во время его визита почти всё население д. Каменозеро отправилось ликвидировать возгорание в районе д. Ладвозеро⁴¹.

Лес давал крестьянам Беломорской Карелии дополнительные заработки. В частности, в источнике содержится информация о сплавных работах, на которые уходили мужчины⁴². Тем не менее, влияние этого заработка на благосостояние местного населения в конце XIX в. пока было не столь значимо, как корабейничества. И. К. Инха уделил этому социально-экономическому явлению особое внимание.

Анализируя причины разносной торговли северокарельских крестьян в Финляндии, И. К. Инха приходит к выводу о прямой зависимости между площадью сельскохозяйственных угодий крестьян и корабейничеством. Постоянная нехватка продовольствия и реальная угроза голода — вот причины, заставлявшие, по мнению автора книги, покидать карельских мужчин свои дома на многие месяцы. В частности, он отметил: «... мы должны помнить, что корабейная торговля, очевидно, древняя отрасль экономики края и что для него она с незапамятных времен существенный источник средств существования»⁴³. По наблюдениям И. К. Инхи, корабейники уходили на торговлю в Финляндию осенью, а возвращались в родные деревни в конце весны, к началу полевых работ.

³⁸ Там же. С. 432.

³⁹ Там же. С. 374–375.

⁴⁰ Устав лесной (Свод законов т. 8, ч. 1), дополненный и измененный по продолжениям 1863, 1864, 1868, 1860, 1871 и 1872 гг. и позднейшим узаконениям / сост. Д. Коковцов. СПб., 1876. С. 102–103.

⁴¹ *Инха И. К.* В краю калевальских песен. С. 168.

⁴² Там же. С. 100.

⁴³ Там же. С. 430.

Однако, судя по косвенной информации из источника, многие мужчины продолжали находиться в Финляндии и в мае. Не все возвращались домой и к концу июня⁴⁴. Очевидно, что сроки пребывания карельского крестьянина за границей находились в прямой зависимости от величины урожая в предшествующее лето.

И. К. Инха выделил главные пути, через которые коробейники попадали в Финляндию. Жители деревень из средней и южной части Беломорской Карелии переходили границу около д. Минозеро или уходили ещё южнее, в район д. Лендеры. Здесь в Лиексу шла дорога, которую традиционно использовали повенецкие карелы. Жители побережий Топозера и Пяозера переходили границу в Паанаярви, отправляясь затем в Куусамо⁴⁵. Анализируя районы Финляндии, в которых традиционно торговали представители той или иной части Беломорской Карелии, И. К. Инха отметил коммерческие интересы северной части края: жители Кестеньги вели дела в южной части Финляндии, в районе Хельсинки, Турку и на Аландских островах⁴⁶. Деловые интересы в шведскоязычной части Финляндии обусловили знание шведского языка кестеньгскими крестьянами, отмеченное автором⁴⁷.

Помимо сведений об экономическом эффекте, оказываемом коробейничеством на жизнь северокарельской деревни, в книге И. К. Инхи содержится информация, свидетельствующая о влиянии торгового отхода на социальную сферу жизни крестьян. В частности, долгое отсутствие главы семьи заставляло женщин браться за работу, которая до этого обычно находилась в сфере ответственности мужчин. Так, автор эмоционально писал: «... я уже достаточно насмотрелся на то, как женщины на той стороне границы вынуждены делать всю самую тяжёлую работу»⁴⁸. Коробейничество могло привести семью к разорению. Ещё на пути в Беломорскую Карелию, на финской стороне, И. К. Инха встречал семьи торговцев, у которых кончился хлеб, и они вынуждены были направиться в Финляндию за сбором милостыни⁴⁹. Однако в книге не указано, насколько массовым было это явление.

И. К. Инха отметил ещё один социальный тренд в Беломорской Карелии, связанный с коробейничеством. Он обратил внимание на появление в карельских деревнях финских женщин, которых приводили в свои дома карелы-коробейники в качестве жён. Эти женщины, по свидетельству И. К. Инхи, меняли веру и усваивали местный язык, поэтому не могли кардинально повлиять на местный

⁴⁴ Там же. С. 64, 148.

⁴⁵ Там же. С. 437

⁴⁶ Там же. С. 436.

⁴⁷ Там же. С. 197.

⁴⁸ Там же. С. 171.

⁴⁹ Там же. С. 25.

культурный ландшафт, найти истоки которого стремился путешественник⁵⁰. Гораздо больше его волновал другой аспект экономического влияния коробейничества в Беломорской Карелии. Книга содержит красноречивую информацию о процессе социального расслоения деревни. В Вокнаволоке, Ювалакше и других крупных деревнях состоятельные семьи торговцев, держащих в Финляндии лавки, строили свои дома на финский манер. По мнению И. К. Инха, коробейничество, несущее из Финляндии блага цивилизации, косвенно влияло на утрачивание старинной рунопевческой традиции, в поисках которой он отправился в Беломорскую Карелию. Помимо прямого инокультурного проникновения в карельскую деревню, это влияние происходило и опосредованно: богатые торговцы из крупных сёл нанимали мужчин из рунопевческих деревень для разностной торговли в Финляндии, где они также подвергались иному культурному и языковому влиянию⁵¹.

В книге «В краю калевальских песен» нашла отражение ещё одна серьёзная общероссийская проблема — пьянство. И. К. Инха отмечал, что это явление к тому времени «входило в обычай» в приморских волостях уезда, а отсюда начинало распространяться и на волости с карельским населением. По свидетельству путешественника, наличие алкоголя на праздничном столе воспринималось местными крестьянами в качестве признака достатка: «Даже женщины иногда хвастались, что их мужья бывали пьяными»⁵². Таким образом, алкоголь являлся здесь атрибутом людей, претендовавших на особый социальный статус, что свидетельствует о его труднодоступности и дефиците. В источниках отмечается отсутствие повального пьянства среди крестьян Архангельской Карелии на фоне проблемной ситуации в прибрежных волостях Кемского уезда⁵³.

Таким образом, относительная трезвость жизни населения Беломорской Карелии, среди прочих причин⁵⁴, определялась, прежде всего, труднодоступностью алкоголя. В условиях полного отсутствия сухопутных дорог⁵⁵, ведущих от населенных пунктов на берегу Белого моря вглубь Кемского уезда, рентабельно доставлять вышивку в карельские волости не представлялось возможным.

Затронутая проблема отсутствия на большей части Кемского уезда удобных путей сообщения является крайне важной для понимания сути перманентного социально-экономического кризиса в этом крае. Труд И. К. Инхи является важным

⁵⁰ Там же. С. 32.

⁵¹ Там же. С. 359.

⁵² Там же. С. 204.

⁵³ Б-ков. М. Быт карела // ИАОИРС. 1913. № 3. С. 110.

⁵⁴ Такала И. Р. Веселие Руси: История алкогольной проблемы в России. СПб., 2002. С. 230.

⁵⁵ По свидетельству современников, большая часть жителей Кемского уезда «колесные грунтовые дороги были и недоступны, и известны только по слухам». (См.: Архангельская Карелия. Архангельск, 1908. С. 40.)

источником информации для изучения сложившихся здесь проблем логистики. Прежде всего, в работе подробным образом описаны традиционные пути сообщения между населёнными пунктами Кемского уезда, а также между деревнями Беломорской Карелии и приграничными селениями Финляндии. Автор приводит многочисленные описания способов передвижения, практикуемых местным населением. В отдельной главе «Карта Беломорской Карелии» И. К. Инха критически проанализировал и дополнил имеющийся на то время картографический материал по этому краю, а также сообщения его предшественников о расстояниях между населёнными пунктами.

Говоря о рецензируемом издании, невозможно обойти стороной многочисленные фотографии, сделанные И. К. Инхой во время путешествия по Беломорской Карелии и использованные им затем в подготовленной книге. Эти снимки хорошо известны исследователям в Финляндии, и России, их научная ценность общепризнана. Фотодокументы отражают такие аспекты жизни беломорского крестьянства, как земледелие (на панорамных снимках хорошо видны усадебные земельные наделы, один из этапов жатвы хлеба, находящиеся под паром поля, картофельные огороды), хозяйственные постройки (бани, амбары, мельница), объекты культа, старинные кладбища, внутренняя обстановка карельского дома и планировка деревень, одежда и еда крестьян, праздники и обычаи т. д. В связи с этим подготовленный в конце книги систематизированный список фотографий облегчает задачу исследователя по поиску конкретного изображения в книге.

Большое число различных классов топонимов, встречающихся на страницах книги, делают логичным решение подготовить при переводе книги список географических названий. Важно при этом, что все упомянутые топонимы, расположенные в Карелии, приведены на русском и финском языках.

Изучение исторического источника личного происхождения подразумевает знакомство с биографией автора. Следуя этому принципу, при подготовке перевода книги в него было включено описание жизненного пути И. К. Инхи, аналогично финноязычному изданию 1999 г. Это решение видится крайне важным, поскольку русскоязычному читателю биография фотографа до этого времени была недоступной. Более того, в электронном каталоге Национальной библиотеки Финляндии мы не нашли ни одной работы, посвящённой жизни и работе И. К. Инхи и на английском языке. Эти факторы делают практически невозможным использование биографического метода исторического исследования при анализе рецензируемой книги без знания финского языка.

Рецензируемая книга является важным историческим источником личного происхождения по истории Беломорской Карелии. Критический подход к её содержанию позволяет выявить определённые неточности, допущенные автором.

Так, в нескольких местах И. К. Инха допустил небольшие фактические ошибки. В частности, он указал некорректную датировку наделения крестьян Олонецкой губернии лесными наделами — 1884 г.⁵⁶ Они появились лишь с составлением владенных записей, которые разграничивали казённые и крестьянские земли. Составление владенных записей не было единовременной кампанией. Эта работа началось в Олонецкой Карелии в 1872 г. и длилась более 20 лет⁵⁷. Можно предположить, что И. К. Инха указал на 1884 г., говоря о составлении владенной записи для крестьян Лувозеро и Кимасозеро (в пределах Олонецкой губернии И. К. Инха посетил лишь деревни Кимасозерского общества). Именно этот год упомянут им в контексте описания площадей земель, находившихся в пользовании этих деревень. Но, по сведениям статистического бюро олонецкого губернского земства, размежевание крестьянских и государственных земель в Кимасозерском обществе Ругозерской волости произошло не в 1884, а в 1886 году⁵⁸.

Одной из главных причин бедности крестьян Беломорской Карелии И. К. Инха считал незначительные площади пахотных земель даже вокруг таких крупных деревень, как Ухта или Ювалакша⁵⁹. На страницах книги автор многократно справедливо связывает неудовлетворительное положение дел в этой области хозяйства с запретом на ведение подсечного земледелия. И. К. Инха приводит свидетельства Э. Лённрота, посещавшего эти края в 1830-х гг., когда государство ещё не вводило ограничений на подсеку. Согласно им, местные крестьяне собирали хорошие урожаи с лесных расчисток⁶⁰. Ко времени путешествия И. К. Инхи в коллективной исторической памяти местного населения сложилось устойчивое представление о том, что до запрета подсечного земледелия в середине XIX в. карелы не нуждались в привозном хлебе. Крестьяне сообщали И. К. Инхе, что, когда подсека была разрешена, урожаи хлеба «приходилось засыпать в амбар через крышу, через дверь это было невозможно»⁶¹. Подобные примеры урожайности фиксируют и другие источники. А. П. Энгельгардт приводил сведения, согласно которым, в урожайные годы на подсеках в Беломорской Карелии крестьяне получали урожай в объёме сам-40–50⁶². Информанты О. В. Оленева приводили значительно меньшие цифры урожайности на подсеках — сам-20⁶³. Но, на наш

⁵⁶ *Инха И. К.* В краю калевальских песен. С. 433.

⁵⁷ История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 247.

⁵⁸ Опыт исследования изменений в хозяйстве 14 селений Повенецкого уезда Олонецкой губернии. За период 1895–1899–1901 гг.: (По данным подворных переписей). Петрозаводск, 1901. С. 4. URL: <http://elibrary.karelia.ru/book.shtml?pid=15761> (15.09.2019).

⁵⁹ *Инха И. К.* В краю калевальских песен. С. 32, 274.

⁶⁰ Там же. С. 167.

⁶¹ Там же. С. 139, 430.

⁶² Очерк путешествия архангельского губернатора А. П. Энгельгардта в Кемский и Кольский уезды в 1895 году. Архангельск, 1895. С. 14.

⁶³ *Оленев И. В.* Карельский край и его будущее... С. 65.

взгляд, эти показатели урожайности явно преувеличены и являются результатом мифологизации роли подсечного земледелия. В первый год после разделявания подсеки оно приносило большие урожаи, чем те, которые крестьяне собирали с незначительных полевых наделов вокруг деревень. И несмотря на то, что затем урожайность на этих наделах резко падала, подсека в коллективной исторической памяти населения становилась синонимом достатка, а её урожайность «увеличивалась» с каждым новым годом, отделявшем современников от того периода, когда она ещё была разрешена.

Реальная урожайность на подсеках в Беломорской Карелии не могла превышать (по природно-географическим причинам) аналогичных показателей в самом северном уезде Олонецкой губернии — Повенецком. Данные статистики за первое десятилетие XX в. говорят о том, что здесь средняя урожайность ячменя (основного злака в Беломорской Карелии) на подсеках составляла сам-5,5, а на полевых наделах — сам-5,3. Двухзначные показатели урожайности на подсеке по всем высаживаемым зерновым культурам за редким исключением (ячмень в Вытегорском уезде — сам-10,3) не зафиксированы даже в южных уездах Олонецкой губернии⁶⁴.

Ещё одну неточность финский путешественник допустил при описании путей сообщения в Беломорской Карелии. Речь идёт о каналах — неглубоких канавах, которые местные крестьяне сообща прокапывали для сокращения длины водного пути. Обычно они сооружались в основаниях узких, но длинных озёрных мысов или при излучинах рек. По мнению И. К. Инхи, практика сооружения таких каналов не получила распространения в Беломорской Карелии. В частности, он указывает: «Шаповарский канал в Бабьей Губе был в своем роде единственной «художественной работой» по ту сторону границы»⁶⁵. Однако это утверждение не совсем корректно. По более поздним свидетельствам М. И. Бубновского, сооружение каналов в Беломорской Карелии нашло широкое распространение. По его мнению, их здесь существовало несколько десятков⁶⁶. Сведения М. И. Бубновского кажутся нам более убедительными, поскольку в своей работе «Контур Архангельской Карелии» он неоднократно указывал на конкретные сооружения между различными водоёмами.

Помимо этого, в книге замечена и географическая ошибка. Так, говоря о Шуньге (*Sunkki*), И. К. Инха указал на то, что это село находится в «на берегу Онежского озера в Северной Карелии»⁶⁷ (в оригинале: «Äänisjärven rannalta —

⁶⁴ Материалы по статистико-экономическому описанию Олонецкого края. СПб., 1910. С. 386.

⁶⁵ *Инха И. К.* В краю калевальских песен. С. 140.

⁶⁶ *Бубновский М. И.* Контур Архангельской Карелии // ИАОИРС. 1914. № 14. С. 427–428.

⁶⁷ *Инха И. К.* В краю калевальских песен. С. 115.

Pohjois-Karjalan vanhasta kauppapaikasta»⁶⁸). Очевидно, что Шуньга, находившаяся на юге Повенецкого уезда Олонецкой губернии, в Заонежье, не могла быть в «Северной Карелии», что бы не подразумевал под этим термином автор.

Необходимо сказать несколько слов и о самом издании. Оформление книги заслуживает высокой оценки. Особенно ценным является высокое качество публикаций фотографий И. К. Инхи, благодаря чему исследователь имеет возможность изучить на них мельчайшие детали. Однако есть несколько моментов, которые, могли бы сделать его более выигрышными. Прежде всего, внимательное и вдумчивое чтение этого источника подразумевает постоянное обращение к комплексу географических карт. При этом, если географические объекты можно установить по современным топографическим картам, то для установления положения многих уже давно не существующих населённых пунктов нужно обращаться к материалам первой половины XX в. На наш взгляд, работа с книгой была бы более удобной при наличии карты Беломорской Карелии в качестве приложения. Тем более что такая карта была составлена И. К. Инхой и опубликована в финноязычных изданиях книги⁶⁹. Для объективности следует сказать, что ссылка на неё в русскоязычном издании присутствует.

Долгожданный перевод книги на русский язык ожидаемо вызвал интерес к ней со стороны широкой общественности. В связи с этим к переводу, на наш взгляд, необходимо было составить ряд комментариев с разъяснением узкоспециальных понятий, терминов, месторасположения небольших географических объектов. В качестве примера, демонстрирующего потребность в таком блоке справочного раздела, можно указать на различные меры расстояния, использованные И. К. Инхой в книге. Это и километры, и вёрсты, и мили. Так, путь от Лувозера до Минозера был оценен автором в 2,5 мили⁷⁰ (*penikulmaa*⁷¹), что может ввести в замешательство внимательного читателя, не знакомого с этой старой скандинавской мерой расстояния и читающего книгу рядом с открытой картой. По прямой это расстояние составляет не менее 25 километров. По сведениям И. В. Оленева, сухопутный путь между этими населёнными пунктами равнялся 25 верстам⁷². Однако если знать, что под милей в книге имеется в виду расстояние в 10,6 километра⁷³, то данные из двух источников совпадают.

⁶⁸ *Inha I. K. Kalevalan laulumailta: Elias Lönnrotin poluilla Vienan Karjalassa: Kuvaus Vienan Karjalan maasta, kansasta, siellä tapahtuneesta runonkeruusta ja runoista itsestään.* Helsinki, 1921. S. 97. URL: <http://elibrary.karelia.ru/book.shtml?pid=13920>. (15.09.2019).

⁶⁹ *Ibid.* S. 423.

⁷⁰ *Инха И. К.* В краю калевальских песен. С. 127.

⁷¹ *Inha I. K. Kalevalan laulumailta.* S. 108.

⁷² *Оленев И. В.* Карельский край и его будущее... С. 40.

⁷³ *Tietosanakirja.* 7. osa, Oulun tuomiokunta–Ribes. Helsinki, 1915. S. 372. URL: <http://runeberg.org/tieto/7/0206.html> (30.10.2019).

Таким образом, анализ книги И. К. Инхи «В краю калевальских песен» показал, что она является важным информативным источником по истории Беломорской Карелии, её связям с районами Финляндии. Свидетельства о земледелии и скотоводстве позволяют реконструировать хозяйственную жизнь северокарельского крестьянина. Кроме того, солидный комплекс уникальных фотодокументов, собранный в издании, позволяет визуализировать историю, приближая ученого к объекту исследования. Однако к работе с книгой необходимо подходить критично: некоторые положения из аргументации И. К. Инхи не всегда точны и требуют сопоставления с другими источниками.

Список литературы

Инха, И. К. В краю калевальских песен : тропой Лённрота по Беломорской Карелии, очерк о земле Беломорской Карелии / И. К. Инха. — Петрозаводск : Периодика ; Кухмо : Юминкеко, 2019. — 464 с.

История Карелии с древнейших времен до наших дней. — Петрозаводск : Периодика, 2001. — 943 с.

Лааксонен, П. И. К. Инха в краю калевальских песен / П. И. Лааксонен // Инха И. К. В краю калевальских песен: тропой Лённрота по Беломорской Карелии, очерк о земле Беломорской Карелии. — Петрозаводск : Периодика ; Кухмо : Юминкеко, 2019. — С. 7–15.

Паанаярвский национальный парк / ред. Лео Коутаниemi. — Куусамо : Фонд Паанаярви-Оуланка, 1993. — 159 с.

Такала, И. Р. Веселие Руси : История алкогольной проблемы в России / И. Р. Такала. — Санкт-Петербург : Журнал "Нева", 2002. — 335 с.

I. K. Inha 1894, valokuvaaja Vienan Karjalassa. — Helsinki : Suomalaisen kirjallisuuden seura, 1990. — 96 s.

Katajala, K. From Conflict to Cooperation: Paradigm Changes in Finnish Research into the History of Karelia and Eastern Border / K. Katajala // Imagined, Negotiated, Remembered. Constructing European Borders and Borderlands / ed. : K. Katajala, M. Lähteenmäki. — Münster : LIT Verlag, 2012. — 232 p.

Lintonen, K. Hymyilevät rannat : I. K. Inhan (1865–1930) luonnon hurmaus ja melankolia / K. Lintonen. — Helsinki : Maahenki, 2006. — 159 s.

Lintonen, K. Valokuvallistettu luonto : I. K. Inhan tuotanto luonnon merkityksellistäjänä / K. Lintonen. — [Helsinki] : Helsingin yliopisto, 2011. — 304 s. URL: <https://helda.helsinki.fi/handle/10138/27840> (30.10.2019).

Vuorenmaa, T. I. K. Inha, valokuvaaja 1865–1930 / T. Vuorenmaa, I. Kajander. — Porvoo : WSOY, 1981. — 192 s.

ДУБРОВСКАЯ Елена Юрьевна / DUBROVSKAIA Elena

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук / Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences

Россия, Петрозаводск / Russia, Petrozavodsk

dubrovskaya@krc.karelia.ru

РЕЦ НА КН.: Roselius A., Silvennoinen O. Villi itä: Suomen heimosodat ja Itä-Euroopan murros 1918–1921. Helsinki: Tammi, 2019. 366 s.*

REVIEW OF: Aapo Roselius and Oula Silvennoinen, *Villi itä. Suomen heimosodat ja Itä-Euroopan murros 1918–1921* (Helsinki: Tammi, 2019), 366 p.

Ключевые слова / Keywords: Карелия, Финляндия, Первая мировая война, гражданские войны, племенные войны, военная антропология / Karelia, Finland, WWI, civil wars, kinship wars, military anthropology

Фото обложки — с сайта издательства «Тамми»:

<https://www.tammi.fi/kirja/oula-silvennoinen/villi-ita/9789513175498>

История Первой мировой войны и порожденных ею конфликтов остается «горячей» темой и активно используется в современной культурной, общественной и политической жизни. Как напумевший в нашей стране в 2014 г. юбилей начала войны, так и оставшееся почти незамеченным широкой общественностью столетие ее окончания в 2018-м стали своеобразным индикатором: в оценке событий вековой давности проявляются особенности современного развития различных стран

* Финансовое обеспечение рецензирования осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН (0225-2018-0011).

и международных объединений. Заключение Компьенского соглашения между державами-победительницами и Германией о прекращении военных действий 11 ноября 1918 г. и Версальский договор, подписанный 28 июня 1919 г. и подводивший итоги войны, принесли, по существу, не прочный мир, а лишь краткое перемирие в два десятилетия, завершившееся Второй мировой войной.

В январе 2019 г. в издательстве «Тамми» увидела свет новая монография финских историков Лапо Роселиуса и Оула Сильвеннойнена, озаглавленная «Дикий Восток. Племенные войны Финляндии и восточно-европейский излом»¹. Ее предисловие начинается с неожиданного утверждения, что Первая мировая война не закончилась в 11 часов 11 ноября 1918 г., а после достигнутого перемирия «разлетелась на множество осколков, ставших локальными гражданскими войнами»² (с. 9).

В последнее время исследователи истории военных конфликтов XX столетия осознают необходимость рассматривать период 1914–1922 гг. как комплекс войн, социальных и политических конфликтов, вытекавших из вооруженного противостояния сторон в годы Первой мировой. В этот период финские активисты не только стремились к обретению Финляндией независимости, но и преследовали цель создания «Великой Финляндии». Такая концепция наряду с идеологическими обоснованиями строилась и на стратегических расчетах. Как показали авторы, замысел национальных романтиков об объединении всех финно-угорских народов и возможность широкого применения военной силы — следствие гражданской войны 1918 г. в Финляндии, а также смута и братоубийственная Гражданская война в России стали той почвой, на которой возникла идея военного вторжения добровольческих отрядов в Российскую (Восточную) Карелию.

Монография А. Роселиуса и О. Сильвеннойнена проливает свет на события драматического времени в истории карельского народа, когда в переломные для Российского государства годы революции и Гражданской войны территория современной Республики Карелия была вовлечена в орбиту международной политики. Прежде всего, в сферу интересов Германии и ставшей независимой Финляндии, а также Англии, Франции и США — недавних союзников России по антигерманской коалиции. В эпоху, последовавшую за российской революцией 1917 года, часть Олонецкой губернии и западных волостей Кемского уезда Архангельской губернии (Беломорская Карелия и Карельское Поморье) оказались театром военных действий. Из тылового и относительно стабильного района Российская Карелия стала превращаться в приграничную прифронтовую полосу

¹ *Roselius A., Silvennoinen O. Villi itä. Suomen heimosodat ja Itä-Euroopan murros 1918–1921.* Helsinki, 2019.

² Здесь и далее ссылки на соответствующие страницы книги даются прямо в тексте в скобках.

и в дальнейшем оказалась одним из первых очагов интервенции и Гражданской войны.

Авторов рецензируемой монографии отличает стремление к объективному показу роли Финляндии в Гражданской войне в Карелии. В фокусе их внимания находятся судьбы бойцов «белых» добровольческих отрядов, которые весной 1918 — осенью 1919 гг., вдохновленные мечтой о «Великой Финляндии» и идеей спасения «соплеменников» от большевистского гнета, вторгались в Восточную Карелию. В финской историографии эти вторжения долгое время именовались «племенными войнами». А. Роселиус и О. Сильвеннойнен справедливо считают, что такое название вводит в заблуждение, поскольку оно представляет вооруженное вмешательство Финляндии в Гражданскую войну в России исключительно проявлением «братских чувств» в отношении карельского населения, жившего по другую сторону границы. Эта концепция, утвердившаяся в период между мировыми войнами, привела к тому, что тесная связь рассматриваемого военного конфликта с российской Гражданской войной и с европейским добровольческим движением для нескольких поколений финляндцев оставалась «в тени». Идеализированная и приукрашенная литература о «племенных войнах» скрывала очевидную драматическую и трагическую сторону походов добровольцев (с. 10).

«Белые», победившие в гражданской войне в Финляндии, рассматривали военные экспедиции добровольцев в пределы бывшей Российской империи как продолжение сражений с «красными». Однако А. Роселиус и О. Сильвеннойнен приходят к следующему заключению: хотя эти походы, особенно в общественном мнении, воспринимались сугубо национальным делом и частью внутренней политики, они должны рассматриваться на более широком фоне изменявшейся международной обстановки 1918–1922 гг. на Северо-востоке Европы.

Построенная по хронологическому принципу монография разделена на четыре главы, освещающие события в карельском приграничье, в Эстонии и на российском Северо-западе в 1918 г., весной, летом и осенью 1919 г. Авторы убедительно показывают, что главной задачей британских, германских и белогвардейских сил, противостоявших здесь красноармейским частям, было овладение Петроградом — бывшей столицей бывшей Российской империи. Как и «германский фактор», это во многом предопределило цели вторжения финских добровольцев, а также ход и исход кампании. В работе исследован вопрос о подготовке несостоявшегося военного наступления финских войск на Петроград в октябре — ноябре 1919 г. совместно с частями расположенной в Эстонии русской белой Северо-Западной армии.

Экспедиции в Восточную Карелию стали «своей войной» для егерей — молодых финских офицеров, в годы Первой мировой войны тайно перебравшихся

в Германию и получивших там военную подготовку. Организуя военные походы 1918–1919 гг., они стремились продемонстрировать собственную силу, показать презрительное отношение и к старшим по возрасту офицерам, служившим еще в русской армии, и к парламентским политикам нового финского государства. Набор добровольцев не составлял для егерей проблемы, поскольку официальная пропаганда объявила их настоящими национальными героями. А. Роселиус и О. Сильвеннойнен ввели в научный оборот значительный массив уникальных документов, прежде всего, источников личного происхождения, проанализировали многочисленные воспоминания участников походов и дали им критическую оценку. Как показывают авторы, сотни молодых людей, а именно они составляли абсолютное большинство добровольческих отрядов, горели желанием помочь осуществиться мечте егерей о «Великой Финляндии». Эта идея впитывалась как на школьной скамье, так и в отрядах шюцкора, сыгравших заметную роль в организации походов.

Однако многие из добровольцев пересекли границу и пришли в Восточную Карелию спасать «единоплеменных братьев», имея очень слабую военную подготовку и плохо представляя себе жизнь на войне. Проблема «человек на войне» стала одной из центральных среди исследованных авторами. Десятки страниц посвящены негативному опыту добровольцев — тяготам службы, психопатологии воюющего человека, ошибкам и просчетам командования, падению морали и дисциплины, жестокости к побежденным. Так, после падения Олонца 23 апреля 1919 г., пишут авторы, финские добровольцы провели массовые расстрелы, во время которых «все попавшие в их руки представители большевистской гражданской власти, 40 человек, были собраны вместе и уничтожены» (с. 220). По образному выражению историков, униформа молодых бойцов была «оторочена грязью, копотью, землей и кровью», а война, казавшаяся высшим проявлением чести, доблести, мужества и героизма, оказалась бездушной «лопатной войной», на которой наградой добровольцу «за старание и выносливость при окапывании» стало то, что он «хотя бы не испустил дух». Война превратилась в «изматывающую войну», где выигрывает тот, кто «сумеет как можно дольше жить впроголодь на скудном пайке» (с. 26).

Военная обстановка, собственные потери и жесткая дисциплина, усвоенная егерями в германской армии, оказались для многих добровольцев неприятной неожиданностью. О суровых реалиях их походов лучше всего свидетельствует количество безвозвратных потерь. В период катастрофически закончившейся Олонецкой экспедиции 1919 года было убито около четырех сотен финнов (с. 263), т. е. порядка 13% от общего числа участников экспедиции. Во время похода

в Беломорскую Карелию осенью 1918 г. в сражениях погиб каждый третий из добровольцев³.

Тщательное выявление людских потерь во время экспедиций 1918–1919 гг. основано на кропотливом изучении авторами различного вида источников и огромного пласта научной литературы, а также на результатах их собственного поиска, прежде осуществленного А. Роселиусом в рамках недавнего пятилетнего исследовательского проекта Канцелярии правительства Финляндии «Людские потери в Финляндии в военные годы 1914–1922» («*Suomen sotasurmat 1914–1922*») и О. Сильвеннойненом как участником проекта Национального архива Финляндии «Финляндия, военнопленные и экстрадиции людей в 1939–1955 гг.» («*Suomi, sotavangit ja ihmislouvatukset 1939–1955*»).

Бесспорным достоинством новой книги стал интересный иллюстративный материал, многие фотографии из финляндских и эстонских архивов публикуются впервые. Читатель знакомится с биографиями участников походов, узнает о вдохновенных чувствах национального романтизма поездках в Беломорскую Карелию писателя Илмари Кианто в начале XX века и о его военном опыте 1918 года, увиденном и представленном соотечественникам «через розовые очки» (с. 61–63). Есть возможность сопоставить эти свидетельства, во многом далекие от объективной оценки реальной ситуации, с гораздо более взвешенными наблюдениями Карла Тиандера, «гражданина мира Балтийского региона», перед революцией преподававшего западные языки в Санкт-Петербургском университете (с. 224). В 1918–1919 г. Тиандер, журналист столичной финляндской газеты «*Hufvudstadsbladet*», хорошо ориентируясь в обстановке и объездив весь район военных действий, которые развернулись на Северо-западе России, регулярно публиковал материалы, относящиеся к событиям на «Диком Востоке».

Не оставляет равнодушным повествование об утрате иллюзий школьником из Хейнола Ууно Салоненом, будущим известным поэтом Ууно Кайласом. Он отправился в «Олонецкий поход» вместе с другом Бруно Шильдтом, в конце июня 1919 г. оказался в рядах наступавших на Петрозаводск и Половину, и в эти дни, когда поражение добровольческих отрядов было предопределено успехом красноармейской операции под Видлицей, потерял своего друга. Для вчерашнего школьника «война, манившая, как блуждающие огни, оказалась предательством», она «много обещала, но своих обещаний не исполнила», и «в мозгу сверлила только одна мысль: Бруно погиб. Бруно погиб» (с. 267).

Такое внимание к персоналиям представляет несомненную ценность для российских исследователей и читателей, интересующихся, в частности,

³ *Roselius A.* Heimoaatteen nuoret uhrin. Suomalaisten sotilasretkikuntien henklötappiot Itä-Karjalassa ja Petsamossa 1918–1922. Helsinki, 2002. S. 126.

историей военного противостояния финских добровольцев и частей Красной армии в Карелии. Как правило, стан неприятеля видится безликой массой, лишенной мотивации поступков и человеческих эмоций. Монография А. Роселиуса и О. Сильвеннойнена дает возможность увидеть противника не через прицел винтовки или пулемета и не ограничиваться взглядом из окопов одной стороны, неизбежным при работе с воспоминаниями победителей — участников и очевидцев событий.

В то же время почти полное отсутствие ссылок на воспоминания, опубликованные в советской России, и на работы российских исследователей по смежной проблематике привело к аналогичной «безликости» лагеря красноармейцев, что можно назвать, пожалуй, единственным серьезным недостатком исследования. Однако это не снижает значимости новой монографии, появление которой важно не только для историков, занимающихся темами Первой мировой и гражданских войн в России и Финляндии. Увлекательно написанное и выполненное на высоком профессиональном уровне историческое повествование отличается обоснованностью его содержания и выводов. Оно, безусловно, привлечет внимание как специалистов по российско-финляндским отношениям, так и широкого круга читателей.

Список литературы

Roselius, A. Heimoaатteen nuoret uhrit. Suomalaisten sotilasretkikuntien henklötappiot Itä-Karjalassa ja Petsamossa 1918–1922 / A. Roselius. — Helsinki : [Helsingin yliopisto], 2002. — 127 s.

Roselius, A., Silvennoinen, O. Villi itä. Suomen heimosodat ja Itä-Euroopan murros 1918–1922 / A. Roselius, A. Heimoaатteen. — Helsinki : Tammi, 2019. — 366 s.

МАЙНИО Алекси / MAINIO Aleks
Университет Хельсинки / University of Helsinki
Финляндия, Хельсинки / Finland, Helsinki
aleksi.mainio@helsinki.fi

**РЕЦ. НА КН.: Volanen R. Nuori Suomi sodan ja rauhan Euroopassa 1918–1922.
Helsinki: Otava, 2019. 448 s.**

REVIEW OF: Risto Volanen, *Nuori Suomi sodan ja rauhan Euroopassa 1918–1922*
(Helsinki: Otava, 2019), 448 s.

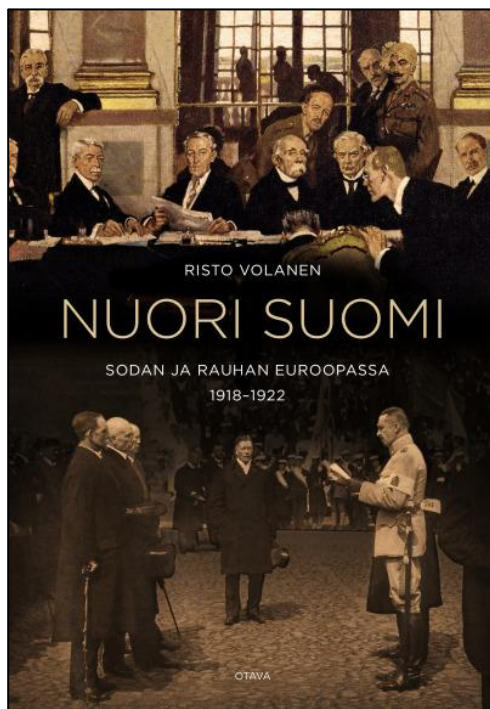

Фото обложки — с сайта издательства *Otava*: <https://otava.fi/kirjat/nuori-suomi-sodan-ja-rauhan-euroopassa/>

Ключевые слова / Keywords: Финляндия, 1918–1922 гг., Советская Россия, Европа, международные отношения / Finland, 1918–22, Soviet Russia, Europe, international relations

Историю можно писать по-разному. Доктор социальных наук, бывший политический секретарь Ристо Воланен пишет её в несколько старомодном стиле: прочитав огромное количество классических исследований и мемуаров о великих людях, дипломатах и офицерах, он перерабатывает их в толстые тома сочинений. Хотя такой метод не предусматривает архивных открытий, перед нами всё же возникает вполне синтетическая картина. Под пером Воланена старое, известное и немного уже забытое прошлое воскресает как часть более широкого потока событий.

Только что вышедшая книга¹ завершает своеобразную трилогию, первыми частями которой были монографии «Рождение Финляндии и бурлящая Европа»² и «1918: Как революция пришла в Финляндию», написанная совместно с Лассе Лехтиненом³. На этот раз Воланен следит за событиями в Финляндии сквозь призму напряжённых международных отношений в Европе 1918–1922 гг. В потрясениях тогда недостатка не было, Первая мировая война перерастает в России в войну гражданскую. Положение статус-кво складывается, когда великие державы поделили Европу. Но даже бывшее Великое княжество Финляндское вызывало на удивление много страстей. Впрочем, когда великие мира сего решали судьбу Финляндии, мнением самих северян никто не интересовался. Ведущие финские политики, такие как Густав Маннергейм, Вяйнё Таннер, Лаури Ингман, П. Э. Свинхувуд, Сантери Алкио и К. Ю. Стольберг, просто оказывались уже перед лицом свершившихся фактов.

Один из таких примеров — Гражданская война в Финляндии. Вопреки расхожему мнению, её исход решался не в кровопролитных схватках, в которых финны убивали друг друга. Решения весной 1918 г. принимались в Берлине, Петрограде и Брест-Литовске, где 3 марта был подписан мир между Советской Россией и кайзеровской Германией. Россия Владимира Ленина боролась за своё существование. Она поддерживала и поощряла красных финнов к восстанию, но теперь была готова отказаться от них, желая спасти революцию в Петрограде и Москве. Финляндия осталась в сфере интересов Германии, однако, когда последняя потерпела поражение в войне в ноябре 1918 г., к Финляндии под знаменем антикоммунизма мгновенно обратились державы-победительницы.

«Второй безумный год Европы», 1919-й, продолжил смутное время на Севере. Западные державы строили планы относительно будущего мегаполиса на Неве и России в целом. В этих планах Финляндии в основном отводилась роль пешки для достижения целей великих держав, как выразился один американский дипломат. Большинство государственных деятелей только что обретшей независимость страны были неопитами в дипломатии, не понимавшими такого циничного подхода. Они с пафосом говорили о Великой Финляндии, о братьях-соплеменниках, и эта «детская непоследовательность» забавляла искушённых западных дипломатов.

Регент Маннергейм всё же размышлял иначе: по его мнению, финнам не стоило кричать о Восточной Карелии калевальских рун, а нужно было хладнокровно нанести стальной рукой удар по занятому большевиками красному Петрограду. В этом случае Великую Финляндию они получили бы в качестве

¹ *Volanen R. Nuori Suomi sodan ja rauhan Euroopassa 1918–1922. Helsinki, 2019.*

² *Idem. Suomen synty ja kuohuva Eurooppa. Helsinki, 2017.*

³ *Lehtinen L., Volanen R. 1918: Kuinka vallankumous levisi Suomeen. Helsinki, 2018.*

подарка от благодарных западных держав и российских белых. Маннергейм верил в своё провидение. Сначала в кругу доверенных лиц, а вскоре и на страницах газет, он доказывал, что взоры Европы обратились на Финляндию и весь цивилизованный мир требует от финнов выполнения грязной работы по очистке Петрограда.

На самом деле всё было не столь однозначно. Если французы поддерживали финнов в их планах удара по «красному зменному гнезду», то англичане были куда более сдержанными. Военный министр Уинстон Черчилль, известный как ярый антибольшевик, мечтающий о завоевании Петрограда, оставался в правительстве Великобритании в сиротливом меньшинстве. Многие британские политики считали, что воинственность Маннергейма невозможно отделить от его театрального нарциссизма: всемирно-историческая роль завоевателя Петрограда тешила амбиции честолюбивого генерала.

Что касается самого Маннергейма, то ему трудно было представить себе мир без царской России, без империи, на верной службе которой он сделал блестящую военную карьеру. Маннергейму настолько сильно хотелось в Петроград, что он был готов серьёзно задуматься даже о государственном перевороте.

Тайный «проект» правых активистов был прямолинеен: сначала нужно было оставить без утверждения новую республиканскую форму правления Финляндии и распустить парламент, а затем под руководством самого регента наступать на Петроград. В июне–июле 1919 г. заговор был почти готов к реализации, но в конце концов он провалился: выяснилось, что эта операция не имеет достаточной политической поддержки в высших кругах, как Хельсинки, так и Лондона.

Маннергейм был ошеломлён. Он злился на британских политиков и чиновников, хотя те своей сдержанностью, может быть, спасли его от совершения самой роковой ошибки в жизни. Наступление на столичный Петроград сделало бы Финляндию в полной мере одной из сторон кровопролитной Гражданской войны в России.

На самом деле, пишет Воланен, Джорджа Керзона, Джеймса Симпсона, Хьюберта Гофа, Эдуарда Халлетта Карра и некоторых других британских политиков можно считать «неизвестными выдающимися деятелями» финляндской истории. Вполне может быть, что их готовность держаться своей линии стала судьбоносной для независимой Финляндии. Столь уж причудлива история.

Посвящённые событиям 1919 г. страницы труда Воланена наиболее актуальны и читаются особенно захватывающе. Хотя в книге можно в изобилии найти и много другого интересного материала — правда, иногда автор утомляет читателя своей основательностью. С другой стороны, хотя книга чрезмерно насыщена

информацией, читатель не раз будет вознаграждён по мере ознакомления с интереснейшим повествованием.

Следует всё же высказать критическое замечание по поводу отсутствия упоминаний о новых исследованиях, например о работах Юхо Котакаллио, Микко Юликангаса и некоторых других.

Однако не стоит делать из мухи слона. Работа Воланена успешно достигает своей главной цели: она ярко показывает, как маленькую страну, брошенную на плаху международной политики, могли рубить на части и поджаривать, словно рождественский окорок. Удивительно не это, а то, что Финляндия вышла из раскалённой печи, хоть и искалеченной, но живой республикой.

Пер. с фин. Т. Тупина

Список литературы

Lehtinen, L. 1918 : kuinka vallankumous levisi Suomeen / L. Lehtinen, R. Volanen. — Helsinki : Otava, 2018. — 191 s.

Volanen, R. Suomen synty ja kuohuva Eurooppa / R. Volanen. — Helsinki : Otava, 2017. — 416 s.

Volanen, R. Nuori Suomi sodan ja rauhan Euroopassa 1918–1922 / R. Volanen. — Helsinki : Otava, 2019. — 448 s.

KUJALA Antti / КУЯЛА Антти
University of Helsinki / Университет Хельсинки
Finland, Helsinki / Финляндия, Хельсинки
antti.kujala@helsinki.fi

SANDARMOKH — FACTS INSTEAD OF POLITICKING.

REVIEW OF: Sergei Verigin and Armas Mashin, *Sandarmohin arvoitus*, vol. I, *Hiekkakankaiden salatut vainajat*, (S. l.: Johan Bäckman Publications, 2019), 94 p.

САНДАРМОХ — ФАКТЫ ВМЕСТО ПОЛИТИЧЕСКИХ ИГР.

РЕЦ. НА КН.: *Verigin S., Mashin A. Sandarmohin arvoitus.*

S. l.: Johan Bäckman Publications, 2019. Vol. I. Hiekkakankaiden salatut vainajat. 94 p.

Keywords / Ключевые слова: Sandarmokh, Finland, Continuation War of 1941–44, illegal killing of Soviet prisoners of war / Сандармох, Финляндия, Война-продолжение 1941–1944 гг., незаконные расстрелы советских военнопленных

Sandarmokh in Russian Karelia is the burial-ground and graveyard of thousands of Russians, Finns and members of other nationalities who were secretly executed there in the late 1930s by the NKVD. Until 2016, the representatives of the government of the Karelian Republic participated in the annual commemoration of the victims of Stalin’s Great Terror alongside *Memorial*, the organization recording the Soviet Union’s totalitarian past and monitoring human rights in contemporary Russia. Since then, the government has, however, not been represented in the annual commemoration on 5 August.

In contemporary Russia, there are people who regard the annual reminder of Stalin’s mass murders and the existence of *Memorial* as undesirable. A couple of years ago, two Petrozavodsk historians, Sergei Verigin and Iurii Kilin, came up with a “scientific hypothesis” according to which Sandarmokh was also a secret burial-ground for Soviet prisoners-of-war shot by the Finnish army occupying Soviet Karelia in 1941–1944. The Finnish army allegedly discovered the graves in Sandarmokh and used the place as the final destination of executed POWs. The “hypothesis” is backed up by Verigin’s and Armas Mashin’s Finnish-language booklet mentioned above. Publishing the booklet under the auspices of Johan Bäckman, a Finn engaged in various “information campaigns”, does not increase the credibility of the booklet in the eyes of its target, the Finnish readership. The booklet has indeed aroused very little attention in Finland. In it, Verigin presents the genesis and basic ideas of his “hypothesis” and I shall examine them below. Mashin is not a historian but a journalist and his contribution is an attack on *Memorial* and to the people who have been participated in the organization or have dealt with Stalin’s Great Terror of the late 1930s. The booklet is not an academic work but a pamphlet. It is a sideline of the excavations that the Russian Military Historical Society has carried out in Sandarmokh. The aim of the excavations is to find evidence supporting Verigin’s and Kilin’s “hypothesis”.

There were indeed Finnish POW camps in Medvezhegorsk some ten kilometres west of Sandarmokh. Sandarmokh was situated very close to the frontline. Based on international conventions, the POWs in Finnish custody were closely monitored by the Finnish Red Cross. Every POW had a Red Cross card. The date and cause of death were recorded there and often — but certainly not in all cases — also the place of his burial. In 2008, the Finnish National Archives compiled an online database¹ on all 19,000 Soviet POWs who perished in Finnish captivity. This database is also at the disposal of Russians but so far Verigin and Kilin have not made use of it. Why? *This database should be the starting-point of any meaningful study on the POWs.* There are registered burials in Medvezhegorsk but none in Sandarmokh, where there was no prison camp at all. According to well-established procedure, the perished POWs were buried in burial-grounds in the immediate vicinity of the camp. The circumstances related to the death and burial of the POWs were monitored by the Red Cross. *The idea of a secret burial-ground is somewhat absurd and makes sense only in a closed NKVD reality.* The possibility of the burial of a few Soviet soldiers killed in combat circumstances in Sandarmokh cannot be completely excluded but I regard it as fairly unlikely.

The treaty ending the hostilities in September 1944 obliged Finland to bring to justice its citizens who had committed war crimes. I have studied the judicial cases of 500 POWs who were shot by Finns, most of them illegally.² The identity of 332 could be established. In the Red Cross cards, only nine of them were reported to have died of disease although I know on the basis of postwar court records that they had been shot. In minor camps, the cause of death was often established by someone who had no medical education but only in very few cases a POW who had gunshot wounds was recorded to have died of disease, that was something other than lethal violence. Any large-scale forgery of the POW cards to downplay the volume of gunshot violence must be ruled out.

I estimated that of the 500 killed POWs whose cases I studied, approximately one hundred remained unidentified. They must have perished before they had been registered. The remaining ca. 70 must have been registered but due to insufficient

¹ Prisoner-of-War Deaths During the Continuation War, last accessed 29 December 2019. <http://kronos.narc.fi/cwar/cwar.html>.

² Antti Kujala, *Vankisurmat. Neuvostotavankien laittomat ampumiset jatkosodassa* (Helsinki: WSOY, 2008); Antti Kujala, "Illegal Killing of Soviet Prisoners of War by Finns during the Finno-Soviet Continuation War of 1941–44," in *Slavonic and East European Review* 87, no. 3 (2009): 429–451; Antti Kujala, "Sovetskie voennoplennye v Finliandii i finskie voennoplennye v SSSR vo vremia sovetsko-finskoi voiny 1941–1944 gg.," in *Russkii sbornik XVII* (Moscow: Modest Kolerov, 2015), 312–319, <http://nlr.ru/domplekhanova/dep/artupload/dp/article/70/NA1927.pdf>. See also: Arja Paananen, "Finskii istorik o raskopkakh v Sandarmokhe: 'Sfabrikovannye obvineniia, politicheskii proekt' (Ilta-Sanomat, Finliandiia)," Inosmi.Ru, published 7 September 2018, <https://inosmi.ru/social/20180907/243183737.html>; Galina Dudina and Anastasiia Kurilova, "'Situatsiia v finskikh lageriakh otlichalas ot nemetskikh' Finskii istorik prokomentiroval 'Ъ' gipotezu o massovykh rasstrelakh sovetskikh voennoplennykh," *Kommersant*, 18 September 2018, <https://www.kommersant.ru/doc/3744434>.

information in postwar court records (for ex. no exact date of their death) it is impossible to connect the person in question to any POW in the Red Cross cards.

According to the Red Cross cards and military hospital records etc., 1019 registered and identified POWs were shot in Finnish captivity in 1941–1944. On the basis of my case studies of the 500 POWs, of whom ca. 100 were unregistered, approximately 200 must be added to the figure of 1019. They were shot before they had been registered as POWs. In 1941–1942, the registration lagged months behind the capture of the prisoners. No figures are mentioned in the pamphlet but it has been reported in the press that Verigin and Kilin have previously come up with much higher numbers of POW killings, for ex. up to 500 or even 1,000 or 2,000. These allegations are groundless. In the prison camps there were no mass killings. Only one or a few (up to ten or twelve) POWs were shot at the same time. Some of them were shot legally when trying to escape or to ward off an attack by them, but most of them were killed illegally, usually in order to maintain discipline. International conventions provided only very lenient means for punishing POWs' transgressions. That is why guards took the law in their own hands and their immediate superiors turned a blind eye on it.

In the prison camps of one army corps serving on the Karelian Isthmus (i. e. not in Soviet Karelia) there were over 100 killings from late 1941 until the summer of 1942. The General Headquarters investigated the killings already during the war and of course finally suppressed the case instead of submitting it to judicial procedure (during the war, charges were seldom brought for shooting a POW), but since the beginning of the investigation the number of the killings dwindled in the army corps. If there had been similar larger cases in other army units or camps, they would also have caught the attention of the GHQ or we would know of them on the basis of the Red Cross cards.

As said above, the number of Soviet POWs who perished in Finnish prisoner camps was 19,000 but I have estimated that probably 3,000 more perished before they had been registered and we do not know their names. The estimation is based on the POW numbers reported by the army divisions during the war. There is much confusion in these figures but there must have been at least 3,000 POWs in addition to the official postwar number of 64,000. The 1,200 POWs who were shot accounted for 5.5 per cent of the 22,000 who perished in Finnish captivity. Most of the unregistered 3,000 must have died in diseases related to undernourishment, which was the case also with regard to the 19,000. To imagine that all or most of the unregistered 3,000 were shot is nonsense. It should be emphasized that the majority of Soviet POWs were transferred to the territory of Finland to minimize the chances of successful escape. To imagine that most of them were in Medvezhegorsk or somewhere in Soviet Karelia is idle fantasy, not to mention the absurd idea of Medvezhegorsk-Sandarmokh as a secret Finnish Katyn.

One third of the POWs perished in Finnish camps. Although there was no policy of extermination (premeditated systematic killing or starving) in Finland, the mortality in POW camps during the Second World War was higher only in Nazi Germany (with regard to the Soviet POWs) and the Soviet Union. As anybody can see, I am not trying to whitewash the record of the Finnish army but it would be desirable to stick to well-established facts. In other words, to use my figures correctly instead of distorting the overall picture.

The answer to the question whether the Finnish army knew of the graves in Sandarmokh during the war can be established only from Finnish materials located in Finnish archives. Neither I nor anybody else in Finland has never seen any indication of it. I have been told that Verigin and Kilin have never worked in Finnish archives (it was stated in the press that the Finnish National Archives welcomed them to study there; there are no classified wartime materials whatsoever). In addition, Verigin does not even know Finnish. How can they know better than we? If the Finnish army had discovered the graves in Sandarmokh, they would have made similar anti-Soviet propaganda as the Germans did with regard to Katyn. This is the conclusion of the distinguished Petrozavodsk historian, Irina Takala, a scholar of the Great Terror, and it really makes sense. Besides, why would anybody go to so much extra trouble to transport the bodies of POWs ten kilometres away from Medvezhegorsk to Sandarmokh when there were established burial-grounds near the camps in Medvezhegorsk and people were expected to use them?

With regard to the excavations of the Russian Military Historical Society, I would like to remind that the British greatcoats handed over to POWs were brown, not green. In September 2018, the Society found pieces of green cloth. It is wrong colour and does not serve as evidence of Soviet POW executions. It should also be remembered that in legal executions based on the death sentence of a court-martial the sentenced and the death squad looked each other in the eyes. Only few POWs were, however, sentenced to death. In most illegal killings the victim had been told to walk ahead of the guard who shot him in the back and then reported that the POW had allegedly tried to escape because it was legal to stop an attempt to escape in this manner. A bullet in the neck with the victim's hands tied behind his back sound like a NKVD execution. If a creature walks like a duck and quacks like a duck, it is most likely a duck.

I am an outsider who cannot know what is going on in Russia. It seems, however, to me that Verigin's and Kilin's "hypothesis", the excavations in Sandarmokh and the well-known case of putting some people under arrest are an attempt to belittle and downplay Stalin's mass murders, to rouse suspicion about the work of *Memorial* and also to intimidate and silence the people who have been active in the organization. With regard to the Soviet POWs the Finnish army did not indeed have a clean record but the attempt to shoulder part of the guilt of Stalin's crimes on it is a flagrant distortion of facts (it is also

an unfriendly gesture vis-à-vis Russia's western neighbour Finland). Every nation should face the dark sides of its own history without trying to whitewash them by contending that also others have sinned — which by the way resembles the logic of a five-year old child.

It is to be hoped that people ultimately responsible for the matters relating to Sandarmokh are reasonable enough to grasp the absurdity of the “scientific hypothesis”. Sad to say, Verigin and his companions are third-class historians who obviously believe in the validity of their ideas. They are living more or less in a Stalinist reality where foreign countries and foreigners constantly threaten Russia. Their conclusions are based on this assumption. I sincerely hope that meaningful Russian-Finnish cooperation in matters related to the Great Terror and WW2 will be possible but any political agenda must then be entirely absent. There has been too much politicking and “enemy-building” in our mutual relations. The Russians and Finns deserve something better.

List of secondary sources

Военнопленные, погибшие на войне между Финляндией и Советским Союзом в 1941–1944 годах [Электронный ресурс]. — URL: <http://kronos.narc.fi/sfv2/sfv2.html>. — (30.12.2019).

Дудина, Г. «Ситуация в финских лагерях отличалась от немецких»: финский историк прокомментировал “Б” гипотезу о массовых расстрелах советских военнопленных / Г. Дудина, А. Курилова // Коммерсантъ. — 2018. — 18 сентября. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3744434>. — (30.12.2019).

Куюла, А. Советские военнопленные в Финляндии и финские военнопленные в СССР во время советско-финской войны 1941–1944 гг. / А. Куюла // Русский сборник: исследования по истории России. — Москва: Модест Колеров, 2015. — Т. XVII. Финляндия и Россия / отв. сост. А. Куюла. — С. 312–319. — URL: <http://nlr.ru/doplekhanova/dep/artupload/dp/article/70/NA1927.pdf>. — (30.12.2019).

Паананен, А. Финский историк о раскопках в Сандармохе: «Сфабрикованные обвинения, политический проеки» (Iita-Sanommat, Финляндия) // Иносми.Ру [Электронный ресурс]. — 2018. — 7 сентября. — URL: <https://inosmi.ru/social/20180907/243183737.html>. — (30.12.2019).

Kujala, A. Vankisurmat : Neuvostosotavankien laittomat ampumiset jatkosodassa / A. Kujala. — Helsinki : WSOY, 2008. — 332 s.

Kujala, A. Illegal Killing of Soviet Prisoners of War by Finns during the Finno-Soviet Continuation War of 1941–44 / A. Kujala // Slavonic and East European Review. — 2009. — Vol. 87, no. 3. — P. 429–451.

ЛАММ Мария Андреевна / LAMM Maria

Институт славяноведения РАН / Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

Россия, Москва / Russia, Moscow

lamm.maria@yandex.ru

**РЕЦ. НА КН.: Антология современной исландской поэзии /
Сост. и пер. О. А. Маркеловой. М.: ИПО «У Никитских ворот», 2018. 156 с.**

REVIEW OF: Olga Markelova (ed. and transl.), *Antologija sovremennoi islandskoi poezii* (Moscow: IPO "U Nikitskikh vorot", 2018), 156 p.

Ключевые слова / Keywords: Исландия, современная литература, рок-поэзия, литературная традиция, образ России, экопоэзия / Iceland, modern literature, rock poetry, literary tradition, the image of Russia, Ecopoetry

Антология современной исландской поэзии вышла в свет в 2018 г. при поддержке посольства Исландии¹. В книгу вошли стихи двадцати современных исландских поэтов разных поколений в переводах кандидата филологических наук О. А. Маркеловой, специалиста по скандинавской литературе, переводчика с датского, исландского, норвежского и фарерского языков. Издание приурочено к двум юбилейным датам: 100-летию суверенитета страны и 75-летию установления дипломатических отношений между Россией и Исландией. Оно предваряется обращением посла Исландии в России Берглинда Аусгейрсдоттир, в котором подчеркивается высокий уровень выполненных переводов. Предисловие от переводчика представляет собой экскурс в историю и современность исландской литературы, которая рассматривается в качестве самостоятельной системы, развивающейся внутри общеевропейского контекста. О. А. Маркелова также дает широкую литературно-страноведческую перспективу, благодаря которой читатель может увидеть авторов антологии в контексте и пространстве современной литературы Исландии. Справочный аппарат представлен двумя библиографическими списками: издания, с которых осуществлялся перевод, а также другие переводы современной исландской поэзии, выполненные О. А. Маркеловой.

Названия всех стихотворений даны на русском и исландском языках, некоторые тексты приводятся параллельно. Творчество каждого поэта предваряется его краткой биографией и характеристикой литературно-эстетических особенностей творчества. Переводы выполнены на высоком художественном уровне с сохранением формальных и ритмических особенностей оригинальных текстов. Необходимо отметить обширные комментарии, в которых переводчик указывает на не всегда очевидную для русского читателя связь конкретных стихотворений с исландской

¹ Антология современной исландской поэзии / Сост. и пер. О. А. Маркеловой. М., 2018. Далее ссылки на это издание даются в тексте в круглых скобках.

поэтической традицией: как на тематическом, так и на формальном уровне. О. А. Маркелова выделяет различные отсылки к древним текстам и национальному фольклору, подчёркивает случаи использования или отхода от традиционной формы. Благодаря подробным комментариям даже малознакомый с традициями исландской литературы читатель может соотнести текст и контекст, увидеть целостность развития национальной литературы.

Как отмечает О. А. Маркелова, «Исландия без стихов — картина столь же неполная, как Исландия без ледников и вулканов» (с. 4). Действительно, поэтическая традиция в стране непрерывно развивалась с момента заселения острова, она сохраняет свою цельность и сегодня. Это не означает, что исландской литературе неизвестны или чужды эстетические поиски, характерные для европейской литературы, скорее новое переосмысляется в живом диалоге с истоками культуры. Данная особенность находит свое отражение в стихотворении «У Европы на полях» (с. 50–51) Сигурда Паульссона (1948–2017), одного из наиболее «европейских» современных поэтов Исландии:

Я на полях у Европы — и отсюда
смотрю на вечность континента.

Как всегда, там спорят
оптимизм с нигилизмом.

Мы написали заметки на полях
Европы
к её основному тексту.

Мы на той же странице,
только на полях.

Стихотворение опубликовано в книге «Стихи помнят голос» в 2016 г. Здесь очевидна отсылка к средневековым маргиналиям — заметкам на полях, своеобразному пограничью, где существовала свобода самовыражения, немислимая в центре листа². Такой «заметкой на полях», в частности, стала исландская рок-поэзия, где «не прижился пессимизм, характерный для западноевропейского панка; запад был оптимистический, господствовала вера в творческое и социальное раскрепощение, а идеи деградации и вырождения отразились только в эстетических

² См.: Зотов С. О., Майзульс М. Р., Харман Д. Страдающее Средневековье: Парадоксы христианской иконографии. М., 2018.

установках»³. В текстах этих авторов множество отсылок к традиционным образам и сюжетам, однако характерной чертой является их юмористическое и травестийное переосмысление: героическое становится будничным и обыденным. Иными словами, традиционный литературный контекст пересматривается в соответствии с эстетическими и мировоззренческими потребностями эпохи. По мнению О. А. Маркеловой, такая модель «проясняет сущность и законы действия литературной традиции: возможно, вся она — лишь случайность, т. к. любое содержание или смысловые связи можно изменять или уничтожать по своему усмотрению, а будучи вырван из контекста, известный сюжет или мотив лишается своего смысла на удивление быстро»⁴. Но быть может, именно так выглядит живая культура, литературная традиция которой актуализируется в новых условиях.

Даже наиболее новаторские произведения сохраняют свою связь с классической традицией исландской литературы, однако прошлое интересует авторов лишь постольку, поскольку его можно живо связать с настоящим. Здесь хочется вспомнить слова М. И. Цветаевой: «У них нет баррикад, но у них философские системы, взрывающие мир, и поэмы, его заново творящие»⁵. Эта мысль, высказанная поэтессой по поводу немцев, вполне применима именно к исландской поэзии, хотя философские системы чаще приходят из внешнего мира. Действительно, «литература на протяжении столетий определяла устойчивость самоидентификации исландцев»⁶, это «личность нации»⁷. Одной из важнейших особенностей современной исландской литературы являются своеобразные отношения между историей и современностью. Поэзия не обращается к ушедшему золотому веку, всемирно известным «Эддам» и сагам, но, безусловно, вырастает из них. Это особенно очевидно на примере исландской рок-поэзии, которая уже в момент своего появления была включена в корпус литературных текстов и привлекла внимание литературоведов «как качественно новая форма поэзии, явление, революционное для всей исландской словесности»⁸. Для исландского панка вполне естественна связь с корпусом текстов классической литературы, что в принципе характерно для текстоцентричного рока. Однако в исландской поэзии, где традиции устной литературы на момент возникновения контркультуры

³ Маркелова О. А. Очерк истории исландского панка // Русская рок-поэзия: текст и контекст: Сборник научных трудов. Тверь; Екатеринбург, 2007. Вып. 9. (Памяти Ильи Кормильцева). С. 263.

⁴ Её же. Взаимодействие с предшествующей культурной традицией в исландском роке: Мегас // Русская рок-поэзия: текст и контекст: Сборник научных трудов. Тверь, 2005. Вып. 8. С. 189.

⁵ Цветаева М. И. Собрание сочинений в семи томах. М., 1994. Т. 4. Воспоминания о современниках. Дневниковая проза. С. 552.

⁶ Коровин А. В. Исландская литература в Америке (к вопросу о национальных границах в литературе) // *Studia Litterarum*. 2016. № 1–2. С. 193.

⁷ Султанов К. К. Прошлое в настоящем: историческая память как ресурс самоидентификации в постсоветской литературе // Вопросы изучения национальных литератур. Дискурс идентичности меняющихся контекстах. М., 2017. С. 11.

⁸ Маркелова О. А. Очерк истории исландского панка. С. 265.

были достаточно распространены, произошло заметное взаимовлияние этих поэтических моделей: «с пришествием рок-культуры в Исландию в 1960–1970-х гг. эта “вторичная устная культура”... попала на почву еще живой “первичной” устной поэтической традиции, что определило характер исландского рока»⁹. Переосмысление традиции, таким образом, не порождало дискурса революционного отрицания. Ярким примером подобного диалога служит стихотворение Тоурарина Эльдьяртн (род. 1949) «Бьёрк и Снорри в Париже» (с. 57), опубликованное в книге «Грани и границы» в 2005 г. В этом стихотворении лирические герои сперва видят высеченную на почетном месте в библиотеке Женевьевы надпись «Снорро-Стурлесон», а затем встречают на бульваре огромную афишу Бьёрк:

Проигрывает Снорри в споре с нею!
Она Исландию везде представит броско.
Мы поняли: она его главнее —
на стогнах мира юная берёзка.

Тоурарин Эльдьяртн, подчеркивающий связь своего творчества с древней поэтической традицией, не разделяет культуру Исландии на высокую и низкую: древнеисландский скальд Снорри Стурлусон и современная певица Бьёрк равноправны.

В исландской поэзии второй половины XX в. важнейшее место занимает экотекст, где «автор выдвигает на первый план идею взаимосвязи и взаимозависимости происходящего в природном мире, признаёт внутреннюю ценность не только человека, но и всего природного мира. Автор сознаёт возможность экологической катастрофы и пытается найти основу для гармоничного существования человека с остальным природным миром»¹⁰. Эта тема как на глобальном, так и на локальном уровне особенно характерна для творчества Вильборг Дагбьяртсдоттир (род. 1930). Так, в стихотворении «Весна» (с. 21), опубликованном в книге «Листва на деревьях» 1960 г., лирической героиней отчетливо ощущается возможность катастрофы, это ее повседневность:

Смущённая, я считала
яйца в найденном нами гнезде:
по старинным поверьям — столько же
у меня родится детей.

⁹ *Её же*. Взаимодействие с предшествующей культурной традицией в исландском роке. С. 200.

¹⁰ *Гречишкина С. В.* К вопросу исследования современной литературы о природе: аспекты изучения эколитературы // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 387. С. 9.

а потом я склонила голову
 другу на плечо — и спросила:
 «А в росе на Иванову ночь – тоже есть
 радиоактивная пыль?»»

Характерная для исландской литературы опора на историческую традицию здесь позволяет создать яркий образ оппозиции двух реальностей. Мир лирической героини расколот: с одной стороны, традиционные мечты молоденькой девушки о семье и детях, и этот образ подчеркивается названием стихотворения и упоминанием Ивановой ночи, а с другой стороны, та же девушка спрашивает возлюбленного о радиоактивной пыли, что немедленно переносит читателя в современность.

В стихотворении «Родной язык» (с. 22–23), опубликованном в 1976 г. в журнале «Тимарит маульс ог меннингар» (*Tímarit Máls og menningar*), поднимается проблема изменения человеком окружающей среды в угоду сиюминутным потребностям. Поэтесса обращается к самому смыслу слов, связывает их с детскими воспоминаниями, рассказывает о том, как слово «озеро» становилось для неё в детстве реальностью, данной в ощущениях. Однако,

Сейчас того озерца
 давно уже нет:
 его засыпали англичане,
 чтобы сделать в долине
 хорошее футбольное поле, —
 однако все озёра
 я мысленно сравниваю
 только с ним.

Таким образом, незначительное на первый взгляд событие — исчезновение небольшого озера — оказывается связанным с самыми разными процессами, в том числе — с изменением семантического наполнения языка. Кольцевая композиция образуется дедуктивным способом: от зачина «У слов есть значение/чётко определённый/конкретный смысл» до завершающей строки «у слова “озеро” есть смысл». Общефилософское рассуждение, таким образом, приобретает предельную конкретность.

Экопоэтика в современной исландской литературе переплетается с проблемой урбанизации, и, следовательно, разрушения традиционного уклада. Подобные мотивы звучат в стихотворении Сигурда Паульссона (1948–2017) «Единственные короли Исландии» (с. 50), опубликованном в книге «Стиховластие» в 1990 г.:

Нам птицы укажут тропу, что давно заросла
под дёрном сокрылась, — и плотный ветер
качает стебли — где раньше были
сгинувшие хутора и заросшие дороги.

А птицы укажут нам путь по заросшему дёрну
по сгинувшим хуторам; на них короли
сидели — писали: короли стиха и рассказа
на маленьких хуторах — а в головах весь мир.

Нам птицы укажут светлым полётом
путь, что ведёт лишь вверх и вперёд,
путь, что ни время, ни тленье не тронет,
путь по строкам, что короли записали.

Рухнули хутора; нет больше дорог.
Лишь путь стиха и рассказа для всех открыт.

Здесь метафорически изображается контекст, в котором исторически существовала исландская поэтическая традиция, где культура развивалась и воспроизводилась на хуторах. Сегодня, когда городское население превалирует над хуторским, прежний мир сохраняется и воспроизводится лишь в поэзии.

Отдельно интересен образ России в современной исландской поэзии. Наша страна упоминается в некоторых стихотворениях антологии, при этом лишь один поэт связан с Россией своей профессиональной деятельностью — Ингибьёрг Харальдсдоттир. Российская семантика возникает как часть существующего мира, однако во всех случаях происходит отождествление с личным или национальным опытом, более того — упоминания всегда конкретны и апеллируют к определённым явлениям российской истории и культуры. Такое изображение нашей страны в принципе характерно для исландской литературы XX в.: «В первую очередь, не фиксация впечатлений от знакомства с культурой конкретной страны, а часть идеологических дебатов своего времени»¹¹. Подобным образом осмысление российской темы происходит и в современной исландской поэзии.

Например, в стихотворении Андри Снайра Магнасона (род. 1973), романиста, драматурга, поэта и автора детских книг, российская семантика возникает в контексте значимых для времени экологических проблем, что в принципе характерно

¹¹ Маркелова О. А. Советский текст исландского рока? Альбом Валюра Гюннарссона “Vodka Songs” // Русская рок-поэзия. Текст и контекст. Екатеринбург, Тверь, 2011. Вып. 12. С. 289.

для творчества этого автора. Так, в стихотворении «Человек есть то, что он ест-2» (с. 111–112) центральным образом является нефть, заполняющая собой весь мир:

Я — не 70% воды,
 Я — 95% нефти
 Рыба — не рыба,
 Она — та нефть, которая достала её из моря.

Зерно — не зерно,
 а сеявшая нефть и нефть для молотилки
 и нефть, которая довезла его до меня.

Я — Саудовская Аравия, я — Баренцево море,
 я — пустыни Ирака и Ливии,
 я — Техас.

Человек есть то, что он ест.
 Я — папоротниковая пустошь Пангеи,
 я — птеродактиль, я — тираннозавр рекс.

Я хладнокровно жму
 до отказа педаль газа.

Стихотворение опубликовано в книге «Стихи из супермаркета “Бонус”» в 1996 г. Проблема личной вовлечённости каждого в безудержное потребление подчёркивается здесь через самоотождествление. Баренцево море, как один из крупных центров нефтедобычи, стоит здесь водном ряду с Саудовской Аравией, Техасом, пустынями Ирака и Ливии. В следующей строфе происходит на первый взгляд диаметрально противоположное самоотождествление с папоротниковой пустошью Пангеи и вымершими видами животных. Тем не менее противопоставление отсутствует: огромные папоротники, служившие пищей динозаврам, начали вымирать в результате экологической катастрофы, из полуразложившихся папоротников мезозойской эры появилась нефть. В таком контексте последняя строфа «Я хладнокровно жму / до отказа педаль газа» приобретает угрожающий характер, это ускорение человечеством движения к новой катастрофе за счет беспечности по отношению к планете.

В стихотворении «Стихи о детях» (с. 105–106) Герд Кристни Гвюдйоунсдоттир (род. 1970) поэтессы, романиста и автора детских книг, сюжет из русской истории сплетается с темой трагических судеб детей вообще:

Нет, Оле-Лукойе не придёт
к детям Геббельса,
когда яд потянет их
в сумрачные бездны,

и на мягчайших веках —
ни малейших следов порошка.

А белая телячья шкура,
укрывающая бездыханных детей,
всегда вызовет вопросы.

Никому не ведомо, что
дети русской царской семьи
тоже лежат под мягкой шкурой
в мрачном березняке,

так что их никогда не отыщут.

Нет, там Оле-Лукойе тоже не проходил.

— А был там маленький Торд сын Кари,
защитник детей,
у которых нет никого,
кроме него.

Стихотворение из книги «Побережье», вышедшей в свет в 2012 г. Необходимо отметить, что совмещение в одном художественном пространстве детей Геббельса и детей Романовых не несёт идеологической оппозиции, это два актуализированных в 2011 г. случая варварской жестокости по отношению к детям. Оле-Лукойе олицетворяет в этом стихотворении беззаботное детство в противоположность маленькому мученику Торду, сыну Кари — персонажу широко известной в Исландии «Саги о Ньяле», по сюжету которой Торд погибает в огне вместе с Ньялем и его женой. Мальчик мог покинуть хутор, но предпочёл разделить участь семьи. После пожара тела погибших были найдены под воловией шкурой, не тронутые огнём. В одном стихотворении сплетаются три случая травмы исторического опыта, и, что вполне естественно для исландской литературы, художественное пространство XX в. существует наравне со Средневековьем.

Это не слепое осуждение жестокости мира, общества и обычая по отношению к детям, скорее речь идёт об осознании механизма возникновения подобных процессов. Как пишет о подобных процессах И. Е. Адельгейм, «постепенно формируемая культура памяти строится на разделении понятий прощения и забвения, памяти и мести, отказе от схем “ретроспективной героизации”, на способности взять на себя ответственность за темные страницы прошлого»¹². Маленький Торд, сын Кари — второстепенный персонаж «Саги о Ньяле», однако необходимость осмысления этого травматического опыта выводит его в стихотворении на первый план. Решивший остаться вместе с бабушкой Торд сын Кари становится покровителем и защитником тех детей, за которых решение приняли другие. Упомянутую в саге воловью шкуру поэтесса заменяет на телячью, из которой делается пергамент.

В произведениях авторов, чья профессиональная деятельность связана с Россией, семантические переходы более конкретны, однако строятся по той же модели. Так, у поэтессы Ингибьёрг Харальдсдотир (1942–2016) есть стихотворение «Марине», посвященное Марине Цветаевой, фрагмент которого приведен в рассматриваемой антологии. Поэтесса в юности училась в Советском Союзе, позднее перевела на исландский язык произведения Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова, М. А. Булгакова, М. И. Цветаевой и др. Стихотворение «Марине» (с. 37–38) было опубликовано в книге «Голова женщины» в 1995 г.

(V)

Порой я вижу тебя во сне,
 Марина, — и ты исчезаешь.
 И всё же тогда мне кажется,
 что перед этим
 ты быстро повернулась ко мне
 и улыбнулась
 той самой усталой елабужской улыбкой.
 И ты исчезаешь в лесу
 во мраке, и я вижу, как ты
 уходишь всё дальше и дальше,
 и я знаю, что этот мрак —
 этот лес, этот мрак
 в конце концов сомкнутся
 вокруг нас обеих,
 Марина.

¹² Адельгейм И. Е. Психология поэтики: Аутопсихотерапевтические функции художественного текста (на материале польской прозы 1990–2010 гг.). М., 2018. С. 17.

Образ мрачного леса, метафорически связанный с прологом «Божественной комедии», Елабуга — самый страшный период в жизни М. И. Цветаевой, апофеоз отчаяния. И родство душ двух женщин, двух поэтов, ведь «и я знаю, что этот мрак — / этот лес, этот мрак / в конце концов сомкнутся / вокруг нас обеих, / Марина». Стихотворение очень личное, для русского текста в исландской поэзии оно скорее представляет собой исключение, чем правило. В стихотворении «Война» (с. 36–37), опубликованном в книге «Туда я хочу улететь» 1974 г., появляется более традиционный образ, Ингибьёрг Харальдсдоттир вписывает свою жизнь в контекст блокады Ленинграда:

В год, когда я родилась,
люди в Ленинграде
погибали от голода,
а сейчас они в общей могиле
под зелёной-зелёной травой,
и пожилые женщины
с цветами — у могилы,
и далёкий страх оживает
в их усталых глазах.

<...>

Время тогда было трудное?
девочка из Ленинграда
сидела в стужу — писала
в своём дневнике: Все умерли?
я осталась одна,
а через много лет
великий детоубийца
прочёл это и сказал:
Детство должно быть счастливым!

Когда я родилась, в мире шла война,
и с тех пор всегда где-нибудь
бывала война,
так что непросто
иметь счастливое детство,
когда с неба льётся огонь
и повсюду рыщут убийцы.

Помимо собственно событийного ряда, стихотворение отсылает к широко известному в России дневнику Тани Савичевой, где зафиксированы даты смерти родственников девочки. Напомнив об этом, Ингибьёрг Харальдсдоттир поднимает проблему войн в целом, которые не прекращаются в мире, и протестует против них, а также против милитаристской мифологии в целом. Это усиливается кольцевой композицией стихотворения, построенной по индуктивному принципу, от личного опыта («Как странно: меня никогда / не учили маршировать, / а ведь в детстве вокруг / было так много военных») лирическая героиня через образ отца переходит к общенациональному («Он был вовсе не воин, / он не мог убить крысу. / А я — его дочь, и меня никогда / не учили маршировать»). Таким образом, наличие биографической связи автора с Россией детерминирует появление более конкретного культурного кода, однако принципиально он от характерного для исландской литературы в целом не отличается.

В России широко известна древнеисландская литература, регулярно переиздаются Старшая и Младшая «Эдды», а также родовые саги. Современная литература Исландии известна у нас значительно меньше, и в заключение повторим слова переводчика рецензируемой книги О. А. Маркеловой: «Хочется надеяться, что эта антология современных поэтов Исландии, будучи первой, не останется единственной» (с. 19). Своеобразие современной исландской поэзии вырастает из актуализации современных проблем в контексте многовековой литературной традиции, благодаря чему этот голос обретает особенную выразительность: современность не противопоставляется «золотому веку» и не вырвана из исторического контекста, но непосредственно связана с прошлым и будущим. Благодаря «Антологии современной исландской поэзии» русский читатель может взглянуть на актуальные проблемы современности совершенно другим взглядом.

Список литературы

Адельгейм, И. Е. Психология поэтики: аутопсихотерапевтические функции художественного текста (на материале польской прозы 1990–2010 гг.) / И. Е. Адельгейм. — Москва : Индрик, 2018. — 648 с.

Антология современной исландской поэзии / сост. и пер. О. А. Маркеловой. — Москва : ИПО «У Никитских ворот», 2018. — 156 с.

Гречишкина, С. В. К вопросу исследования современной литературы о природе: аспекты изучения эколитературы / С. В. Гречишкина // Вестник Томского государственного университета. — 2014. — № 387. — С. 8–14.

Зотов, С. О. Страдающее Средневековье : парадоксы христианской иконографии / С. О. Зотов, М. Р. Майзульс, Д. Харман. — Москва : АСТ, 2018. — 416 с.

Коровин, А. В. Исландская литература в Америке (к вопросу о национальных границах в литературе) / А. В. Коровин // *Studia Litterarum*. — 2016. — № 1–2. — С. 192–210.

Маркелова, О. А. Взаимодействие с предшествующей культурной традицией в исландском роке: Мегас / О. А. Маркелова // *Русская рок-поэзия: текст и контекст : сборник научных трудов*. — Тверь : Тверской государственный университет, 2005. — Вып. 8. — С. 188–201.

Маркелова, О. А. Очерк истории исландского панка / О. А. Маркелова // *Русская рок-поэзия: текст и контекст : Сборник научных трудов*. — Тверь ; Екатеринбург : б. и., 2007. — Вып. 9. (Памяти Ильи Кормильцева). — С. 261–270.

Маркелова, О. А. Советский текст исландского рока? Альбом Валюра Гюннарссона “Vodka Songs” / О. А. Маркелова // *Русская рок-поэзия : текст и контекст*. — Екатеринбург ; Тверь : Тверской государственный университет, 2011. — Вып. 12. — С. 287–293.

Султанов, К. К. Прошлое в настоящем: историческая память как ресурс самоидентификации в постсоветской литературе / К. К. Султанов // *Вопросы изучения национальных литератур. Дискурс идентичности вменяющихся контекстах*. — Москва : ИМЛИ РАН, 2017. — С. 5–48.

Цветаева, М. И. Собрание сочинений в семи томах / М. И. Цветаева. — Москва : Эллис Лак, 1994. Т. 4. Воспоминания о современниках. Дневниковая проза. — 686 с.

БИБЛИОГРАФИЯ

BIBLIOGRAPHY

ЧИКИНА Наталья Валерьевна / CHIKINA Natalia

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН / Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences

Россия, Петрозаводск / Russia, Petrozavodsk

tchikina@krc.karelia.ru

ЛЕТОПИСЬ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ КАРЕЛИИ 2003*

CHRONICLES OF THE LITERARY LIFE OF KARELIA 2003

Abstract: With this issue we continue the publication of the Chronicles of the Literary Life of Karelia that had been published until 2011 and was resumed in the previous issue of the *Nordic and Baltic Studies Review*. This part deals with the materials of 2003 and is structured similarly to the previous editions. It starts with the literary events chronicle, after which a list of the books and articles published in the Finnish, Karelian, and Veps languages follows. A distinctive feature of the issue is that it has been compiled from the national periodicals published in the Republic of Karelia: the magazines *Carelia* and *Kipinä*, and the newspapers *Karjalan Sanomat*, *Oma Muu*, *Vienan Karjala*, *Kodima*.

Ключевые слова / Keywords: Литература Карелии, 2003 г., финский язык, карельский язык, вепсский язык / Literature of Karelia, 2003, Finnish language, Karelian language, Veps language

Настоящая «Летопись литературной жизни Карелии 2003» является продолжением ранее вышедших «Летописей», которые содержат публикации с 1917 по 2002 гг.¹ В данной «Летописи» представлен анализ и перечень публикаций, выполненный только на основе национальной периодической печати Республики Карелия. Источниковую базу в 2003 году составили журналы «*Carelia*» и «*Kipinä*», газеты «*Karjalan Sanomat*», «*Oma Muu*», «*Vienan Karjala*» и «*Kodima*».

* Статья выполнена по программе фундаментальных научных исследований РАН «Социально-гуманитарные аспекты устойчивого развития и обеспечения стратегического прорыва России», подпрограмма «Культурно-сложные общества: понимание и управление»; Финансовое обеспечение исследований осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН (АААА-А18-118030190091-5).

¹ Летопись литературной жизни Карелии (1917–1961) / Сост. М. Ф. Пахомова и Н. С. Полищук. Петрозаводск, 1963; Летопись литературной жизни Карелии (1962–1966) / Сост. Е. И. Такала и Х. П. Кабанова. Петрозаводск, 1974; Летопись литературной жизни Карелии (1972–1976) / Сост. Е. И. Такала и Х. П. Кабанова. Петрозаводск, 1978; Летопись литературной жизни Карелии (1977–1981) / Сост. Е. И. Такала и Х. П. Кабанова. Петрозаводск, 1984; Летопись литературной жизни Карелии (1982–1986) / Сост. Е. И. Такала и Х. П. Кабанова, Н. А. Прушинская. Петрозаводск, 1989; Летопись литературной жизни Карелии (1987–1991) / Сост. Н. А. Прушинская, О. П. Кошкина, Э. П. Кемпинен. Петрозаводск, 1994; Летопись литературной жизни Карелии (1992–1996) / Сост. Н. В. Чикина, О. П. Кошкина. Петрозаводск, 2010; Летопись литературной жизни Карелии (1996–2001) / Сост. Н. В. Чикина, О. П. Кошкина. Петрозаводск, 2011; Летопись литературной жизни Карелии 2002 // Альманах северо-европейских и балтийских исследований. 2018. Вып. 3. С. 480–510. URL: <http://nbsr.petrus.ru/journal/article.php?id=1056> (17.01.2019).

Принцип отбора и систематизация материалов в данном выпуске в основном остается прежним. Раздел «Хроника литературной жизни» выполнен на русском языке и содержит краткое описание литературных событий (съездов, конференций, праздников, зарубежных контактов и т.д.); раздел «Библиография» дает перечень оригинальных и переводных произведений художественной литературы, фольклора, детской литературы, литературы Финляндии в переводах на карельский язык, работ по критике, литературоведению и фольклористике, опубликованных в отдельных и периодических изданиях. Литературные материалы публикуются и приводятся в библиографии на финском, карельском и вепсском языках.

При составлении «Летописи» были использованы фонды Научной библиотеки Карельского научного центра РАН, архив издательства «Периодика». Все публикации просмотрены *de visu*. Использовано упрощенное библиографическое описание на основе ГОСТ 7.1-2003.

Данной публикацией «Летописи» мы продолжаем работу по ведению библиографии в Институте языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН. С момента выхода последнего выпуска «Летописи литературной жизни Карелии» (1996–2001), охватывающего пятилетний период, прошло восемь лет, а разрыв в описании материала составляет 16 лет. «Летопись литературной жизни Карелии» не только позволяет проанализировать количество и качество публикаций, но и является хорошей иллюстрацией истории развития национальных литератур республики.

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ КАРЕЛИИ

Презентация нового перевода «Калевалы» состоялась 16 января в Национальной библиотеке Петрозаводска. (Karjalan Sanomat. — 2003. — 15. tammik. — S. 12).

23 января исполнилось 70 лет Ольге Мишиной, пишущей на ливвиковском наречии карельского языка. (Oma Mua. — 2003. — 23. pakkask.; Kirinä. — 2003. — N:o 2. — S. 16; Kodima. — 2003. — N:o 2 (uhok.)).

28 января в Национальной библиотеке Петрозаводска прошла презентация книги шведского писателя Бенгта Похьянена «Брат облаков». (Oma Mua. — 2003. — 30. pakkask.; Vienan Karjala. — 2003. — 13. tuiskuk.).

В начале февраля журналом «Карелия» был организован «Круглый стол», на котором сотрудники редакции, культурные активисты, писатели и журналисты обсудили современное состояние и перспективы развития издания. (Carelia. — 2003. — N:o 3. — S. 127; Karjalan Sanomat. — 2003. — 16. huhtik. — S. 15).

26 февраля в Москве на заседании Союза писателей России был представлен новый перевод эпоса «Калевала», выполненный Э. Киуру и А. Мишиным. (Karjalan Sanomat. — 2003. — 12. maalisk. — S. 12).

28 февраля праздничным концертом в Музыкальном театре Петрозаводска начался марафон «Калевальская мозаика». Как и в прежние годы, мероприятие собрало много зрителей, среди которых были дети и молодежь. Калевальский марафон проводят уже во второй раз. Он продлится до 9 апреля. (Karjalan Sanomat. — 2003. — 5. maalisk. — S. 3; Oma Mua. — 2003. — 13. kevätk.; Vienan Karjala. — 2003. — 13. kevätk.).

В феврале достопримечательностью реки Паланга Пудожского района стал деревянный корабль «Матвей Коргуев». (Karjalan Sanomat. — 2003. — 5. maalisk. — S. 4).

28 февраля – 2 марта в Доме культуры «Дружба» г. Костомукша прошел второй песенный фестиваль, посвященный памяти поэта и композитора В. Пяллинена. (Karjalan Sanomat. — 2003. — 12. maalisk. — S. 5; Vienan Karjala. — 2003. — 13. kevätk.).

2 марта в Краеведческом музее п. Калевала состоялся традиционный народный фестиваль «Калевальская мозаика». (Karjalan Sanomat. — 2003. — 12. maalisk. — S. 5).

14 марта в Карельском научном центре РАН в Петрозаводске чествовали литературно-художественный и общественно-политический финноязычный журнал “Carelia” («Карелия»), которому исполнилось 75 лет. (Carelia. — 2003. — N:o 3. — S. 133; Karjalan Sanomat. — 2003. — 19. maalisk. — S. 3; Oma Mua. — 2003. — 13. kevätk.; Vienan Karjala. — 2003. — 27. kevätk.; Kodima. — 2003. — N:o 3 (keväs’k.)).

20–26 марта в г. Тарту (Эстония) состоялся литературный семинар молодых писателей и журналистов, который по праву можно назвать переводческим семинаром, потому что большую часть программы занимали вопросы перевода. В работе семинара приняли участие сотрудники журнала «Carelia» («Карелия»). (Carelia. — 2003. — N:o 6. — S. 82).

23 марта в Доме творчества детей и юношества в Петрозаводске торжественно была открыта «Неделя детской книги», которая ежегодно проводится в Карелии в дни весенних школьных каникул. Первый раз ее провели 60 лет назад. (Karjalan Sanomat. — 2003. — 26. maalisk. — S. 8).

В конце марта в петрозаводской библиотеке для слепых прошла презентация эпоса «Калевала», предназначенного для слепых и слабовидящих людей. Данное издание вышло на языке Браэля. (Karjalan Sanomat. — 2003. — 9. huhtik. — S. 10).

В марте исполнилось 75 лет журналу “Carelia” («Карелия»). (Karjalan Sanomat. — 2003. — 16. huhtik. — S. 15).

4 апреля в Городском выставочном зале Петрозаводска прошла презентация книги Елены Пиетилэйнен «Время дождей». (Oma Mua. — 2003. — 10. sulak.).

9 апреля в Центре национальных культур Петрозаводска состоялась презентация перевода «Калевалы» для детей на вепсский язык, выполненный Н. Зайцевой. Вепсский язык стал 59 языком, на который перевели эпос. (Karjalan Sanomat. — 2003. — 16. huhtik. — S. 9; Oma Mua. — 2003. — 17. sulak.; Vienan Karjala. — 2003. — 24. sulak.; Kodima. — 2003. — N:o 4 (sulak.)).

13 апреля исполнилось 50 лет поэту, литературоведу Е. Сойни. (Carelia. — 2003. — N:o 3. — S. 52).

15 апреля исполнилось 85 лет со дня рождения Я. Ругоева. (Kirinä. — 2003. — N:o 4. — S. 8; Vienan Karjala. — 2003. — 10. sulak.).

16 апреля на доме № 11 по проспекту Ленина в Петрозаводске, где последние годы жил Народный писатель Карелии Я. Ругоев, была открыта мемориальная доска. (Karjalan Sanomat. — 2003. — 23. huhtik. — S. 1; Oma Mua. — 2003. — 17. sulak.; Vienan Karjala. — 2003. — 24. sulak.).

23 апреля в Музее изобразительных искусств г. Петрозаводска были подведены итоги конкурса «Книга года 2002». В номинации «Лучшая книга для детей» 2 место заняла книга О. Мишиной «Ласточкина высота», а в номинации «Лучшая книга на карельском, финском и вепсском языках» третье место получил роман О. Степанова «Родичи», вышедший в серии «Классики карельской литературы». (Oma Mua. — 2003. — 1. orask.; Vienan Karjala. — 2003. — 8. orask.).

25 апреля в Государственной филармонии чествовали вепсскую газету «Kodima» («Родная земля»), которой исполнилось 10 лет. (Vienan Karjala. — 2003. — 22. orask.; Kodima. — 2003. — N:o 3 (keväs'k.), N:o 4 (sulak.)).

В апреле Калевальская районная библиотека проводила конкурс под названием «Эпос «Калевала»: продолжение следует», в котором участникам предлагалось посмотреть на эпос по-новому: написать продолжение, перенести действие в настоящее время, проиллюстрировать некоторые сюжеты. (Karjalan Sanomat. — 2003. — 2. huhtik. — S. 6).

В апреле в Институте повышения квалификации работников образования в Петрозаводске прошел литературный вечер, посвященный творчеству Я. Ругоева и Б. Шмидта. Своими воспоминаниями о писателях поделились поэты И. Костин и А. Мишин, редактор журнала «Карелия» Р. Коломайнен, писатель П. Леонтьев. (Oma Mua. — 2003. — 22. orask.).

В начале мая в Государственной филармонии в Петрозаводске состоялась презентация перевода «Нового завета» на ливвиковское наречие карельского языка (переводчик З. Дубинина). (Vienan Karjala. — 2003. — 22. orask.; Kodima. — 2003. — N:o 5 (semendk.)).

13 мая в г. Кухмо (Финляндия) состоялась презентация детского варианта перевода «Калевалы» на вепсский язык, выполненный Н. Зайцевой. (Kodima. — 2003. — N:o 5 (semendk.)).

23 мая в г. Хельсинки (Финляндия) в самой большой православной церкви Европы – Успенском кафедральном соборе – прошла презентация «Нового Завета» (“Uuzi Sana”, Helsinki, 2003) на ливвиковском наречии карельского языка. (Oma Mua. — 2003. — 29. orask.).

24 мая в Петрозаводске прошли «Дни славянской письменности и культуры». (Karjalan Sanomat. — 2003. — 28. toukok. — S. 10).

26–27 мая в п. Калевала прошла научная конференция, посвященная 85-летию со дня рождения Я. Ругоева, в которой приняли участие писатели, журналисты, деятели культуры Карелии и Финляндии, земляки писателя. В рамках мероприятия состоялась презентация книги Андрея Туоми «Только не умирай». (Karjalan Sanomat. — 2003. — 21. toukok. — S. 10; Vienan Karjala. — 2003. — 22. orask.; 12. kesäk.).

В мае в Державинском лицее в седьмой раз прошли «Державинские чтения», в которых приняли участие около ста лиценстов. Один из докладов был посвящен зонежской плакальнице Ирине Федосовой. (Vienan Karjala. — 2003. — 22. orask.).

В мае в Петрозаводске прошла премьера спектакля по повести А. Линевского «Листы каменной книги». (Karjalan Sanomat. — 2003. — 2. heinäk. — S. 7).

18 июня в Национальной библиотеке Республики Карелия прошла презентация новой книги Олега Гальченко «Русская беда» (Петрозаводск, 2003). (Oma Mua. — 2003. — 26. kezäk.; Vienan Karjala. — 2003. — 26. kesäk.).

24 июня в финно-угорской школе им. Э. Леннрота в Петрозаводске состоялась презентация антологии “Karjalan pagin” («Карельская речь», Петрозаводск, 2003). (Oma Mua. — 2003. — 19. kezäk.).

28 июня г. Петрозаводску исполнилось 300 лет. В рамках празднования Дня города петрозаводчанам и гостям столицы представили обновленный Губернаторский парк, в котором появился памятник первому губернатору Олонецкой губернии, поэту Г. Державину. (Vienan Karjala. — 2003. — 10. heinäk.).

7 июля в д. Хайколя Калевальского района уже в четвертый раз прошел праздник «Родичи», посвященный памяти О. Степанова, на котором родственники, друзья, представители искусства и культуры вспоминали его произведения и книги. (Karjalan Sanomat. — 2003. — 16. heinäk. — S. 15; Oma Mua. — 2003. — 10. heinäk.).

8 июля исполнилось 90 лет со дня рождения Осмо Бородкина, первого карельского художника, проиллюстрировавшего эпос «Калевала». (Oma Mua. — 2003. — 17. heinäk.).

12 июля скончалась исследователь литературы Карелии, кандидат филологических наук, член Союза писателей России Майя Федоровна Пахомова (род. 31 июля 1926 года). (Carelia. — 2003. — N:o 8. — S. 159; Karjalan Sanomat. — 2003. — 16. heinäk. — S. 3; Oma Mua. — 2003. — 17. heinäk.).

В июле в Москве прошел Всероссийский фестиваль пожарной песни, на котором песня «Солдат огня» на слова О. Мошникова получила диплом лауреата. (Karjalan Sanomat. — 2003. — 16. heinäk. — S. 5).

В июле петрозаводские писатели Армас и Ольга Мишины приняли участие в летнем празднике в местечке Куйварви (Финляндия). (Karjalan Sanomat. — 2003. — 13. elok. — S. 11).

В конце августа в д. Юшкозеро Калевальского района прошел эпический народный фестиваль под названием «Четыре времени года в Калевале», основной темой которого стала история собирания народных традиций и фольклор Карелии. (Karjalan Sanomat. — 2003. — 23. heinäk. — S. 10).

5–6 сентября в Олонце уже в третий раз прошел фестиваль карельской поэзии «Здесь родины моей начало», посвященный творчеству В. Брендоева. (Oma Mua. — 2003. — 11. süvüsk.; Kodima. — 2003. — N:o 9 (sügüz'k.)).

С 8 по 15 сентября в местечке Урозеро Пряжинского района проходил обучающий литературный семинар для молодых, в котором приняли участие студенты и журналисты, знающие финский, карельский или вепсский языки. Спонсорами мероприятия выступили Министерство по национальной политике Республики Карелия и Финское литературное общество. (Oma Mua. — 2003. — 28. elok.; 18, 25. süvüsk.; 2. ligak.; Vienan Karjala. — 2003. — 23. sajek.); Kodima. — 2003. — N:o 9 (sügüz'k.).

15 сентября в Петрозаводске прошла четвертая Международная конференция «Рябининские чтения», собравшая ученых и краеведов со всей России и из-за рубежа. (Karjalan Sanomat. — 2003. — 20. elok. — S. 10; 24. syysk. — S. 10; Oma Mua. — 2003. — 18. süvüsk.).

19–20 сентября в местечке Суомуссалми (Финляндия) прошел семинар, посвященный жизни и творчеству писателя И. Кианто, на котором с докладами выступили финляндские литературоведы Кари Салламаа, Ристо Турунен и писатели Карелии А. Мишин, П. Леонтьев. (Carelia. — 2003. — N:o 12. — S. 73).

1–2 октября сотрудники издательства «Периодика» и представители Законодательного собрания Республики Карелия побывали в Калевальском районе, где журналисты национальных редакций журналов “Carelia”, “Kirinä” и газет ”Karjalan Sanomat”, ”Vienan Karjala” встретились с читателями. (Vienan Karjala. — 2003. — 9, 23. sajek.).

С 3 по 5 октября в финском городе Турку состоялась международная книжная ярмарка, в которой приняли участие корреспонент газеты «Ома Муа» Н. Антонова и преподаватель финского языка и литературы Петрозаводского госуниверситета, исследователь Е. Богданов. (Ома Муа. — 2003. — 9. ligak.).

19 октября в селах Ведлозеро и Эссойла Пряжинского района состоялись презентации перевода «Нового Завета» на ливвиковское наречие карельского языка, который выполнили сотрудники Института перевода Библии (Финляндия) и З. Дубинина. (Ома Муа. — 2003. — 23. ligak.).

11 ноября за многолетний труд и большой вклад в развитие народной культуры писателю А. Волкову было присвоено Почетное звание «Заслуженный работник культуры Республики Карелия». (Ома Муа. — 2003. — 4. talvik.; Vienan Karjala. — 2003. — 11. talvik.).

27 ноября исполнилось 80 лет известному специалисту по литературе Финляндии и Карелии, доктору филологических наук, критику и переводчику Эйно Карху. (Carelia. — 2003. — N:o 11. — S. 114; Karjalan Sanomat. — 2003. — 26. marrask. — S. 8; Ома Муа. — 2003. — 27. külmük.; Vienan Karjala. — 2003. — 27. pimiek.; 11. talvik.).

30 ноября в Центре национальных культур г. Петрозаводска прошел вечер карельской культуры, на котором В. Вейкки представил свою новую книгу «Дороги жизни». (Ома Муа. — 2003. — 4. talvik.).

3 декабря умер журналист, писатель Федор Трофимов (род. 2 окт. 1910 г.). (Karjalan Sanomat. — 2003. — 10. jouluk. — S. 3).

27 декабря в эссойльском Доме культуры состоялась вечер карельской поэзии «У родного порога», посвященный 75-летию А. Волкова, на котором состоялась презентация его книг: антологии карельской поэзии «Карельская речь» (составители — А. Мишин, А. Волков) и сборников поэзии «Карелии озера» (на карельском языке) и «Поздняя осень». С поздравительными выступлениями выступили поэты Н. Абрамов, И. Костин, А. Мишин, О. Мошников, И. Савин и другие. (Ома Муа. — 2003. — 25. talvik.; Vienan Karjala. — 2003. — 11. talvik.).

В декабре в Центре национальных культур Петрозаводска прошла презентация книги «Kodima, Vepsänma». (Kodima. — 2003. — N:o 12 (tal'vk.)).

Уже в четвертый раз петрозаводские студенты удостоиваются премии В. Потанина. В этом году среди них оказалась студентка факультета Прибалтийско-финской филологии и культуры Кристина Коротких. (Karjalan Sanomat. — 2003. — 10. jouluk. — S. 9).

Литературные страницы печатали республиканские газеты «Karjalan Sanomat» (9. tammik. — S. 11; 29. tammik. — S. 12; 5. helmik. — S. 11; 26. helmik. — S. 12; 12. maalisk. — S. 11; 16. huhtik. — S. 11, 15; 7. toukok. — S. 11; 18. kesäk. — S. 11;

9. heinäk. — S. 15; 13. elok. — S. 12; 20. elok. — S. 11; 10. syysk. — S. 15; 17. syysk. — S. 11; 15. lokak. — S. 11, 15; 19. marrask. — S. 15; 24. jouluk. — S. 12).

За год вышло 12 номеров журнала “Carelia” («Карелия»).

Рец.: Inina J. Miten voit, Carelia? // Karjalan Sanomat. — 2003. — 19. helmik. — S. 11; Rettijeva A. Carelia-lehti juhli merkkipäiväänsä // Karjalan Sanomat. — 2003. — 19. maalisk. — S. 3; Carelia täyttää 75 vuotta // Oma Mua. — 2003. — 13. kevätk.; Timonen Ar. Carelia astuu samah tahtih ajan kera // Vienan Karjala. — 2003. — 27. kevätk.; Tahtoižim praznuida voz’sadan! // Kodima. — 2003. — N:o 3 (keväz’k.).

За год вышло 12 номеров журнала “Kipinä” («Искорка»).

Рец.: Barbašina J. Uusi vuosi, Kalevala ja naistenpäivää Kipinän sivuilla // Karjalan Sanomat. — 2003. — 9. huhtik. — S. 15; Barbašina J. Pajunsilmut ovat kevään merkki // Karjalan Sanomat. — 2003. — 21. toukok. — S. 14; Barbašina J. Touko-kesäkuun juhlia Kipinän sivuilla // Karjalan Sanomat. — 2003. — 11. kesäk. — S. 12.

БИБЛИОГРАФИЯ

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА И ФОЛЬКЛОР

Отдельные издания

На финском языке

Masajev M. Meripihkanainen / [худож. Н. Трухин] . — Петрозаводск: Периодика, 2003. — 234, [2] с.: ил.

Arv.: Perttu A. Kuopio-Petroskoi-Dubulti-Salzburg // Carelia. — 2003. — N:o 12. — S. 114–121.

Oma maa omenankukka, vieras maa veripunanen / Toim. U. Konkka. — Petroskoi: Verso, 2003. — 197 s.: kuv.

Arv.: Mishin A. Meille näytettiin suurta Neuvostomaata // Karjalan Sanomat. — 2003. — 12. marrask. — S. 11.

На карельском языке

Dubinina Z. Valgei koivikko. — Petroskoi: Periodika, 2003. — 77 s.

Karjalan pagin: kauniskirjituksen antologii / koon. A. Mišin, A. Volkov. — Petrozavodsk: Periodika, 2003. — 320 s.

Arv.: Nesvitski M. Karjalan puheen kirjavaa moninaisuutta // Karjalan Sanomat. — 2003. — 11. kesäk. — S. 10.; Volkov A., Mišin A. Tuli paljon aigu // Oma Mua. — 2003. — 19. kezäk.; D'ekoin D. Karjalan pagin nägi päivänvalgien parahite Petroskoin 300-vuozipäivän aigah // Oma Mua. — 2003. — 3. heinäk.; Saveljeva Z. Karjalan rahvahan paginah nähte // Oma Mua. — 2003. — 24. heinäk.; Omenaisen O. Kaunista karjalua uuvvesta antologijasta // Vienan Karjala. — 2003. — 10. heinäk.

Mišina O. Marin kukku: Kerdomukset. Näütelmüs. — Petroskoi: Verso, 2003. — 151 s.

Arv.: Umberg A. Uutta lukemista karjalaksi // Karjalan Sanomat. — 2003. — 30. heinäk. — S. 15; Čikina N. Piäzi ilmah Ol'ga Mišinan viijes kirju // Oma Mua. — 2003. — 31. heinäk.; Čikina N. Olga Mišinan Marin kukku // Vienan Karjala. — 2003. — 25. syysk.

Veikki V. Eloksen dorogat: Vallitut runot / Худож. Б. К. Кукшиев. — Petroskoi: Periodika, 2003. — 95 s.: kuv.

Volkov A. Järvet Karjalan: vallitut runot / Alkul. A. Misin. — Petroskoi: Periodika, 2003. — 126 s.

Arv.: Järvet Karjalan // Oma Mua. — 2003. — 30. ligak.; Zaiceva N. Minun sanoiš — praznikad om vähä... // Kodima. — 2003. — N:o 10 (reduk.).

На вепском языке

Bašnin M. Vanh zirkul=Старое зеркало: стихи на вепс. и рус. яз. — Петрозаводск: Периодика, 2003. — 64 с.

Umberg A. Runoilija Bašninilta esikoiskokoelma // Karjalan Sanomat. — 2003. — 6. elok. — S. 10; Vanh zirkul // Kodima. — 2003. — N:o 7/8 (heink.-elok.). — S. 8.

Kodima, Vepsänma / Toim. M. Nieminen; Fotod M. Nieminen. — Петрозаводск: Juminkeko: Карелия, 2003. — 69 s.

Arv.: Inina J. Vepsänmaa runoissa ja valokuvissa // Karjalan Sanomat. — 2003. — 17. jouluk. — S. 10; Fömin N. Lahj vepsän rahvahale // Kodima. — 2003. — N:o 12 (tal'vk.).

На русском языке

Волков А. Л. Поздняя осень: [стихи] / худож. В. Х. Лукконен. — Петрозаводск, 2003. — 111 с.: портр.

Гальченко О. Русская беда: стихи. — Петрозаводск: Периодика, 2003. — 156 с.

Arv.: Veikkolainen I. Runot kertovat Venäjältä // Karjalan Sanomat. — 2003. — 25. kesäk. — S. 3; Melentjeva O. Rakkahuon puuteh on venäläini peta // Vienan Karjala. — 2003. — 26. kesäk.

Гнетнев К. Канал: Беломорско-Балтийский канал: 1933–2003 / Ред. Ю. В. Шлейкин. — Петрозаводск: ПетроПресс, 2003. — 223 с.: ил.

Arv.: Karhu T. Uutta lukemista Vienanmeren-Itämeren kanavasta // Karjalan Sanomat. — 2003. — 17. syysk. — S. 15; Mishin A. Sankaruutta ja traagisuutta // Karjalan Sanomat. — 2003. — 12. marrask. — S. 11.

Львова И. В. Если бы нас спросили...: рассказы. — Петрозаводск: Б. м., 2003. — 206 с.

Arv.: Irina Lvova julkaisti esikoiskokoelmansa / MN // Karjalan Sanomat. — 2003. — 18. kesäk. — S. 10; Mishin A. Ihmisonnen tutkiskelu // Karjalan Sanomat. — 2003. — 15. lokak. — S. 11.

Сойни Е. Г. Над растаявшим льдом: [Стихотворения] / Предисл., сост. В. Бондаренко; Редкол.: С. Б. Джимбинов и др. - М.: Молодая гвардия, 2003. — 204 с.: портр.

Arv.: Mishin A. Venäläinen idea // Karjalan Sanomat. — 2003. — 15. lokak. — S. 11.

Туоми А. Только не умирай. — Петрозаводск: Фолиум, 2003. — 230 с.

Arv.: Mishin A. “Sodan verisiä jälkiä” // Karjalan Sanomat. — 2003. — 22. lokak. — S. 12; Melentjeva O. Andrei Tuomen realini ta mystini muajilma // Vienan Karjala. — 2003. — 12. kesäk.

Федоров В. П. Поэмы. — Петрозаводск: [Б.и.], 2003. — 64 с.

Arv.: Fjodorov julkisti Runoelmat / MN // Karjalan Sanomat. — 2003. — 19. maalisk. — S. 10.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

На финском языке

Ahava T. Valentiinalle; Vielä Nainen; Koivikkopolkka; Inkeri kutsuu...; Mukavan miehen muistolle [P. Voutilainen]; Cilda-taru; A. Fetiä mukaellen: runoja // Carelia. — 2003. — N:o 3. — S. 6–10.

• Inkeri kutsuu...: runo // Karjalan Sanomat. — 2003. — 16. huhtik. — S. 15.

Flink T. Nyt tijen...: runo // Carelia. — 2003. — N:o 9. — S. 142–143.

Helo L. Kotipuolella: runo // Carelia. — 2003. — N:o 9. — S. 13.

- Kevät vuonna 1942: runo // Karjalan Sanomat. — 2003. — 7. toukok. — S. 11.
- Petroskoille: runo // Karjalan Sanomat. — 2003. — 18. kesäk. — S. 11.
- Tuulen laulu: runo // Karjalan Sanomat. — 2003. — 20. elok. — S. 11.
- Hiiri A. Laulu sankariveturille; Tankki kaupungin edustalla: lauluja / säv. B. Naprejev // Carelia. — 2003. — N:o 6. — S. 158–159.
- Inkerinmaa: runo // Carelia. — 2003. — N:o 9. — S. 16.
- Suomen kieli: runo // Carelia. — 2003. — N:o 9. — S. 141.
- ”Lokit ovat muuttamassa...”: runo // Karjalan Sanomat. — 2003. — 18. kesäk. — S. 11.
- Inkerinmaa: runo // Karjalan Sanomat. — 2003. — 15. lokak. — S. 15.
- Uuden Vuoden romanssi: runo // Karjalan Sanomat. — 2003. — 31. jouluk. — S. 1.
- Jakobson E. Kolmas sarja: Isäntä ja kotka; Marjatta; Simo Hurtta; Kullervo; Joukahainen; Lemminkäinen II; Kimmo; Kopra; Kalervo; Kyllikki; Aino; Väinön kotka: runoja // Carelia. — 2003. — N:o 5. — S. 54–61.
- Kyllikki: runo // Karjalan Sanomat. — 2003. — 11. kesäk. — S. 15.
- Korvela K. Ei-kenenkään maa: runo // Carelia. — 2003. — N:o 9. — S. 140–141; Karjalan Sanomat. — 2003. — 15. lokak. — S. 15.
- ”Hymyilkää äideille...”: runo // Karjalan Sanomat. — 2003. — 19. maalisk. — S. 11.
- Laine N. Kaunottarelle: runo // Karjalan Sanomat. — 2003. — 26. helmik. — S. 12.
- Leivo: runo // Karjalan Sanomat. — 2003. — 7. toukok. — S. 11.
- Äänisen linnut: runo // Karjalan Sanomat. — 2003. — 11. kesäk. — S. 15.
- Aamulla: runo // Karjalan Sanomat. — 2003. — 20. elok. — S. 11.
- Leontjev P. Hiiltyneet koivut: (katkelma Isien pelto-kuvauksesta) // Karjalan Sanomat. — 2003. — 23. heinäk. — S. 11.
- Lund S. Saunapolku: runo // Karjalan Sanomat. — 2003. — 26. helmik. — S. 12.
- Maltseva J. Tentti; Tammen alla: kertomuksia // Carelia. — 2003. — N:o 1. — S. 101–104.
- Masajev M. Onpahan eletty: päiväkirjamerkintöjä vuosilta 1984–1987 // Carelia. — 2003. — N:o 5. — S. 12–53; N:o 12. — S. 10–70. Jatkoa. Alku Careliassa 4, 5, 9, 12/2002.
- Mišin A. Elämäni kaupunki Petroskoi: [muistelmia] // Carelia. — 2003. — N:o 6. — S. 40–43.
- Inkerinmaa: laulu / säv. L. Ljubimova // Carelia. — 2003. — N:o 9. — S. 14–15.
- Kaupunki juhlapäivänä: laulu / säv. B. Naprejev // Carelia. — 2003. — N:o 10. — S. 142–143.

• Terve, Petroskoi!: laulu / säv. B. Naprejev // Carelia. — 2003. — N:o 11. — S. 159.

Närjä E. ”Lennä, liidä luokseni...”; ”Muistan sun silmäs...”: runoja // Karjalan Sanomat. — 2003. — 5. helmik. — S. 11.

Parras E. Kivenhakkaajat: runo // Karjalan Sanomat. — 2003. — 18. kesäk. — S. 11.

Pöllä R.–L. Joulukuukausi 1937: Katkelma Requiem-teoksesta // Karjalan Sanomat. — 2003. — 29. tammik. — S. 12.

Rugojev J. Minun karjalaiset juureni: Kun hanget sinertää; On Karjalamme ihmeellinen maa; ”Seison tässä, siemenkuusi...”; ”Olen kuormahevonen...”; Minun karjalaiset juureni; Jätä linnulle laulupuu; Silmät armaat sinisenharmaat; Pelto; Kivenä koskessa: runoja // Carelia. — 2003. — N:o 4. — S. 6–14.

• Sukupolvien saatossa. Katajaista kansaa: kertomuksia // Carelia. — 2003. — N:o 4. — S. 21–36.

• Ruokoranta: romaani // Carelia. — 2003. — N:o 4. — S. 46–79.

• ”Seison tässä, siemenkuusi...”: runo // Karjalan Sanomat. — 2003. — 26. helmik. — S. 12.

• Horsman kukka; ”Minne on nuoruuteni jäänyt...”; Eräille kielentutkijoille; On Karjalamme ihmeellinen maa: runoja; Kotiseudun tiedotuspolulla: katkelma // Karjalan Sanomat. — 2003. — 16. huhtik. — S. 11.

• Elämän taipaleelta ja taipaleen varrelta: runoja // Karjalan Sanomat. — 2003. — 7. toukok. — S. 11.

• Pelto; Silmät armaat sinisenharmaat; Kivenä koskessa: runoja // Karjalan Sanomat. — 2003. — 14. toukok. — S. 15.

• Ilta: runo // Karjalan Sanomat. — 2003. — 20. elok. — S. 11.

Ruhanen U. Petroskoi vuonna 1922: kertomus // Karjalan Sanomat. — 2003. — 18. kesäk. — S. 11.

Rusko (Nyström) R. Minä tahdoin niin auringon nähdä: runo // Karjalan Sanomat. — 2003. — 17. syysk. — S. 11.

Saarinen I. Ruisrääkkä: runo // Karjalan Sanomat. — 2003. — 20. elok. — S. 11.

Soini H. Avaa silmäsi: runo // Karjalan Sanomat. — 2003. — 16. huhtik. — S. 15.

Summanen T. Käy äidillä vieraissa silloin: runo // Carelia. — 2003. — N:o 9. — S. 139–140.

• Matkatunnelma; ”Kun vuodet ovat vuolaat...”: runoja // Karjalan Sanomat. — 2003. — 12. helmik. — S. 12.

• Pohjolan kesäyö: runo // Karjalan Sanomat. — 2003. — 20. elok. — S. 11.

Svaikina Ž. Ensimmäinen kohta; Orpo: kertomuksia // Carelia. — 2003. — N:o 1. — S. 31–35.

Takala R. ”Yllä Kuitin sateenkaari...”: runo // Karjalan Sanomat. — 2003. — 26. helmik. — S. 12.

Tuisku M. Vaaleanpunainen lierihattu: kertomus // Carelia. — 2003. — N:o 3. — S. 125–126.

Valjakka V. Kotitalon raunioilla: runo // Carelia. — 2003. — N:o 9. — S. 138–139.

Vikström T. ”On koko elämämme...”; ”Vietän nyt hiljaista eloa...”: runoja // Karjalan Sanomat. — 2003. — 19. maalisk. — S. 11.

Virtanen J. Petroskoi kullassa kuun: runo // Karjalan Sanomat. — 2003. — 18. kesäk. — S. 11.

- Kesävirsi: runo // Karjalan Sanomat. — 2003. — 20. elok. — S. 11.

Voutilainen P. Olen iänikuinen rakkaus: (minirunoelma) // Carelia. — 2003. — N:o 5. — S. 6–11.

- Rajametsät: runo // Carelia. — 2003. — N:o 9. — S. 159.

- Anteeksi...: runo // Karjalan Sanomat. — 2003. — 11. kesäk. — S. 15.

- Paras on aina poissa: runo // Vienan Karjala. — 2003. — 10. sulak.

На карельском языке

Aleksejeva K. Arteli vägevii; Tulipakkaine; Lembi: runuo // Oma Mua. — 2003. — 23. pakkask.

- Petroskoi: runo // Oma Mua. — 2003. — 26. kezäk.

- Heččulas: runo // Oma Mua. — 2003. — 10. heinäk.

- Reppuine anna mieldü // Oma Mua. — 2003. — 24, 31. heinäk.

- Väinämöine piästää päiväizen: runo // Oma Mua. — 2003. — 28. elok.

Bogdanova N. Priičču (Kummu) // Oma Mua. — 2003. — 3. heinäk.

Brendojev V. Eloksen ratas: runo // Oma Mua. — 2003. — 2. ligak.

Brendojeva M. Levšoilu: runo // Oma Mua. — 2003. — 4. süvusk.

Čern’atjev A. L’oškan omahizet: kerdomus // Oma Mua. — 2003. — 9. ligak.

- Juhanen da hänen lapset: kerdomus // Oma Mua. — 2003. — 11. talvik.

Dubinina Z. Konzu tuulou: runo // Karjalan Sanomat. — 2003. — 19. maalisk. — S. 11.

- Sana karjalan kieles: runo // Karjalan Sanomat. — 2003. — 11. kesäk. — S. 10.

- Oma mua: runo // Karjalan Sanomat. — 2003. — 17. jouluk. — S. 11.

• Muatah venehet; ”Kezäpäiväl järvirannas...”; Turtsies; ”Konzu mustelen matkoi omii...”; ”Toine kebjieh eloisijan...”; Minä olen...: runuo // Oma Mua. — 2003. — 27. kevätk.

• Midä tahtou lapsi: runo // Oma Mua. — 2003. — 15. orask.

• Minun mua; Musta: runuo // Oma Mua. — 2003. — 5. kezäk.

• ”Kui müö vuotimmo keviän lämmii...”; ”Ken sinuu pöllätti, karjalan sana?..”: runuo // Oma Mua. — 2003. — 10. heinäk.

• Kezä; Elokuu; Hierun piäsköit; ”Kävelengo hierun kujuo müöte...”: runuo // Oma Mua. — 2003. — 21. elok.

• Jogi: runo // Oma Mua. — 2003. — 28. elok.

• Pajo vihmale: runo // Oma Mua. — 2003. — 11. süvüsk.

• Lennetäh lehtet: runo // Oma Mua. — 2003. — 16. ligak.

• Anusrandaine; Üöksükses: runuo // Oma Mua. — 2003. — 30. ligak.

• Jouččenen pajo; Müö tulemmo: runuo // Oma Mua. — 2003. — 27. külmük.

Feklistov N. ”Toko vai toko ku muamoloi moizil...”: runo // Oma Mua. — 2003. — 18. talvik.

Isajeva G. ”Anna eletäh livvin sanat...”; Suarikosken tansikohtu; Suarikoski: runuo // Oma Mua. — 2003. — 16. pakkask.

Jaakkola N. Kun ensikerran tulin Piiterih: kertomus // Vienan Karjala. — 2003. — 9, 23. pakkaisk.

Karhu S. Süvüsharmavus; Huondeskaajokses ildassah: runuo // Oma Mua. — 2003. — 6. tuhuk.

• Keldaine kuu; Armoittoman lapsen uni: runuo // Oma Mua. — 2003. — 22. orask.

Karjalan sananlaskut / kirj. Š. Tečín // Oma Mua. — 2003. — 11, 18. talvik.

Kouru A. Karjalazien častuškat // Oma Mua. — 2003. — 4. talvik.

Kuusela O. Vahnu sundugu: suarnu vanhembile // Oma Mua. — 2003. — 19. kezäk.

Liävän ustu salbuat, a mieron suudu et / koon. V. Mironova // Oma Mua. — 2003. — 6. tuhuk.

L’ovkin I. Voizingo vallita sanat: runo // Oma Mua. — 2003. — 22. orask.

Mironova V. Midä küläh kirguat, sidä kodih kajahtah: [sananpolvet] // Oma Mua. — 2003. — 13. tuhuk.

• Arbaittajua on äijü, a arbuajua vai üksi: [arbitukset] // Oma Mua. — 2003. — 20. tuhuk.

Mišina O. Kuldurandaine: runo // Karjalan Sanomat. — 2003. — 19. maalisk. — S. 11.

• Outin harmai hukku: kerdomus // Oma Mua. — 2003. — 23. pakkask.; 6. tuhuk.; 6, 13. kevätk.

- Huondes: runo // Oma Mua. — 2003. — 23. ligak.
- Petroskoi; Naine kosmosas: runuo // Oma Mua. — 2003. — 20. külmük.
Mudran rahvahan sanua: Karjalazien ja suomelazien ajatuksii / Valm. V. K'uršunov // Oma Mua. — 2003. — 10. heinäk.
- Muštik V. Karjalazien častuškat // Oma Mua. — 2003. — 4. talvik.
- Nikolajevskii J. Peittoperäine dielo bekonas: kertomus // Oma Mua. — 2003. — 7, 14. elok.
- Keksindükügüine ristikanzu: kerdomus // Oma Mua. — 2003. — 27. külmük.
Osipova A. Natoi uutjärveläine: kerdomus / A. Osipova, V. Kalinin // Oma Mua. — 2003. — 27. kevätk. Jatkuu. Alku vuonna 2002 n:ssa 17, 31. pakkask.; 18. sulak.; 2001 n:ssa 12. heinük.; 2, 16. elok.; 13, 20, 27. süvüsk.; 11, 18, 25. ligak.
- Perttu P. On sitä haukie: kertomus // Vienan Karjala. — 2003. — 11, 25. syysk.; 9. sajek.
- Ilmaista kyytie: kertomus // Vienan Karjala. — 2003. — 23. sajek.; 13, 27. pimiek.
- Kontie niemisellä: kertomus // Vienan Karjala. — 2003. — 11, 25. talvik.
Remsujeva M. Tipani ta päiväni: (starina) // Vienan Karjala. — 2003. — 11. talvik.
Repo ta ukko kalalla: (karjalaini starina) // Vienan Karjala. — 2003. — 24. sulak.
Savin I. ”Onhäi tässä elettü...”: runo [A. Volkoville] // Oma Mua. — 2003. — 25. talvik.
- Sem'onov P. Mečästäjät: kerdomus // Carelia. — 2003. — N:o 6. — S. 153–157.
- Puhtasjärven Maša: pienoisromuanu // Oma Mua. — 2003. — 18. talvik. Jatkuu. Alku vuonna 2002 n:ssa 7, 14. tuhuk.; 7, 14. kevätk.; 11. sulak.; 1, 16. orask.
- ”Pienes Dessoilas, gu vačas...”: runo [A. Volkoville] // Oma Mua. — 2003. — 25. talvik.
Ščerbakova T. ”Lopeh vuozzi, tulou uuzi...”: runo [A. Volkoville] // Oma Mua. — 2003. — 25. talvik.
- Zaharova I. Kylät kuivettih: runo // Karjalan Sanomat. — 2003. — 19. helmik. — S. 2.
- Tečin S. Üläägiän Fominat: Tozikerdomus // Oma Mua. — 2003. — 18, 25. talvik.
Timonen A. Lentomašiina: kertomus // Vienan Karjala. — 2003. — 8. orask.
- Veikki V. Unet; ”Eloksen ratas...”; ”Mustu pilvi päiväžen söi...”; ”Katoi lumel levöl...”; Yö; Peitos; Čuuru; Runozet: runuo // Carelia. — 2003. — N:o 2. — S. 156–158.
- ”Yhteh jogeh kahteh kerdah...”; Tule; Kodažes; ”Pimei yö kuoli...”; Myös talvi: runuo // Carelia. — 2003. — N:o 3. — S. 158–159.
- Jogirannal; Kägöi: runuo // Carelia. — 2003. — N:o 10. — S. 150–151.
- Ižändü-talvi: runo // Karjalan Sanomat. — 2003. — 17. jouluk. — S. 11.
- Müös talvi; Kažin huoli: runuo // Oma Mua. — 2003. — 13. tuhuk.

- Kodirandu; ”Sinä tabuat jälgimäzii ruskan päivi...”: runuo // Oma Mua. — 2003. — 10. sulak.
- Mättähän tuan; Kukkaro; Akroruno; Kegäle; ”Kus on minun valgei üö?..”: runuo // Oma Mua. — 2003. — 8. orask.
- Tule; Lašku; Vihmu: runuo // Oma Mua. — 2003. — 29. orask.
- Jogirannal; Lukus; ”Umbisolmeh meni üö...”: runuo // Oma Mua. — 2003. — 31. heinük.
- ”Ammui hengii tillii panou...”; ”Loitton minuu ajoi...”: runuo // Oma Mua. — 2003. — 18. süvüsk.
- ”Tuuli pilven kiškoi...”; Libei; Kibe: runuo // Oma Mua. — 2003. — 2. ligak.
- Üödü vaste: runo // Oma Mua. — 2003. — 23. ligak.
- Talvi; Koivu; Tähtet; Hukku; Juuret: runuo // Oma Mua. — 2003. — 6. külmük.
- ”Ristikanzu oigei...”; Ohtoi; Segovus: runuo // Oma Mua. — 2003. — 20. külmük.
- Volkov A. Liivin virret: runo // Carelia. — 2003. — N:o 10. — S. 144–147.
- Liivin virret: katkelma runosta // Karjalan Sanomat. — 2003. — 19. marrask. — S. 15.
- Päivän tähtet: runo // Karjalan Sanomat. — 2003. — 17. jouluk. — S. 11.
- Pajo; Siän valvatus: runuo // Oma Mua. — 2003. — 30. pakkask.
- ”Mindäh loittoine nägüü — kui lähin?..”; ”Jogahine suau vallita naizen...”: runuo // Oma Mua. — 2003. — 3. heinäk.
- Hengenhoivus: runo // Oma Mua. — 2003. — 30. ligak.
- Suus piässüöt sanat; Kiirehil runonkirjuttajil; Lendäjil kurgiloil; Koiran mieles: runuo // Oma Mua. — 2003. — 11. talvik.
- Voronova A. ”Kukat – suvaičuksen merki...”; ”Taivahan maailman lapsi...”; ”Ulgomuan neidine seinäl...”; Elos-jogi; Uni: runuo // Oma Mua. — 2003. — 3. sulak.
- ”Kaimai kažinpoigaine...”: runo // Oma Mua. — 2003. — 17. sulak.

На вепском языке

- Abramov N. ”Vepsläižed joged...”: runo // Kodima. — 2003. — N:o 3 (keväz’k.).
- ”A minä sindai...”: runo // Kodima. — 2003. — N:o 9 (sügüz’k.).
- Andrejeva A. Kodima: runo // Kodima. — 2003. — N:o 3 (keväz’k.).
- Bašnin M. Penzaz; “Om heng i hibj, om heiden keskes ero...”; Nimed; Än’järvel; Ilinžar’; Šimgär’: runod // Carelia. — 2003. — N:o 2. — S. 150–154.
- Penzaz: runo // Karjalan Sanomat. — 2003. — 12. maalisk. — S. 11.
- ”Vauged kivut mustas kaivos...”: runo // Kodima. — 2003. — N:o 3 (keväz’k.).

Jäniš N. Karged oza: runo // Kodima. — 2003. — N:o 7/8 (heink.–elok.) . — S. 8.

Lonina A. Ked mö olem: runo // Carelia. — 2003. — N:o 2. — S. 155.

Zaitseva N. Kättepajo kodilidnale: [Petroskoille] // Carelia. — 2003. — N:o 5. — S. 116.

•Kodin mujud; Mušton langaine; Mamankelen sana; Mail'man vigad...; Mö kaik erazvuiččed...; Voi sindai..!; Elonpurde minun pal'paz...; Elontügi; Kirjav elo; Maman holed; ”Tämbei uniš minä nägin...”; Karged oza: runod // Carelia. — 2003. — N:o 7. — S. 113–120.

•Kodin mujud: runo // Kodima. — 2003. — N:o 3 (keväz'k.).

•Kättepajo kodilidnale: [Petroskoille] // Kodima. — 2003. — N:o 6 (kezak.).

•I hendel mä järviden taga: runo // Kodima. — 2003. — N:o 10 (reduk.).

ПЕРЕВОДЫ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ФОЛЬКЛОРА

На финский язык

Alder O. Kylmä sota: runo / suom. A. Hiiri // Karjalan Sanomat. — 2003. — 9. heinäk. — S. 15.

Avdyshev A. ”Saat rikastua, ethän ole nolla..”; ”Taas meillä sekasorron pyörät pyörivät..”; ”Luonto on arvoitus. Se itseäänkin muuttaa..”; ”Olen oppinut jo elämältä tältä..”; ”Linnut ja otukset jäävät vailla kotejaan, kehtojaan..”: runoja / suom. A. Hiiri; ”Syysmetsä liekein riemullisin palaa..”; ”On ilmestynyt vielä yksi hauta..”: runoja / suom. T. Summanen // Karjalan Sanomat. — 2003. — 17. syysk. — S. 11.

Bajev K. ”Lehtiöni lehdet heitti..”; ”Äiti saattoi minut sotaan..”: runoja / suom. A. Hiiri // Karjalan Sanomat. — 2003. — 12. marrask. — S. 11.

Brodski I. Kalarand: katkelma romaanista / suom. J. Hidman // Carelia. — 2003. — N:o 1. — S. 40-48.

Fuks G. Kahden rummussa: pienoisromaanii / suom. T. Väisänen // Carelia. — 2003. — N:o 1. — S. 131–158; N:o 2. — S. 81–112; N:o 3. — S. 11–44; N:o 4. — S. 113–131; N:o 5. — S. 62–77.

Ivanov A. Testamentti: runo / suom. T. Summanen // Karjalan Sanomat. — 2003. — 7. toukok. — S. 11.

•Entinen Petroskoi: runo / suom. N. Laine // Karjalan Sanomat. — 2003. — 18. kesäk. — S. 11.

Jesin S. Konstantin Petrovitš: romaani / suom. T. Ahava // Carelia. — 2003. — N:o 7. — S. 18–50; N:o 8. — S. 11–41; N:o 10. — S. 10–48; N:o 11. — S. 8–45; N:o 12. — S. 122–152.

Jevtušenko J. Älä kuole ennen kuolemaa: romaani / suom. T. Ahava // Carelia. — 2003. — N:o 2. — S. 9–37.

Kirjušina L. ”Kas, kuinka pilviharso lepattaa...”: runo / suom. A. Mišin // Karjalan Sanomat. — 2003. — 12. helmik. — S. 5.

• ”Iloista kiitän kevätaikaa...”: runo / suom. A. Mišin // Karjalan Sanomat. — 2003. — 19. maalisk. — S. 11.

Kotjuh I. Tyhjä sydän; Oleminen; ”Huhtikuu...”; Meri: runoja / suom. A. Hiiri // Carelia. — 2003. — N:o 6. — S. 6–8.

• ”Huhtikuu...”; Meri: runoja / suom. A. Hiiri // Karjalan Sanomat. — 2003. — 9. heinäk. — S. 15.

Lvova I. Kaupassa: kertomus / suom. A. Hiiri // Karjalan Sanomat. — 2003. — 15. lokak. — S. 11.

Mihailov S. Päivä. Kuukausi. Vuosi. 23.03.02 / suom. A. Perttu // Carelia. — 2003. — N:o 7. — S. 157–158.

Mihailova J. ”Voi jospa tietäisimme sen...”; ”Ei sade virtaa katoilta...”; ”laskee aurinko...”: runoja / suom. A. Mišin // Carelia. — 2003. — N:o 11. — S. 138–139.

• ”Voi jospa tietäisimme sen...”: runo / suom. A. Mišin // Karjalan Sanomat. — 2003. — 24. jouluk. — S. 12.

Mišina O. Silli on silli; Jokainen löytää omansa; Mitä kieltä sopii puhua: kertomuksia / suom. J. Hidman // Carelia. — 2003. — N:o 3. — S. 57–64.

• Kultainen ilta: kertomus / suom. A. Perttu // Karjalan Sanomat. — 2003. — 29. tammik. — S. 12.

Nabatnikova T. Vasja: kertomus / suom. I. Hännikäinen // Carelia. — 2003. — N:o 7. — S. 10–13.

Nikolajeva J. Odotus: runo / suom. A. Mišin // Karjalan Sanomat. — 2003. — 19. maalisk. — S. 11.

Pietiläinen J. ”Koskaan enää en palaa, en...”: runo / suom. A. Mišin // Karjalan Sanomat. — 2003. — 19. maalisk. — S. 11.

Pozdnjakova J. ”Peili särkyi...”; ”Lumi on vielä sulamatta...”; ”Oi, minun rakkaani, tuuli...”; ”Rannerengas hopeinen...”: runoja / suom. A. Hiiri // Carelia. — 2003. — N:o 3. — S. 123–124.

• ”Rannerengas hopeinen...”: runo / suom. A. Hiiri // Karjalan Sanomat. — 2003. — 16. huhtik. — S. 15.

Schmidt B. Kalevalalle: runo / suom. V. Levänen // Karjalan Sanomat. — 2003. — 26. helmik. — S. 12.

• Aamu: runo / suom. T. Summanen // Karjalan Sanomat. — 2003. — 20. elok. — S. 11.

Simanenkov I. Nastja Zvezdina: runo / suom. R. Takala; N. Laine // Karjalan Sanomat. — 2003. — 23. heinäk. — S. 11.

Soini H. Avaa silmäsi: ”On sääli, sääli kuitenkin...”; ”He ajoivat pois täältä vaieten...”; ”Minne vain katsomme: pullojen...”; ”Talvi jättää maalle lumen itkevän...”; ”On kaikki — sana, sävel — menyt...”; ”Avaa silmäsi keskellä yötä...”; ”Tuo talo, mihin hädät kerääntyvät...”; ”Vielä yksi, yksi tammikuu...”; ”Elän sateiden keskellä...”: runoja / suom. A. Hiiri // Carelia. — 2003. — N:o 3. — S. 52–56.

• ”Me aavistimme kaiken...”; ”Keittiö...”: runoja / suom. A. Hiiri // Karjalan Sanomat. — 2003. — 15. lokak. — S. 11.

Solovjov V. Hyllysuo: kertomus / suom. A. Hiiri // Karjalan Sanomat. — 2003. — 17. syysk. — S. 11.

Susi V. Rautasaapas; Evankeliumi Markuksen mukaan; Aavalla arolla: kertomuksia / runosuom. P. Voutilainen, suom. T. Väisänen // Carelia. — 2003. — N:o 9. — S. 17–26.

Sysoikov M. Sirpaleita: runo / suom. T. Summanen // Karjalan Sanomat. — 2003. — 7. toukok. — S. 11.

Šmeljov N. Curriculum vitae: kertomus / suom. I. Hännikäinen // Carelia. — 2003. — N:o 6. — S. 9–39.

Tao. ”Tähdet tuikkivat...”; ”Meitä kuolleita paljon maleksii kaduilla...”; ”Epäselvä pimeys peileissä...”; (Vaellus puiden läpi): runoja / suom. A. Hiiri // Carelia. — 2003. — N:o 7. — S. 6–9.

Volkov A. Liivin virret: runo / suom. J.-L. Tast // Carelia. — 2003. — N:o 10. — S. 147–149.

На карельский язык

Bunin I. Kündäi; Ižänmua: runuo / kiänd. A. Volkov // Oma Mua. — 2003. — 3. heinäk.

Hasanova L. Sinä: kerdomus / kiänd. T. Baranova // Oma Mua. — 2003. — 29. orask.; 5, 12, 19. kezäk.

Hiiri A. Minun ikkunat kačotah maailmah; ”O-o-o! Kui aijoi pimenöü...”; ”Keviän linduizennu...”; ”Vaikastui valgei parkan tuhjikko...”; ”Lapsusaigu...”; ”Vai silloi, kui...”; ”Olen virboi...”; ”Ilduzor’an sijaičendan aigah...”: runuo / kiänd. O. Mišina // Oma Mua. — 2003. — 13. tuhuk.

- ”Lapsusaigu...”: runo / kiänd. O. Mišina // Oma Mua. — 2003. — 8. orask.
- Isakovskii M. Talven ildu: (Pajo) / kiänd. O. Mišina // Oma Mua. — 2003. — 25. talvik.
- Kozlov S. Joža uvus: kerdomus / kiänd. T. Baranova // Oma Mua. — 2003. — 22. orask.
- Kravtšenko B. Muaman kirjaine: kerdomus / kiänd. V. Veikki // Carelia. — 2003. — N:o 10. — S. 152–153.
- Kui urai Iivan ustu vardoičči: suarnu / kiänd. J. Jemujev // Oma Mua. — 2003. — 6. kevätk.
- Mečästäjät: kerdomus / kiänd. P. Sem’onov // Oma Mua. — 2003. — 19, 26. kezäk.
- Pestun R. ”Silmil minun — voibi nähtä...”; ”Silittelen kažinpoigua...”; ”Käzi-kädeh loškun alloin...”; ”Miän Karjalan vahnannuot kalmat...”: runuo / kiänd. A. Volkov // Oma Mua. — 2003. — 22. orask.
- Pul’kin V. Valkie ovi: Dokumentti opastaja Matti Pirhosesta / kiänd. R. Remsujeva // Vienan Karjala. — 2003. — 13, 27. tuiskuk.; 27. kevätk.; 10, 24. sulak.; 8, 22. orask.; 12, 26. kesäk.; 10. heinäk.; 14, 28. elok.; 11, 25. syysk.
- Puškin A. Kapitanan tytär: pitkykerdomus / kiänd. P. Sem’onov // Oma Mua. — 2003. — 16, 30. pakkask.; 13. tuhuk.; 13. kevätk.; 3, 17. sulak.; 1, 15, 29. orask.; 26. kezäk.; 10, 24. heinäk.; 7. elok.; 4, 18. süvüsk.; 2, 16, 30. ligak.; 6, 13, 20, 27. külmük. Jatkuu. Alku vuonna 2002 n:ssa 30. orask.; 6, 12, 27. kezäk.; 4, 11, 18. heinük.; 8, 29. elok.; 12, 26. süvüsk.; 10, 24. ligak.; 7, 21. külmük.; 5, 19. talvik.
- Šorohov J. Kezän küünäl: runo / kiänd. A. Volkov // Oma Mua. — 2003. — 24. sulak.
- Tihlä H. Leningruadaspäi Karjalan piälinnah / kiänd. I. Savin // Oma Mua. — 2003. — 10, 24. sulak.
- Vanejev A. Lumi püöriü Pohjolas; ”Joga linnul oma mua on rakas...”: runuo / kiänd. A. Volkov // Oma Mua. — 2003. — 6. kevätk.

На вепсский язык

- Kalevala / känd. N. Zaiceva // Kodima. — 2003. — N:o 1 (viluk.), N:o 2 (uhok.), N:o 3 (kevät’k.); N:o 4 (sulak.); N:o 5 (semendk.); N:o 6 (kezak.); N:o 7/8 (heink.-elok.). — S. 8. Jatkund. Augotiž N:o 3–11, 2002 v.
- Rižov K. Karjala: runo / känd. N. Abramov // Kodima. — 2003. — N:o 10 (reduk.).
- Zoščenko M. Südäimen avaiduz: kerdomus / känd. N. Abramov // Kodima. — 2003. — N:o 5 (semendk.).

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

На финском языке

- Hiiri A. Elias Lönnrot lapsuusvuosina: runo // Kipinä. — 2003. — N:o 2. — S. 2–3.
- Kaskinen A.-M. Syksy: laulu / säv. I. Semakova // Kipinä. — 2003. — N:o 9. — S. 15.
- Kurki ja kuikka: satu // Kipinä. — 2003. — N:o 10. — S. 14.
- Martikainen H. Lumiukko: runo // Kipinä. — 2003. — N:o 3. — S. 3.
- Mišin A. Joulukuusi torilla: laulu / säv. B. Naprejev // Carelia. — 2003. — N:o 12. — S. 159.
- Rugojev J. Huhtikuun ihmeitä: runo // Kipinä. — 2003. — N:o 4. — S. 8.
- Stroganova J. Satu // Carelia. — 2003. — N:o 1. — S. 113–114.
- Tuisku M. Taru valkoliljasta // Kipinä. — 2003. — N:o 1. — S. 10–11. Jatkoa. Alku Kipinässä 12/2002.
- Tupu: kertomus // Kipinä. — 2003. — N:o 7/8. — S. 4–5.
- Vikström T. Kevättä uumoillen; Äidin apulaiset: runoja // Kipinä. — 2003. — N:o 3. — S. 2–3.

На карельском языке

- Antonova N. Häkkine; Vas'ka; Kottaraine; Tytti Katti; Uinotuspajoine; Keittäi; Piäsközet; Ken midä maltau?; Työnämmö pläšniä: runuo // Carelia. — 2003. — N:o 1. — S. 105–107.
- Est'oine: laulu / muuz. I. Semakova // Kipinä. — 2003. — N:o 7/8. — S. 3.
- Baranova T. ”Keskitalvie vuottamattah...”; Čodrei kudžoi; Jürü; Voimattomus; Tüttöine kukas: runuo // Oma Mua. — 2003. — 20. kevätk.
- Brendojev V. Linduižet talvel: laulu / muuz. I. Semakova // Kipinä. — 2003. — N:o 11. — S. 11.
- Dubinina Z. Juokse, jänöi!; Linduine da tüttöine; Hyvä tuhu: runuo // Kipinä. — 2003. — N:o 12. — S. 8–9.
- Reboi da hukku: (Suarnu) // Oma Mua. — 2003. — 18. süvüsk.
 - Mečän ižändü: suarnu // Oma Mua. — 2003. — 2. ligak.
- Jauhinkivi: (starina) // Vienan Karjala. — 2003. — 27. kevätk.
- Kukko ta kana: starina // Vienan Karjala. — 2003. — 9. pakkaisk.
- Kurki ta repo kuomakset: starina // Vienan Karjala. — 2003. — 23. pakkaisk.
- Kuusela O. Unet da leivän kannikko: kerdomus // Oma Mua. — 2003. — 13. tuhuk.

- Lukin P. Kiärmöisieni; Oma on čoma: runuo // Kipinä. — 2003. — N:o 9. — S. 3.
- Mišina O. Kondii; Jogi talvel; Mindäh kägöil eule peziä; Hämärikkö: runuo // Kipinä. — 2003. — N:o 2. — S. 16–17.
- Kudžoi; Sügüzün lehtet: runuo // Kipinä. — 2003. — N:o 11. — S. 2–3.
 - Kozan oza: runo // Karjalan Sanomat. — 2003. — 29. tammik. — S. 12.
 - Gribakezän musto: (Piessu lapsih niškoj) // Oma Mua. — 2003. — 25. süvüsk.
- Olešova L. Talvi: laulu // Kipinä. — 2003. — N:o 1. — S. 3.
- Saveljeva Z. Viizas abuniekku; Julgei kalastai: runuo // Oma Mua. — 2003. — 9. pakkask.
- Ščerbakova T. Neidine čomaine – vaiku jähine: sadu // Kipinä. — 2003. — N:o 1. — S. 14–15, 18.
- Armas kevät: laulu / T. Ščerbakova, L. Olešova; säv. L. Olešova // Kipinä. — 2003. — N:o 4. — S. 3.
 - Lehmän küünälet: kerdomus // Kipinä. — 2003. — N:o 5/6. — S. 18–19.
- Timonen Ar. Mimmoni on muajilma: Starina Muru-kissasta // Vienan Karjala. — 2003. — 23. sajek.; 13. pimiek.
- Tuttujeva L. Jänöit; Kissi; Kuuzet; Hukku: runuo; Talvi tuli: pajo / sävel. V. Karas'ova // Oma Mua. — 2003. — 20. tuhuk.
- Koivužet; Kevät tuli; Vihmu; Kevätpäiväine; Jälles vihmu; ”Vihmu muan kasto...”; Tikku; Šlöppi; Hanhi da kukki: runuo // Oma Mua. — 2003. — 1. orask.
- Usova A. Paras elostus: kerdomus // Kipinä. — 2003. — N:o 4. — S. 14–15.
- Vavarjikos: kerdomus // Kipinä. — 2003. — N:o 7/8. — S. 18–19.
- Veikki V. Koivu; ”Tuuli pilven kiškoj...”; Peitos; Hukku: runuo // Kipinä. — 2003. — N:o 10. — S. 2–3.
- Ken kažile silmät da hännän andoi: (Näütelmü) // Oma Mua. — 2003. — 14, 21, 28. elok.
- Väisänen R. Oravaine: kerdomus // Oma Mua. — 2003. — 27. kevätk.

На вепском языке

- Abramov N. Ondrein kužu: kerdomus // Kipinä. — 2003. — N:o 5/6. — S. 23; Kodima. — 2003. — N:o 1 (viluk.).
- Muru-kažin polhe: Runod lapsile // Oma Mua. — 2003. — 25. süvüsk.; 2. ligak.
- Saldat-paimen: (Vepsän rahvahaline sarn) // Kodima. — 2003. — N:o 1 (viluk.).
- Zaiceva N. Kuva lehtikos; Päskhaižen pajo: runod // Kodima. — 2003. — N:o 5 (semendk.).
- Zaiceva O. Penikaine sarnaine kažižen polhe // Kipinä. — 2003. — N:o 1. — S. 20.

На русском языке

Дункерс А.О. Сказки про музей / Худож. М. Юфа; Пер. на фин. яз. А. Мишин. — Петрозаводск: Verso, 2003. — 52 с.: ил.

Arv.: Umberg A. Kaksikielinen julkaisu lapsille: Satuja museosta-kirja tutustuttaa pieniä lukijoita kuvataiteeseen // *Karjalan Sanomat*. — 2003. — 10. jouluk. — S. 11.

ПЕРЕВОДЫ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

На финский язык

Antsygina Z. Muodonmuutos: kertomus / suom. S. Moltsa // *Kipinä*. — 2003. — N:o 2. — S. 10.

Firsov V. Oma pää parempi: satu // *Kipinä*. — 2003. — N:o 2. — S. 11–14.

• Jänis ja kaksi sutta: koomiksi // *Kipinä*. — 2003. — N:o 3. — S. 16–17.

Iso sisko ja pikku veli: satu // *Kipinä*. — 2003. — N:o 4. — S. 12–13; 20.

Klimova V. Talvinen kirja: kertomus / suom. L. Kolomainen // *Kipinä*. — 2003. — N:o 2. — S. 8–9.

Mamajeva I. Satu pienestä laivasta / suom. S. Moltsa // *Kipinä*. — 2003. — N:o 3. — S. 10–11, 14.

• Lomalla: kertomus / suom. S. Moltsa // *Kipinä*. — 2003. — N:o 7/8. — S. 10–11.

Mihailova T. Pilkku: kertomus / suom. L. Kolomainen // *Kipinä*. — 2003. — N:o 5/6. — S. 6–7.

• Sammakoprinsessa: kertomus / suom. A. Mašin // *Kipinä*. — 2003. — N:o 10. — S. 8–9.

Pozdnjakova J. Maša sairastui: kertomus / suom. S. Moltsa // *Kipinä*. — 2003. — N:o 11. — S. 6–7.

• Katja ja hänen uusi lenkinsä: kertomus / suom. L. Kolomainen // *Kipinä*. — 2003. — N:o 12. — S. 6–7.

Sokolov K. Äiti: runo / suom. T. Vikström // *Kipinä*. — 2003. — N:o 3. — S. 2.

Tšukovski K. Peseain: runo / suom. J. Virtanen // *Kipinä*. — 2003. — N:o 5/6. — S. 2–3, 22.

Ukkone A. Pekka ja kukko: kertomus / suom. S. Moltsa // *Kipinä*. — 2003. — N:o 4. — S. 6–7.

• Piraatti: kertomus / suom. S. Moltsa // *Kipinä*. — 2003. — N:o 9. — S. 6–7.

Varis kosjo tijaista: Virolaini starina // Kipinä. — 2003. — N:o 2. — S. 18–19.

Voronin A. Kolmipäinen Joulupukki: koomiksi / suom. A. Mašin // Kipinä. — 2003. — N:o 1. — S. 6-7, 19.

• Kauhuhu Äänisellä: koomiksi // Kipinä. — 2003. — N:o 5/6. — S. 16–17; N:o 7/8. — S. 20–21.

• Ketunpoika ja metsästäjät: koomiksi // Kipinä. — 2003. — N:o 10. — S. 12–13.

Žemoitelite J. Kiinalaiset eivät kuole: kertomus / suom. I. Hidman // Carelia. — 2003. — N:o 5. — S. 145–152.

На карельский язык

Bianki V. Lasiset skokunat; Hankiset: kertomuksie / kiänt. R. Remsujeva // Kipinä. — 2003. — N:o 3. — S. 20.

• Reboi da hiirine: kerdomus / kiänd. V. Veikki // Oma Mua. — 2003. — 9. ligak.

Haikara ta satakieli: (Starina) // Kipinä. — 2003. — N:o 11. — S. 16.

Hiiri-neičyt: (Starina) // Kipinä. — 2003. — N:o 9. — S. 12–13.

Härkä tervattu selkä: Starina // Vienan Karjala. — 2003. — 13. kevätk.

Kaunotar Nastoi: Karjalaine suarnu / kiänd. K. Aleksejeva // Oma Mua. — 2003. — 6, 13, 20. külmük.

Krilov I. Varoi da Reboi; Löpšöi da Häkki: runosuarnuo / kiänd. K. Aleksejeva // Oma Mua. — 2003. — 19. kezäk.

• Hiiri da Krisa; Martišku da očkat: runosuarnuo / kiänd. K. Aleksejeva // Oma Mua. — 2003. — 9. ligak.

Kui üksü briha kuningahale miöldü andoi: Karjalazien suarnu / kiänd. K. Aleksejeva // Oma Mua. — 2003. — 10. sulak.

Lammaš, reboi da hukku: (Suarnu) / kiänd. V. Veikki // Oma Mua. — 2003. — 27. külmük.

Lähtien rannal kezriäjät: (Karjalaine suarnu) / kiänd. K. Aleksejeva // Oma Mua. — 2003. — 23, 30. ligak.

Löpöi: (Suarnu) / kiänd. K. Aleksejeva // Oma Mua. — 2003. — 4. süvüsk.

Nosov N. Paikka: kertomus / kiänt. Ar. Timonen // Vienan Karjala. — 2003. — 12. kesäk.

Reboi da hukku: suarnu / kiänd. K. Aleksejeva // Oma Mua. — 2003. — 16. pakkask.

Reboi da tedri: Suarnu / kiänd. V. Veikki // Oma Mua. — 2003. — 4. talvik.

Reboi, jänöi da kukki: (Ven'an rahvahan suarnu) / kiänd. V. Veikki // Oma Mua. — 2003. — 11. süvüsk.

Summanen T. Kui Paula luadii taloin nuaglas: runo / kiänd. Z. Dubinina // Kipinä. — 2003. — N:o 5/6. — S. 8–9.

Tolstoi L. Kolme kondiedu: suarnu / kiänd. V. Veikki // Oma Mua. — 2003. — 16. ligak.

Tsuari Pedri ezmäine da seppü: Karjalaine suarnu / kiänd. K. Aleksejeva // Oma Mua. — 2003. — 1. orask.

Usinskii K. Pieni puroni ta meččä: kertomus / kiänt. V. Karakina // Kipinä. — 2003. — N:o 3. — S. 21.

На вепсский язык

Kalevala lapsile i norištole / känd. N. Zaiceva; kuv. A. Maksimov. — Petroskoi: Periodika, 2003. — 163 s.: kuv.

Arv.: Inina J. Kalevala avautuu vepsäläisille // Carelia. — 2003. — N:o 2. — S. 41–44; Tolstyh M. Lasten Kalevala ilmestynyt vepsän kielellä // Karjalan Sanomat. — 2003. — 16. huhtik. — S. 9; Mironova V. Ilmah piäzi vepsänkieline ”Kalevala” // Oma Mua. — 2003. — 17. sulak.; Remsujeva R. Vepsäläiset lapset luvetah Kalevalua // Vienan Karjala. — 2003. — 24. sulak.; Abramov N. ”Kalevalan” runod vepsän kelel // Kodima. — 2003. — N:o 4 (sulak.).

* *
*

Firsov V. Ičeiz kandmuz ougid ei veda: Sarn / känd. N. Abramov // Kodima. — 2003. — N:o 2 (uhok.).

Kalevala / känd. N. Zaiceva // Kipinä. — 2003. — N:o 2. — S. 4–5.

Kut jänis pakaiženke ridli: (Latvilaine sarn) / känd. M. Ginijatullina // Kipinä. — 2003. — N:o 12. — S. 14.

Lönnrot E. Kalevala: eepos / vepsäksi käänt. N. Zaitseva // Carelia. — 2003. — N:o 2. — S. 45–49.

Mišina O. Jänoi: runo / känd. N. Zaiceva // Kodima. — 2003. — N:o 2 (uhok.).

Osejeva V. Ezmäizehe vihmahasai: kerdomus / känd. N. Abramov // Kipinä. — 2003. — N:o 10. — S. 11.

• Muite baboi: kerdomus / känd. N. Abramov // Kipinä. — 2003. — N:o 11. — S. 15.

Pantelejev A. Varaidai: kerdomus / känd. N. Abramov // Kodima. — 2003. — N:o 9 (sügüz’k.).

Zoščenko M. Melekas obezjan: kerdomus / känd. N. Abramov // Kipinä. — 2003. — N:o 11. — S. 14; Kodima. — 2003. — N:o 6 (kezak.).

ЛИТЕРАТУРА ФИНЛЯНДИИ В ПЕРЕВОДЕ

На карельский язык

Hauki ta kiiski: (Suomelaini starina) / kiänt. V. Karakina // Kipinä. — 2003. — N:o 7/8. — S. 12.

Kivi A. Seiččie vellestü: romuanu / kiänd. Z. Dubinina // Oma Mua. — 2003. — 4. talvik.

Kurenniemi M. Kissa, mi luuli iččieh hiireksi: (starina) / valm. M. Remsujeva // Vienan Karjala. — 2003. — 28. elok.; 11, 25. syysk.; 9. sajek.

На вепский язык

Lardot R. Kargaidajad lindud: Hronika-kirjutez / känd. N. Abramov // Kodima. — 2003. — N:o 7/8 (heink.-elok.). — S. 8; N:o 11 (kül'mk.) . — S. 6.

КРИТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

На финском языке

Abramov N. Haikola, esi-isien kylä: [O. Stenanov] // Carelia. — 2003. — N:o 11. — S. 62–66.

Ahava T. Yliopistoni // Carelia. — 2003. — N:o 7. — S. 147–153.

Antonova N. Aunus valmistautuu Brendojev-festivaaliin // Karjalan Sanomat. — 2003. — 30. huhtik. — S. 10.

Arvid Järnefeltin ja L.N. Tolstoin kirjeenvaihto / Johdanto ja tekstien ja selitysten muokkaus E. Karhu / suom. P. Autio // Carelia. — 2003. — N:o 11. — S. 82–113.

Bogdanov J. Каупunki L. Onervan tuotannossa / suom. I. Hännikäinen // Carelia. — 2003. — N:o 6. — S. 138–152.

Brodski I. Itsetilitys // Carelia. — 2003. — N:o 1. — S. 39.

Eino Leino puhuttaa nyt venäjäksiin // Karjalan Sanomat. — 2003. — 9. tammik. — S. 12.

Fjodor Trofimov poissa // Karjalan Sanomat. — 2003. — 10. jouluk. — S. 3.

Gin I. Vanhaa Petroskoita kirjailija Viktor Solovjovin kuvaamana // Carelia. — 2003. — N:o 6. — S. 47–51.

Hiiri A. Legenda jo eläessä: [Jaakko Rugojevin 85-vuotispäiväksi] // Kipinä. — 2003. — N:o 4. — S. 8.

• Puheenvuoro runoilijattarille // Karjalan Sanomat. — 2003. — 19. maalisk. — S. 11.

Inina J. Risti, jota ilman elämä muuttuu ontoksi: [Helena Soini] // Carelia. — 2003. — N:o 4. — S. 138–139.

Karhu E. Karjalaiset, suomalaiset ja venäläiset kulttuurinaapureina 1800–1900-luvulla / suom. P. Autio // Carelia. — 2003. — N:o 7. — S. 56–84.

Kettunen V. Irma Stenbäckin puussa ei ole oravaa: [Stepanov on Karjalan Väinö Linna-artikkelista] // Karjalan Sanomat. — 2003. — 12. helmik. — S. 11.

Kiuru E. Runolijan muistolle: Summasen kuolemasta vierinyt 15 vuotta // Karjalan Sanomat. — 2003. — 12. helmik. — S. 12.

Kolomainen R. Unohduksesta pelastettu Inkeri-kirjallisuuden merkkiteos: [Toivo Pakkasen Inkeri-romaanista] // Carelia. — 2003. — N:o 2. — S. 138–143.

• Vuosi ilman Paavo [Voutilaista]: päivien ja muistojen kierto // Carelia. — 2003. — N:o 8. — S. 125–129.

• Elämän mittainen suurteko: [E. Karhusta] // Karjalan Sanomat. — 2003. — 26. marrask. — S. 8.

Konkka U. Hajanaisia mietteitä Karjalan kansallisen kirjallisuuden tilasta // Carelia. — 2003. — N:o 1. — S. 123–126.

Käbeleva A. Viimeinen työmatka: [Paavo Voutilaista] // Carelia. — 2003. — N:o 8. — S. 130–134.

Leontjev P. Jaakolla [Rugojevilla] oli monta rautaa tulossa // Carelia. — 2003. — N:o 4. — S. 37–45.

• Ilmari Kianto Vienassa // Carelia. — 2003. — N:o 12. — S. 77–85.

Litvina M. Shakespearen muotokuvien salaisuus selvitetty / suom. K. Lehmus // Carelia. — 2003. — N:o 8. — S. 112–120.

Lysenko S. Miksi linnut kuolevat: Paavo Voutilaisen murhaan syyllistyneet löydetty // Karjalan Sanomat. — 2003. — 2. huhtik. — S. 3.

Maija Pahomovan muistoksi // Carelia. — 2003. — N:o 8. — S. 159.

Masajev M. Sano sanasi // Carelia. — 2003. — N:o 1. — S. 121–122.

Mašin V. Kahden perheen kohtalo: [Vikströmit ja Mašinit] // Carelia. — 2003. — N:o 8. — S. 101–111.

Miekka M. Vanhan kansan nuori kirjallisuus: [Vepsäläinen kirjallisuus] // Carelia. — 2003. — N:o 1. — S. 49–51.

Miettinen H. Runojen Inkerikuva keisarinajalta Koiviston kutsuun // Carelia. — 2003. — N:o 9. — S. 71–76.

Mišin A. Karjalan omatunto: Jaakko Rugojevin 85-vuotispäiväksi // Carelia. — 2003. — N:o 4. — S. 80–93.

• Mušton langaine: [Nina Zaitseva] // Carelia. — 2003. — N:o 7. — S. 113.

• ”Waivaisia runoja”: [Kalervo Laukkanen] // Carelia. — 2003. — N:o 8. — S. 6–7.

- Meidän kaikkien ikkunoista näkyy vain kotimaa: [Muistelmia] / suom. J. Hidman // Carelia. — 2003. — N:o 9. — S. 46–67.
- “Punainen viiva” venäjän kielellä: [Ilmari Kianto] // Carelia. — 2003. — N:o 12. — S. 73–77.
- Aleksandr Volkov 75-vuotias // Carelia. — 2003. — N:o 12. — S. 86–88.
- Jaakko Rugojev Karjalan omatunto // Karjalan Sanomat. — 2003. — 16. huhtik. — S. 11.
- Kirjailijat ase kädessä // Karjalan Sanomat. — 2003. — 7. toukok. — S. 11.
- Petroskoi runoilijoiden tuotannossa // Karjalan Sanomat. — 2003. — 18. kesäk. — S. 11.
- Lavealle ulapalle kutsuu Kuitin tuuli: [J. Rugojevin 85-vuotispäiväksi] // Karjalan Sanomat. — 2003. — 2. heinäk. — S. 15.
- Kotoisilla kulmilla: [P. Leontjev] // Karjalan Sanomat. — 2003. — 23. heinäk. — S. 11.
- Hän palveli synnyinmaata: [I. Simanenkov] // Karjalan Sanomat. — 2003. — 23. heinäk. — S. 11.
- Kesää henkivää runoutta // Karjalan Sanomat. — 2003. — 20. elok. — S. 11.
- Valo ja varjo: [A. Avdyshev] // Karjalan Sanomat. — 2003. — 17. syysk. — S. 11.
- Häväisty usko: [R. Rusko] // Karjalan Sanomat. — 2003. — 17. syysk. — S. 11.
- A ku uskozit omah kieleh: [Karjalankielisistä kirjoista 2003] // Karjalan Sanomat. — 2003. — 17. jouluk. — S. 11.
- Nesterova N. Kotikunnan tarina jatkuu...: [O. Stepanov] / N. Nesterova; J. Stafejeva // Karjalan Sanomat. — 2003. — 16. heinäk. — S. 15.
- Nesvitski M. Vuoden 2002 kirjaa ei valittu // Karjalan Sanomat. — 2003. — 30. huhtik. — S. 10.
- Olga Mišina // Karjalan Sanomat. — 2003. — 29. tammik. — S. 12.
- Raija-Liisa Pöllä // Karjalan Sanomat. — 2003. — 29. tammik. — S. 12.
- Rogoštšenkov I. Kriitikistä ja muustakin // Carelia. — 2003. — N:o 10. — S. 97–100.
- Rouhe Y. Paavon [Voutilaisen] runosuoni sykki ikimetsien puolesta // Carelia. — 2003. — N:o 9. — S. 157–158.
- Rugojeva N. Voisiko muisto ruohottua?: [85 vuotta Jaakko Rugojevin syntymästä] // Carelia. — 2003. — N:o 4. — S. 15–20.
- Runoilija Roždestvenskille nimikkokatu Petroskoihin / MN // Karjalan Sanomat. — 2003. — 5. helmik. — S. 3.
- Saveljev V. Gascoignen jälki Puškinin tuotannossa // Karjalan Sanomat. — 2003. — 20. elok. — S. 14.
- Soini H. Tieteelle omistettu elämä: [Eino Karhu] // Carelia. — 2003. — N:o 11. — S. 114–116.

Šmeljov V. Palomiehiet kilpailevat myös laulutaidossa: [O. Mošnikov] // Karjalan Sanomat. — 2003. — 16. heinäk. — S. 5.

Tolstyh M. Kodima kertonut vepsäläisistä jo kymmenen vuotta // Karjalan Sanomat. — 2003. — 16. huhtik. — S. 9.

Umberg A. Kulttuurikeskus suunnitteilla Karjalaan: Taiteilijat tuntevat muita enemmän luovien suhteiden tarpeen // Karjalan Sanomat. — 2003. — 9. tammik. — S. 12.

• Sota teini-ikäisen silmin: Ruotsalainen Bengt Pohjasen novelli julkaistu venäjäksi // Karjalan Sanomat. — 2003. — 12. helmik. — S. 12.

• Jaakko Rugojevälle muistolaatta Petroskoihin // Karjalan Sanomat. — 2003. — 23. huhtik. — S. 1.

Usova A. [Paavo Lukin] // Kipinä. — 2003. — N:o 9. — S. 2.

Vasiljev A. Pidin kohtaloa kämmenellä...: [Jelena Mihailova] // Carelia. — 2003. — N:o 11. — S. 138.

Vienanmeren rannikko saa runoilemaan: [L. Kirjušinan Valkea yö-kirjasta] // Karjalan Sanomat. — 2003. — 12. helmik. — S. 5.

Vlasova L. Kun into ja kokemus löytävät toisensa: [Kansallisista sanomalehtistä] // Carelia. — 2003. — N:o 4. — S. 145–150.

• Mikään karjalainen ei ole meille vierasta: [Oma Mua-lehden toiminnasta] // Karjalan Sanomat. — 2003. — 5. helmik. — S. 9.

Wilenius H. Venäläisen nykykirjallisuuden kurssi Petroskoissa // Carelia. — 2003. — N:o 10. — S. 101–102.

Žemoitelite J. Musta huumori venäläisessä kirjallisuudessa // Carelia. — 2003. — N:o 11. — S. 117–121.

* *
*

Dunkers A. Suuri uurastaja: [Mjud Metšev] / suom. A. Mašin // Kipinä. — 2003. — N:o 2. — S. 6–7.

Fomin N. Kalevala-aihe inspiroi nuorta taiteilijaa: [Aleksi Maksimov] // Carelia. — 2003. — N:o 11. — S. 73–81.

Grigorjev A. Kalevala ja nykyaika // Karjalan Sanomat. — 2003. — 12. maalisk. — S. 2.

Kalevalaa ja karjalaisuutta: Kuivajärven proasnikassa / MN // Karjalan Sanomat. — 2003. — 13. elok. — S. 11.

Kettunen V. Kalevala vienankarjalaksi ei enää onnistu // Karjalan Sanomat. — 2003. — 25. kesäk. — S. 6.

Kiuru E. Venäjännös käsiteltiin Moskovassa: [Kalevala (Petroskoi, 2002)] // Karjalan Sanomat. — 2003. — 12. maalisk. — S. 12.

Kolomainen R. Kalevala nykyaikaisen ihmisen silmin // Carelia. — 2003. — N:o 2. — S. 3–5.

- Kalevalan naishahmot // Carelia. — 2003. — N:o 3. — S. 3–5.

- Kalevala-tietouden lipas: [E. Kiurun ja A. Mišinin ”Kalevalan perinnelähteet”-kirjasta. Petroskoi, 2001] // Carelia. — 2003. — N:o 4. — S. 94–96.

Mišin A. Kalevala ja Karjalan runous // Karjalan Sanomat. — 2003. — 26. helmik. — S. 12.

Nesvitski M. Väinämöisen kannel laulattaa yhä: Kalevalan vuoden 1862 lyhennelmä julkaistu ensimmäisen kerran venäjäksi: [Kalevala (Petroskoi, 2002)] // Karjalan Sanomat. — 2003. — 15. tammik. — S. 12.

- Ura uusi urkenevi laajemmille laulajoille: XXI vuosisadan Kalevala on erotiikkaa, hiphopia ja pioneereja, mutta myös mystiikkaa, kurkkulaulua ja loitsuja // Karjalan Sanomat. — 2003. — 5. maalisk. — S. 12.

- Sarjakuva-Kalevala venäjäksi // Karjalan Sanomat. — 2003. — 10. syysk. — S. 9.

- Runonlaulu kaikuu vuosien takaa: Pikku-Muarien levy julkaistiin äänitesarjassa Vienan kansan laulajia // Karjalan Sanomat. — 2003. — 10. jouluk. — S. 10.

Prušinskaja N. Kalevala Valko-Venäjällä // Carelia. — 2003. — N:o 2. — S. 50–54.

Remsujeva R. Kalevalasta, sen taustasta ja karjalan kielen tilasta // Karjalan Sanomat. — 2003. — 23. heinäk. — S. 12.

- Raamattua on parasta lukea omalla kielellä // Karjalan Sanomat. — 2003. — 19. marrask. — S. 7.

Toivonen R. Lönnrotin mänty muistelle // Karjalan Sanomat. — 2003. — 26. helmik. — S. 11.

Tolstyh M. Kalevala-eepos on kaikkien huulilla yli kuukauden ajan // Karjalan Sanomat. — 2003. — 5. maalisk. — S. 3.

Umberg A. Sokeille ihmiselle oma Kalevala // Karjalan Sanomat. — 2003. — 9. huhtik. — S. 10.

Vlasova L. Kalevala kiinnostaa museovieraita // Karjalan Sanomat. — 2003. — 26. helmik. — S. 11.

На карельском языке

Antonova N. Onoin Ol'an kallehet unet täütüttih vuozipäivännü: [Ol'ga Mišina] // Oma Mua. — 2003. — 23. pakkask.

- Uuzi Sana on tulos meile, livvinkarjalaizile // Oma Mua. — 2003. — 3. sulak.

Čikina N. Lapsusaijan mustelemizet — kirjutusn’eron kuivamatoi kaivo: [Ol’ga Mišina] // Oma Mua. — 2003. — 23. pakkask.

• Hiän suatto sanuo karjalaisista: Juakko Rugojev täyttäis 85 vuotta 15. sulakuuta // Vienan Karjala. — 2003. — 10. sulak.

• Pitkiä ruadoigiä toivottajen: [Eino Karhu täyttää 80 vuotta] // Oma Mua. — 2003. — 27. külmük.

• Süväimes lähtijät runomielet: [Aleksandr Volkov täyttää 75 vuotta] // Oma Mua. — 2003. — 25. talvik.

• Karhun käsiala // Vienan Karjala. — 2003. — 27. pimiek.

Djakov A. Tovelline tullimies Deržavin // Oma Mua. — 2003. — 26. kezäk.

Dubinina Z. Mis algoi kirjutandu: [Biblii lapsile] // Oma Mua. — 2003. — 10, 17. sulak.; 10, 17. heinük.

Karjalan luonto kaččo kauhuissah runoilijan kuolomua: [Paavo Voutilainen] // Vienan Karjala. — 2003. — 10. sulak.

Kuoli tundiettu lit’eratuuran tutkiju: [Maija Pahomova] // Oma Mua. — 2003. — 17. heinäk.

Melentjeva O. Kostamus muistau Juakkuo: [Rugojev] // Vienan Karjala. — 2003. — 24. sulak.

• Juakko Rugojev — Karjalan rahvahan iäni // Vienan Karjala. — 2003. — 12. kesäk.

Mišin A. Valo ja varjo: A. Avdiševin muissolla // Vienan Karjala. — 2003. — 25. syysk.

• Eino Karhun kritiikki innostau karjalaisie kirjailijie // Vienan Karjala. — 2003. — 11. talvik.

Remsujeva M. Pilvien veikko Unholasta: [Bengt Pohjosen ”Pilvien veikko”-kirjasta] // Vienan Karjala. — 2003. — 13. tuiskuk.

• Uusi Sana livvin kielellä // Vienan Karjala. — 2003. — 22. orask.

Remsujeva R. Parempi lukie Piiplijua omalla kielellä // Vienan Karjala. — 2003. — 13. pimiek.

Sokolova O. Viena Pekka Pertun sielun silmin: [Vesiperän pakinoita-kirjasta] // Vienan Karjala. — 2003. — 14. elok.

Šallun A. Vladimir Brendojev – anuksenmualazien kebjendäi // Oma Mua. — 2003. — 11. süvüsk.

Timonen Ar. Monija vuosija, Kodima!: [Kodima-lehti juhli 10-vuotispäivyäh] // Vienan Karjala. — 2003. — 22. orask.

Viglijeva M. “Nügöi runot on toven pättävät...”: [Jelena Pietiläinen] // Oma Mua. — 2003. — 10. sulak.

• Kezäl järves da talvel hangel löödüü hänele runolangua: Tänäpäi liügiläine runoilii da kiändäi Aleksandr Volkov täüttäü 75 vuotta // Oma Mua. — 2003. — 25. talvik.

Volkov A. ”Liivin virret” — liivin kielel // Oma Mua. — 2003. — 14. elok.

* *
*

Kalevala koomiksissa // Vienan Karjala. — 2003. — 26. kesäk.

Koski P. Runonlaulajien kylä elvytetäh // Vienan Karjala. — 2003. — 11. syysk.

Mironova V. Kalevalan uuzi kiännös // Oma Mua. — 2003. — 23. pakkask.

• Pühälasku: talvi lopeh – kevät algavuu // Oma Mua. — 2003. — 6. kevätk.

• Kuspäi päiväine nouzou, siepäi kezäine tulou // Oma Mua. — 2003. — 5. kezäk.

Mišin A. Ruatuo riittäy moneksi vuoksisuaksi: [Kalevalan venäjännöksestä] / Pak. Ar. Timonen // Vienan Karjala. — 2003. — 27. tuiskuk.

Pol’akova S. “Kalevalan” taidehmuulari — Osmo Borodkin // Oma Mua. — 2003. — 17. heinäk.

Remsujeva R. Petroskoin Leijonat-klupi juhli Kalevalua musiikilla // Vienan Karjala. — 2003. — 13. kevätk.

• Lönnrotin lyhennetty Kalevala on venäjännetty: [Kalevala (Petroskoi, 2002)] // Vienan Karjala. — 2003. — 27. kevätk.

Toivonen R. Lönnrotin mänty muistelou // Vienan Karjala. — 2003. — 27. tuiskuk.

Vasiljeva A. Hembieh helizis kandleh Kalevalas: [V. Pällinen] // Oma Mua. — 2003. — 20. kevätk.

Vlasova L. Kalevattaren arvotus // Vienan Karjala. — 2003. — 27. tuiskuk.

На вепском языке

Mullonen M. Lehtez om kaznu i melištunu: [Kodima-lehtesele – 10 vot] // Kodima. — 2003. — N:o 3 (kevüz’k.).

Zaiceva N. Olga Mišina kirjutab lapsiden täht // Kodima. — 2003. — N:o 2 (uhok.).

• Miše ühtenzoitta rahvast: Kodima-lehtesele — 10 vot // Kodima. — 2003. — N:o 3 (kevüz’k.).

• Biblii ičeze kelel om lähemb südäimele // Kodima. — 2003. — N:o 11 (kül’mk.). — S. 1, 6.

На русском языке

Абрамов Н. Не профессия, а – образ жизни: [К юбилею вепсской газеты «Кодима»] // Kodima. — 2003. — N:o 3 (keväs'k.).

Антонова Н. У газеты [Kodima] есть свое лицо // Kodima. — 2003. — N:o 3 (keväs'k.).

Живи, родная «Кодима»!: [К юбилею вепсской газеты] // Kodima. — 2003. — N:o 3 (keväs'k.).

Зайцева Н. Глаголом жечь сердца людей / Беседу вела Л. Власова // Kodima. — 2003. — N:o 1 (viluk.).

Мошников О. И мое слово пришлось ко двору...: [К юбилею вепсской газеты «Кодима»] // Kodima. — 2003. — N:o 3 (keväs'k.).

Неелов Ю. В каждом номере — частица души: [К юбилею вепсской газеты «Кодима»] // Kodima. — 2003. — N:o 3 (keväs'k.).

Сидоркин В. Здесь родины моей начало: [О фестивале карельской поэзии памяти В. Брендоева] // Kodima. — 2003. — N:o 9 (sügüz'k.).

Тольский В. Писать коротко, но ярко!: [К юбилею вепсской газеты «Кодима»] // Kodima. — 2003. — N:o 3 (keväs'k.).

Шорохов Е. Услышать родное слово: [К юбилею вепсской газеты «Кодима»] // Kodima. — 2003. — N:o 3 (keväs'k.).

* *
*

Степанова А. С. Карельские плачи: Специфика жанра: (Избр. ст.). — Петрозаводск: Периодика, 2003. — 215 с.

Arv.: Umberg A. Itkuvirsien poetiikkaa: Stepanova on kerännyt tutkielmansa yksiin kansiin // Karjalan Sanomat. — 2003. — 2. huhtik. — S. 10; Mironova V. Itkuvirzilöin erinomainen da kaunis maailmu // Oma Mua. — 2003. — 13. tuhuk.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ
ACADEMIC LIFE

АНТТИ ЛАЙНЕ — 70 ЛЕТ
JUBILEE OF ANTTI LAINE

9 сентября 2019 года доктору философии Антти Лайне исполнилось 70 лет.

На протяжении многих лет исследовательский и преподавательский путь Антти Лайне был связан с Университетом Йюэнсуу (ныне Университет Восточной Финляндии) и действующим в составе университета Карельским исследовательским институтом.

Первое крупное историческое исследование Лайне, докторская диссертация «Два лица Великой Финляндии»¹, опубликованная в 1982 г. стала серьезным научным и общественным событием. Автор впервые на высоком научном уровне затронул далеко не самую светлую страницу отношений соседних стран — период финской оккупации советской Карелии в 1941–1944 годах.

¹ *Laine A.* Suur-Suomen kahdet kasvot: Itä-Karjalan siviiliväestön asema suomalaisessa miehityshallinnossa 1941–1944. Helsinki, 1982.

Эта монография не утратила своей научной актуальности и по-прежнему служит источником достоверной информации для исследователей.

На протяжении нескольких десятилетий в сфере научных интересов Антти Лайне также находится история Российского Северо-Запада в XX в., проблемы национального развития финно-угорских народов, военная история.

Впервые Лайне приехал в Петрозаводск в начале 1970-х годов в составе студенческой группы. В дальнейшем его поездки в Карелию на протяжении нескольких десятилетий и активные контакты с карельскими коллегами стали значимой составной частью научной и образовательной жизни по обе стороны границы.

Начиная с 1990-х гг., во многом благодаря его активности и энтузиазму стали стремительно развиваться связи карельских и финских историков. В совместных исследовательских проектах формировался совершенно новый стиль сотрудничества, одним из наиболее значимых черт которого стало вовлечение в масштабные проекты молодых ученых. Для многих из них, как в Финляндии, так и в Карелии опыт работы с Антти Лайне стал хорошим фундаментом дальнейшей научной карьеры.

Результаты масштабных международных проектов, осуществленных под руководством Антти Лайне, таких как «Национальная государственность на северо-западе России (Карелия и Коми) в 1917–1940 годах»², «Двуглавый орел и красная звезда: преемственность и разрыв в государственном строительстве СССР, 1918–1953»³ нашли отражение в многочисленных публикациях на разных языках. Эти работы неизменно привлекают внимание не только специалистов, но и широкой читательской публики.

В 2009 году решением Ученого Совета Петрозаводского государственного университета Антти Лайне была присуждена ученая степень почетного доктора ПетрГУ.

И. М. Соломеш

² См., например: Kansallisuus ja valtio: Karjala ja Komi nuoren Neuvostoliiton tasavaltoina 1920- ja 1930-luvuilla / Toim. A. Laine. Joensuu, 1995.

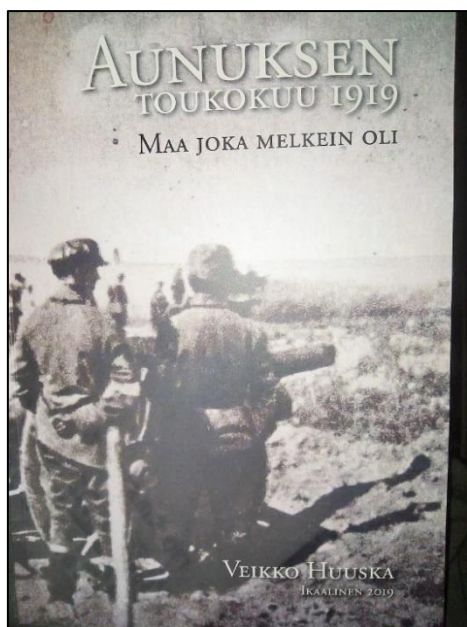
³ См., например: Rise and Fall of Soviet Karelia: People and power / Ed. by A. Laine and M. Ylikangas. Helsinki, 2002.

ПРЕДСТАВЛЯЕМ НОВУЮ КНИГУ: Huuska V. Aunuksen toukokuu 1919:

Maa joka melkein oli. Ikaalinen: s. N., 2019. 428 s.

NEW BOOK: Veikko Huuska, *Aunuksen toukokuu 1919. Maa joka melkein oli*

(Ikaalinen: s. n., 2019), 428 s.

За последние годы вышло немало публикаций самого разного рода, посвященных Гражданской войне 1918 г. в Финляндии, а также событиям Гражданской войны 1918–1922 гг. на Северо-Западе России, в том числе в Карелии. Этот пласт совместной истории Финляндии и России неизменно вызывает интерес как профессиональных историков, так и историков-любителей по обе стороны российско-финляндской границы. Не удивительно, что всплеск публикаторской активности наиболее заметен в связи с юбилейными датами. Историки находят новые документы, или же по-новому формулируют исследовательские задачи, что позволяет им предложить на суд коллег новые гипотезы и трактовки.

Последнее время особый интерес представляют публикации, вышедшие из-под пера непрофессиональных историков. Нередко именно они обращают внимание на детали и обстоятельства, не обязательно попадающие в поле зрения сложившегося историографического нарратива.

Примером такого рода стала книга, вышедшая из-под пера Вейкко Хууски (*Veikko Huuska*), жителя финского города Икаалинен. Уже много лет он активно занимается историей, ведет интересный [блог](#), посвященный актуальной общественно-политической проблематике.

Жанр этой книги, озаглавленной «Олонец в мае 1919 г. Страна, которая почти была», определить непросто. Это скорее исследование-хрестоматия, адресованная заинтересованному читателю.

Драматические события, разворачивавшиеся в Олонецкой Карелии весной — летом 1919 г., далеко выходили за рамки локальной истории. Вторжение финских добровольцев чуть было не привело к взятию Петрозаводска. Всё это стало частью реализации идеи «племенного родства» финнов и карелов, которая, в свою очередь, была ключевым элементом политического карелианизма и идей Великой Финляндии.

Автор собрал под одну обложку обширный и разножанровый материал, помогающий взглянуть на историю так называемого Олонецкого похода финских добровольцев сквозь призму судеб его участников, в том числе земляков автора. Прежде всего, интерес представляют тщательно подобранные многочисленные выдержки из газет, воспоминаний и т.д., снабженные обстоятельными пояснениями и ссылками на интернет-ресурсы. Для современного читателя, в том числе для школьников и студентов, это может стать отличным подспорьем в изучении локальной истории.

Книга легко и с интересом читается, несмотря на сложную, иногда кажущуюся сбивчивой структуру. Она, бесспорно, найдёт своего заинтересованного читателя, особенно если будет доступна в электронном виде.

И. М. Соломещ

ЕСТЬ МНОГО РАЗНЫХ КАРЕЛИЙ — ON MONTA ERI KARJALAA — THERE ARE MANY DIFFERENT KARELIAS

The project *There are many different Karelias* has established a new framework to facilitate, coordinate, and strengthen collaboration of scholars to develop and promote knowledge of the shared, complex history of Finland and Russia and to make that knowledge widely accessible. Rather than a single research project, *There are many different Karelias* acts as an umbrella to unite different projects, individual researchers, events, activities, and publications that have shared and complementary goals. The umbrella project was initiated in 2018 with an aim of popularising historical knowledge about central topics in the common history of these nations. In order to accomplish this, the project provides a framework in which to effectively organise the activities of Russian and Finnish experts studying and teaching the history and culture of Finland in Russia and vice versa.

Although the people of Russia and Finland have been neighbours for centuries, they do not know each other very well. For many Finns, the concept of “Karelia” is primarily associated with the territories lost in 1944, whereas for Russians it is only the present Republic of Karelia. Few people realise that there have been many different Karelias at different points in history and that Karelians have lived on both sides of the shifting border, separated geographically, linguistically, religiously and culturally, and yet have maintained close ties with each other for centuries. This umbrella project is important for overcoming outdated stereotypes and developing positive perceptions of people in the neighbouring country. Popularisation of historical knowledge is crucial for creating mutual understanding by getting to know one another.

There are many different Karelias was established on the initiative of the Petrozavodsk State University (PetrSU) and the Interdisciplinary Research and Educational Centre for Baltic and Finnish Studies “FENNICA”. PetrSU is working closely with the Institute of Linguistics, Literature, and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, the Interdisciplinary Research and Educational Centre for Northern European Studies “NORDICA” (Petrozavodsk), and the Karelian Culture Society (Karjalan Sivistysseura, Helsinki).

Many Karelias

Karelia is a territory situated on both sides of the current Finnish–Russian border. It extends from the Gulf of Finland to the White Sea, caught for centuries between the two powerful neighbouring countries, Sweden and Russia, beginning already from the Middle Ages. The border between them shifted several times. Finland remained the eastern part of Sweden until the 19th century, when it was ceded to Russia and became an autonomous Grand Duchy.

Shortly thereafter, White Sea Karelia or Viena Karelia became a site of inspiration for Finland’s political, intellectual, and artistic elite. Reimagining White Sea Karelia as the mythical cradle of Finnish culture played a central role in the awakening

of the Finnish national movement and the construction of Finnishness. Ideas connecting national identity with language, culture, and ethnicity became a rallying point for independence, and, around the turn of the 20th century, it also led to a dream of joining the kindred peoples on both sides of the border under a single state.

The beginning of the 20th century was a time of great upheaval with huge impacts on the people along the Finnish-Russian border. Revolutions and civil wars in both countries, as well as the so-called Wars of Kindred Peoples (*Heimosodat*) with its dream of Greater Finland and the Soviet Great Terror not only affected the borders and power relations between two neighbouring countries: they also affected hundreds of thousands of people through the thousands who were killed, displaced, or lost their freedom, resulting in countless broken families and shattered lives.

The Great Terror was followed by the Second World War. Finland was pulled into the German military expeditions and advanced into Karelia, occupying large territories that included Petrozavodsk. Under the Moscow Armistice of 1944, the Finnish–Russian border was redrawn for the last time, and Finland had to cede large areas of Finnish Karelia to the Soviet Union. Almost the entire native population was evacuated causing some 430,000 people to be resettled in other parts of Finland.

The relationship between Russia and Finland has been stable since 1948, first with the establishment of the Treaty of Friendship, Cooperation and Mutual Assistance, and under a new treaty of 1992 for the post-Soviet era. The Treaty of 1948 underlined Finland's neutrality and enabled large-scale cooperation in economics, industry, science, and art. The collapse of the USSR severely affected the economies of both countries, resulting in economic crises, and it also began a new wave of immigration into Finland, mostly of Ingrian and Finnish repatriates.

Major turns of events across the past 100 years continue to impact people in both countries, which creates the importance of those events in people's lives today and makes them topics of tremendous interest. They are surrounded by discussion because of their significance to identities and understanding personal, family, ethnic, and national pasts. These discussions shape perceptions, preconceptions, and various understandings of the historical events and their consequences. People involved in these discussions end up with different places and things in focus that they call 'Karelia' or 'Karelian'.

Aims and activities of the project

There are many different Karelias is aimed at the dissemination of contemporary scholarly knowledge of Russia's and Finland's common history. The long-term project's framework supports public scholarly lectures for wider audiences in both Russia and Finland, translations of relevant research and historical literature between national languages, the organisation of Russian-Finnish seminars, and popularising historical knowledge in the media, including on-line. It encourages the involvement of young researchers from both countries in joint academic research on key issues of our common history.

The project follows current topics in the media related to the history of Finland and Russia in order to be able to respond immediately with expert perspectives from scholarship in both languages. Recent topics like these include, for example, the role of Red Finns in the Soviet Union in the 1930s; attempts of the Russian Military Historical Society to rewrite the history of Sandarmokh; the history of Ingrians as refugees and as targets of the Great Terror; Internment and transfer camps in Soviet Karelia occupied by the Finnish military in 1941–1944, and so on.

Popular scholarly lectures in Russia and Finland

A significant part of the project's strategy is to organise popular scholarly lectures that bring specialists across the Finnish-Russian border as well as arranging joint seminars and public discussions. These will be held both in the capital cities of Helsinki and Petrozavodsk but also in other places in order to increase accessibility to wider audiences and foster interest in diverse communities. Some lectures may be organised 'on the move' so that participants can simultaneously visit interesting and relevant historical sites.

Potential topics for lectures and seminars include:

- Red Finns in East Karelia from 1918 to 1922 (Studia Generalia, Helsinki 2019)
- The border between Russia and Finland (Studia Generalia, Helsinki 2019)
- Edvard Gylling as head of Soviet Karelia in the 1920s and 1930s (Studia Generalia, Helsinki 2019)
- Refugees escaping Russia from 1917 to 1944 in history writing (Studia Generalia, Helsinki 2019)
- Migration in the late 19th and early 20th century
- Civil Wars in Finland (1918) and Russia (1917–1922)
- Politics and Terror in Stalinist Russia (1920–1939) targeting Finns in Soviet Karelia
- The Kronstadt Rebellion in 1921
- Anniversaries of the Continuation War and Great Patriotic War

Translating and publishing historical literature

There are many different Karelias also promotes the sharing and popularisation of knowledge across the border by organising and coordinating translations of relevant research and historical literature as well as the development of publications oriented to different audiences. Organised within this framework, translation and publishing activities are already well underway in the ongoing project *Karelia in the notes of travellers and researchers* of the Karelian Culture Society and the Institute of Linguistics, Literature and History of Karelian Research Centre of Russian Academy of Sciences. This work includes:

- I. K. Inha, *In the Songlands of the Kalevala* (translated from Finnish into Russian, published in 2019)

- Ivan Olenev, *Karelia and its Future in Connection with the Building of the Murmansk Railway* (translated from Russian into Finnish, published in 2019)

- A. V. Ervasti, *Travelling in Russia in the Summer of 1879* (translated from Finnish into Russian, ongoing)

- Mihail Krukovsky, *Travelling in Olonets Karelia in the 1890s* (translated from Russian into Finnish, planned)

Collaborators of the project are also preparing scholarly works for popular and academic audiences, as well as corresponding translations, such as:

- A collection of articles by Associate Professor Irina Takala, primarily on the impact of Stalin's repression of North American immigrants and Finns who moved to Soviet Karelia in the 1930s

- Pekka Vaara, *White Sea Karelia 1918: When the World War Came to Karelia* (translated from Finnish into Russian, ongoing)

Russian-Finnish seminars for historians

Russian-Finnish seminars for historians are intended to be an ongoing part of the project, with specific venues for these already under consideration for 2020 and 2021. The primary forum for the seminars is the annual Finnish-Russian Cultural Forum. These joint seminars used to be held there and the project is seeking a collaboration with the Finland-Russia Society in order to re-establish them, hopefully already in 2020, when the forum will be held in Lahti, Finland.

Another possible venue for such history seminars in 2020 is the Finnish Institute in St. Petersburg. The project may carry the discussions at such seminars forward into publication, as might be done for the colloquium organised for young researchers in Moscow in October of 2019.

Research projects

As an umbrella project, *There are many different Karelias* supports and coordinates research and disseminates results of relevant projects, some of which are already ongoing or in planning:

- *Self-organisation of the White Sea Karelians from the end of the 19th century to the beginning of the 20th century* (Institute of Linguistics, Literature and History of Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, ongoing)

- *Karelian refugees in photos and archival sources* (Republic of Karelia, National Archive, ongoing)

- *American and Canadian Finns and the Development of the Forest Sector of Russian Karelia in the 1930s* (ongoing)

- *Mobility in the Borderlands* (under planning)

In order to encourage young scholars to study the common history of Finland and Russia, the project invites potential candidates to present papers at events organised by the project, discussing topics that already include, for example:

- Soviet Karelian identity
- Material culture in the Soviet Union
- The fight for the Russian Empire: Finland and White Russian combat organizations from 1918–1939
- The Karelian Labour Commune and how the journal *Red Karelia* emerged
- Printed Soviet propaganda in Russian Karelia between 1918–1922
- Deportations and the forced exile of Ingrian Finns in the Soviet Union during the 1930s and 1940s using private letters and oral histories

Popularising a shared history

The goal of increasing historical awareness and popularising a shared history on both sides of the border can be achieved through a number of strategies that may include:

- Organising public seminars and lectures, research seminars, and also streaming presentations and lectures
- Publishing translated literature, brochures, and leaflets
- Using web pages and on-line newsletters of the project partners
- Publishing in Russian and English in the *Nordic and Baltic Studies Review* of PetrSU
- Creating a project page on Facebook
- Presenting at annual meetings such as the *Heimopäivät* or the festival of the Karelian Culture Society (Helsinki, April)
- Presenting at various symposia such as the biennial *Tie Vienaan — The Path to the White Sea Karelia* (Kuusamo, Finland, 2020)

Project Sustainability

The project makes use of materials (documents, textbooks, writings and articles, manuals, maps, and statistical and research reports) available in the National Archives of both Finland and the Republic of Karelia, in the National Museum and the National Library of the Republic of Karelia, and in the archives of the Karelian Culture Society and the Finnish Literature Society. Materials gathered and developed during the course of the project will be made available on websites of the project partners and through electronic publications, while some of the materials published during the course of the project will be made available for purchase.

Towards a model for stable future cooperation

Close collaboration of the project's partners will foster the development of a model for stable future cooperation that will be sustainable and promote publicising

and popularising historical knowledge on both sides of the border so that these activities continue long into the future.

The umbrella project will join Finnish-Russian Cultural Forums to find new partners, which may be universities, research centres, archives, museums, libraries, non-governmental organizations, other communities, and so forth. Through its activities and collaborations, *There are many Karelias* will increase the level of knowledge about the shared history of Finland and Russia among a broader audience in both countries, shaping more informed perspectives about the history of each nation.

Eeva-Kaisa Linna
Pekka Vaara
Eila Stepanova

IN MEMORIAM

ПАМЯТИ ОСМО ЮССИЛЫ (14.3.1938–15.3.2019)

IN MEMORY OF OSMO JUSSILA (14.03.1938–15.03.2019)

Фото: <https://www.hs.fi/kulttuuri/kirja-arvostelu/art-2000002560988.html>

(Sirpa Rähkä HS)

Я познакомился с Осмо в начале 1970-х или, может быть, в конце 1960-х гг., когда он вёл небольшой кружок, слушателям которого излагал содержание подготавливаемой им по марксистской методологии истории Финляндии. В то время марксизм был чем-то абсолютно новым в интеллектуальных кругах, и я помню, что рождались совершенно необыкновенные идеи о том, какие обстоятельства оказывали влияние на развитие нашей страны. Эта книга так никогда и не была издана.

Вскоре со студенческим марксизмом в Финляндии произошло то, что произошло, свободная мысль больше не уместилась в рамках псевдоинтеллектуальной вакханалии, которая влекла за собой лидеров того поколения.

Осмо в то время уже был молодым доктором философии, который своей диссертацией о толковании финнами и русскими основных законов Финляндии вывел из себя Эйно Ютиккалу, мэтра нашей исторической науки. Ютиккала назвал Юссила новым апологетом царизма (*uustsaristiksi*), и тот весело согласился с этим прозвищем. Сам же спор о том, кто прав в своих оценках финляндской конституции, был для того времени скорее политической, нежели научной проблемой и остался неразрешённым. Помню, как однажды эту проблему попытались разрешить матчем в брумбол, который организовал Осмо. Но и это не помогло.

Основным же исследовательским полем Осмо Юссила была история финляндской автономии и его большая заслуга заключалась в развенчании тех анахронизмов, которые продолжали превалировать в национальных исторических проектах. Историю Финляндии зачастую было принято рассматривать сквозь так называемую *призму шестого декабря* (День независимости страны. — *Red.*). Потребности времени рождали и другие мифы, необходимость выявления и «разоблачения» которых действительно является одной из важнейших задач исторической науки. С особой энергией Осмо боролся против концепции так называемой финляндизации. Уже в своей рецензии 1960-х гг. на книгу Вильяма Васильевича Похлебкина о финляндско-российских отношениях он поставил это исследование в один ряд с трудами, не вызывавшими доверия, тогда как многие финские рецензенты продемонстрировали по отношению к работе Похлёбкина явное расположение.

К оценкам событий Зимней войны Осмо Юссила обратился только в начале 1980-х гг. Они во многих случаях подверглись совершенно невыносимым спекуляциям, однако, поскольку соблюдение пиетета по отношению к Советскому Союзу было в то время обязательной нормой поведения для лиц, стремившихся сделать профессиональную карьеру, честное обсуждение столь чувствительных тем было равносильно попытке разворошить муравейник.

Наградой за начатый откровенный разговор было, конечно же, обвинение в антисоветизме, к чему Осмо отнёсся спокойно и даже с удивлением, поскольку подобное определение не имело ничего общего с наукой. Задача историка — проведение исследований, их результаты выдержат испытание в том случае, если они должным образом обоснованы.

К тому времени Осмо уже был назначен на должность профессора, что серьёзно укрепляло его профессиональное положение. Но путь к правде оказался нелёгким. В те годы существовали свои важные мифы, и их развенчание многим не нравилось. Большинство авторов, выступивших в средствах массовой информации, осудили публикации Юссила. Неодобрение широко разлилось по страницам газет, включая крупнейшие вечерние таблоиды. Многие, несомненно, критиковали его по глупости, или исходя из своих конъюнктурных соображений, но большинство, скорее, просто по неосведомлённости — уж очень сильным был порождённый тем периодом пресс единомыслия.

К моим воспоминаниям того времени относится характеристика моего коллеги Лаури Хювямяки, сказавшего, что в Осмо Юссила — исследователе многие видели лишь кристалл для огранки, но теперь он засверкал как настоящий бриллиант. Исследовательской манере Осмо были присущи две отличительные черты. С одной стороны, он был мастером осмысления основных «длинных линий» исторического развития и чутким толкователем возможных смещений в их интерпретации. С другой, он являлся приверженцем тщательной работы с источниками.

Magnum opus Осмо Юссила является его исследование «Великое княжество Финляндское 1809–1917 гг.» (2004), почти сразу же переведённое на русский язык¹. За эту работу Юссила, считавшийся ранее наиболее антисоветски настроенным учёным Финляндии, получил российский орден «Дружбы». Он был вручён не за пропаганду.

Осмо Юссила, конечно же, опубликовал много других исследований. Ещё год назад у него на столе лежали две интересные незаконченные рукописи. Возможно, они когда-нибудь будут изданы.

Как человек Осмо был впечатляющей личностью. Он не преклонялся перед авторитетами, всегда стремился говорить по существу. Был непревзойдённым председателем, молоток которого не допускал пустых многочасовых обсуждений и решал все дела за десять минут. Свойственный Осмо сарказм, который порой казался просто убийственным, по сути своей не был злобным. Логика в стиле *argumentum ad hominem* была для него совершенно чужда. Резкие инвективы были направлены против аргументов, но не против людей.

Что касается меня, то даже простое общение в институтской кофейне с людьми, подобными Осмо, мне давало гораздо больше в понимании некоторых основных вещей, чем знания, полученные из книг или документов. Это было очень ценно — узнать из уст мудреца, что недостойно использовать плохие аргументы

¹ Юссила О. Великое княжество Финляндское: 1809–1917 / Пер. с фин. под ред. академика А. Ю. Румянцева. Хельсинки, 2009.

для хороших дел, и что даже самые отвратительные вещи могут быть обоснованы хорошими и красивыми словами.

Самой важной вещью остаётся всё-таки правда, игры с которой непозволительны. Правда — это не напыщенный герой, который взбирается на пьедестал, чтобы трубить в фанфары. Она скорее маленький и незаметный человечек, который однажды выбирается из-под завалов и рассказывает, как всё было — и хорошее, и плохое. Осмо время от времени приводил это образное сравнение, и он имел возможность убедиться в его справедливости. Его собственная роль — нести правду финскому народу, была крайне важна, она требовала огромных интеллектуальных усилий и моральных качеств, которыми обладают лишь немногие.

Пусть земля будет тебе пухом, Осмо. И огромное от меня спасибо.

Тимо Вихавайнен

Пер. с фин. А. В. Суни